СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

# Пенские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4
2024

# Тульские зори

**ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД**
**ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ**

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ**
**2024 — 4(75)**

**СОДЕРЖАНИЕ**

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА
Утопия и антиутопия — одного поля ягоды... К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина (1884—1937)..... 3
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ
Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 19
Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантасмагория..... 40
Виталий Ковалев. Купейные разговоры..... 57
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Вячеслав Михайлов. Ускользнувший..... 81
Инна Важдаева. Тулуп жадности..... 97
Евгений Мирмович. Олимпийская медаль..... 103
Михаил Смирнов. Журавушки..... 117
Николай Макаров. Сорок лет и три года спустя... ..... 124
Валерий Аршанский. Вассал..... 131
Валерий Румянцев. Два дня из жизни Чичикова..... 149
Алексей Яшин. Новеллы из цикла «Жизнь как сон»..... 159
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Яков Шафран. Испытаний пора..... 185
Ольга Белова-Далина. На памяти пометки и помарки..... 192
Петр Калинихин. Начинаю свой путь по росе..... 196
Олег Пантюхин. В пространстве осени..... 199
Михаил Турбин. Подборка стихов о весне..... 200
Максим Торбин. «Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне»..... 203
Екатерина Грушихина. Умчу на электричке с Павелецкого..... 204
Александр Шерстюк. Версы — 2023, 2024..... 205
Александр Авдеев. «Мерцает,— как созвездие вселенной»..... 209
Юлия Зимина-Кондакова. У Казанской иконы Божией матери..... 212

Надежда Кубенская. Ноябрь..... 213
Сражающееся слово. Подборка стихов поэтов России..... 217
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
«Полоцкая ветвь»: 30 лет — не предел! (Интервью)..... 223
Александр Палладин. Из Тулы — на сопки Маньчжурии..... 229
Алла Новикова-Строганова. Кабальный круговорот..... 240
Игорь Отчик. «Мастер и Маргарита» — роман о мести..... 246
Евгений Трещев. «Мой костер в тумане светит»..... 252
Валерий Богушев. Несколько слов о забытом писателе..... 255
Игорь Карлов. «Пир в Валгалле» Алексея Яшина. Аспекты и тенденции..... 262
Юлия Зимина-Кондакова. Ослепительное счастье быть любимым и любить
(о книге Валерия Савостьянова «Похожая на образа»)..... 265
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 272

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

**Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ**
**Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН**
**Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР**
**Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН**

**Редколлегия:**
**Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)**
**Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы**
**Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)**
**Владислава ВАСИЛЬЕВА (Узловая)**
**Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)**
**Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»**
**Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей**
**Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)**
**Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)**
**Николай МАКАРОВ (Тула)**
**Олег ПАНТЮХИН (Щекино)**
**Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)**
**Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)**
**Сергей СЕНИН (Тула)**
**Евгений СКОБЛОВ (Москва) — председатель Правления АРЛ**
**Валентин СОРОКИН (Москва)**
**Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии**
**Вадимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) — зав. отделом критики и литературоведения**
**Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)**
**Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ**

**Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)**
**Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)**
**Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)**
**WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)**
**Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)**

**Информационная поддержка:**
***— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)***
***— журнал «Истоки» (Красноярский край)***
***— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)***
***— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)***
***— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)***
***— альманах «Московский Парнас»***
***— газета «День литературы» (Москва)***
***— поэтическое издательство «Образ» (Москва)***
***— журнал «АлександрЪ» (Москва)***

**Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.**

**Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):**
**http://www.pz.tula.ru**
**http://www.tro-spr.ru**
**Портал «Журнальный зал»:**
**https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz**

**Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.**

**© «Приокские зори», 2024**

# КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

## УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ — ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ...
### К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина (1884—1937)

*Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда.*

Джеймс Джойс «Улисс», часть II. Эпизод 9

*Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой.*

Максим Горький «На дне» (монолог Сатина)

***Далекое — близкое — безотносительное.*** Пользуясь не зажигалкой, а спичками, то есть в микроскопически малом «поддерживая отечественного товаропроизводителя», еще не разучившегося что-то делать, постоянно держу в голове — взяв коробок в руки — сравнение далекого и близкого по времени. А именно: до хрущевской деноминации 1961-го года, обогнавшей Америку («мы Америку догоним по надою молока...») в курсе рубля: 1$ = 60 копеек, вспоминается: коробок спичек калужской, вятской, белорусской и иной фабрикации стоил восемь копеек, а в коробке содержалось пятьдесят спичек; строго пятьдесят, о чем свидетельствовала и надпись на этикетке. Филумении-коллекционеры могут подтвердить.

Но вот наступило первое января 1961-го года. У нас, младших школьников, радостные зимние каникулы, а взрослые морщат лбы, привыкая к новым цифрам на магазинных ценниках, полтинникам и рублевикам — по размерам с царские и советские двадцатых годов... только не серебряные, а главное — к необычно малым кредиткам, раза в три-четыре поменьше прежних. Народ, который мужики, впервые помянули Никиту Кукурузника добрым словом: теперь проще простого заначку от жен прятать!

...Чуть было посокрушались экономные по своей природе эти самые жены, что стоимость коробка спичек (тогда китайцы не зажигалки, а добротные термосы и махровые полотенца поставляли) округлилась в большую сторону — до одной *новой* (новыми деньги именовались в обыденной речи до начала семидесятых годов...) копейки. Впрочем она же и старая, как и семишник с алтыном*, что несколько снимало огорчение. Но каков же был обоюдополовой восторг, когда в магазины и табачные ларьки в январе-феврале все того же шестьдесят первого года завезли свежие партии тех же калужских, вятских, белорусских (фабрики Гомельдрев) спичек: на этикетках значилось, что в коробке «*60 шт.*»! И номер ГОСТ'а стоял уже наступившим новым годом: *1820—1961*. Народ умилительно восхищался: слава нашим родным партии и правительству! — даже в сугубых мелочах заботу о своем народе проявили: подняли округлением цену коробка на двадцать процентов, так почти на столько же увеличили число спичек в коробке! Ай да Никитушко, ай да благодетельный ты наш и о на-

* То есть монеты в две и три копейки соответственно, которые, наряду с копеечной монетой, автоматически повысили свою стоимость в десять раз.

роде заботливый! Других поводов хвалить генсека за десять лет его руководства страной не находилось; наоборот, ругали за кукурузный психоз, сто тысяч уволенных в запас без пенсии офицеров, снижение вдвое полярной надбавки (сам проживал тогда за Полярным кругом и хорошо помню нелицеприятные высказывания всех и всея из окружения своего...), гонения на артиллерию — бога войны, новейшие крейсера Балтфлота и Северного флота, отведенные на консервацию в Лиепаю... Конечно, вершиной стали «хлебные карточки» (по домам буханки развозили) в конце его волюнтаристского и пробебелистского (так в газетах писали: от имени Августа Бебеля что-ли, имевшего терки с Карлом Марксом?) правления...

Завершим экскурс в спичечное дело более чем шестидесятилетней давности. Если в чем ошиблись, справляясь со своей памятью о детских впечатлениях, так пусть (повторимся!) нас поправят филуменисты, расцвет какового вида коллекционирования в нашей стране как раз пришелся на первую половину шестидесятых годов. Словно соревнуясь между собою, спичечные фабрики (см. выше дважды названные) начали наклеивать на тогдашние спичечные коробки из тонкого лущеного древесного шпона яркие, многоцветные, лакированные этикетки, воспроизводящие изделия народных промыслов — Хохлома, Мстера, Халуй, Жостов, а также репродукции с картин Васнецова, Репина, Шишкина. Знающие люди усмехались: дескать, в магазинах загневающего Запада продается только один советский товар: спички в отделах экзотических сувениров. Отсюда и красочные этикетки — по законам марксистской экономики: товар → предложение → спрос → снова товар в ярких облатках...

А к чему столь живописное пояснение? — к тому, что сейчас беру в руки нынешний невзрачный коробок (названия фабрик не дай бог упомянуть! — мигом иски, по судам «за клевету» затаскают, ведь юристов за тридцать лет понаделали объемом массы поболее пирамиды Хеопса!) из серого картона, со слепой одноцветной печатью выходных данных. Стоит он где-то, то есть по-разному, от двух до пяти, или поболее, рублей, а спичек в том сиротском коробке, что называется «на счастье», кому как повезет: от тридцати до сорока; дифферент в сторону первой цифры.

Опять же и к чему столь очевидное сравнение? — ведь всякому известно, что раньше и вода была мокрее, и сахар слаще, фрукты-овощи натуральные, по Дарвину и Ламарку взросшие, а не нынешние, в лабораториях генномодифицированные. Обычно добавляют, что и деревья тоже выше росли... это не могу сказать, поскольку детство, отрочество, юность провел в местах на выходе Кольского залива в Баренцево (Студеное по-поморски) море, где на тамошних скалах деревья вообще не растут. А на незнайство логика мышления и права ссылаться не дает. Это ведь не политика, медицина и образование в народном их понимании?..

...Опять же к тому, что, следуя мысли Фр. Ницше: «*Слова самые тихие суть те, которые приносят бурю; мысли, приносимые голубем в лапках, управляют миром*». («Так говорил Заратустра»),— можно утверждать: великое и малое суть масштабное и скейлинговое, если речь идет о функционировании, взаимоотображении процессов и объектов эволюции, в нашем рассмотрении — эволюции человека. Чтобы привычно удобно не усаживаться в седле «своего конька» — перехода биосферы в ноосферу (по В. И. Вернадскому) и явно наблюдаемой сейчас трансформации человека биологического разумного в обитателя — робота ноосферного человейника (термин А. А. Зиновьева)*, еще раз обратимся к авторитету Ницше: «*Что велико в человеке, это то, что он мост, а не цель; человека можно любить лишь за то, что он п е р е х о д (здесь и далее выд. Фр. Ницше.— А.Я.) и з а к а т*». (Сходную мысль высказывает Д. С. Мережковский в своем известном трактате «Л. Толстой и Достоевский».

* Наша концепция такого перехода и трансформации человека изложена в продолжающейся (на сегодняшний день издано 22 тома) серии книг «Живая материя и феноменология ноосферы» (2007—2024 гг.); различные издательства Москвы, СПб, Твери и Тулы; в электронной форме см. на ведущих научных сайтах по поисковику.

Возможно и совпадение, и повторение, учитывая, что на рубеже XIX и XX веков именно Ницше и Лев Толстой первенствовали в направлении движения умов европейской — и даже шире! — мировой читающей аудитории).

...Отсюда и обоснование В. И. Вернадским и его нынешними последователями — вернадскианский ноосферизм А. И. Субетто (СПб) и наша феноменология ноосферы — названного социумного перехода и собственно трансформации человека... Однако вернемся к *нашим* спичкам, заметив, что они сейчас действительно только *наши*, ибо в массовом потребительском спросе-предложении (во всем мире) используются только в России и Белоруссии, но ведь и они образуют единое *наше* Союзное государство.

Представим, что в те самые шестидесятые года, когда коробок спичек стоил *одну* новую копейку, содержал строго шестьдесят спичек, а на радость коллекционерам-филуменистам имел цветную лаковую этикетку-наклейку с изображением жостовского расписного подноса, некий столичный (в советской глубинке их не имелось!) диссидент задумал под предлогом возвращения на историческую родину (это называется алией; см. репринтное издание (М.: ТЕРРА, 1991) Еврейской энциклопедии, Т. 1, С. 883) перебраться на ПМЖ в свободный мир, то есть на нью-йоркскую Брайтон Бич.

Последовательность действий уже отработана: публикация в Самиздате антисоветчины → освидетельствование в Кащенке → посадка на самолет до Вены → далее по усмотрению, но только не на историческую родину, постоянно воюющую с братским арабским народом (семитическая группа состоит из евреев, арабов и эфиопов).

Но какую тему для пасквиля избрать? — почти все они уже разобраны коллегами по целеустремлению. Здесь в руки попал коробок спичек и тотчас надумалась злонамеренная фантазия. Дескать, решил герой повествования закурить, взял в руки коробок спичек (см. выше), вынул спичку, черканул по сернистой боковине коробки, а из искры вмиг материализовался дух огня, джинн навроде Старика Хоттабыча из школьной программы внеклассного чтения: «Чего изволите? — любой каприз за ваши...» и так далее. А пожелал персонаж перенестись на шестьдесят лет вперед... из осторожности не сразу на Брайтон Бич, но на всякий случай в ту же самую свою квартиру на проспекте Мира.

Дзинькнул Хоттабыч волоском своей седой бороды, а персонаж вмиг перенесся на загаданное им число лет в Москву далекого будущего, как говорится в современной телерекламе всевозможных гэджиков — «не вставая со стула», то есть сидит он, как шестьдесят лет назад, все на том же венском стуле («Сижу я в Туле в стуле»,— по Маяковскому, но только не в этом славном городе, но в столице), а в руках тот же коробок спичек. Пригляделся: тот да не тот Федот! — вместо почти что сувенирного советского коробка нечто *сорта ЗА*: из серого, словно жеваного картона (далее см. выше) с числом спичек — а ведь хорошо помнил: тот советский коробок был прямо из табачного киоска, неначатый еще! — где-то поменее четырех десятков... И резюмировал свою диссидентскую фантазию: все плохо, хуже некуда сейчас в советской жизни, а еще через шестьдесят лет даже в мелочах придет ей каюк!

Скоренько перепечатал на старинном крупповском ундервуде марки «*Reinita*», доставшемся по наследству от бабули, что после окончания Бестужевских курсов служила пишбарышней у известного московского присяжного поверенного, непременного члена городской думы, принял за успех дела стопку «Столичной», закусив баночным дальневосточным крабом, еще не раскушанным народом, а потому пирамидами громоздившимися на прилавках. А наутро отправился к главному литературному диссиденту их Куйбышевского района.

Седовласый патриарх подпольной печати, даже получивший небольшой срок в юности по делу Промпартии, прочитал, в упор посмотрел на автора фантазии и порекомендовал отослать ее в журнал «Крокодил». Мол, там с радостью опубликуют, а вас, молодой человек, назовут зачинателем всенародного движения «Экономика должна быть экономной» (хотя бы это изречение и приписывают Леониду Ильичу). «Идите, уважаемый, работайте. Пока же вы еще не созрели до Кащенки и Брайтон Бич!»

А сейчас вплотную к нашей теме: утопией или антиутопией явилось бы в шестидесятые годы фантазийное сочинение грядущего обитателя Кащенки, а далее вожделенной Брайтон Бич, будь оно опубликовано в самиздатовском журнале «Параллели и меридианы мысли»... точнее — в журнальчике карманного формата на тонкой папиросной бумаге, что используют аспиранты для печати своих диссертаций в шести экземплярах?

Особо не подумавши — несомненно антиутопия; раз «анти» — значит хуже чем есть сейчас, то есть нынешние спички — третий сорт в сравнении с советскими 60-х годов. Но решение с маху зачастую приводит к примитивизму. А если творение о спичках будущего обитателя Брайтон Бич представить утопией? Действительно, в Утопии — Москве 2020-х годов спички оказались на роли бросового товара, почти что мусора. Газовые плиты в столичных квартирах с электретными автоматическими поджигателями газа, керосиновые лампы и примусы — в музеях старого городского быта, а нещадно осуждаемые эсмэишниками, но <втихомолку, радостно> поощряемые минфином, курильщики сплошь пользуются зажигалками: в массе — китайскими одноразовыми, «состоявшиеся, экономически мобильные» граждане — серебряными, а то и золотыми с гравированными подарочными надписями.

Значит, если в шестидесятилетнем будущем спички стали невостребованным товаром, то, во-первых, и нечего их «украшательством» заниматься; во-вторых, налицо утопический прогресс: от пращуровых спичек к иным, более прогрессивным средствам воспламенения. А какая экономия и экологическая защита леса? (без указания: в чей карман эта экономия идет...).

Итак, куда ни кинь, всюду клин: утопия и антиутопия — одного поля ягоды. Далекое — близкое — безотносительное. Это как в принятых определениях-прилагательных к имени известного деятеля культуры, того же писателя: русский — советский — российский, значит безотносительный; навроде достопамятного ельцинского «россияне». Кстати, бывшие братья-хохлы раньше также именовали русских москалями или россиянами.

Вполне возможно, Карл Маркс, с его титаническим аппаратом системного мышления, достаточно ясно осознавал однонаправленность утопического и антиутопического представления будущего. Поэтому он смело брал образы и примеры того и другого в обосновании коммунистического идеала («Коммунистический манифест», переводы на русский язык Бакунина и Плеханова). Отталкиваясь от цитированных в «Манифесте» слов Шекспира:

*Немного золота довольно для того,*
*Чтоб сделать все чернейшее белейшим...*

— Маркс прямо берет из «Утопии» Томаса Мора знаменитые «золотые ночные горшки». Ему вторит позже В. И. Ленин...* А в «Капитале» можно выделить и более мрачноватые утверждения — в основном по части долгожительства и вредоностности капиталократии. Ибо во времена Маркса уже проявляли себя и антиутописты. «Навскидку» укажем на Жана-Жака Пийо («Ни дворцов, ни хижин, или положение социального вопроса в 1840 году» и другие его работы); у этого, старейшего — по возрасту» — участника Парижской коммуны видим определенное переплетение утопических и антиутопических воззрений.

*Таким образом, от мухи до слона (мухослонопревращение — наш игривый термин), и выше — от спичек до целеуказаний эволюции человека, утопические и анти-*

* Тотчас всплыло в памяти виденное в начале девяностых годов: ехал на трамвае, а на перекрестке остановился грузовик, кузов которого был установлен в два ряда решетчатыми каркасами с ... золотыми унитазами; попутчик мой пояснил: это на Тулачермете (первенца сталинских пятилеток) обычные фаянсовые на плазменных установках покрывают золотой пленкой: дешево и сердито для новорусских торгашей и бандитов средней руки... Утопия или антиутопия?

*утопические представления в отношении трансформации человека и его социума, социумной роли человека, продуцирования человеком материальных средств его существования, использующих открываемые человеком знания (знания именно открываются, а не создаются!) и всего прочего, объективируемого на человеке, принципиально (pro et contra) не противопоставляются друг другу в смысле взаимоисключительности, но есть одна и та же экстраполяция современного (на любом временно́м срезе до текущего «настоящего времени») уровня эволюционного состояния человека на достаточно отдаленное будущее время; собственно же различие утопии и антиутопии в представлении индивидуального человека («согласен»/«не согласен») определяется всего лишь типом его мышления (по К. Г. Юнгу — типом характеров), оптимистического или пессимистического, соответственно; в представлении же социумно — директивно — резюмирующем утопия и антиутопия суть спекулятивно-философски-политически избранная идеология (вариант «общественного договора» Руссо).*

***Истоки и предтечи утопических и антиутопических воззрений и системопредставлений.*** Размышлениями Пьера Безухова — главного «философского» персонажа романа, Лев Толстой в «Войне и мире» следующим образом определяет главную причину изначального неспокойствия в жизни человека (передаем своими словами): главная причина внутренней неустроенности жизни человека — это полнейшая неудовлетворенность его, бессилие разума понять назначение человека как мыслящего субъекта, в этой земной жизни. Будущего ему знать не дано, сколько не размышляй! Остается только одно — заглушать эти скорбные мысли *отвлечением* от неведомого ему существа жизни: трудом, воинским делом, чрезмерно веселым времяпрепровождением, учением и образованием, семейственностью, управлением государством и пр.

Проникаясь мрачной сущностью этих слов (повторимся: в нашей акцентированной передаче), приходим к неизбежному, главное — совершенно логическому выводу: *жизнь для жизни и не более того*! Скорее всего, отсюда и правота Ницше в странном вроде бы его высказывании («К генеалогии морали», 1887) — бог троицу любит, поэтому еще раз его процитируем: «*Посмотрите на обратную сторону всякого семейства, общины, общества: везде борьба больных против здоровых, по большей части тихая борьба. Болезненные для человечества составляют самую большую опасность, а не злые и хищные*».

В современной терминологии обобщенное понятие «болезненности» именуется различно — в зависимости от контекста. Мы используем термин *инвалидизация*, отталкиваясь от известного (а ныне прямо в цель!) высказывания Оноре де Бальзака, что в обществе, где все горбатые, стройность кажется уродством (на случай, если не совсем точно передаем — не закавычиваем). Употребительны и иронические названия: либерализм головного мозга, либерастия... введенные нами: умозамещение и цифрофрения.

Таким образом, истоки утопических и антиутопических воззрений следует искать: (а) в изначальном устремлении человека к осознанию смысла <своей и социумной> жизни, а поиски смысла всегда есть экстраполяционная протяженность в <будущее> эволюционное время; (б) в самодавлеющей инвалидизации социума, сейчас глобализующегося социума, которая заставляет самодостаточно мыслящих людей искать конструкции будущностного мироустройства с той или иной гармонизацией личного + общественного; (в) в означенном выше единстве утопического и антиутопического.

В плане социально-историческом, во всяком случае в отечественном источниковедческом анализе и синтезе, утопические теории, учения, литературные произведения («с направлением», как говорили в русской классической литературе второй трети XIX века) декларируются как *утопический социализм*. В частности, с 1947 по 1980-е года в издательстве «Наука» печаталась серия книг (основана акад. В.П. Вол-

гиным) «Предшественники научного социализма», в составе которой были опубликованы основные работы писателей-утопистов.

Собственно, начиная с «Утопии» Томаса Мора (Базельское издание 1518 г.; первое русское издание СПб, 1789), утопические воззрения действительно являлись отображением классовых противоречий в системе возникшей и развивающейся буржуазии. В Англии это собственно Т. Мор и Дж. Уинстэнли; Германия и Чехия представлены, соответственно, Томасом Мюнцером и М. Гуска; «Город солнца» (1623 г.) итальянца Томмазо Кампанелла — изображение утопического коммунистического общества; обширно представлено французское Просвещение: Мабли, Мелье, Морелли, более поздние Гракх Бабеф, Шарль Фурье, Сен-Симон, упомянутый выше Жан-Жак Пийо. Конечно же Роберт Оуэн (Англия), Дезами и Этьен Кабе. Таким образом, фурьеристы и сен-симонисты — это вершина социального (социалистического) утопизма. На уходящей стадии утопических учений отметились и русские революционные демократы: А. И. Герцен, В. Г. Белинский, конечно же Н. Г. Чернышевский со столь памятными со школьных лет «снами Веры Павловны»... Упомянем еще двух русских князей: писателя-фантаста, детского писателя и классика русского музыковедения В. Ф. Одоевского, в одном из своих произведений утопически представивших человеческое сообщество в пятом тысячелетии от Р.Х., и князя-анархиста П. А. Кропоткина, в главных своих трудах «Хлеб и Воля» и «Современная наука и анархия» взявшего за основу организации безгосударственного будущего человечества систему вольных европейских городов XII—XV-го веков — имеются в виду не северогерманские города Ганзейского союза, но именно почти все города Западной Европы названного времени. Именно в этих городах Кропоткин видел будущее: «*То, к чему нужно стремиться,— это производить с наименее возможной тратой человеческих сил наибольшую сумму продуктов, наиболее необходимых для благосостояния всех*» («Хлеб и Воля»).

...И там же утопическая анархистская апология творчества: «*Только великая идея может вдохновлять искусство. Искусство есть т в о р ч е с т в о (выд. нами.— А.Я.), оно должно смотреть в будущее, а между тем, за немногими, очень редкими исключениями, профессиональный артист слишком невежествен, слишком буржуазен для того, чтобы видеть какие-нибудь новые горизонты. Вдохновение не может быть почерпнуто из книг; оно должно исходить и з ж и з н и (выд. П. А. Кропоткиным), а современная жизнь дать его не может...*»

...Прочитай это без подписи автора — спутаешь с выдержкой из трактатов об искусстве Льва Толстого 1880—1990-х годов!

Итак утопизм, пока еще без двуединства с антиутопизмом, первенствовал исторически, что понятно в плане социопсихологическом: «Надежда юношей питает...» А европейское человечество, если условно отсечь от него античность, ко времени «Утопии» Томаса Мора было еще относительно молодо. Вот его, тем более только вышедшего из самых темных столетий раннего Средневековья, и манила мысль о гармоничном устройстве будущего мира.

Антиутопии сменяют утопии на рубеже XIX и XX, когда человечество вдосталь хлебнуло реалий капитализма в его фазе нерождающегося империализма. И в преддверии мировых войн. Конечно, и в XVIII и XIX веках антиутопическая тематика в той или иной степени присутствует в художественной и философской литературе, те же «Элексир сатаны» Э. Т. А. Гофмана, «Франкенштейн» Мэри Шелли. Конечно, Свифт, Оскар Уайльд, Уильям Моррис... Но — не акцентированно, не футуристично, то есть без явного указания на неизбежность предрекаемого.

Поэтому роман Джека Лондона «Железная пята» (1907) можно полагать первой «пробой пера» в жанре антиутопии. Отечественные литературоведы полагают, что именно влияние русской революции 1905—07 гг. и витавшее уже в воздухе ощущение мировой бойни, на фоне «исторически мгновенного» становления империализма

и дало толчок литературному жанру антиутопии с ее провозвестником — Джеком Лондоном.

Итак, утопизм — прерогатива социально-исторически понимаемой молодости человечества. Вот и отечественный революционный (всемирной революции!) утопист Л. Д. Троцкий пишет: «*Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда (здесь и далее выд. нами.— А.Я.) на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общественности... Досуг нужен человеку, «право на леность!*» (Л. Троцкий «Литература и революция», 1923).

Тот момент, что бывший наркомвоенмор Лев Давидович, яростный деятель «мирового пожара» революции, ставит на равных такие качества человека как *творчество* и *лень*, вовсе не является парадоксом. Лень есть естественное, биологическое стремление экономии физического и мыслительного запаса энергии (перекличка с первым из двух приведенных высказываний П. А. Кропоткина...), а творчество — преобладание работы мышления, неважно какого: научного, художественного, философского и пр., над минимизируемым монотонным физическим трудом. Это и есть стержневая основа всех утопических учений и литературных их обрамлений (см. выше).

Данный «Железной пятой» старт подхватило множество писателей, философов, социологов века двадцатого. Конечно, литературное творчество наиболее доступно массам, поэтому об антиутопичности всегда говорят, держа в голове имена писателей. А имея в виду двадцатый век, всякий назовет три имени — во временной последовательности появления их произведений-символов: роман «Мы» Евгения Замятина, написанный им в 1923 году; более поздний «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли; наконец «1984» Джорджа Оруэлла (1948) — в двуединстве с его же «Скотным двором». Все остальное в жанре антиутопии вторично, повторно, детализовано, коммерчески сфантазировано (у американцев) и так далее.

Более того, в самих этих произведениях — классике антиутопии наблюдаем удивительную сюжетно-социально-политическую схожесть: не братья единоутробные, но кузены уж точно. Сам Дж. Оруэлл в рецензии (1946) на роман «Мы» Евг. Замятина (см. в книге*) безапелляционно пишет: «*Первое, что бросается в глаза при прочтении «Мы»,— это тот факт, кажется, никем прежде не отмеченный, что Олдос Хаксли многое позаимствовал из него для своего романа «О дивный новый мир». Оба произведения описывают бунт природного человеческого духа против рационализированного, механизированного, бесчувственного мира, и в обеих книгах действие происходит через шестьсот лет в будущем. Схожа также атмосфера, и изображается, попросту говоря, одно и то же общество, хотя у Хаксли меньше политики и больше ощущается влияние новейших биологических и психологических теорий... Сходство с романом «О дивный новый мир» не подлежит сомнению (здесь Оруэлл явно спутал: что с чем схоже? — А.Я.). И хотя книга Замятина не так четко выстроена — сюжет ее довольно слаб, отрывочен и слишком сложен для пересказа,— она, в отличии от Хаксли, имеет политическую составляющую*» (С. 5—6).

...Тот момент, что литераторы и даже ученые мужи с удивительной простотой «заимствуют» даже целиковые книги русских авторов, высокомерно полагая, что никто из «страны медведей и балалаек» не ринется судиться-редиться, факт общеизвестный. Как еще в XIX веке знаменитый Кирхгоф «увел» у выдающегося русского физика Н. А. Умова даже один из законов теории электричества и еще кое-что по мелочи (!?). Сам имею двух знакомых, ученого в области радиотехники, и <непро-

* Замятин Е. И. МЫ: Роман.— М.: Мартин, 2022.— 192 с. (Серия «Малая избранная классика (*New*)»).

фессионального> литератора*, у которых их книги в девяностых годах издали в Америке и еще в одной «маленькой стране» под чужими «авторствами»...

Но ведь и сам Дж. Оруэлл в «1984» мало чем разнится с «Мы» Евг. Замятина? Во всяком случае оруэлловский Старший Брат и замятинский Благодетель малоразличимы в своих «трудах и заботах» по охранению и поддержанию своих антиутопических государств... Равно как и главные персонажи «Мы» Д-503** и его роковая женщина *I*-330, заменившая прежнюю розово-талонную партнершу *O*-90, очень даже явно ассоциируются со строками у Оруэлла (в пер. Елены Кассировой):

*Под развесистым каштаном*
*Продали средь бела дня —*
*Я тебя, а ты меня.*
*Под развесистым каштаном*
*Мы лежим средь бела дня —*
*Справа ты, а слева я.*

...В упомянутой выше рецензии на «Мы» Оруэлл кратко передает замятинское описание образа жизни людей будущего: «*В романе Замятина в двадцать шестом веке жители Утопии (то есть Оруэлл не сомневается в тождестве: Утопия ≡ Антиутопия!? — А.Я.) настолько утратили индивидуальность, что различаются только по номерам. Они живут в стеклянных домах (телевидение тогда еще не было изобретено), что позволяет политической полиции, так называемым Хранителям, без труда их контролировать. Все носят одинаковую одежду, и человека называют либо «нумер», либо «юнифа» (униформа). Они едят синтетическую пищу, а во время досуга маршируют по четверо в ряд под звуки гимна Единого Государства, доносящегося из репродукторов. Через определенные промежутки времени каждому выделяется час (известный как «сексуальный час»), когда позволяется опустить шторы в своих стеклянных жилищах... Для занятий любовью у каждого есть своего рода талонная книжечка с розовыми билетами... Во главе Единого Государства стоит фигура человека, именуемого Благодетелем и ежегодно переизбираемого всем населением, конечно же, единогласно. Руководящим принципом Государства является несовместимость понятий свободы и счастья... Единое Государство вернуло человеку счастье, лишив его свободы*» (*Op. cit.*, С. 6).

То же самое видим в «1984» Оруэлла... с учетом изобретений за время, отделяющее роман Оруэлла от «Мы» Евг. Замятина: то же телевидение вместо прозрачных стеклянных стен жилищ «нумеров». У Оруэлла почти наши дни: «*Завершив фанфарой сводку из министерства изобилия, телеэкран заиграл бравурную музыку. Парсонс от б о м б а р д и р о в к и ц и ф р а м и (выд. нами.— А.Я.) исполнился рассеянного энтузиазма...*»

Такое настораживающее «единообразие фактологии» в антиутопиях Замятина, Хаксли и Оруэлла, как «классиков жанра», а в менее явном виде — в основном из-за идеологического акцента — и во всех утопиях и антиутопиях вместе взятых, не случайное совпадение, ибо их, совпадений, в таком деле вовсе быть не может (см. подробно выше), но есть воплощение социологического закона, который попробуем понятийно сформулировать в частной, контекстной нашим рассуждениям, форме.

***Никакая, самая изощренная, научно обоснованная и пр. экстраполяция будущей картины мира, включая фантазии, утопии и антиутопии, не может сравниться с развертыванием реальности этой будущей картины мира, поскольку законами эволюции человеку не дано знание будущего в его фактологии, то есть психология мышления человека «настроена» на фактологию устройства мате-***

* Вроде как даже мое предисловие, опять же с иной фамилией, оставили...

** Номера людей в романе начинаются с латинской буквы, но во всех изданиях «Мы» только Д-503 пишется кириллицей. Не будем этого нарушать.

***риального и социального мира в его историческом движении от <знаемого> прошлого к осязаемому настоящему. То есть никакая фантазия не сравнится с раскрытием будущностной реальности. Поэтому и утопия в ее фактологии тождественна антиутопии, разнясь лишь социоидеологическими акцентами.***

***От идеального государства Платона к утопийно-антиутопийному будущему человечества.*** Общепринято (К. Р. Поппер и др.) и малоотрицаему считать, что вся европейская философия прошлого и настоящего «вышла из Платона». Точно так же из «Государства» Платона (плюс некоторых моментов диалогов «Тимей», «Законы», «Горгий» и ряда других) вышла и вся европейская утопия, а значит и антиутопия, как естественная антитеза к тезе. Как говорится, от чего отошли к тому же и пришли: Платон — начало социальной цивилизации человечества, а реальное воплощение утопии-антиутопии суть итог такой цивилизации: индивидуальное расчеловечивание и трансформация социума в человейник, что есть <грядущий> итог биосферно-ноосферного перехода. Говоря словами Анаксимандра: «*А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости*».

Итак, «Государство», а точнее его первая часть, книги I—V, является самой ранней утопией в цивилизационной истории человечества — его средиземноморского (Европа + Передняя Азия + Северная Африка) очага. Более того, в отличии от современных, то есть не античных времен, утопий, Платон создавал свое Государство вовсе не как фантазию о далеком, «светлом человеческом будущем», но как реальный план построения такового в Греции его времен. Здесь надо учитывать, что полисы тогдашней нецентрализованной Греции, города-метрополии и колонии, имели практикой использование, даже приглашение известных философов-мыслителей для создания свода своих законов. Наиболее известные примеры: Солон в Афинах, Протагор в Фурии, пифагореец Архит в Тарасе. Сам же Пифагор предпринимал шаги для организации «правительства философов». Как пишет Бертран Рассел в своей «Истории западной философии», анализируя именно практичность замысла Платона: «*В те дни колонии были совершенно свободны от контроля своих городов-метрополий, и группа платоников вполне могла бы учредить государство Платона на берегах Испании или Галлии. К сожалению, судьба привела Платона в Сиракузы, большой торговый город, который был занят безнадежными войнами с Карфагеном; в такой обстановке никакой философ не мог бы достичь многого. В следующем поколении возвышение Македонии сделало все малые государства устаревшими, а все политические эксперименты в миниатюре — совершенно бесплодными*».

...И всегда следует держать в памяти пересечение годов жизни и трудов Платона (427—347 до н.э., то есть V—IV вв. до н.э.) и расцвета Спарты в VI—V вв. до н.э., *государственное и социальное устройство которой почти до мелочей совпадает с государством Платона*! Это, в свою очередь, означает, что идеальное государство не вольнолюбивая фантазия Платона, но систематизация, анализ и синтез уже реально существовавших и существующих (Спарта) государственно-социумных образований античного средиземноморского мира. В частности, третья часть «Государства» есть полномасштабный анализ существующих (во времена Платона) таких образований. Соответственно, с учетом содержания второй части (книги VI и VII), где развивается пифагорейская концепция «философского правительства», интересующая нас первая часть «Государства» *и есть синтез*.

«Платон мне друг, но истина дороже», то есть «Государство» есть плод труда величайшего из земных мыслителей, но это не фантазия, а именно синтез уже реальных, практически опробованных к IV веку до н.э. в античном ареале социально-государственных устройств. Как в действительности, так и в систематизации Платона, выраженный индетерминизм (но с отрицанием телеологического начала!), оперирующий «прямолинейными» категориями с определенной бездоказательностью (имманентностью) полагаемых истин — все это следствие молодости <античного> чело-

вечества, опробующего все возможные варианты социумно-государственного устройства с идеалом лучшего из возможных.

Здесь нагляднее сравнение между детским творчеством, собирающим из деталей детского же конструктора неработающий паровоз или космическую ракету, и осмысленным (но ведь и ребенок тоже мыслит!), главное — целеустремленным и расчетным, трудом конструктора соответствующих действующих машин...

Рассмотрим те элементы («детского конструктора») организации идеального Государства Платона, что впоследствии составили *непреложную* основу всех — без исключения! — утопий и антиутопий.

<**α**> Граждане строго классифицируются, точнее — ранжируются на категории с возрастанием их государственной значимости: масса, «простой» народ* → воины → стражи-охранители государственных устоев. При этом предполагается наследственность такой принадлежности, своего рода «трудовые династии». Особое внимание Платон уделяет классу стражей, обособленному и законодательному. Подобная кастовость исключительно преследует цель разумного разделения социума: массы — производительная сила, воины — внешняя охрана государства, стражи — внутренний законопорядок.

<**β**> Образование и воспитание подрастающего поколения (у Платона это расширенно понимаемые «музыка» и «гимнастика») есть сочетание развития в духовной (культурной) и физической сферах. По всей видимости — у Платона нет четкого определения — образование граждан Государства включает имманентную и трансцендентную составляющие, в частности, в научной сфере. Литературное творчество в античной Греции являлось первостепенным средством образования и воспитания; понятно, что под литературой понимался весь ареал устного, письменного, хорового (театр) творчества, не разделяемый с философией. Соответственно моральной доминанте Государства и встречаем утверждения навроде «осуждения поэтов», коль скоро в этом литературном жанре зло чаще побеждает добро... О сценическом искусстве древних греков см. у Фр. Ницше в «Рождении трагедии, или эллинство и пессимизм» — отсюда ясны и истоки платоновской морали в его идеальном государстве: изгнание сочинителей драм из Государства, коль скоро театр сеет пессимизм, а избежать персонажей-злодеев в драме невозможно, ибо без *pro et contra* добра и зла смысл пьесы обнуляется. О музыке же Платон говорит еще конкретнее: запрет лидийских и ионийских гармоний — выражают печаль, разрешение мужественных и умеренных (для стимулирования воображения и жизненного тонуса).

<**γ**> В части расширенной «гимнастики», то есть физиологического совершенствования подрастающих поколений граждан Государства, с детства накрепко засели в моей голове назидательное, воспитательное утверждение отца — со ссылкой на Платона. Матерый моряк-североморец, «сломавший» две войны — Финскую кампанию и Великую Отечественную — в тех же заполярных краях, достав по случаю заветную бутылочку (проживали мы в Полярном, а Никита Хрущев ввел во «владениях» Северного флота полный сухой закон...) и выпив в усладу, дополнял мое школьное воспитание воззрениями классиков философии и литературы. Так и запало: древним грекам запрещалось пить вино (водки и пр. у них не имелось) до исполнения тридцати пяти лет!

Опять же собственно гимнастика, физическая культура в современном понимании, предполагалась для молодых генераций Государства такой, что вошло впоследствии в мировой понятийный язык как *спартанская*, то есть жесткая, на пределе выносливости. Логичное обоснование: закаленное тело в дальнейшем не будет особо нуждаться в лечении: экономия в рамках всей страны на медицине. Это крепко вошло в практику социально ориентированных государств XX—XXI веков. Крепость организма во многом зависит от качества и сортомента потребляемой пищи. В этом

* В СССР, в определенном смысле сбывшейся социальной, отчасти государственной, утопии, этот «простой советский человек» все печенки выел... В песенной антитезе: «Наш непростой советский человек!»...

смысле Платон не уступает в своих ограничениях религиозному кошурату Торы и халяльяту Корана.

<δ> И никакой роскоши! — для всех классов Государства. Золото же и серебро — вне закона. Вот откуда «уши растут» у всех последующих «золотых горщков»: от Платона до Томаса Мора, далее к Марксу и к Владимиру Ильичу, который живописно сказал о золоте: «*Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира*» (В.И. Ленин «О значении золота теперь и после победы социализма» / ПСС, Т. 44, С. 225).

А вот ленинско-сталинский *партмаксимум**, то есть член ВКП(б), независимо от должности — от рабочего до генсека — не может получать зарплату более 90 рублей в месяц; имеются ввиду рубли после «рыковской реформы» 1922 года, когда советский рубль сравнялся с прежним, царским, был прямо взят из «Государства». Платон вводит этот «партмаксимум» радикального коммунизма для клана стражей, которые живут в быту очень скромно в части жилища, еда в общих столовых, запрета на любую частную собственность — только минимально-достаточная личная. То же самое в отношении воинов. Да и для масс: нет ни бедных, ни богатых, главное — экономические интересы Государства.

<ε> Если обратимся к реалиям советской... если не жизни, то левацкой пропаганды (та же Коллонтай) в части семьи и женщины, в период военного коммунизма, то увидим продвижение лозунга Государства: «*Все эти женщины должны быть общими всем этим мужчинам, ни одна не должна жить частно ни с одним*». При этом полное равноправие мужчины и женщины. С современной, социально-философской, западной в своей основе позиции триада семья — мужчина — женщина мало чем отличается от схемы в Государстве Платона. Наиболее обоснованный анализ такого перенесения платоновской триады в современный нам мир выполнен крупнейшим социальным философом XX века, Нобелевским лауреатом (отказался от получения премии, «чтобы оставаться свободным») Жаном-Полем Сартром и «крестной матерью» феминизма, видной французской писательницей и философом Симоной де Бовуар**. Более того, не ограничиваясь разработками философских систем, идущих от триады Платона, они поставили эксперимент на самих себе — длиною в их совместную жизнь, а именно, вступая в гражданский брак, обернувшийся грандиозной по числу участников «шведской семьей», вместо подобия брачного контракта Жан-Поль и Симона заключили «Манифест любви»: быть вместе, но при этом оставаться свободными.

...Продолжая далее выделять ключевые положения устройства Государства Платона, коснемся теологической составляющей, в которой в неявной форме обнаружим предтечу нынешнего «золотого миллиарда»; роли мифологии (творимых мифов — всего за два поколения, то есть явный экивок в адрес доктора Геббельса), как базиса морали и этики — справедливости у Платона; возможности неравенства во власти и некоторых второстепенных. Бертран Рассел в указанном выше сочинении, подводя итоги в анализе содержания «Государства», отмечает, что в конструкции идеального государства Платона содержатся и явные противоречия, та же возможность неравенства во власти и в привилегиях, как противоречащая однозначно утверждаемой справедливости. И еще одно его замечание: «*Если мы спросим: чего достигнет государство Платона? — ответ будет довольно банальным. Оно достигнет успеха в вой-*

* Пример реальности такого партмаксимума — письмо И. В. Сталина жене (Н. С. Аллилуевой) от 25.09.1929: «Татька! Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдегеря. Целую. Твой Иосиф» (И. Сталин. Сочинения. Том 17.— Тверь: Научно-издат. компания «Северная корона», 2004.— С. 319).— Это глава огромной страны высылает своей жене, что на отдыхе с детьми... 120 рублей (?!).

** Сартр Ж.-П., Бовуар С. Аллюзия любви: Пер. с фр.— М.: Алгоритм, 2008.— 240 с. (Серия «Философский бестселлер»).

*нах против государств с приблизительно равным количеством населения и обеспечит средства к жизни некоторому небольшому числу людей (Но ведь такими и были греческие полисы и колонии времен Платона? — А.Я.). В силу своей косности оно почти наверное не создаст ни искусства, ни науки (выд. нами.— А.Я.). В этом отношении, так же как и в других, оно будет подобно Спарте*».

Итак, Платон конструирует, как «старинный» инженер вычерчивает абрис задуманной машины на ватманском листе (нынешний же в программах Автокад и Маткад на экране монитора), Государство, которое имманентно его представлению о социумной справедливости и государственной устойчивости, в сумме своей образующих именно идеальное государство. Но последующие без малого две с половиной тысячи лет эпохи цивилизации и культуры — в европейском ее ареале, как наиболее характерном — показали, что идеальная конструкция хороша на чертеже, а в воплощении и особенно в функционировании имеем нечто иное, хотя бы абрис идеального государства в чем-то и угадывается, а в христианской этике и морали во многом превосходит «справедливость» Платона.

Утопии же и антитезисно, антисимметрично органически дополняющие их антиутопии есть копирующие Государство Платона конструкции, как правило, всего лишь с учетом текущей фактологии: то же телевизионное отслеживание каждого шага человека у Оруэлла вместо стеклянных домов в «Мы» Евгения Замятина. Это в антиутопиях. В утопиях же таковая трансцендентность в улучшении жизни человека и вовсе есть основной предмет «мечтаний»: от четко организованного продовольственного, сельскохозяйственного производства до «Вечного хлеба» у Беляева... правда, здесь утопия перехлестывается с предостерегающей антиутопией («Ели, пили, веселились, подсчитали — прослезились»).

...Не только Спарта во многом оказалась имманентной идеальному Государству Платона. Все же Советский Союз, именно как *советский* в первую очередь, но и социалистический (→ в коммунистический), во многом следовал в своем устроении Платону, а в части фактологии — его «пересказу» Томасом Мором и другими утопистами (см. выше). Здесь и пересказывать не надо — самодостаточно мыслящий читатель сам без труда расставит все по сравнительным полочкам... Только один характерный пример приведем, чтобы читатель воспрял духом в благодушно-ностальгических воспоминаниях о годах своей молодости. Речь пойдет о... знаменитых «посылках инженеро́в в колхоз» в 60—70-е годы и в 80-х — до апофеоза горбачевщины.

Читаем в «Утопии», книга вторая, глава первая (без названия, поскольку все последующие главы с названиями): «*...Из каждого хозяйства ежегодно возвращаются в город двадцать человек: они провели в деревне два года. На их место из города выбирают столько же новых, чтобы их обучили те, которые пробыли в деревне год и поэтому более разумеют в деревенских делах; на следующий год они будут наставлять других...*»

...Хотя и не на два года, но дважды в год — в начале лета на прополку свеклы (специфика сельского хозяйства Тульской области) и ранней осенью на ее же уборку — приблизительно по месяцу, но по паре-тройке недель точно. Это же услада молодости! Не зря же негласно такие поездки иначе как вторым отпуском не называли*. Разминка после осеннее-зимних месяцев стояния перед кульманами или сидения с паяльником (сам из радиоконструкторов) над монтажом схемы и пристального вглядывания в вычерчиваемые на экране осциллографа синусоиды. Здоровое деревенское едово, а вечером, до полуночи костерки (ныне напрочь запрещенные), горячительное, гитара с песняком и, конечно, святая простота — «война и колхоз все спишут» —

* Поэзия летних «колхозов» отображена глазами очевидца в книге: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 441 с. (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

любовных восторгов, включая вполне простительные левачество и адюльтер... И серьезные, переходящие в ячейку общества, отношения. Так и кажется, что с бездонного вечернего и ночного неба мечтательно смотрит на отдыхающих от городского асфальта и служебной дисциплины Томас Мор, как он изображен на портрете кисти Ганса Гольбейна. И одобрительно член британского парламента, «лондонский гражданин и шериф» кивает головой, мол, все правильно он предвидел в своей «Утопии» четыреста с гаком лет тому назад...

Но имело место быть еще более близкое к мечтаниям Томаса Мора о двухгодичном пребывании горожан в деревне — в те же «золотые» советские 70-е годы: так называемая каста «трактаристов». По спущенной сверху диспозиции в каждой организации — заводе, конструкторском бюро, научно-исследовательском институте — обещанием вольной жизни, повышением оклада и премий формировались группы, отправляемые на курсы трактористов, иногда и помощников комбайнеров. И все — больше этих разбитных ребят на рабочих местах не видели. *Два года* (!) они ранней весной и поздней осенью пахали, сеяли, бороновали и пр. А зимой их на снегозадержание отправляли. Все остальное *бывшее* их служебное время года списывалось на отпуска, двухзначные цифры отгулов, якобы ремонт техники... К полному восторгу автора такой «двухгодички» Томаса Мора, лондонского гражданина и шерифа. Союз серпа и молота!

***Единство утопии и антиутопии, обретающей реальные черты в биосферно-ноосферном переходе.*** Джордж Оруэлл в упоминавшейся выше рецензии на «Мы» Евг. Замятина проникает в суть антиутопичного устройства общества: «*... Высококлассные научные работники выращиваются так же легко, как безмозглые эпсилоны, и в обоих случаях остатки примитивных инстинктов, таких как материнское чувство или стремление к свободе, легко подавляются. Однако непонятна причина, по которой общество должно иметь такую сложную кастовую структуру. Цель состоит не в экономической эксплуатации и не в желании угнетать и господствовать. Здесь нет жажды власти, садизма или жестокости в любом ее проявлении. У тех, кто наверху, нет весомого повода там оставаться, и хотя все обрели бессмысленное счастье, жизнь стала настолько пустой, что сложно представить, как такое общество может существовать*» (*Op.cit.*, С. 7).

Таким образом, соотнесение причинности, имманентности и трансцендентности в социальных и государственных конструкциях антиутопий ставится под «жирный» знак вопроса. Но и в утопиях этот же вопросительный знак лишь слегка фоново оттеняется (стушевывается, говоря изобретенным Достоевским словом, чем он гордился не менее, чем своими романами...) расплывчатым «устремлением к светлому будущему». Кстати, не зря авторы как утопий, так и антиутопий, отъединяют свои государства-социумы от всего остального мира: у Томаса Мора даже вырывается специальный канал, разделяющий ставшую островом Утопию и материковый берег; у Замятина же город — государство — страна (вот в это предзнаменование верится, глядя на рост современных мировых мегаполисов...) окружен грандиозной Зеленой Стеной, за пределами которой царит дикая жизнь... то есть жизнь *нормальных людей биологических разумных*, как где-то в далеком XX веке, шестьсот лет тому назад. Такая изоляция от внешнего мира, атлантизация (от Атлантиды) неслучайна; оптимисты-утописты и пессимисты-антиутописты тем самым уходят от еще более «жирного» вопроса: каково же эволюционное предназначение человека и человечества в целом?

Именно одинаковое наличие всех означенных вопросов *онтологически* и роднит утопию с антиутопией: явно — по преобладающей фактологии, неявно (стушеванно) по идеологии конструирования миров будущего... одинаково «несветлых» для современного — времени написания соответствующих книг — человека; повторимся: биологического разумного, а еще определенное: самодостаточно мыслящего.

Будущее человечества суть двуликий Янус, у которого одно лицо добродушное, улыбающее, манящее к «правде святой»; другое же — унылое, хмурое, на котором чи-

тается: «оставь надежду всяк сюда входящий». Но облики будущего у утопии и антиутопии есть единый предмет-конструкция, как и отлитый из одного металла идол Януса. Действительно, сами убедитесь: прочтите подряд вторую книгу (первая — общефилософские, общесоциальные рассуждения Томаса Мора о современном ему устройстве мира) «Утопии» и «Мы» Замятина, «уравнивая» технические детали, имманентные XVI и XX векам, и что увидите? А увидите одного и того же человека-робота, винтика социально-государственной машины, живущего непонятно для чего в мире, сущность которого ни с какого боку не поддается осмыслению его винтикам, причем винтикам любой касты: массы, воины, стражника Утопии; равно как и унифы, Хранители и сам Благодетель в «Мы» Евг. Замятина. В чем-то жизнь в этом государстве будущего заставляет вспомнить такую «классику» Средневековья как «Молот ведьм» А. Шпренгера и Г. Институриса (соврем. изд. на русском языке — Саранск, СФ СП «Норд», 1991). Или эвфемизм «дни тянутся долго, а года летят быстро» — безвременье существования, столь художественно представленные в «Улиссе» Джеймса Джойса (см. эпиграф) и в мало кому известном романе «У» Всеволода Иванова*, автора замечательной книги для детей «Бронепоезд 14-69», что обязательно присутствовал в советское время в школьных программах литературы для внеклассного чтения...

Дуализм — фундаментальный закон организации Мироздания. Достаточно взять из школьных уроков физики знаковый дуализм частица-волна из квантовой теории. Этот же дуализм, то есть двойственность представления одного и того же процесса, характерен для всех объектов и субъектов эволюции человека в его имманентности и трансцендентности (см. выше). То есть вроде бы различные пути, а процесс-то один и тот же, ведущий к единой цели. На этот счет упомянутый выше Кропоткин ставит вопрос: «*...Является ли жизнь в обществе средством освобождения личности или средством порабощения? Ведет ли она к расширению личной свободы и к увеличению личности или же к ее умалению? Это основной вопрос всей социологии...*»

Антиутопист отвечает на него однозначно: конечно же порабощение и умаление. Иначе он бы и не вкладывал свой труд в написание соответствующего романа, трактата, памфлета и пр. Утопист же, принужденный лавировать между антитезными категориями социальных законов, те же Платон и Томас Мор, такой однозначности не допускают, ограничиваясь туманным высшим благом, социальной гармонией и прочими двусмысленными неопределенностями. Но в итоге-то социальные конструкции их будущих миров получаются идентичными до «фактологических единиц». Например, столь ныне демонстративно актуальное в части запретов курения и потребления спиртного. В утопиях им вовсе нет места (во времена Мора Америку только что открыли, поэтому главные *ее дары* — никотин, кокаин, сифилис и пр.— еще по Европе не распространились), а в «Мы» главная бунтарша *I-330* демонстративно, закрывшись с *Д-503* в Древнем Доме от навязчивого внимания Хранителей, курит тонкую сигарету и пригубляет из рюмки ликер. К кому, утопистам или антиутопистам, ближе нынешние устроители антиникотиновых и антиалкогольных кампаний? — скорее всего ближе они к министерству финансов... И так во всем.

От курения и «потребления» переходим к единству утопии и антиутопии, обретающем реальные черты в наше время, а именно в развертывании глобализации, как начальной стадии ноосферно-биосферного перехода (по В.И. Вернадскому; см. нашу серию «Живая материя...»; ссылка выше).

*Homo sum, nihil humanum allienum puto* — я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.). Это устоявшееся высказывание можно проассоциировать с извечным устремлением человека к свободе, понимаемой как допустимость для *индивидуально-*

* Единственное издание — в библиофильской, то есть малотиражной (15000 экз.) по тем временам, серии «Из литературного наследия»: Иванов В. В. «У», Дикие люди.— М.: Книга, 1988.— 399 с. Написанные почти одновременно, без какой-либо «корреляции», в разным литературных традициях, «Улисс» и «У» во многом схожи...

*го* человека свободы *личного выбора* одного/любого поведенческого варианта. Отсюда и Гегелево «свобода есть осознанная необходимость». Опять же утописты стыдливо-неявно, а антиутописты жестко-конкретно понятие личной свободы полностью подчиняют работе социумной машины. То есть таковая «свобода» уже явно прочитывается в нынешних магазинах по постоянно высвечиваемым словам на экранах тех штучек (их американское название не помню — от неприязни), которые считывают с платежных карт сумму оплату за покупку, а именно: «*Платите как вам удобно*». То есть свобода расставаться с деньгами, что для человека всегда неприятно, хотя бы и было «осознанной необходимостью».

Далее вспомним «стражей», «хранителей». В утопиях таковые охраняют жизнь и спокойствие граждан, масс в утопическом человейнике. В антиутопиях же... как ни странно это звучит, занимаются тем же самым: охраняют жизнь и спокойствие масс в антиутопическом человейнике, но на более высоком уровне — контролируют мышление. И в той, и в другой социумной конструкции регламентируется поведение и мышление в форме: *свобода не иметь свободы личного выбора*, а у Оруэлла в «1984» еще конкретнее: «*Свобода — это рабство*». Современность уже достигла в этом деле фактологии самых мрачных антиутопий, а тем более радостных утопий: человечество вплотную подошло к ситуации глобального цифрового концлагеря с видеонадзором над поведением. А Илон Маск и К° уже штампуют «чипы» (по-русски микросхемы) для вживления в мозг: наблюдение над мышлением и управлением таковым. Слащаво-утопическое «для вашей пользы, удобства и безопасности» здесь в полной корреляции с антиутопичным приговором самым крохотным артефактом личной свободы.

Цифрофрения, умозамещение и другие составляющие глобального расчеловечивания и есть <весьма скорое> нерадостное будущее человека и человечества, в котором де-факто воплотятся мечтания утопистов и антиутопистов в их трогательном единстве результатов. Двести лет тому назад русский поэт И. И. Козлов писал в стихотворении «Элегия»:

*И если мне еще до утра жить,*
*Кто скажет, где и чем и как мне быть? —*
*Уже тех волн мы в море не найдем,*
*Которые в нем раз переплывем...*
*И человек, лишь мы расстались с ним,*
*Не тем, чем был, но встретит нас иным...*

— что перекликается со словами Джойса из «Улисса», вынесенными нами в эпиграф к очерку. Как дважды нельзя войти в одну и ту же воду — мыслил великий философ античности, так «уже тех волн мы в море не найдем»... и у Джойса см. выше. Поэты, писатели, философы хорошо понимали, что для человека текущая его имманентность отвечает текущей же его трансцендентности. Но вот у утопистов с антиутопистами мы находим... непонимание этого. Представим человека двадцать шестого, или иного какого далекого от него, века; тот и другой упорно приписывают ему все те черты, которыми обладает он сам — утопист и антиутопист — на момент работы над своим сочинением; отсюду и обычные коллизии у тех и у других. Утопический человек наслаждается безмятежной жизнью на своем острове, отгороженным от остального, несовершенного мира, с остановившимся временем, а значит и с зацикленным мышлением. Каждую секунду, даже миллисекунду своей жизни он входит в одну и ту же воду, сохраняя неизменность своего облика, который Томас Мор срисовал с лондонского жителя начала XVI века.

Антиутопический же человек приходит в полнейшее недоумение, стоит ему случайно сделать «шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте» в отступлении от концлагерного порядка «дивного нового мира». И его тянет к бунту, к поиску некогда утраченной личной свободы. А это означает, что автор антиутопии опять же — и прежде всего! — имеет в виду человека его, автора, времени, миросозерцания и мироощущения.

Но как посмотреть на человека будущего «глазами того, кем я буду тогда»? — Подсказкой будет обращение к сравнению «будущего, которое сестра прошлого», с настоящим. Сравнение же это убедительно говорит: в процессе своей эволюции человек легко, всего лишь в двух поколениях, адаптируется к своей новой роли, в части тех же миросозерцания и мироощущения, к изменяющемуся миру, в том числе изменяемому им самим! Так что «жалеть» обитателей грядущего утопийно-энтропийного мира все одно, что сочувствовать своим внукам. Они же просто не поймут о чем им талдычат старшие члены семьи. Всякому овощу свой сезон... Вот и Замятин завершает «Мы» таким антиоптимизмом: «*На другой день я, Д-503, явился к Благодетелю и рассказал ему все, что мне было известно о врагах счастья. Почему раньше это могло мне казаться трудным? Непонятно. Единственное объяснение: прежняя моя болезнь (душа).*

*Вечером в тот же день — за одним столом с Ним, с Благодетелем,— я сидел (впервые) в знаменитой Газовой Комнате. Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у нее острые и очень белые зубы и что это красиво.*

*Затем ее ввели под Колокол. У нее стало очень белое лицо, а так как глаза у нее темные и большие — то это было очень красиво. Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух — она откинула голову, полузакрыла глаза, губы стиснуты — это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла,— смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза — и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведенные вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра они все взойдут по ступеням Машины Благодетеля.*

*Откладывать нельзя — потому что в западных кварталах — все еще хаос, рев, трупы, звери и — к сожалению — значительное количество нумеров, изменивших разуму.*

*Но на поперечном, 40-м проспекте удалось сконструировать временную стену из высоковольтных волн. И я надеюсь — мы победим. Больше: я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить*».

...И это — про овощи — надо понимать как непреложное. Кстати говоря, Оруэлл совершенно справедливо пишет, что «Мы» был запрещен к публикации в Советской России вовсе не по *политическим* соображениям (начало НЭПа, иная жизнь, расслабление после военного коммунизма и пр.), но по идеологическим, притом в той идеологеме, что противостоит утопиям коммунистической направленности (см. выше). И всего-то ста лет не прошло, как социальная эволюция человечества напрочь убрала противостояние утопизма и антиутопизма. Ныне они, в своей фактологии братски обнявшись, все более трансформируясь в двуликого Януса, ускоряясь по экспоненте, как говорят математики, стремительно идут в свое Будущее. На том и аминь!

# КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

**Олеся Янгол**
(г. Тула)

## АРХИТЕКТУРА РАЯ
**Главы из романа**

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

*Все мы уж умерли где-то давно...*
*Все мы еще не родились.*

Максимилиан Волошин

### 11. Безысходность

По иронии судьбы мы вновь работаем на самом дне. Только теперь мы тот самый технический персонал. Сидим в прозрачной трубе, которая левитирует над третьим сектором. Теперь я наблюдаю сверху за копошащимися сине-красными фигурками, без устали сбрасывающими дерьмо Подмира в желоба.

Я даже узнал Губодуя и обрадовался ему, как старинному знакомцу.

Работа у нас спокойная, можно сказать, скучная. Мы нужны только в случае сбоя в системе. Тогда срабатывает зеленая панель. Одному из нас надо спуститься и искать неисправность. Другому — продолжать следить и действовать по ситуации.

Все бы хорошо. Ведь мы вместе, рядом. Вот только сидеть должны спинами друг к другу в креслах с высоченными изголовьями. И разговаривать строго запрещено. Только передача технической информации на рабочие панели.

Так и сидим с раннего утра, чувствуя друг друга лишь потому, что знаем — мы рядом. В туалет отлучаться тоже не приходится. Зеленая жижа что-то изменила в организме. И теперь потребность облегчиться чувствуется только после пробуждения и перед сном. Очень удобно, скажу я вам. Мы — совершенные организмы, выполняющие свою работу безупречно. На рабочем месте я в основном сплю и в основном не думаю. Уже третья неделя подобного существования. Мы спим вместе, но не испытываем желания. И даже перед сном в голове редко рождаются темы для разговоров.

В нашей трубе тонкий, едва слышный цветочный аромат. Я вдыхаю его и чувствую, как утреннее возбуждение отступает. А что уж говорить о бунтарских мыслях, рожденных в темноте ночи! Они исчезают с каждым вдохом этого аромата. Забвение ему имя. Я спокоен. Спокоен. Кто-то заботится о нашем покое. Я сплю...

Раз в неделю выходной. Молекула вежливо просит покинуть помещение для развлечений. В первый раз мы решили не реагировать и остаться дома. Но через минуту уже неслись на летоне, все равно куда, лишь бы подальше от бьющей по нервам высокой частоты, наполнившей комнату.

Вновь грохочущие залы и толпы, толпы... Теперь уже и контингент попроще, и развлечения тоже. Оргиями не занимаются. Пьют пиво и орут друг другу, чтобы перекричать стонущие крики оргазма. Это сейчас самая популярная музыка. Если, конечно, это возможно вообще считать музыкой.

Однажды у барной стойки, когда я заказывал напитки, ко мне подошла женщина. Забинтована празднично. Ее светокостюм бил в глаза.

— Хочу попробовать тебя,— ее губы у самого уха.

Связываться не хотелось. Я молча взял два бокала, чтобы вернуться к Ивее. Женщина удержала меня за локоть.

— Как ты можешь жить без защиты? — спросила она.

Я уже догадывался, что она имела в виду. Здесь все, начиная с седьмого уровня, носили на глазах маленькие кругляши. Они были разных цветов. От глухого черного — прерогатива высших — до радужно переливающихся. Таких, которые сейчас были на ней. В молекуле тоже лежали эти штуки, но мы с Ивеей не рискнули даже прикоснуться к ним. Я видел, как они чуть ли не вживляются в плоть вокруг глаз. И кто знает, можно ли будет потом открепить их?

— Ты болен? — вновь спрашивает она.

Я освобождаю локоть от ее цепких пальцев и смешиваюсь с толпой.

## 12. Побег

Ночью приснился сон. Нечто огромное, с неба, волной накатывает на нас с Ивеей. Я понимаю, что спастись от этого невозможно — так оно огромно. Но я хватаю Ивею за руку и тяну. Упрямо стиснув зубы, бежим не оглядываясь. В голове единственная мысль — мы спасемся.

Я проснулся, резко сел, унял тяжелое дыхание. Мы должны рискнуть. Пусть даже впереди нас ждет аннигиляционная камера. На этот раз мне не пришлось долго уговаривать Ивею. Она сама все прекрасно понимала. Бежать сегодня же утром. Добраться по желобу до Конуса. Спуститься до Первого яруса и отправиться к горам. А там как сложится. И сейчас я молил того неизвестного помочь и в этот раз.

Здесь я оставляю последнее, что связывало меня с прошлой жизнью. Мой цифроальбом с песнями Ригаса. Но зачем теперь мне все это? Да и ситра давно уже не со мной. Все это мелочь. Главное — рядом Ивея. Неожиданная, внезапно ворвавшаяся в меня любовь. Теперь я не представлял себя в отдельности от нее. Мы по-прежнему мало говорили. Она молчалива. Но мне достаточно ее глаз. Они полны любви. И даже если нам не удастся достигнуть острова, мой остров — это моя Ивея. Ивея и Адан. Адан и Ивея. Сейчас мысленно я обручил нас. И в этом мрачном и безумном мире мы засияли сильнее, чем все вместе взятые их чертовы светокостюмы. И теперь меня не остановить. Я сделался другим. Или меня сделали другим. Что ж, спасибо этому безумному миру, что раскрыл мне глаза и вернул разум.

Мы вышли из молекулы и сели в летон.

## 13. Обнаженное небо

Я не хочу описывать нашу «поездку» в желобе, наполненном помоями. Комфортной ее не назовешь. Запахи и слизни, норовившие проползти по лицу, ушли на второй план перед страхом быть остановленными у самого входа в Конус. Случись это, нас вряд ли оставили бы на свободе. Хотя можно ли называть свободой ту жизнь,

которую приходилось вести в Подмире? И все же, если бы мы попали в лапы системы, кто знает, где оказались бы? Раз уж на Третьем ярусе ужасная тюрьма, что говорить о Шестом! Но нас никто не остановил. Мы вовремя выбрались из движущегося желоба, перед самой стеной Конуса. Дальше он въезжал внутрь и наверняка направлялся в аннигиляционную камеру.

Ивея быстро нашла технический вход. Всего лишь касанием пальца, смоченного слюной, она открыла дверь. И вот мы на свободе. Хотя с некоторых пор я перестал считать Эвкаиф местом, где можно быть свободным. Но сейчас нам удалось вырваться из... Из чего? Как просто оказалось покинуть Подмир! Ну, если не считать сложностей с выносом вещей из молекулы. Ведь только это нас и удерживало. И нам казалось — мы в ловушке. Но мы ушли, и нас никто не удержал. Значит, власть — это иллюзия? Тебе только внушают, что нельзя, ты не имеешь права, ты должен. Все держится здесь на внушении? И ты не можешь выйти из распахнутых настежь дверей?

Как ловко научились держать человека в узде. Главное — внушить, что нельзя переступать невидимую черту.

Мы в лифте. Палец Ивеи замер на панели с выбором яруса.

— Адан, я должна увидеть отца.

Вот так я оказался на самой крыше мира. Стою на зеленом лугу, вдыхаю свежий воздух, наслаждаюсь солнцем и теплом.

Седьмой ярус затянут прозрачным силовым куполом. Здесь отрегулированный климат. Стабильные плюс двадцать шесть градусов. Даже если атмосферные фронты сталкиваются над куполом, под ним тепло и спокойно.

Первое, что мы сделали,— стянули с себя светобинты, пропахшие насквозь запахами Подмира. Они исчезли в трубе аннигилятора, и я вздохнул свободно. Смыли грязь.

— Нам нужна крепкая одежда.

Ивея привела меня в зал, потолок и стены которого терялись в рассеянном свете. Здесь все помещения были внушительных размеров. К нам всякий раз подплывали тонкие гибкие ленты с выдвигающейся длинной ручкой. Стоя на такой полосе, можно было быстрее перенестись в другое помещение.

— Это гардеробная. Закажем по две смены. И хорошую обувь. Те внешние горы намного серьезнее Гипополам Лупус.

Я с интересом наблюдал, как сканирующий луч «прощупал» мою фигуру. Напротив меня появилась проекция, словно я стоял перед зеркалом. Менялись одежды. Мы выбрали крепкие штаны и куртки, удобные сабаны и белье.

Все это вскоре появилось на выдвинувшейся из света панели. Потом Ивея отправилась искать отца, а я стоял на зеленой траве, скинув сабаны, и наслаждался покоем. Смотрел и смотрел на небо. Такое открытое и обнаженное. Но, увы, все это было иллюзией. Даже этот совершенный Седьмой ярус, защищенный от подступающего снизу безумия, не удержал бы меня здесь.

Потом бродил по залам. Искал Ивею. Иногда пользовался летающими полосами. Все помещения плавно перетекали одно в другое. Я нигде не смог разглядеть потолок. Все было залито светом. Словно он и играл роль стен. Лишь цвета менялись. Вот бледно-зеленый зал. Посередине бассейн со спокойной прозрачной водой. Присел на край и разглядел рыб. Длинные гибкие тела переливались изумрудом. Все это навевало покой и грусть. Попытался представить, как чувствовала себя Ивея здесь, будучи ребенком. Одинокая, затерянная в тишине огромных пространств. Может, оттого она так молчалива. Лишь на Шестом ярусе, с дядей, немного ожила. Но ни там, ни здесь она не чувствовала себя дома. Да ведь и я, покинув родителей, внутри себя постоянно ощущал неприкаянность. В этом мы были похожи.

Я пролетал залы и услышал голоса. Спустился с ленты. Впереди темная арка.

Сначала показалось, что там совсем нет света, но, подойдя ближе, увидел тусклое свечение и силуэты — Ивеи и ее отца.

— Почему ты не хочешь уйти с нами?

— Не забывай, я пока еще правитель Эвкаифа. Меня скинули со счетов и думают, я сложил руки. Но они ошибаются. Последнее слово будет за мной.

— Что ты задумал, папа?

Голос Ивеи уставший, неровный. Она медленно опустилась в кресло.

— Ты ведь тоже считала меня безумным. И Этон, твой дядя, так считал. Интересно, понял ли он, хотя бы перед своей позорной смертью, что я был прав?

Голос его звенел, и я видел, как вздрогнула Ивея.

— Зачем ты так?! Папа... Он любил меня. Он единственный, кто любил меня по-настоящему.

— Как ты близорука, дочка. Хотя чего я могу ожидать от тебя! Ты всего лишь женщина. Твой удел рожать... Если бы был сын... Нет, нет! Все идет правильно. Именно так должно быть. Мой род остановился на тебе. Эвкаифу конец. И он ближе, чем ты думаешь.

Ивея встала, но все еще медлила уходить.

— Папа...

— Я даю тебе год. Ровно год, чтобы спастись. Твой любимый дядя все же сделал в своей жизни одну разумную вещь. Он приготовил остров для зарождения нового человечества. Хотя... Зачем вообще оно нужно? Человечество! Жизнь! Человечеству дается жизнь, но сохранить ее оно не в состоянии. Оно изначально несет в себе разрушение. И я не жалею о своем решении. Те мелкие сошки, которым сейчас кажется, что они вершат судьбами, глубоко ошибаются. Они просчитались. Они забыли, что все... весь Эвкаиф в моих руках!

Ивея выбежала из темноты зала. Ее отец обернулся вслед. И я увидел его лицо. Горе потери, боль и слезы. Вот как провожал он свою дочь. Но она уже не видела этого.

### 14. Вниз

Здесь нам уже нечего делать. Мы в туннеле. В лифте Ивея выбирает Первый ярус. Спокойная пульсация участилась. Что-то не так. Панель темнеет. Ивея напугана. Она смотрит на меня.

— Может, я попробую?

— Выбери самую нижнюю точку.

Касаюсь пальцем. Частая пульсация, панель вновь становится черной. Ивея еще и еще раз пытается направить лифт на Первый ярус.

— Заблокировано. Но кем? Неужели отец?

— Я не думаю. Зачем ему препятствовать тебе, когда он практически выгнал тебя.

— Он ненавидит меня.

Ивея села, задумчиво глядя в пустоту.

— Когда ты уходила, он плакал. Я видел его взгляд. Поверь мне, он не будет так поступать с тобой.

— Плакал? Но зачем он был так груб?!

— Может, боялся, что ты останешься?..

— Адан! Адан!..— Ивея притянула к себе.

Я сел и обнял ее.

— Если он хотя бы коснулся моей руки, я бы осталась. Не выдержала бы. Мне так тяжело оставлять его здесь. Адан, я виновата перед ним. Я так и не смогла рассказать ему о маме. Это слишком большой удар для него. Он сейчас так слаб. Почти на грани. Адан, я разрываюсь! Мне кажется, я, словно крыса, бегу с погибающего Эвкаифа. Я не имею права так поступать. Я... Что мне делать?

— Мы отыщем твою маму и вернемся обратно.

Мне тяжело было произносить эти слова. Всеми мыслями я уже был там, на далеком острове, где ждет нас нормальная жизнь. Где мы сможем забыть обо всем этом безумии цивилизации.

— Да, мы вернемся. Мы заберем отца и поселимся все вместе на Третьем ярусе. Среди друзей... И все наладится. Все будет как прежде...

Я обнимаю и глажу мою хрупкую Ивею. Я не в силах облегчить ее горе. Мы снова пытаемся выбрать Первый ярус. Заблокировано.

— Попробуй Второй,— предлагаю я.

И вот мы спускаемся. Впереди нас ждет Второй ярус. А это значит, что проблем и препятствий становится больше. И как спускаться на Первый? Сейчас я стараюсь не думать об этом. Я держу руку Ивеи и мысленно вновь прошу о помощи того...

## Часть пятая
## Чтобы попасть в Рай, надо пройти через Ад

### 1. Второй ярус

Людей так много. Вспомнился рынок на Третьем ярусе. Но здесь повсюду сплошной рынок. И нет движущихся платформ. Передвигаются на ламах, впряженных в телегу. Два огромных колеса, между ними перекладина. Ламой правит извозчик. Не останавливаясь, гонит животное. Надо успеть сесть на перекладину и удержаться. Здесь расплачиваются деньгами. У нас их нет.

Сначала нас влекла толпа. Потом удалось пробраться к грубой грязно-синей стене, тянущейся непрерывной линией. Высокие арочные проходы, наполненные тенями снующих людей. Зашли в один. Он оказался похож на туннель. Впереди свет и длинные тени веером. Пройдя туннель, оказались в городе. Здесь не было привычных каскадов с интуитивно понятным направлением. Был хаос улочек, застроенных пестрыми домами. Неровные стены, с наплывами, наростами, перекосами. Грубые ступени, окна-дыры, окна-бойницы, окна-туннели. В основном все синее, но разных оттенков. Замшелое, в потеках сезонных непогод.

Но странно, на ощупь стены казались мягкими. Я постучал костяшками пальцев по стене. Отдалось звонко. Как такое может быть?

И вновь люди. Снуют, стоят, торгуют, покупают. Проносятся телеги. Надо быть осторожными.

На нас были жилеты с заплечными заками. Они возвышались над головой, а внизу доходили до колен. Специальный силовой облегчитель крепился снизу. И нести вещи было несложно. Ивея собрала достаточно прессованных пищевых брикетов. Еда для долгих походов. В каждом брикете тонкие хрустящие пластины. Можно есть так, можно запаривать кипятком.

— Горбуны, горбуны!

Из бойницы напротив торчали детские головы. Кажется, они кричали на нас. Высунулся взрослый мужчина. Толстое, красное, потное лицо.

— Вон пошли, грязные арданы! Нищие попрошайки! И как вы только еще пробираетесь сюда!

Я едва увернулся от летящего в меня тяжелого башмака. Мы поспешили уйти.

Я крепко держу Ивею за руку. Потеряем друг друга и уже вряд ли сможем найти. Злобный грязный мир. Так встретил нас Второй ярус.

### 2. Лабиринты

Душный, затхлый воздух ворвался в легкие сразу же, как мы вышли из Конуса. Здесь же, в городе, дышать было вовсе невыносимо. Система утилизации отсутство-

вала. Вдоль улочек тянулись неглубокие канавки для стока дождевой воды. Они были переполнены отходами. Крысы сновали по кучам мусора. Судя по упитанности, они были довольны подобной жизнью.

Жители, по всей видимости, тоже не голодали. Приземистые, плотные, а чаще даже толстые мужчины и женщины. Они шагали широкой уверенной поступью. Переговаривались громко, постоянно жестикулируя. Не стеснялись толкнуть, если спешили. И, если пострадавший успевал схватить обидчика, затевалась потасовка с криками и тычками в живот и грудь. Потом все быстро успокаивалось, и крикуны, мгновенно забыв об инциденте, расходились по своим делам.

Мы миновали несколько узких улочек. Пару раз едва успели увернуться от мчащейся на нас ламы с обезумевшими глазами. Она везла телегу, набитую сидящими на ней людьми. Всякий раз на нас указывали пальцем. Видимо, мы сильно удивляли местный народ своим необычным видом. Слышалось: «Грязные арданы! Катитесь в свой грязный Ардан!»

Мы бы рады были найти тихий уголок. Но нескончаемый лабиринт улиц тянулся и тянулся. Встречались высокие арки-туннели, но сворачивать в них, не зная, где окажешься, мы не хотели. В конце концов нас просто оттолкнули в одну из арок. Какой-то торопыга, не останавливаясь и не глядя, уверенным движением руки двинул меня по предплечью.

В арке было пусто и темно. Мы вымотались. Уставшие, скинули заки и сели на корточки, прислонившись к стене. Я глянул на Ивею. Она улыбалась с закрытыми глазами. Меня это сильно удивило.

— Что? — удивленно спросил я.

Она пожала плечами, улыбнулась еще шире.

— Приключение.

— Ты это только сейчас заметила? А раньше? Когда мы шли по Гипополам Лупус. А в Подмире?

Ивея открыла глаза, посмотрела на меня, придвинулась ближе.

— Раньше я была одна. Даже когда мы были вместе. А теперь у меня есть ты. Теперь я точно знаю — я нужна тебе. Я чувствую...

— Да, ты нужна мне.

Я привлек к себе Ивею и крепко обнял.

— Словно какая-то пуповина оборвалась,— сказала она.— Я никогда не понимала отца. Да он и не стремился быть понятым. Теперь, когда я знаю, что мама жива, мне стало легко. И еще я поняла: отец любил меня. Что бы там впереди нас ни ждало, теперь я не одна.

Послышалась музыка. Звучала ситра. Я узнал бы ее звук из тысячи. Мелодия тихим эхом плыла в туннеле. Что-то отдаленно знакомое. Я прислушался. Постарался не шуршать одеждой. Вдруг четко уловил знакомый аккорд. Я вспомнил Маду. Его деревянную ситру. Мы на балконе, с нами малыш Ами. Тогда я впервые услышал настоящую мелодию Ригаса. И сейчас это была та самая песня. В этом не было сомнений. Я встал, приподнял заки, закрепил жилеты.

— Ивея, идем!

Я повлек ее за собой вдоль туннеля туда, где звучала до боли родная мелодия Ригаса.

### 3. Лерик

Выйдя из темного туннеля, мы оказались на залитой солнцем площади.

Большой и светлой. Строения из розового камня поражали тонкой резьбой. Стены, огромные окна, двери — все украшено узорами. И казалось, будто узоры прорезают камень насквозь. Изнутри струился свет, на плиты площади ложились узорные тени. Резные прямоугольные колонны подпирали высокие арки вдоль фасадов. Под

арками шла бойкая торговля. Здесь тоже был рынок. Гремя колесами, проносились повозки с впряженными ламами. Люди сновали в разные стороны, перебегали площадь, стараясь не попасться под колеса. Было шумно, жарко, слепило глаза солнце. Лишь в арках сохранялась желанная тень.

Я прислушался, но мелодия смолкла, когда мы еще шли по туннелю. В такой толпе увидеть музыканта невозможно. Мы подождали, пока прогрохочет очередная телега, и перебежали площадь.

Из-под ближайшей арки доносился аппетитный аромат. Молодой, добродушный с виду толстяк ловко готовил что-то вкусное. Красный, потный, он суетливо перебегал от одного столика к другому. Что-то жарил, заворачивал, перевязывал и тут же продавал. От покупателей не было отбоя.

Мы оказались достаточно близко к нему. И я решился спросить:

— Здесь недавно играли на ситре. Вы не видели, куда ушел музыкант?

— Тут полно музыкантов. Ситра, не ситра, мне нет дела. Видишь, как приходится работать! Тут некогда по сторонам глазеть,— довольно грубо бросил он.

Мы отошли, скинули заки и сели в теньке. Парень продолжал крутиться вокруг котла и все не мог успокоиться:

— Полно бездельников! Вон и вы с виду — настоящие бездельники. А музыканты ваши и подавно. Песенки распевают, да еще и денег за это хотят. Работать надо! Кручусь один с четырех утра. Тесто поставь, замеси, мясо разделай. А еще с вечера карамель варить, да не переварить чтобы, иначе как камень станет.

Парень неловко повернулся между столами и упал. Выронил из рук готовую булочку.

— Бешеная лама! — выругался он.

Ивея не выдержала, расхохоталась. С пыхтением поднявшись, он покраснел еще больше.

— Мы не бездельники. Можем помочь, если хочешь,— предложила она.

Покупатели напирали, нервничали.

— Твои мешочки самые вкусные, Лерик, да и дешевле. Мне десяток.

Какой-то наглец решительно растолкал покупателей, протиснувшись к прилавку.

— А ну, быстрей идите сюда,— обратился к нам Лерик.

— Ты мясорубку крути,— сказал он мне,— а ты тесто раскатывай и поливай соусом. Смотри как!

На хитром приспособлении была горизонтально закреплена длинная трубка с накрученным на нее тончайшим, как простыня, тестом. Под трубкой глубокая кастрюля с кипящей водой. Лерик, отмотав слой теста, натягивал его на кастрюлю. В середину клал поджаренный фарш, а Ивея поливала густым ароматным соусом. Под тяжестью фарша тесто слегка проседало в кастрюлю. Лерик, ловко подхватывал мешочек с фаршем, успевавший свариться в кипящей воде, а Ивея обвязывала его гибкой травинкой.

Быстро во всем разобравшись, мы принялись за дело. Очередь не уменьшалась. Кажется, людей стало еще больше. Лерик иногда прикрикивал на нас, но уже не так злобно. А иногда даже и хвалил.

— Руки у тебя сильные, хорошо крутишь,— сказал он мне, набирая фарш широкой ладонью.

Ивея приноровилась завязывать травинку на бантик, чем расположила к себе Лерика окончательно.

— О! теперь и я так делать буду! Вот вернется отец, я ему докажу, что способен держать свою пекарню. А то он меня хлюпиком считает. А я не хлюпик. Вон как моя карамель пришлась. Все только и твердили, что карамель к мясу не подходит. А вон как подходит. Бардан уже третий раз за день покупает. Бешеная лама! Масло кончилось!

Лерик выбежал из-за прилавка и помчался куда-то через площадь. Вскоре вернулся с огромной бутылью янтарной жидкости.

Так мы проработали до позднего вечера. Закатные лучи окрасили стены тусклой бронзой. Народу становилось все меньше. Торговцы закрывали лавочки. Мы помогли Лерику прибраться. Голодные, уставшие присели у заков.

— Идемте, я же обещал заплатить вам.

Как я ни пытался, не мог вспомнить об этом его обещании. Но деньги нам не помешают. Кто знает, сколько нам тут еще быть.

— Дом родителей на площади Банов. А это площадь Ибов. Я вижу, вы не местные. Знаете хоть, как столица-то называется?

Мы, уставшие, шли за неутомимым Лериком.

— Ибан. Бешеная лама! Из каких дыр вы только вылезаете, гряз... арданы? Уже несколько лет, как туннель перекрыли. А вы все прете. У вас что там, своей работы мало?

По всей видимости, ему не были важны наши ответы. Он любил поболтать. Высокий голос разносился по опустевшей площади. Мы прошли еще один темный туннель, который Лерик осветил светящимся шаром. Точно таким, какой был у нас на Третьем ярусе.

Площадь Банов разглядеть было уже невозможно. Все погрузилось во тьму. Луну и ее отражение в Конусе скрыли черные тучи. Пройдя арку, мы вошли через резные ворота внутрь небольшого дворика. Лерик закрыл за собой ворота.

— Вот мы и дома. Переночуете у меня. Родители в соседнем каскаде. Там дядька мой помер. А я не поехал, сказался больным. А сам, пока их нет, наварил карамели. И дело пошло. А если бы отец под боком стоял, бешеная лама! Ничего бы я не сделал.

Из внутреннего дворика мимо небольшого фонтана он провел нас в комнаты. Светящиеся потолки позволили, наконец, оглядеться. Уютно. По стенам цветные рисунки. Прикоснулся к одному и ощутил мягкий длинный ворс. Судя по всему, они были из меха. Такого мне видеть еще не приходилось. Низенький столик, вокруг множество подушек. На столике объемный деревянный короб.

Лерик уселся на пол, устланный подушками, нажал что-то на коробе. Тот засветился.

— Так, что там у нас на сегодня?

Какая-то надпись побежала строкой по крышке.

— Мясо с маной. Сойдет.

Раскрыл короб. Оттуда вырвался ароматный пар. Три глубокие миски выставил на стол.

— Давайте, нажимайте, пока горячее,— пригласил он нас к столу.

— Мне уже двадцать, а я еще без жены. А все почему? Потому что дела своего нет. Отец упрямый. Вечно твердит, что я не способен ни на что. Вот теперь пусть посмотрит! Я за один день заработал больше, чем он за неделю. Бешеная лама! Забыл деньги ссыпать! Бешеная лама! Который час?

Он вскочил, едва не опрокинув столик.

— Еще успею.

На его поясе был прикреплен объемный, увесистый мешок. Он открепил его, сунул мне в руки.

— Идемте скорей!

В соседней комнате вдоль стен стояли мягкие диваны. Посередине — светящийся круг. Лерик стукнул по нему ногой. Выдвинулись две прозрачные трубы.

— Давайте вместе. Крупные монеты в левый, всю мелочь в правый. Мы сидели на полу и сортировали деньги. Время от времени Лерик посматривал на часы, висящие на стене.

— Бешеная лама! Три минуты! Скорей!

Мы торопились. Ивея едва сдерживала улыбку. Лерик ее забавлял.

— Чего ржете? Не успеем, мне такой штраф пришлют, что полгода не расплачусь.

На исходе последней минуты успели закидать все монеты. Лерик слегка шлепнул по трубам. Те, издав тихий звон, плавно ушли вниз.

— Фу! Бешеная лама! Это все из-за вас. Заговорили меня.

Раздалась тихая мелодия. Из светящегося круга выдвинулась тарель. На ней груда монет.

— Успели!

Лерик жадно сгреб деньги и переместился с ними на диван. Принялся пересчитывать.

— Бешеная лама! Они опять налоги подняли! Каждый день, что ли, теперь поднимают? Ты смотри! Я рассчитывал на сотню, а они один кулон недодали. Пусть их бешеная лама унесет. Ничего. Завтра отцу высыплю на стол, пусть попробует еще раз назвать меня хлюпиком. На следующей неделе женюсь. Есть у меня на примете. Ох, хороша! Пышечка!

При этих словах он презрительно окинул взглядом Ивею. Ивея не выдержала и засмеялась, вновь ввергнув Лерика в густую пунцовость.

Успокоившись, Лерик выложил нам две крупные монеты и горсть мелочи.

— Заработали, арданы.

Потом мы закончили ужин. Потом спали на мягких удобных диванах. На рассвете Лерик уже замешивал тесто на кухне. Время от времени слышалось его высокое — бешеная лама!

Мы встали, оделись, вышли к нему.

— Может, еще у меня поработаете? — с надеждой в голосе спросил он.

— Нет, Лерик, у нас есть дела,— ответил я, пожав ему руку.

— Жаль! С вами хорошо. Вы хоть и арданы, но тоже ничего.

Мы распрощались и вышли. Солнце уже щедро освещало площадь Банов. Нежная бирюза покрывала резные стены домов. И это было очень красиво.

### 4. Велена

Мы вновь вернулись на площадь Ибов. Она постепенно наполнялась торговцами. Под арками раскладывали товар. Все чаще проносились повозки, гремя огромными колесами.

— Почему ты хочешь найти музыканта? — спросила Ивея.

Со вчерашнего утра она стала другой. Молчаливость и тоска покинули ее. Мы полночи, несмотря на усталость, шептались и хохотали над Лериком. Очень уж забавный. И сейчас она шла немного впереди меня, слегка пританцовывая, играя ногами с плитами площади. Или вдруг останавливалась, расстегивала жилет с заком, ставила его на землю и задирала голову вверх, восхищенно разглядывая резные колонны, фантастические узоры на стенах зданий. Я глядел на нее по-новому. И, кажется, влюблялся еще сильнее. Если, конечно, такое возможно.

— Не знаю, Ивея, зачем я ищу его. Ведь это не Ригас. Но он пел его песню. Но откуда она здесь известна? Сначала ее пели на Четвертом ярусе, потом я услышал ее на Третьем. И теперь на Втором. Как так может быть, чтобы обычная песня путешествовала через ярусы? Ты же знаешь, что обычные люди не могут проникать в туннель.

— Ты прав. Я об этом не подумала. Смотри, какая красота!

Задрав голову, Ивея указывает на узкую башню в кружеве сквозных узоров. Утреннее солнце пробивается сквозь узорные стены. Башня, наполненная светом, словно висит в воздухе. Я любуюсь и не хочу обращать внимания на людей, которые уже тычут пальцами и злобно смотрят на нас. Я вновь слышу: «Грязные арданы!» Видимо, все, кто хоть немного отличается от них, «грязные арданы».

Несколько мужчин, активно жестикулируя и хмуро поглядывая на нас, решительно пересекают площадь.

Я хватаю Ивею за руку.

— Бежим!

Сворачиваем в первую же арку с туннелем.

— Скорее!

— Адан, что?!

Объяснять некогда. Влеку ее за собой.

Пробежав туннель, оказываемся еще на одной площади. Тусклое золото стен. Вновь люди. Но из-за наших заков сложно смешаться с толпой. Вижу огромную, тяжелую дверь. Только бы была открыта. Дергаю. Распахиваю. Забегаем. Сквозь резные узоры стены вижу, как проносятся разъяренные мужчины. Они потеряли нас.

Тяжело дыша, в полутьме смотрим друг на друга и улыбаемся.

— Теперь у нас есть деньги. Давай поищем жилье. А там подумаем, что делать дальше,— мудро предлагает Ивея.

— И вот еще что,— продолжает она уверенно,— сейчас мне не возражать! Искать жилье пойду я.

— Нет! Ивея, даже не думай об этом! Ты же видела, как на нас здесь реагируют. Как я могу отпустить тебя?

— Если пойдешь ты, тебя точно не пропустят мимо. Высокий, худой. Ты очень отличаешься от местных. А меня примут за девчонку.

— Ты можешь потеряться.

— Не переживай. Включу все свои навыки в незнакомом месте. Дядя не напрасно обучал поиску «тропы жизни».

— Ох, Ивея! Ты стала слишком бойкой и бесстрашной. Меня это пугает. Это я должен защищать тебя и заботиться.

Ивея скинула зак, приоткрыла тяжелую дверь. И тут мы услышали скрипучий старческий голос:

— Кто здесь?

Вверх вела крутая лестница. Голос раздавался оттуда.

— Мы ищем жилье,— с надеждой в голосе, крепко взяв Ивею за руку, ответил я.

— Откуда вы?

— Из соседнего каскада,— нашлась Ивея.

Повисла долгая пауза. Я вновь почувствовал, как Ивея напряглась, собираясь выйти наружу.

— Я почти слепая, поднимитесь наверх.

Мы поднялись. Из открытой двери пробивался луч солнца, окутанный пыльной дымкой. Маленькая, тщедушная старушка, держась за ручку двери, пыталась нас разглядеть.

— Моя дочь умерла прошлой весной. А ее муж и дети не хотят знать меня. Живут в другом каскаде. Раньше хоть дочь приезжала, а теперь я одна. Жду смерти... Но смерть никак не приходит. Если вы не злые люди, войдите в мой дом.

Она медленно, трясущимися руками раскрыла дверь пошире. Мы вошли. Широкая комната, залитая солнцем, огромное арочное окно заполнено тончайшим каменным узором. От этого по всей комнате легкие тени. Слышится гул площади. Вокруг нас диваны и меховые расшитые покрывала. У дивана низенький круглый столик. На нем точно такой же деревянный короб, как у Лерика.

— У меня давно отключился порт. Не могу даже пресных лепешек заказать. А лестница так крута. Я уже не в силах спускаться.

По ее жесту я понимаю, что речь идет о коробе или о какой-то его составляющей. Этот короб производит пищу. Лерик при нас набирал на панели заказ, и через минуту мы пили горячие напитки и ели вкусные печенья.

— У нас есть деньги. Мы можем купить вам еды,— предлагает Ивея.

Старушка, опустившись у стола на колени, долго и близоруко смотрит на нас.

— Садитесь, дети.

Отставив заки, мы сели на пол, как и она.

— Нужно оплатить порт. Тогда будет и еда. Но у меня уже давно нет денег. Раньше дочка оплачивала. Из какого вы каскада?

Не знаю, почему я ответил, что из южного. Старушка трясущейся рукой поправила седые волосы, слабо улыбнулась.

— Ну ладно, ладно, дети, пусть так. Вижу я плохо и слышу плохо. Но голоса у вас добрые. У меня есть где спать. А оплатите порт, то и живите.

Я огляделся. Небольшая арка в глубине комнаты была обрамлена световой дугой. Слева от арки я заметил светящийся круг в полу. Кажется, я понял, что надо делать. Подошел к кругу и, вспомнив, как это делал Лерик, слегка стукнул ногой. Выдвинулись две небольшие прозрачные трубки.

— Как оплатить порт?

— Нужно либо один кулон, либо пять, либо десять. Если десять, то еды хватит на месяц.

Вспоминаю Лерика. У него удержали один кулон на налоги. Знать бы только, что это за монета — крупная или мелочь. У нас было две крупных и горсть мелочи. Я решил испробовать мелкие монеты. Отсчитал десять, бросил в правую трубку. Она задвинулась. И вдруг за аркой раздалось шипение, что-то щелкнуло, шипение прекратилось.

— Это, сынок, ты душ включил. Сможете теперь помыться. Это ты в правый положил. А за порт надо в левый.

И тогда я положил одну крупную монету в левую трубку. В коробе засветились щели.

— Вот и еда у нас теперь,— обрадовалась старушка.

Она взяла Ивею за руку.

— Скажи, дочка, какого цвета полоска на коробе?

— Белого, бабушка.

— Вот и славно. На сегодня у нас еда есть.

Она научила нас набирать команду и делать заказ. Раскрыв короб, мы извлекли глубокую миску с мясом и кусочками маны. Еда была вкусной и казалась натуральной. Во всяком случае, не было никакого сравнения с зеленой жижей Подмира.

— Зовите меня Велена, дети.

Так мы стали жить у Велены. На другой день из своего зака Ивея достала сверток бесцветной материи.

— Это нат. Из него все что угодно можно сделать. Попытаюсь соорудить для нас одежду, похожую на местную.

Развернув сверток, она накинула его мне на плечи. Довольно ловко, ногтем, отмечала нужные линии, соединяла, подворачивала. Вскоре я уже стоял в штанах и куртке, по крою схожими с одеждой местных жителей. Последним движением ладони Ивея окрасила материю в коричнево-розовые оттенки. Мне бы еще жирку нарастить, и от местного жителя не отличишь.

Для себя Ивея соорудила длинную летящую юбку и кофту. Теперь передо мной стояла девчонка, схожая с теми, что я видел на площади.

— Надеюсь, теперь нас не назовут грязными арданами,— сказал я, осматривая себя в зеркале.

Оплатив порт на новый день, мы решили пойти к Лерику. Может, он еще нуждается в помощниках. Если будет платить хотя бы так же — едой мы обеспечены.

### 5. Работа

Лерик обрадовался нам, как родным.

— Отец мне месяц дал. Если, говорит, сто кулонов за месяц заработаю, моя пекарня!

И вот мы работаем засучив рукава. Быстро и слаженно. Лерик с Ивеей постоянно друг над другом подтрунивают.

— Ты хоть и арданка, а какая-то мелкая. Как пичуга. Видать, в детстве мало кормили.

— А ты, видать, в детстве за троих лопал.

— Ха, не смеши. Если бы только за троих, был бы такой же тощий, как ты. Мама кормила нас с отцом на славу. Это ведь только три года, как нам короба роздали. А раньше сами готовили.

— Кстати, Лерик, раз у вас короба есть, зачем пекарню держать? — спросил я.

— Ха! Сравнил! У меня тут все натуральное. Видал, как народ валит? Всем мои мешочки по вкусу. Ни за какие деньги такого короб не создаст.

— А кто вам эти короба раздал? — снова спросил.

— Ну, вы и... арданы! Вы что, только вчера в Ибане появились? Или нет, позавчера. Вот как в первый раз ко мне подошли.

Лерик, конечно, шутил, но и не подозревал, как близок к истине.

— Рассказываю. Три года назад был собран совет Ибов и Банов. На нем постановили раздать всем жителям короба для облегчения жизни. Был выпущен указ — в доме запрещено есть приносную пищу, вот как моя. А только пользоваться коробами. А на улице ешь что угодно. Не возбраняется.

— А для чего все это?

— Эй, Адан, ты явный ардан!

Лерик, потный и красный, хохочет от души.

— Сказано же тебе — для облегчения жизни. Кстати, вместе с коробами и световой круг установили. Теперь вообще никаких проблем. Все из дома можно оплачивать, и налоги тоже. А раньше приходилось мотаться на конец каскада раз в месяц.

— Тебе нравится еда из короба? — спросила Ивея.— Она же ненатуральная.

— Нравится, не нравится. Кто меня спрашивает? Сказано так жить, вот и живем. А потом, я-то всегда могу себе позволить настоящего, горяченького.

Лерик взял из рук Ивеи только что перевязанный мешочек и с аппетитом принялся есть, отдуваясь от жара.

— Давайте, налетайте, пока никого нет. Вас надо как следует откормить.

Мы уселись на низенькие стулья и взяли по мешочку.

— А вы мне так и не сказали, через какие дыры сюда проникли. Хитрые,— отершись платком, произнес Лерик.

— Да ладно, будто сам не знаешь,— Ивея улыбнулась, но как-то с прищуром. Чувствую, решила схитрить.

— Дык каждый дурак знает про «Ворота». Вот только я не слышал, чтобы через них поднимались. Вниз спускают. Да и то если повезет. А потом, не меньше двухсот кулонов билет стоит.

— Что значит «если повезет»? — спросил я.

— Бешеная лама! Вы что про «ворота» не слыхали?

— Как-то не приходилось.

— Вас, наверное, крепко по голове ударили, когда вы через дыру лезли.

Лерик расхохотался, согнулся от смеха, закашлялся. Пришлось нам с Ивеей с двух сторон бить его по спине.

— Тьфу! Кхе-кхе! Бешеная лама! Ну вас! Давайте работать.

### 6. Рассказ Велены

Мы продолжали работать у Лерика. Платил он каждый день. Два кулона и мелочь. Как раз хватало, чтобы оплатить короб и душ. Оставшийся кулон мы откладывали. Мелочь тоже копилась. В общем, все складывалось благополучно.

Мы с Ивеей впервые почувствовали довольство жизнью. Никто не дергал, не заставлял жить в запрограммированной системе. Да и работа приносила удовольствие. Лерик, хоть и был остер на язык, оказался добрым малым.

Выходных у нас не было, поэтому после работы мы бродили по Ибану, любуясь его площадями в заходящих лучах солнца. В центре он оказался куда чище, чем на окраинах. И воздух здесь был не таким затхлым. А впрочем, может, мы просто привыкли.

Мысль о музыканте постепенно забылась, и я больше не горел желанием искать его. Стал замечать, что набрал в весе. Щеки округлились, появился животик. Ивее удавалось оставаться стройной, но и ее лицо теперь не было таким изможденным, как прежде.

Определенно Второй ярус показался мне симпатичным. Мирная, сытая жизнь. Чего еще надо?

Конечно, нам нужно было искать способ попасть на Первый ярус. Но с каждым новым днем все откладывалось на потом. Было так приятно просыпаться по утрам, глядеть через узоры окна на предрассветную площадь и думать о том, сколько нам сегодня предстоит наделать мешочков с мясом и карамелью.

Велена радовалась нам, словно мы были ее дети или внуки. Встречала после работы, а из короба уже разносились восхитительные ароматы. Мы усаживались у стола. Ели, беседовали, а потом ложились спать. Так проходили дни.

Как-то за ужином Велена вспомнила о муже.

— Он охранником работал. Всего насмотрелся. Из года в год люди пытают счастья. А уж кому как повезет.

— О чем вы, Велена? — спросила Ивея.

— Я о «Воротах», дочка. Ведь сколько людей сгинуло. Никто еще не возвращался. Раньше только две кассы было, а как туннель перекрыли, третью сделали.

Я слушал вполуха. В голове сидела мысль выстрогать более удобную ручку для мясорубки. Ведь я неплохо обращался с инструментами. Я уже придумал форму и хотел завтра предложить Лерику поработать над этим.

— Расскажите,— попросила Ивея, подливая всем чаю.

— А вы, дети, не из соседнего каскада. Я хоть и слепая почти, но людей чувствую хорошо. И не арданы вы. Арданы другие. От них другая сила идет. Не знаю, каким образом вы сюда попали. Но... вершники вы.

Я глянул на Ивею. Ее лицо было спокойно и даже чуть задумчиво. А мои руки слегка напряглись. Я отставил чашку.

Велена погладила мою руку.

— Ну-ну, сынок, меня ли вам бояться. Я старая. Дни доживаю. А вам жить и жить. А здесь год-два, и жизни не будет.

— Почему? — удивился я.

Велена улыбнулась грустно, поправила рукой волосы, отпила чай.

— Я-то всего лишь женщина. Да к тому же старуха. А вот муж мой прозорливый был. Сразу все понял. Как только короба установили. Вот только умер вскоре. А может, и к лучшему. Может, и к лучшему...

Велену клонило в сон. Ивея помогла ей встать и уложила на диван.

Что не так в этом коробе? Допивать чай мне расхотелось. Где-то под ребрами напряглось. Я тревожно взглянул на Ивею.

— Сядьте рядом, дети. Я расскажу. Кто знает, может, завтра уже не проснусь. Но вас предупрежу.

Мы подсели рядом. Ивея взяла руку Велены, погладила лоб.

— «Ворота». Сначала «Ворота»... В Ибане две семьи. Ибы и Баны. Между ними вся власть поделена. Много лет назад «Ворота» выстроили. Мы еще молоды были. И муж сразу там работу нашел. Платили хорошо. Мы и не тужили. Лишь раз в год

сложно приходилось ему. В день открытия «Ворот». На днях как раз открытие будет. В этот день перед «Воротами» собираются толпы людей. Каждый пытает счастья. Войдя внутрь, выйти уже нельзя. Таковы правила. Вначале были лишь две кассы: «Добровольное рабство» и «Добровольное самоубийство», а как туннель перекрыли, сделали третью — «Проход вниз». Говорят, сейчас еще больше желающих.

— Зачем люди туда хотят попасть? — спросил я.

— Туда идут совсем отчаявшиеся. Те, кто до нищеты скатился. А сейчас и того больше стало. Нет денег, короб не оплатишь, с голоду помрешь. Надеются люди, что повезет им и попадут они в «Добровольное рабство». И якобы через год такого рабства возвращаются оттуда богатыми и могут жить безбедно до конца дней. Но я на своем веку еще не слыхала, чтобы из «Ворот» кого-то выпустили.

— А что значит — пытают счастья? — спросила Ивея.

— А потому что игра все это. Ибаны придумали ее для собственного развлечения. Делают огромные ставки. Люди не знают, где какая касса. А раз уж выбрал и встал в очередь, переходить в другую строго запрещено. Охранники следят. А если кто ослушается, того... отстреливают... мой муж перед «Воротами» стоял и благодарил судьбу, что его внутри не ставили. А внутри страшно. Внутри каждый может попасть не в ту кассу.

— Значит, только оттуда можно попасть вниз? — спросил я.

— Говорят, сынок. Только все это игра. Причем не наша игра. Мы, люди, всего лишь куклы.

— А с коробом что не так?

— Ох, дети, дети!..— Велена приподнялась. Ивея поправила подушки, чтобы она смогла сесть.

— Мужу моему полгода хватило, чтобы понять. До этого жизнь в Ибане бурлила. Люди боролись с несправедливостью. Налогами давили, последнее отбирали. И были сильные лидеры и добивались многого. Мы не раз на площади выходили с требованиями. И власти побаивались. Потому что народ сильный и сплоченный был. А какие мы пели песни!

И вдруг Велена запела. И я вновь услышал песню Ригаса:

Эй ты, живущий за облаками,
Подойди к краю, свесь свою голову вниз,
Посмотри на нас. На нашу
Любовь к тебе...

— Как мы пели! А потом за один день все резко прекратилось. Как только короба установили. Никто больше не вышел на улицу искать справедливости. Власть тогда устроила недельный праздник. И назвали его «Праздник щедрости». И оплатили каждому жителю месяц пользования коробом. Какие деликатесы тогда ели! И все сидели по домам и ели. А вечерами гуляли допоздна. И слышались хвалебные речи Ибанам. А муж мой вдруг есть перестал. Я беспокоилась, не заболел ли. А он и говорит мне — в коробе смерть. Медленная, но верная. Никто не умрет, но сделается безвольным и послушным, есть будет из короба. А мне было сложно поверить. Так все вкусно! И дочка радовалась. Приезжала к нам часто. Мы такие застолья устраивали!.. Но недолго. Муж слабеть стал, весь высох. Перед смертью погладил мою руку. Печальные глаза... Мы-то с тобой старики уже, говорит, а вот дочку, внуков жалко. Кончилась их жизнь. Удалось-таки Ибанам подмять по себя народ... И умер...

Велена утирала невидимые слезы платком и качала головой.

— Так-то, детки. А через год и дочка моя... тоже иссохла. Не хотела, да и не могла поддаваться. Перестала есть. Когда могла, на улице что-то покупала, перекусывала. Но разве это жизнь. А мне порт оплачивала. Я уже старая. Терять мне нечего. Дочка умерла, я без еды осталась. А голова лучше стала работать. Все теперь «вижу». Все раскрылось, как на ладони. А сделать ничего не могу. Смерть не берет, а голод пугает. А вы, дети, если можете, спасайтесь. Бегите отсюда.

Велена откинулась на подушки, закрыла глаза. Мы долго еще сидели подле нее. Я пытался осознать услышанное, но мысль по улучшению ручки для мясорубки упрямо вклинивалась и мешала. В конце концов, не сказав друг другу ни слова, мы легли спать. Раскрытый короб печально светил в темноте, искушая меня подойти и заказать что-нибудь. Я резко повернулся на другой бок и заставил себя заснуть.

### 7. Мы вернемся...

Проснулся на рассвете и долго стоял в душе, настроив струю на самый холодный режим. Основательно промерзнув, почувствовал, наконец, в голове легкость. Мысли очистились, ласкающее, вязкое расслабление исчезло, словно пелена сна.

Ивея сидела у стола перед тусклым коробом, на этот раз она не доставала из него ароматный завтрак.

— Сколько стоит билет в «Ворота»? — спросила она.

Я поморщился, вспоминая.

— Кажется, Лерик говорил, двести кулонов.

— Значит — четыреста.

Я сел рядом. Мы долго молчали. Каждый понимал, что это нереальная сумма. И даже если откладывать по одному кулону в день... при этом надо было как-то питаться. Ивея словно прочитала мои мысли.

— У нас есть брикеты! Как я могла забыть!

Она вскочила, раскрыла зак и достала небольшую пачку.

Я их берегла для похода к горам. Но раз такая ситуация, начнем сейчас. А там, глядишь, у Лерика удастся перекусывать. Живем, Адан!

Она бодро улыбнулась. Надломила упаковку и протянула мне тонкую зеленоватую пластину.

— В одной пластине все, что необходимо организму. Хватит на полдня.

Я откусил, прожевал острый, шершавый кусочек. На вкус словно мясо с маной и травами. Вполне сносно.

— А можно залить горячей водой. Будет не так противно,— Ивея звонко хрустела сухариком.

— Значит, нам здесь быть почти полтора года? Но ты же помнишь, отец дал тебе год.

— Я не хочу верить в то, что он решился уничтожить Эвкаиф,— тихо произнесла она.

— Но ведь он может сделать это?

— Да. Седьмой ярус держит под контролем весь Конус.

— Значит, мы не можем рисковать.

— Адан, все это уже похоже на какое-то безумие. Вся эта ситуация. И мы с тобой так беспомощны. Я не в силах спасти Эвкаиф. А ведь могла бы попытаться... Мы вернемся.

Ивея побледнела, словно только сейчас увидела всю картину происходящего.

— Я попытаюсь уговорить отца отказаться от этой мысли... Я не сделала этого тогда. С тех пор, как я узнала о маме, я словно уже там, на острове. Я уже не хочу связывать себя с этой безумной цивилизацией. Я там, и только тело мое здесь, и его надо переправить туда, где я почувствую, наконец, что живу. Наверное, я ужасный человек. Раз меня посещают такие мысли. Но ведь мы вернемся. Мы попытаемся все исправить.

Я накрыл ее ладонь своей.

### 8. О Слепом Ардане

Вечером Велена попросила меня достать плотный сверток из ниши в стене.

Она развернула и расстелила перед нами на столе невероятной красоты материю. Та сверкала и переливалась серебром в заходящих лучах солнца.

— Это материя для жениха. Еще мужу от родителей досталась. Но мы так бедны были в молодости, что даже свадебного портного не могли себе позволить. Без церемонии обошлись. Продайте ее, дети. Не меньше двух тысяч можно просить. Вот вам и деньги на «Ворота».

Конечно, мы стали отказываться. Такой щедрый подарок! Наконец Ивея согласилась.

— Мы продадим, но с вырученных денег только на билеты возьмем.

— Что ж, пусть так,— произнесла Велена,— хотя зачем мне деньги? Оплачивать короб и одиночество продлевать?

Она медленно села на диван и грустно взглянула на нас.

— Безрадостная жизнь в одиночестве. И смысла я уже не вижу. Но молодость была счастливой. А как мы пели!

Она вновь начала повторяться, вспоминать прошлое и напевать песню Ригаса.

— Откуда вам известна эта песня? — спросил я.

— Это Слепой Ардан сочинил. Ее в те годы все знали. Даже дети пели. Она нас и вела, не позволяла сдаваться.

— А вы видели Слепого Ардана?

— Видела однажды. Двенадцать лет назад это было. Помню этот день хорошо. Муж прибежал с работы и потянул меня на улицу. Там, говорит, Слепой Ардан поет. Ты должна его увидеть! А мы тогда столько слышали о нем, а видеть не доводилось. Он людей сторонился. А вот песни его хорошо знали. На площади Банов народу много собралось, не протолкнуться. Муж меня как-то провел, и оказалось, что мы почти рядом с ним встали. А пел он странно. Повернувшись ко всем спиной, словно и не было никого вокруг. Голос и не сильный вроде, а проникал в самое сердце. И все слушали молча. И слова что-то в людях меняли. Меня толпа теснила, пришлось к самой стене прижаться. И тогда я разглядела его. Высокий, вот как ты, Адан. Волосы черные-черные, длинные, ниже плеч. И смуглый. Мне таких смуглых видеть еще не доводилось. А на глазах черные стекла. Людей все больше прибывало. Площадь переполнилась. И уже небезопасно стало. Муж хорошо знал толпу. Идем, говорит, выбираться надо. Кто-то толкнул меня. И я к самым ногам Слепого Ардана упала. Перестал он петь. Помог мне встать. И я поняла, что он почти совсем слепой. Я ж вторым беременна тогда была. Живот уж не скроешь. Ардан рукой это ощутил своей. Идите, говорит, в арку, там свободнее. Они с мужем из толпы меня вытянули. А в арке темно. Мы и не заметили, как он ушел.

— Мне кажется, я слышал его недавно.

— Возможно ли! Двенадцать лет прошло. Сыну моему сейчас столько было бы. Мертвым он родился...

Велена вздохнула, утерла слезу.

— А может, и жив еще Слепой Ардан. Только поет он теперь в пустоту. Людей уж не оживить ничем...

## 9. Ворота

Материал жениха купил Лерик. Хотя цену до тысячи пришлось снизить.

— Жаль, что уходите,— сказал он на прощание, отсчитывая кулоны.— Сейчас работников сложно найти. Местные только на себя работают. А арданов все меньше. Вот и вы решили спускаться.

Потом прощались с Веленой.

Она задумчиво передвигала монеты по поверхности стола. Я услышал, как она прошептала:

— Шестьсот дней...

И мне сделалось не по себе. И я ничего больше не мог сделать для нее.

Ивея собрала заки. Мы переоделись в свою одежду.

— От площади Банов через центральный туннель дойдете до Конуса. Там и «Ворота» увидите,— на прощание сказала Велена.

И вот мы слышим гул толпы. Подходим. Перед толпой в зеркальной поверхности Конуса высоченная арка. Толпа медленно затягивает нас. Я крепко держу Ивею за руку.

— Ни в коем случае не отпускай мою руку,— говорю ей.

Мы топчемся на месте. Но, оглянувшись назад, я понимаю, что при всем желании нам не выбраться обратно. Мы, почти не размышляя, ринулись в неизвестность. Но и выбора у нас не было. Что ждет впереди? Два варианта из трех приведут к верной гибели. Ведь даже «Добровольное рабство» не гарантирует, что мы вернемся обратно через год.

И все-таки мы, взявшись крепко за руки, идем.

Все оказалось не так быстро. Мы очутились в огромном зале. Световые стены после темного туннеля принесли некое подобие надежды. Но такая надежда зыбка и обманчива.

Люди — мужчины и женщины — разошлись по залу. Кто-то занял места с силовыми креслами, медленно парящими в воздухе. Кто-то сел прямо на пол. Я подтолкнул пару свободных кресел. Мы сели. Ивея была возбуждена. Она улыбалась, но как-то нервно. Я и сам, даже присев, не мог вздохнуть свободно и расслабиться.

Слышались тихие разговоры. Никто не говорил громко. Большинство вообще молчали. И у всех на лицах напряженное возбуждение. Я ощутил пульсацию. Ворота медленно закрылись.

— Арна, прекрати! И без тебя тошно.

— Что я такого сказала?

Сбоку от нас сидела пара. Может быть, муж и жена. Высокие. Женщина напомнила мне Дану. Я понял, что это арданы. Значит, им тоже нужна касса, где продают билеты Вниз.

— Ты уже несколько дней ешь мне мозг. А ведь сама же все начала. Я, что ли, тебя уговаривал?

— Тише ты! — зашипела сквозь зубы Арна, не глядя на мужа.

— Работали бы у Ирека. Он неплохо платил.

— Я чую, ты и по коробу заскучал? Забыл, как подох твой брат? Вспомни, во что он превратился! Это уже был недочеловек. Каким он был сильным и гордым когда-то. Настоящий ардан! А что сделал с ним этот короб?

— Ну, все, все! Извини... ты права...

— По мне, так лучше в «добровольные самоубийцы» попасть,— тихо произнесла Арна.

Она толкнула кресло легким движением корпуса и переместилась чуть дальше. Ее муж последовал за ней.

Я продолжал разглядывать людей. Теперь я хорошо стал различать арданов. Их было большинство. Значит, все они мечтали вернуться на свою родину. На Первый ярус. Маленьких детей не было вовсе.

Мой глаз выделил на секунду из толпы высокую темную фигуру. Сначала я даже не понял, почему я выделил его среди других. Вновь отыскал. Высокий старик, длинные черные волосы, смуглое лицо и черные стекла на глазах. Неужели это Слепой Ардан! Тот самый!

Я указал на него взглядом.

— Ты думаешь, это Ригас?

— Если и не Ригас, то тот самый Слепой Ардан. Смотри, у него в руках ситра.

Теперь я не сомневался. Это точно был Слепой Ардан. Он сидел низко склонив голову, словно спал. Казался абсолютно спокойным, будто и не думал, что может

попасть не в ту кассу. А может, ему было все равно? Но с этого момента я почувствовал в себе какую-то странную уверенность. Я почему-то знал — все будет хорошо. Главное, не терять его из виду.

### 10. Паника

Здесь все происходило в тишине. Никто не указывал, что делать, просто одна из стен начала медленно подниматься вверх, и мы поняли, что надо идти. Толчеи не было. Огромный зал мог вместить раз в десять больше людей, но никто не разбредался, старались держаться вместе.

В открывшемся проходе оказался узкий коридор. Лишь по двое можно было продвигаться вперед. Коридор походил на яркую световую трубу. Первая пара, вошедшая в него, вскоре растворилась в невыносимо белом свете.

За нами с тихой пульсацией опустилась стена. Теперь можно было двигаться только вперед. Медленно. Я пытался отыскать Слепого Ардана, но его нигде не было видно. Люди исчезали и исчезали, поглощенные светом.

— Я боюсь,— послышался рядом шепот.

Почти девочка. На бледном лице огромные темные глаза. Она держится за высокую женщину. Грубые черты той словно высечены из камня. Во взгляде решимость.

— Со мной ничего не бойся. Я проведу тебя. Я точно знаю, в какую кассу встать. Мне приснилось во сне. А снам я доверяю. Они не раз сбывались.

— Что нас ждет внизу? Говорят, там голод и нищета.

— Нас ждет внизу свобода. И пусть голод, и пусть нищета. И пусть мы умрем от голода, но умрем свободными. Арданы никогда не подчинялись власти чужаков. Ты родилась уже здесь, и тебе не понять, что такое настоящая свобода.

— Зачем же родители поднялись сюда?

— В те времена многие арданы как с ума посходили. Им казалось, на Втором ярусе их ждет работа и обеспеченная жизнь. Вот и наши родители, со мной, маленькой, поднялись сюда. Но тут мы стали чужаками. И сделались почти рабами. Отец и мать умерли на тяжелых работах. А я осталась с тобой на руках. И вынуждена была гнуть спину на Ибанов. Теперь этому не бывать, Аира!

Женщина с девушкой исчезли в освещенном коридоре.

— Там разговаривать нельзя,— услышал я тихую скороговорку.

— Только мою руку не отпускай!

— Не отпущу!

— Боюсь!

— Я всю жизнь тебя любил... Других у меня не было.

Послышался тихий женский плач.

— Что будет? Что будет? Мать арданов, будь с нами!

Совсем старики. Седые, согбенные, шагнули в свет и исчезли.

Ивея еще сильнее охватила мою руку. Я обнял ее. «Адан» — прочитал по ее губам. Попытался оглянуться назад и все же отыскать музыканта. И увидел его.

Я заметил, что некоторые старались пропустить вперед других, словно пытаясь замедлить время. Страх сковывал людей, заставляя хоть ненадолго оттянуть то неведомое, что ждало впереди. Нам удалось пропустить три пары. Я хотел, чтобы Слепой Ардан немного приблизился.

Вскоре он оказался достаточно близко. Я уже различал его смуглое лицо, крепко сжатые губы с едва заметной улыбкой. Меня удивляло его спокойствие. Черные стекла скрывали глаза. Но я был уверен — в них не было страха, который явно читался у других.

— Дыши спокойно,— кто-то уговаривал женщину.

Перед коридором она пронзительно закричала. И еще долго слышался ее крик. И

послышались всхлипы со всех сторон. Женщины поддались панике. Но останавливаться нельзя. Правила игры известны всем. Обратно пути нет, иначе — смерть. И мужчины, как могли, успокаивали своих женщин, и обнимали их, и зажимали им рты...

Я уже не отрывал взгляда от Слепого Ардана. Мне нужно было его спокойствие. Сейчас только он удерживал меня от паники.

## 11. Кассы

Мы окунулись в яркий свет. Невольно закрыли глаза и шли вперед. Я знал, что Слепой Ардан почти рядом. Еще три-четыре пары, и он тоже войдет в коридор. Почему я так тянулся к нему? У меня не было ответа. Но, что бы ни было, я твердо решил следовать за ним и встать в ту кассу, которую выберет он. Лишь бы дали возможность дождаться его.

После яркого света туннеля мы оказались в тускло освещенном зале с очень низким потолком и грубыми шершавыми стенами. Потолок шел под уклон. И невольно приходилось пригибаться все ниже. Люди впереди нас уже опускались на колени. И только таким образом могли двигаться дальше. Я попридержал Ивею, дав понять взглядом, чтобы не торопилась. Мимо прошли несколько пар. Наконец, из светящегося коридора появился Слепой Ардан. Он, не останавливаясь, пошел дальше. Я уже было двинулся за ним, но Ивея остановила.

— Адан, придется снять заки, мы не сможем опуститься на колени.

Пока мы отстегивали крепления, мимо шли и шли люди. Я старался не упускать из виду Ардана. Вот и он опустился на колени. Наконец мы справились с заками, переместив силовые панели вдоль. Без этих панелей нам бы пришлось расстаться с вещами. Заки были неподъемны.

Несколько шагов, и мы тоже на коленях. Подталкиваем сбоку заки, ползем. Потолок касается моей макушки. Безумные игры безумных людей. Почему одни позволяют себе подобное по отношению к другим? И почему тех, кто позволяет себе это, всегда меньше? А все остальные, которых больше,— подчиняются. Объяснения этому у меня не было.

Впереди засветились три круга. Я понял — это и есть кассы. Только один раз можно выбрать кассу.

Я услышал крик. Еще один. Еще... Какой-то бедняга, не выдержав, вскочил. Видимо, решил переползти в другую очередь. Но тут же повалился замертво. Как его убили и кто — осталось загадкой.

Лишь секунда на размышление. За эту секунду я разыскал глазами Слепого Ардана. Он выбрал левую кассу. Мы поползли в ту сторону. Очередь здесь была самая маленькая. Кажется, за нами уже никого не было. Самой длинной оказалась центральная. Я заметил в ней супружескую пару, спорившую в зале, и женщину с каменным лицом. Та, стоя на коленях, крепко обнимала младшую сестру. Похоже, девушке было совсем плохо. Она стояла на четвереньках, низко склонив голову и безвольно раскрыв рот, из которого тонкой струйкой тянулась тягучая слюна.

Я увидел, как Слепой Ардан вполз в светящийся круг и исчез. Мы медленно приближались к кассе.

## 12. Внизу

Дальше продвигаться нужно было по одному. Перед нами пятеро. Быстро, один за другим, исчезали поглощенные светом люди. Я обнял Ивею, неловко коснулся губами краешка ее губ. Мы не успели сказать друг другу ни слова.

Я пополз первым...

Надо мной небо густого синего цвета. Давящая жара и оглушающие звуки тысяч

и тысяч насекомых. Они трещат так громко. Звуки отзываются резкой болью в голове. Где они могут прятаться, эти насекомые? Кругом лишь раскаленный песок. Ни травинки.

— Ивея! — забыв про боль, я резко сел.

Позади, далеко, зеркальный Конус. Впереди бесконечная пустыня. Я один. Превозмогая головокружение и тошноту, поднимаюсь на ноги. Только сейчас разглядел разбредшихся по пустыне людей. Кто-то едва идет, кто-то продолжает ползти. Слышу стоны.

— Ивея! — я уже кричу.

Никто даже не обернулся. Зака нигде не было. Я помнил, что, перед тем как забраться в светящийся круг кассы, зажал в руке кулоны, чтобы расплатиться. Денег не было тоже.

Шатаясь, пошел в сторону Конуса. Ивея не могла быть впереди. Я видел тех двух старичков, они заняли первую очередь сразу перед нами. И теперь удалялись прочь от Конуса. Значит, Ивея где-то сзади.

До Конуса минут двадцать ходьбы. Как я мог оказаться так далеко?

Песок, песок и оглушительный стрекот невидимых существ. Наконец стал различать островки зелени. Появились деревья. Одинокие и чахлые, с белесыми, изможденными раскаленным солнцем листьями. И вдруг я увидел! Ивея! Она лежала, беспомощно раскинув руки. Какой-то человек пытался привести ее в чувство.

— Ивея!

Я подбежал, бросился на колени. Ее лицо было белым, ни кровиночки. Человек посмотрел на меня. Смуглое лицо, темные стекла на глазах.

— Попробуй ты,— произнес он.

Я начал вдувать в ее легкие воздух. Ивея закашлялась. Раскрыла глаза.

— Теперь все будет хорошо,— улыбнулся человек.

Я приподнял Ивею, обнял ее. Человек встал и медленно побрел в пустыню.

— Ригас! — я неуверенно позвал его.

Человек остановился. Долго стоял не поворачиваясь.

— Ригас давно умер,— наконец произнес он,— остался в прошлом. Сейчас я — Слепой Ардан.

Ивея опять закашлялась. Слепой Ардан снова подошел и, присев рядом, достал из кармана флягу.

— Попей,— он придерживал флягу, пока она пила.

— Они все обчистили, даже ситру забрали. Вот только фляга и осталась.

— Наши вещи тоже пропали,— сказал я.

Слепой Ардан улыбнулся. Широкая белозубая улыбка расположила меня к нему окончательно.

— Ну, дочка, встать сможешь?

— Да, мне лучше.

— Они втолкнули в тебя арданскую дозу. Не всякий мужчина выдержит.

— Что за доза? — спросила Ивея.

— И кто «они»? — добавил я.

— Охрана «Ворот». Боятся, что секрет лифта раскроется. Вот и усыпляют людей. Когда меня спускали в первый раз, только «холодным лучом» ослепили. Я частично ослеп, но все слышал и понимал. И узнал, что лифт на самом деле существует. Но это было давно, и ты наверняка знаешь где.

Ардан посмотрел на меня.

— Это было почти двадцать лет назад на Четвертом ярусе.

— Вот и ты оттуда,— задумчиво произнес он.

Вновь посмотрел на Ивею.

— Теперь мы свободны, как ветер,— и весело, и немного грустно произнес он.

Мы встали и, не оглядываясь назад, побрели втроем в раскаленную пустыню.

## 13. В пустыне

Удушливая жара всей тяжестью придавливала к песку. Но и он обжигал. Горячее марево, исходившее от него, застилало глаза едким потом. В наших жилетах нашлись капюшоны. Прикрыв головы, мы почувствовали себя немного лучше. Ивея отдала свой светлый шарф Ригасу. Он намотал его на голову, свесив длинные концы по краям.

Мы шли очень медленно. Впереди показались люди. Человек десять-двенадцать, не больше. Я вновь увидел пожилую пару. Старик сидел, тихо раскачиваясь из стороны в сторону. Рядом лежала его жена.

— Мы все умрем от жажды,— обреченно произнес какой-то мужчина.

Послышался женский плач. Ардан присел рядом со стариком, достал флягу и дал несколько глотков старушке. Та благодарно улыбнулась, медленно прикрыла глаза и умерла. Старик зарыдал. Громко и горько.

Ивея обняла его за плечи.

— Зато она умерла свободной,— произнес кто-то.

— Хочу обратно! Ракен, слышишь, хочу наверх! — молодая женщина, схватив мужчину за плечи, трясла его и рыдала.

— Прекрати! Что ты такое говоришь! — Ракен испуганно смотрел на нее, голос его был слаб и растерян.

— Они кинули нас! Обобрали до нитки! Они украли все наши сбережения. Все вещи,— запричитала женщина.

Ригас встал.

— Нужно похоронить ее. Копать яму в песке бесполезно, но немного углубить можно. Присыплем сверху побольше.

Мужчины словно ждали какого-то решительного указания. Мы все принялись разгребать песок руками. Вдруг оттуда с большой скоростью начали разбегаться маленькие желто-серые насекомые. Их длинные ножки ловко перемещались по песку. Распустив прозрачные крыльца, они взлетали и вновь садились на безопасном расстоянии. И тут же мгновенно врывались в песок. Послышался сухой треск тысяч и тысяч насекомых. Наверное, это были единственные жители пустыни.

В образовавшееся углубление, грозившее вновь заполниться подвижным песком, мы уложили умершую старушку. Муж погладил ее лицо, прикрыл ее длинной шалью и, встав, медленно побрел в пустыню.

Мы насыпали большой холм. Хотя бы на какое-то время тело женщины будет прикрыто, пока ветры пустыни не разметут песок и не обнажат ее высохшее тело...

Среди нас были в основном молодые мужчины и женщины. Самым старшим оказался старик.

— Кто из вас помнит путь в Ард? — спросил Ригас.

— Мне было лет пять, когда родители поднялись на Второй ярус,— отозвался один,— но я помню, что в пустыне были проложены рельсы до самого Конуса. Мы ехали в вагоне.

Я вспомнил рассказ Даны. Она тоже упоминала рельсы и поезд.

— Старик должен знать путь,— сказала одна из женщин.

Мы оглянулись, но его уже не было видно. А следы засыпало песком.

— Эй! — крикнул кто-то,— старик!

Я смутно помнил, в какую сторону направился он от зеркального Конуса.

— Идемте!

Все поспешили за мной.

**Борис Григорьев**
(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на Липецкой обл.)

# ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН!
## Арктическая фантасмагория

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).*

* * *

Охрану Трегубенко, Коршунова и Дурасова по очереди осуществляли сотрудники горноспасательного отряда. В их обязанности также входили кормежка заключенных, сопровождение в туалет и вывод на прогулку, а в последнее время, по настоянию супруги Коршуновой — присутствие на свиданиях с родственниками. Родственники — жены — были только у директора рудника и у консульского завхоза. Трегубенко прибыл на архипелаг один, а потому на свидание к нему никто не ходил.

Пребывание в тюрьме, то бишь в директорской сауне, внешне почти никак не сказалось на бывшем руководстве. Смещение со своих постов и изоляция воспринималась ими как внеочередной отдых, а установление новой власти не очень-то волновало их, потому что они были уверены, что рано или поздно все вернется на круги своя. Все произошедшее в поселке их скорее развлекало, чем удручало, и напоминало плохо поставленный водевиль на провинциальную тему. Только Коршунов иногда вспоминал о своих неприступных складах, которые теперь постепенно растаскивались, и тогда Трегубенко успокаивал его тем, что, в конечном счете, все пойдет народу. А когда представитель треста проявлял беспокойство за судьбу результатов геолого-изыскательских работ, то директор рудника утешал его неприступностью замкового устройства сейфа, в котором хранилась вся документация.

— Да, хорошо Назарову,— вздыхал Степан Никифорович,— вовремя смотался с геологами в Москву. У него-то голова, поди, не болит за бумаги.

— И чего молчит Москва? — удивлялся Александр Сергеевич.

— Как чего? Она, поди, ни сном, ни духом...

— А консул?

— Ты что: не знаешь Еремкина? На что он способен?

— Да, скучновато,— соглашался Коршунов и в который раз начинал «подкалывать» Дурасова: — Слышь, Алексей Семенович, жинка-то, наверное, у тебя там загуляла! Ты вот тут сидишь, а она теперь с каким-нибудь вице-консулом чаи распивает у тебя в комнате.

— Ничего не загуляла. Сегодня придет на свидание! — гулял желваками завхоз. И без того худой, Дурасов за несколько дней ареста осунулся еще больше.

— Подумаешь, свидание! Все они ходят на свидание — и моя вон тоже. А остальные двадцать три часа в сутки что они делают?

Дурасов вскакивал и начинал бегать по предбаннику, как линялый лис в клетке.

Коршунов был неутомим на всякого рода байки, розыгрыши и разговоры. Одним из основных развлечений в бане были его переговоры через дверь с охранниками. Он обычно осведомлялся, кто из горноспасателей заступил на дежурство и начинал донимать его с высоты бывшего директорского положения.

— Это ты, Павло?

— Нет, это Микола,— отвечал голос за дверью.

— Николай, значит. Грушко?

— Он самый.

— И не стыдно тебе, подлец, держать своего бывшего шефа взаперти, а?

— Не-а.

— Николай, неужели ты забыл...

— ...Микола,— поправлял голос за дверью.

— Ну, черт с тобой, нехай буде Микола! — сердился директор.— Ты что забыл, сколько я тебе добра сделал?

— Зробив,— упрямо поправлял голос охранника.

— Помнишь, ты пришел ко мне, и я продлил тебе командировку?

— Пролонгировал,— подтвердил Микола.

— А кто тебе жену разрешил выписать на Шпицберген?

— Жинку.

— Тьфу! Ну что ты заладил там свое, хохляцкое!

— Негоже говорите, Александр Сергеевич! — укорял охранник.— Вы вже сами с Украины. Як можно забуваты свою ридну мову!

— А, вспомнил? — смеялся Коршунов.— Ну, скажи мне, как будет по-украински «неблагодарный подлец»? Молчишь? То-то! Потому что ни хрена по-украински не знаешь. Запугал вас там всех Ромка Кравченя, вот вы и талдычите, словно попугаи.

— Батько Кравченя!

— Батько? Ха-ха-ха! Новый Петлюра? Махно? Бендера? А ну-ка позови его сюда, я с ним погутарю, как следует!

— Все, я больше с вами не разговариваю, Александр Сергеевич.

Это приводило Коршунова в восторг.

— Вот видите? — кричал он на весь предбанник.— Моральный перевес на нашей стороне. Скоро мы будем на свободе. Я их всех тут распропагандирую, и они сами откроют двери темницы и вынесут нас на руках на свободу. Вот увидите.

Трегубенко улыбался, а Дурасов с надеждой смотрел на директора и говорил:

— Хоть бы поскорей! Хоть бы поскорей!

— Не падай духом, Семеныч! Тюрьма для русского — это хорошая и необходимая школа. Будешь вспоминать с благодарностью наше сидение. Во, кажется, еду принесли. Точно. Что там на сегодня? Опять борщ? Я же просил суп с клецками или, так уж и быть, с украинскими пампушками.

Он пробовал ложку борща, морщился и ругался:

— Кто готовил сегодня? Оксанка или Светланка? Вот погоди, я им...

Впрочем, аппетит у всех был отменный, и тарелки из «темницы» уносили пустыми. После еды Трегубенко ложился на лежак, а директор упражнялся в пении:

— Солнце хо-о-одит и захо-о-о-дит, а в тюрьме-э-э моей темно-о-о! Потому-у-у-что недоу-у-умки стерегу-у-ут мое окно-о-о!

После обеда их иногда поодиночке выводили на допрос к батьке Кравчене. Президент ШУРы все пытался добраться до сейфов, в которых хранились бумаги на нефтяное месторождение, но геологи все давно уехали на Большую Землю, а Трегубенко с Коршуновым молчали как рыбы, и Кравченя каждый раз отпускал их ни с чем, угрожая перевести на хлеб и воду.

Но это были одни лишь слова. Он никогда бы не посмел привести в исполнение свою угрозу, потому что боялся наказания. Уезжая из Баренцбурга, норвежский по-

лицейский Андерсен предупредил его, чтобы с арестованными обращались гуманно, иначе ШУРе придется иметь дело с сюссельманом. А иметь дело с сюссельманом батьке не хотелось. Один раз он уже сталкивался с ним, когда кто-то засек его за «чейнджем» у лонгйербюенского «Бутикена», и его тут же забрали и отвезли в контору губернатора. Юнглинг пообещал оторвать у будущего президента Шпицбергенщины мужское достоинство, если еще хоть раз застанет его за этим занятием в норвежских поселках. За Трегубенко и Коршунова с Дурасовым можно было схлопотать не только потерю мужского достоинства, но и не сносить приспособления для ношения головных уборов.

Кончив петь, Коршунов принимался опять донимать охрану, спрашивал их о том, что происходит в поселке, как добывают уголь, ругался, когда узнавал, что на работу стали выходить только самые несознательные, а сознательные митингуют или перетасовывают органы исполнительной власти. Кравченя создал солидный и по всем правилам бюрократии разветвленный правительственный аппарат, и когда Микола сообщил, что в правительстве Шпицбергенщины значится около пятидесяти человек, Коршунов принялся истерически хохотать и кататься по полу.

— И это кроме ИТР? — спросил он Миколу.

— А як же! — услышал он утвердительный ответ охранника.

— Ой, не могу! Ой, держите меня! Какой бардак развели! Вкалывать в забое осталось меньше половины рабочей силы! Одни начальники! Микола, чего ж ты не просишь у Ромки должность?

— Мне и в отряде дюже гарно.

— Зря! Ей-богу, зря! Из тебя бы вышел хороший министр по делам тюрем и лагерей. Слушай, а кого возит теперь мой Петро?

— Петро? Петро возит самого батьку.

— Ишь ты, честь какая! Ты бы попросил его как-нибудь навестить меня.

— Не можно! Дистрек... дикрест...

— Дискредитирует себя?

— Точно.

— А ты все-таки скажи ему. Скажешь?

— А что ж не сказать. Скажу.

За дверью раздался звонкий женский голос, женщина спорила или с кем-то ругалась. Коршунов замер, прислушался и громко хлопнул одной ладонью по другой:

— Моя пришла!

Действительно, загремел засов, дверь отворилась, и в проеме показался спасатель Микола.

— Александр Сергеевич, к вам жинка пожаловала. Не угодно ли будет пройти в комнату свиданий?

— Дзенькую! Мне будет угодно! Очарована-а, заколдована-а,— загорланил он свою любимую песню.— Вся ты словно в оковы закована, драгоценная ты моя женщина!

Коршунов изобразил изящный реверанс и, победоносно оглядываясь на товарищей по сидению, вышел из бани.

— А ко мне супруга не пришла? — приподнялся с кровати Дурасов.

— Никак нет. Батько казав, шоб консульских пока попридержали,— сказал Микола и хлопнул дверью.

Комнатой свиданий с заключенными служил партийно-методический кабинет, давно уже не использованный по своему прямому назначению. Свидание обеспечивал другой спасатель, мало знакомый директору, а потому вплотную придвинулся к супругам, чтобы не пропустить мимо ушей что-нибудь важное. Коршунова слегка смущалась и, прежде чем что-то сказать мужу, все время оглядывалась на него, а директор только обнимал жену да похохатывал, приговаривая:

— Слушай, слушай, парень, и учись, как надо с женами обращаться.

— Пятнадцать хвалын кончились,— злорадно сообщил охранник воркующим, как голубки, супругам.

Коршунова вздохнула и стала собираться.

Коршунов вернулся в «камеру» с загадочной улыбкой на устах, старательно насвистывая душещипательный мотивчик: —

*Заколдована, очарована, словно ветром каким-то повязана...*

Самое важное, с чем Коршунова пришла на свидание, он все-таки узнал.

* * *

Прогулку на катере пришлось отложить. Из гостиницы позвонили американцы и сказали Кравчене, что «сорри», но принять участие в пикнике не смогут. Батько попытался выяснить причины внезапной перемены, но Джим говорил что-то невнятное и ссылался на какие-то вдруг возникшие технические трудности.

— Какие там у вас трудности? — удивлялся Роман Спиридонович.— Понос, что ли, прихватил?

Батько был наслышан, что шахтерская пища с обилием жиров плохо усваивается иностранными желудками, и что жертвы баренцбургского гостеприимства часто маялись диареей. Как бы то ни было, а Кравченя позвонил в порт и попросил моториста забрать из катера все припасы и сложить их в холодильник. Потом он нажал кнопку селектора и сказал:

— Слухай, Митяй! Сгоняй до гостиницы и узнай, что там с американцами. Лады? Ну, давай. Одна нога тут, другая — там.

Вернувшийся через минут двадцать Митяй доложил ему что-то совсем несуразное. Мол, американцы сидят взаперти в своем номере, а их охраняют пацаны из консульства. Кажись, дети вице-консула Кирпичева.

— Петро, подавай машину! — крикнул Кравченя в трубку и выбежал из кабинета. До гостиницы было пять минут хода, но президенту Шпицбергенской Рады было негоже появляться перед иностранцами в качестве пешехода. Не позволял протокол.

На подходе к гостинице президент ШУРы увидел какого-то мальчишку, который при виде его стушевался и юркнул за угол дома.

Суровое, но надорванное последними волнующими событиями сердце портовика екнуло при виде маленькой, нахохлившейся, словно воробушек, фигурки Суперпупса. Мальчишка сидел на полу прямо напротив номера, где поселились американские друзья.

— Ты опять тут? — удивился он.

Суперпупс встал с пола и молча перегородил Кравчене дорогу к двери.

— Ты что молчишь, словно воды в рот набрал? Иди домой, там мамка тебя ждет, конфетку припасла.

— Я — на посту и домой идти не могу,— твердо сказал Суперпупс, не двигаясь с места.

— На посту? Ишь, какой часовой выискался! Кто же тебя тут поставил?

— Сам. Охраняю опасных шпионов.

— Это географы, что ли?

— Никакие они не геоглафы. Они самые настоящие шпионы. У нас есть доказательства.

— А-а, понимаю. Вы тут играете в войну или казаков-разбойников! — догадался батько.

— Нам не до игл, когда шпионы лазволовывают наши секлеты, а взлослые дяденьки заняты, челт знает чем, только не интелесами стланы и госудалства.

— Устами младенца глаголет истина,— язвительно заметил Кравченя.— А ну-ка подвинься, мне нужно пройти к господам из Америки.

— Я буду стлелять! Ни с места! — Суперпупс выбросил из-за спины руку и направил на президента Шпицбергенской Рады пистолет. Кравченя испуганно отшатнулся и загородил лицо руками:

— Перестань! Ты что — с ума сошел! Хулиган! Откуда у тебя пистолет? Консул дал? Я привлеку вас за покушение на должностное лицо!

— Мистер Краученя! — услышал батько за дверью голос Джима.— Прошу вас, ограждайте нас против детский преступник!

— Минуточку, мистер Джим! Сейчас я с ними разберусь. А ну-ка, отойди, пока я не задал тебе трепку!

— Отлично! — поддержал за дверью Джим.— Задавайте им трепка!

Географ от ЦРУ и не заметил, что вступил в явное противоречие с тем, что утверждал днем раньше, разглагольствуя о недопустимости порки, трепки и выволочки при воспитании детей.

— Вы не имеете права! — услышал Кравченя еще один голос из-за спины.— Мы застали их с поличным.

Кравченя обернулся и увидел того самого мальчишку с улицы.

— А, да у вас тут вся компания в сборе!

— Мы застукали американцев в тот самый момент, когда они залезли в сейф к представителю треста,— сказал Чук.

— Это правда, мистер Джим? — обратился Кравченя к двери.

— Это большая ложь,— закричал Джим.— Я сейчас открывать дверь и устраивать очный ставка.

— Пусть откроет,— сказал Чук,— а мы посмотрим, как они будут отпираться. Пупсик, отойди от двери.

Суперпупс нехотя покинул пост, а Кравченя стал дергать ручкой двери:

— Открывайте, господа, путь свободен.

Замок щелкнул, дверь открылась, и Кравченя, а за ним и Кирпичевы вошли в номер. Джек лежал на кровати и смотрел в потолок. Джим радушно улыбался и предлагал президенту стул.

— Это и есть ваши технические трудности? — поинтересовался Кравченя.

— Нет, мы... в общем, да,— сознался Джим.

— Невер, невер шелл ай кам бэк ту Рашша!* — забубнил Джек, дрожа всем телом.

Краученя попал в точку, заподозрив у них расстройство желудка, хотя и ошибался в причинах, его вызвавших. С того самого момента, когда «тихим американцам» удалось поставить между собой и малолетними преследователями надежную преграду в виде деревянной двери, у Джека в животе началась форменная революция, и он провел все это время между туалетом и кроватью.

— Тэйк ит изи, Джекки! Калм ерселф!** Эти молодые гангстеры напугать мой коллега. Он обладать отшень-отшень чувствительный сердце.

Тут Джим явно слукавил: гораздо чувствительней у Джека оказался другой орган, расположенный гораздо ниже сердца.

— Пусть господа покажут папку, которую они выкрали из сейфа Трегубенко,— предложил Чук.

— Да, пусть покажут! — эхом отозвался Суперпупс.

— Папку? Какую папку? — встревожился президент ШУРы.

— Мистер Краученя не должен волноваться,— поспешил со своим объяснением Джим.— Мы с Джекки гуляли элонг коридор и увидел, что дверь ту зе кэбинет есть открыто. Мы хотели закрывать, но вдруг обнаружить, что сейф тоже вдруг распахнулся. Тогда мы с Джекки зашел инсайд, то есть внутри комната, чтобы закрывать сейф,

---

* Если я хоть еще раз поеду в Россию!

** Не переживай, Джекки! Успокойся! (англ.)

однакоу в этот моумент прибежаль эти мальчишка. Они стали нас угрожать пистолет, и мы были вынужден спасать себя беглецом. Вот и вся стори, то есть, история!

— Не правда! — резко возразил Чук.— Дверь в кабинет и в сейф была взломана ими, а когда мы их накрыли, вон тот дядька, что лежит на кровати, возился с сейфом, чтобы его закрыть. Мы своими глазами видели, как другой дядька достал из сейфа папку с документами и спрятал подмышкой. Папка должна быть тут, они прихватили ее с собой, когда заперлись в номере.

— Как вас не ай-я-яй! Стыдно, молодой тшеловек! Во-первых, нас никто не накрывать...— начал оправдываться Джим.

— Оу, май год,— забубнил опять с кровати Джек,— уай ай уоз соу силли ту эгри...*

— Джек, стоп крайинг**,— резко бросил Джим, недовольный тем, что его перебили.

— Так где же папочка, мистеры зоологи? — прервал английский диалог гарант украинского суверенитета на Шпицбергене. Детишки рассказывали так убедительно, что Кравченя однозначно решил поверить в их версию. Ему сразу же стало ясно, что это были именно те самые документы, которые он последние дни так напрасно пытался найти. Гаранту очень не понравилось поведение только что приобретенных друзей, ну да черт с ними! Нет худа без добра, в конце концов, американцы помогли ему решить эту, казалось, неразрешимую задачку.

— Па... папочка? — переспросил Джим.

— Вот именно, папочка, мистер ботаник! Папочка, которая лежала в сейфике кабинетика номер три.

— Ах, эта,— заулыбался Джим улыбкой невинного младенца.— Йес, йес. Пожалуйста, мы вам ее вернуть. Мы взять ее из-под сейф, чтобы ее не украл какой-нибудь другой, то есть, злой тшеловек, потому что сейф был открыт враспашку и... Мы с первый моумент хотели передавать ее к вам. Джаст э моумент, плиз.

Джим бесцеремонно приподнял подушку, на которой лежала голова Джекки и вытащил из-под нее папку.

— Плиз, хиэр ит из***,— сказал он торжественно, как будто не возвращал ворованное, а обменивался только что ратифицированными документами со своим партнером по переговорам.

— Минимум тен йерз призон****,— мрачно прокомментировал с кровати акт передачи Джек, хватаясь за свое чувствительное сердце.

— Спасибочки,— ответил Кравченя, крепко сжимая заветную папку обеими руками.— И вам, ребятки, и вам, господа, спасибо. Вы, пацаны, теперь свободны, родина вас не забудет, заходите ко мне, обязательно отблагодарю. Что вам больше нравится: мармелад или шоколад? А Леониду Марковичу передайте большой привет. Скажите, что в знак благодарности я, так уж и быть, отпущу домой вашего завхоза. Хоккейчик?

Чук с Суперпупсом — само разочарование — недоуменно пожали плечами и медленно пошли к двери. Такой поворот событий застал их врасплох — папка опять уплывала из их рук, а как воспрепятствовать этому, они еще не знали. Ничего не скажешь — взрослые здорово умели выворачиваться из всякой ситуации, и этому искусству им предстояло еще научиться.

— А с вами, господа,— грозно и сурово продолжил Кравченя, когда дверь за Кирпичевыми закрылась,— вас, господа-мичуринцы...— Трудно было понять, чего больше содержалось в голосе президента Шпицбергенщины — металла или льда.—

---

* О, боже, зачем я, глупый, согласился…

** Джек, перестань хныкать!

*** Минуточку, пожалуйста.— Вот она, держите. (англ.)

**** Десять лет тюрьмы минимум (англ.)

Гммда! А не отпраздновать ли нам находку в ресторане? А? — закончил он вдруг на примирительной нотке и хитро подмигнул Джиму.

— Нас захватил понос! — попытался было отговориться Джим.— Не так ли, Джекки?

— Оу, йес,— подтвердил Джек, хватаясь рукой за живот.

— Значит, съели чего-нибудь,— заключил батько.— Ничего, мы клин клином и вышибем,— настаивал президент.

— Доунт тач президент Клинтон*! Наш президент самый... самый хороший и самый справедливый в мире! — прорезался вдруг по-русски Джек.

— Несомненно, так оно и есть! Никто вашего президента и не собирается трогать,— успокоил его Роман Спиридонович.— Поговорка у нас такая. Отсюда, стало быть, и традиция: плохо тебе стало от водки — выпей еще, плохо от сала — съешь еще граммов триста. Понял? От чего заболел, тем и лечимся. Гомеопатия называется!

Джек посмотрел на Джима, как бы спрашивая, верить ему или не верить в такую варварскую традицию, но Джим закивал головой:

— Ит из райт, Джекки! Белив ит ор нот, бат сач ар рашшенз**.

— Ну, так что, господа хорошие? Идете или нет? Кстати, мы никакие не рашшены, мы — украинцы. Запомнили? У-кра-ин-цы!

В голосе президента ШУРы американские «географы» безошибочно уловили нотки каприза с оттенками неприкрытой угрозы, и инстинкт им подсказывал, что надо соглашаться и идти. Иначе... Иначе Роман Кравченя мог прибегнуть и к непарламентским способам воздействия — проще говоря, испортить морду лица.

Арестовал их Кравченя в тот момент, когда начала, как ни странно, сбываться его поговорка и клин — действительно! — начал было выбивать из организма Джека застрявшие клинья диспепсии желудка. Раскрасневшиеся от армянского бренди и возбужденные непринужденной беседой, Джим и Джекки постепенно вернули утраченную было уверенность в свою судьбу и совершенно, что называется, потеряли бдительность и чувство реальности. Они уже делали первые попытки подбить «мистера Краучению» на то, чтобы он им продал-таки папку мистера Трегубенко, но тут в столовую неожиданно вошли четверо бойцов из горноспасательного отряда, вооруженных настоящими винтовками. Появление людей с ружьями навеяло гостям смутные воспоминания про русскую революцию и фильм Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»», но на уточнение ассоциаций у них уже не осталось времени.

— Взять! — рявкнул бывший френд Кравченя, указывая пальцем на гостей.

Джим с Джеком и ахнуть не успели, как четверо молодцов зашли сзади, ловко подхватили их под руки и повели на выход. Джек еще дожевывал кусок мяса, когда их уже доставили к месту заключения. Местом пресечения свободы передвижения был избран бывший парткабинет. Комната свиданий американцам, понятное дело, не понадобилась: родственники их были далеко, а последнего юриста десять лет тому назад съели белые медведи. Трест «Арктикуголь» в свое время не пожалел средств для развития инфраструктуры в Баренцбурге и «отгрохал» вместительное здание рудоуправления, в котором всем чиновникам аппарата хватало по отдельному кабинету. Помещений, слава Богу, хватало и на иностранцев.

Из столовой Кравченя ушел, бормоча про себя непонятную для присутствовавшего персонала фразу:

— О любви не говорите, о ней все сказано!

А посаженные в кутузку Джим и Джек еще не подозревали, что в скором времени им придется на практике испытать на себе понятия незалежных украинцев о правовом государстве, в котором человек обладал всеми правами, но не имеет случая ими воспользоваться.

---

* Не трогайте президента Клинтона! (англ.)

** Все так, Джекки! Хочешь верь, хочешь нет, но таковы русские. (англ.)

### *В мире приключений*

*Aspice nudatas, barbara terra, nates!**

На архипелаге в июне наступает «жестокая» жара — температура в тени достигает плюс девяти-десяти градусов по Цельсию, а вода в Грен-фьорде прогревается аж до плюс трех градусов! Снег уже совсем сходит, и только некоторые островерхие пики горных кряжей не сбрасывают своих зимних шапок и, как допотопные сибирские чалдоны, потеют в них все лето, вызывая насмешку у всей бесстыдно оголившейся природы.

Набухшие влагой ледники незаметно, миллиметр за миллиметром, грузными сине-зелеными динозаврами сползают к воде и шумно плюхаются в море, пугая животных и птиц. И там и сям пробиваются к свету выносливые камнеломки; набухают и распускаются красные полярные маки; прорастает редкая травка, сливаясь местами со мхами и лишайниками; радуют истосковавшийся по краскам глаз арника, астрагал, кисличник, пушица, ромашка. Растительность торопится — на рост и цветение ей отпущено времени в два раза меньше, чем на материке, а потому вегетация безудержно буйствует под ослепительными лучами незаходящего за горизонт солнца.

В Грен-фьорд время от времени заходят белухи. Они выстраиваются в правильный ряд из четырех-пяти особей и, то погружаясь одновременно в воду, то выныривая на поверхность, как дельфины, пускают мощные фонтаны воды вверх, загоняют косяки рыбы в тупики и устраивают там настоящие пиршества.

По долинам бродят отощавшие за зиму олени. Они усердно щиплют травку, мхи и лишайники и набираются сил к новой зимовке, осторожно обходя поглоданные песцами и истерзанные птицами туши погибших от зимнего голода своих собратьев. Подножного корма для всех не хватает, поэтому регулирование поголовья рогатых происходит под контролем сюссельмана, разрешающего произвести поздней осенью отстрел нескольких десятков взрослых самцов и самок.

Самый хитрый, самый умный на Шпицбергене олень по имени Борька умудряется уцелеть после каждого отстрела, а от голода спасается тем, что из года в год приходит в поселок просить милостыню у людей. Любимое место кормления Борьки — западная оконечность Баренцбурга, где проходит дорога к консульству и расположено здание мужского общежития. В лютую стужу Борька Алитетом спускается с гор, то есть, с Миру-мирки** и становится там на боевое дежурство, терпеливо ожидая, когда к нему потянутся шахтеры, их жены и особенно дети с угощением: кто с хлебом, кто с пряником, а кто и с конфетой. Летом Борьку в поселок, естественно, не заманишь, а тех, кому удается его обнаружить на воле в нескольких километрах от поселка, он демонстративно не узнает. Если люди пытаются напомнить ему о своей дружбе, то Борька, не церемонясь, поддает им рогами под зад и топчет их ногами. Впрочем, свой независимый нрав он проявляет и зимой. Однажды, когда консульский завхоз Дурасов, скормив ему кусок хлеба, перешел на фамильярности, пытаясь взять Борьку за рога, то мгновенно оказался повергнутым на землю. Если бы не подбежали не помощь шахтеры, то еще неизвестно, чем бы закончилась загранкомандировка Алексея Семеновича за полярный круг.

Летом человека на архипелаге тянет в пампасы. Тянет-зазывает немилосердно, жестоко, невзирая на возраст, служебное и семейное положение, и чем дальше от него находятся эти пампасы, тем неизбывнее становится тоска.

К лету Коршунов Александр Сергеевич в тюрьме совсем заскучал. Весной он еще держался и не подавал вида, но с приходом июня сломался. Да и как ему было не

---

* Полюбуйся, варварская страна, на обнаженные ягодицы! (лат.)

** Доминирующая над поселком гора, на которой камнем выложены слова «Миру — мир!»

сломаться, если бы на свободе он к этому времени уже раз пять «сгонял» в тундру, слетал на Ледяное озеро или на озеро Линнея, вышел на морскую охоту на зайцев… Да мало ли куда еще сбегал бы, слетал, съездил или сплавал! В свое время ему нужно было бы только свистнуть, и пикниковая команда через пять минут стояла бы перед ним в полном составе и с полным снаряжением, готовая выступить хоть на край Северо-Восточной Земли, хоть на остров Карла XII, а хоть и на Медвежий. А теперь... Теперь одна тоска. Теперь уже не Трегубенко, а Коршунов неподвижно лежал на кровати и о чем-то сосредоточенно думал. О меланхолическом состоянии его души свидетельствовал тот факт, что песен о женщинах он уже не пел, в репертуаре присутствовала лишь баллада о знаменитом бродяге, пустившемся из каторги в бегство.

В Баренцбург неожиданный визит нанес норвежский зверолов Стен Квисму.

В соответствии с принципами народной дипломатии, визит носил ответный характер и ознаменовался определенными положительными сдвигами в развитии норвежско-российских, а может быть и норвежско-украинских отношений — в таких политических тонкостях он не разбирался. Зверолов с наступлением лета тоже затосковал, и стал собираться в дорогу. С учетом того, что на его попечении находились собаки, визит должен был быть осуществлен в сжатые сроки, а потому Квисму передвигался с помощью вертолета — до Лонгйербюена, а оттуда в Баренцбург — на моторной лодке.

К сожалению, высокие договаривающиеся стороны не успели подготовить этот визит по всем правилам протокола, поэтому Стену пришлось потратить пару часов на то, чтобы ему отыскали закадычного друга Теодора. Эта заминка не помешала сторонам прийти к быстрому согласию и консенсусу. Встреча проходила на высоком организационном и гастрономическом уровне, по всем законам славянского гостеприимства, в обстановке братской дружбы и сердечного единодушия.

Квисму приехал не с пустыми руками, а потому результаты его встречи с Теодором и с примкнувшим к ним каким-то Питером превзошли все ожидания. Народные дипломаты «квасились» сутки у Федьки, потом перешли в комнату к Петрухе, а когда кончились все припасы, то начали искать по поселку самогон. Кстати, самогон норвежцу понравился даже больше, чем «столичная»,— вероятно потому, что напомнил ему самый ходовой в Скандинавии сорт виски «баллантайн». В ходе проведенных переговоров протокол не велся, однако это не помешало высоким договаривающимся сторонам зафиксировать согласие о том, что подобные встречи «способствуют» и что их следует непременно продолжать в будущем — в том же самом или, возможно, в расширенном составе.

Свою дружбу трое друзей открыто продемонстрировали гражданам незалежной малорусской республики. Обнявшись, они ходили по улице Старостина, переименованную в вулицу гетмана Скоропадского, и нестройным хором пели «Катюшу». Отношение граждан ШУРы к визиту норвежца было в основном положительным, если не считать некоторых ядовитых замечаний со стороны несознательных женщин и скрытого недовольства со стороны батьки Кравчени. Ведь Петруха был его личным водителем, и отвлечение шофера на народную дипломатию нарушило какие-то планы Гаранта Украинского суверенитета.

Квисму с трудом, но со всеми предосторожностями опять посадили в лодку, и он отчалил восвояси в свою столицу. Но последствия его визита неожиданно получили другой и весьма громкий резонанс, не имевший к народной дипломатии никакого отношения. Петруха, как у нас водится, не «успокоился на достигнутом», а после проводов норвежского друга раздобыл еще пол-литра баренцбургского «баллантайна» и употребил его с большим удовольствием у себя в общежитии. После этого настроение у директорского шофера значительно улучшилось, но сильно обострилось чувство социальной справедливости, и ему захотелось совершить какое-нибудь доброе дело.

Петруха направил свои стопы в рудоуправление и сразу прошел к директорской бане. Рудоуправление, ранее гудевшее от голосов шахтеров, как улей, являло собой унылое зрелище. Настежь открытые двери пустых кабинетов, перегоревшие лампочки в коридорах и переходах, паутина в углах и мрачные лица горняков-спасателей, превратившихся по воле батьки Кравчени в охранников. Отряд полностью перешел на выполнение функций тюремных надзирателей, потому что заключенных последнее время здорово прибавилось. Кроме руководства рудника и американских шпионов, батько посадил под арест нескольких русских шахтеров, осмелившихся поднять голос в защиту умиравшего на глазах рудника. Дисциплина за время правления Романа Спиридоновича совсем упала, и добыча угля практически приостановилась. Правительство Шпицбергенской Украинской Рады занималось исключительно своими личными делами, постоянно тасуя свой состав, и в нужды рядового населения входило все меньше и меньше. Продовольственные запасы должны были вот-вот кончиться.

Тяжелым грузом давило на всех сознание того, что Баренцбург оказался брошенным на произвол судьбы, потому что с материка по-прежнему не доходило никаких вестей. Норвежские власти тоже затаились в своем Лонгйербюене и не давали о себе знать. В поселке Пирамида, узнав о баренцбургском перевороте, решили с бунтовщиками ни в какие контакты не вступать. Ходили слухи, что директор пирамидской шахты Август Петрович Крамер, поволжский немец, один из лучших администраторов в угольной промышленности бывшего Союза, с помощью норвежцев вылетел в Мурманск, чтобы доложить об обстановке на Шпицбергене самому Гнилозубову.

— О, какие люди! — услышал водитель, пробираясь по темному коридору к знакомой двери.

— Это ты что ли, Серега? — спросил наугад Петруха и не ошибся.

— А то кто же еще! Он самый.

— И не надоело тебе, блин, понимаешь бездельничать? — поинтересовался Петруха.

— Если честно, то уже стало невмоготу. А ты гуляешь?

— Имею право. Проводил друга. Он сел в лодку и... уп... уплыл. Хочешь выпить?

— Не положено.

— Да брось ты — не положено! Счас достану,— народный дипломат полез за пазуху, долго шарил там рукой, никак не попадая в карман, а потом махнул рукой и отвалился на спинку деревянного дивана.— Да-а-а, дела-а-а,— неопределенно произнес он и обнял Серегу за плечи.— Как они там? — мотнул он головой в сторону бани.

— Сидят.

— Скучают?

— Еще как.

— Дай мне поговорить с шефом.

— Нельзя. Батько узнает — не сносить головы.

— Чтой-то ты пугливый такой стал! Да кто он такой — батько? Портовая букашка! Плевать мне на него, понял? Открывай дверь, а то я сам от... открою!

— Петро, это ты? — послышался голос из-за двери.

— Я, Александр Сергеч.

— Ты вот что, Петро: возьми ключики у Сереги да и выпусти нас на волю.

Серега посмотрел на Петруху, Петруха — на Серегу.

— Ты слышишь? — переспросил Коршунов.

— Слышу, Сергеч, слышу,— встрепенулся бывший директорский водитель.

— А если слышишь, так какого хрена медлишь? Серега, отдай ключи Петро,— командирским голосом приказал Коршунов.

— Ты слыхал, что шеф сказал? Давай мне ключики.

Серега полез в карман и молча протянул связку Петрухе. Тот начал по очереди совать ключи в скважину, но они не лезли. Серега начал ему помогать, и, наконец, вдвоем они подобрали подходящий. Замок щелкнул, дверь открылась, и на пороге показался похудевший и побледневший шеф.

— Здорово, молодцы,— приветствовал он своих подчиненных.— Никифорович, ты готов?

Из-за спины Коршунова показалось мятая физиономия Трегубенко.

— Вы что, Александр Сергеевич... вы что затеяли? — спросил Серега.

— А ничего. Никифорович, неси веревку.

Представитель треста принес веревку и подал ее Коршунову.

— Петруха, вяжи Серегу! Да не трепыхайся ты, чудак. Мы тебе же лучше делаем. Скажешь потом, что было нападение, что тебя связали, отобрали ключи и так далее.

Шофер мигом протрезвел и начал веревкой привязывать Серегу к дивану. Тот глупо улыбался, сам подставлял руки и с интересом наблюдал за дальнейшим развитием событий.

— А кто напал? — спросил он Коршунова, когда веревка кончилась.

— Как кто? Незнакомый. В темноте не разобрал. Ясно?

— Ясно,— заулыбался Серега и поудобнее устроился на скамейке.— А почему я не кричал и не звал на помощь?

— Потому что рот тебе заткнули кляпом.

— А-а, ну то-то,— удовлетворился, наконец, охранник.

— Петро, быстро сгоноши нам какой-нибудь рабочей одежонки, а мы пока выпустим остальных заключенных!

— Мы так не договаривались! — запротестовал охранник.

— Будешь выступать, заткну тебе кляп в рот сейчас, а не потом, когда будем уходить,— пригрозил Коршунов и сунул ключ в дверь находившегося по соседству партийно-методического кабинета.

— Выходите, кто там есть! — крикнул Коршунов.— Свобода!

Прошла минута-другая, прежде чем на свет божий появились настороженные физиономии Джима, а потом и Джека.

— Кто такие будете?— спросил Коршунов.— Что-то я вас раньше не видел.

— Ми есть американски джиографы. Нас противоузаконно арестовать мистер Крауч ения. Ми...

— Стоп! Так вы американцы?

— Йес, йес, американ. Ми хотеть...

— Короче! Мы вас освобождаем, но никакой безопасности не гарантируем. Хотите с нами бежать?

— Оу, йес, конечноу. Джек, ты согласен?

— Мне все равно. Как скажешь,— безучастно ответил Джек.

— Он есть согласен,— подтвердил Джим.— А кто ви есть такой?

— Мы-то? Бывшие заключенные, как и вы. А вот и Петро. Никифорович, выпускай остальных — пусть выходят, кто хочет, а мы пока переоденемся. Петро, принеси одежду еще на двоих. Тут подбирается интернациональная бригада, надо помочь людям.

— Александр Сергеевич, я вам не советую с ними связываться,— предупредил Петруха.— Это — американские шпионы, они выкрали какие-то бумаги у товарища Трегубенко.

— Бумаги? Это плохо. Ну да черт с ними, потом разберемся. Главное для нас сейчас — смыться.

— Мистер начальник,— обратился к Коршунову Джим,— ми обязан докладывать вам, что в поселок Баренцбург имеют место быть случаи дискриминэйшн ов рашшен пипл. Это есть нарушений права человечество.

— Хорошо, хорошо, вникнем, когда будет больше свободного времени,— отмахнулся от него Коршунов.— Кстати, у вас, я слышал, негров вешают. Ха-ха-ха!

Американцы обиженно поджали губы.

— Ми их не вешайт,— сказал Джим.— Ми их судить. Они насиловают наши уимин.

— Что вы говорите? — удивился Коршунов.— Шершеляфамят, значит?

Через минуту вернулся Трегубенко и начал стаскивать с себя цивильную одежду и облачаться в шахтерскую робу. Он вопросительно взглянул на американцев, но Коршунов, предупреждая вопросы, коротко объяснил:

— Они с нами.

Американских географов быстро переодели во все шпицбергенское, и скоро их почти всех было не узнать: Коршунов превратился в заправского забойщика, Джим с Джеком стали похожи на бежавших из сибирской каторги заключенных, но Трегубенко можно было вообще не переодевать, потому что даже сквозь шахтерские наряды все равно проступала фигура крупного функционера, не привыкшего ходить пешком и появляться на людях без галстука.

— Вперед! — скомандовал Коршунов.

— А кляп? — вспомнил со скамейки Серега.

— Петро, сунь ему в рот какую-нибудь тряпочку.

Петро метнулся в баню, принес оттуда наволочку и торопливо стал запихивать ее своему приятелю.

— Готово, шеф.

Они вышли через резервный выход, сопровождаемые мычанием Сереги, и долго пробирались по длинному коридору, который вел в забой (здание Управления соединялось крытым переходом). Навстречу попались несколько человек, но никто не узнал в них ни бывших руководителей, ни американских шпионов. Шествие возглавлял Коршунов, за ним еле поспевали американцы, потом следовал Петруха, а в конце ковылял представитель номенклатуры Трегубенко.

— Ах, как хорошо! — восклицал Коршунов, вдыхая полной грудью соленый воздух Грен-фьорда.

— Куда ми идти? — попытался узнать Джим, но никто ему не ответил, и вопрос повис в воздухе.

Скоро они миновали залежи поданного на гора угля, оставили слева здание теплостанции и стали спускаться к причалу. На набережной никого не было, над головой нещадно светило солнце, неистово кричали чайки, а под ногами бессильно бились о стенку причала волны. Хмельной ветер распирал грудь и готов был надуть любые паруса, лишь бы вволю погулять с забубенными людьми, которых последнее время, с того самого момента, когда на рее повесили последнего пирата, стало так катастрофически мало. Природа словно специально постаралась создать все необходимые условия для какого-нибудь маленького приключеньица, и нужно было обладать полным отсутствием здорового духа авантюризма, чтобы не соблазниться представившейся возможностью.

— Петруха, пока мы будем заводить катер, сгоняй за продуктами,— приказал Коршунов.

— Есть сгонять за продуктами! — по-военному ответил Петруха и исчез за пакгаузами. Как все «личные» водители, он отвечал за провиантирование пикниковых экспедиций и знал, где, сколько и какого съестного припасено в холодильнике в домике начальника порта. Он уже протрезвел и выглядел тем самым Петрухой-адъютантом, каким он был до переворота.

Четверка подошла к пирсу и заглянула вниз.

— Вот он, наш красавец! — удовлетворенно потирая руки, сказал Коршунов.

Глазам беглецов предстала вполне приличная посудина, доставшаяся Баренцбургу от Олимпийских игр 1980 года — подарок ленинградской администрации. Это был судейский катер для участников регаты в Финском заливе, с кабиной, в которой

вполне свободно могли разместиться четыре-пять человек, и шведским двигателем, обеспечивающим скорость до пятнадцати узлов. Когда Игры закончились, то катер списали и решили подарить консульству в Баренцбурге. То обстоятельство, что судно числилось на балансе у консула Еремкина, ничуть не смущало директора, и он тут же приступил к осуществлению своего созревшего еще в заключении плана.

— Никифорович, спускайся в катер и проверь наличие бензина и тому подобное,— распорядился Коршунов.— Все в порядке? Теперь и вы прыгайте, зайцы,— обратился он к американцам.— Дед Мазай вам не даст пропасть. Теперь поняли, кто мы такие? — поинтересовался он у притихших американцев.— Мы — покорители морской стихии!

Джим взял Джека за руку и потащил его за собой вниз по металлической лестнице. Джек с большой опаской смотрел на лодку, водоизмещение которой составляло не более трех тонн, переводил взгляд на высокую волну и безбрежные морские просторы, делал в уме сравнения и приходил к выводу, что пускаться на ней в море было бы большой и опасной авантюрой. Но сидеть взаперти в душном помещении в томительном ожидании развязки ему уже надоело, а этот русский, похоже, был толковым моряком и знал, на что идет, так что, повздыхав, он решил покориться событиям.

А события развивались стремительно. Петруха где-то запропастился, и в это время на гребне обрыва со стороны столовой показались фигуры каких-то людей. Они беспорядочно бегали по парапету, кричали и махали руками, то ли угрожая беглецам, то ли приглашая их подняться наверх.

Коршунов усмотрел в появлении новых участников событий несомненную угрозу и бросился к штурвалу. Он моментально перевел двигатель в рабочее состояние и нажал кнопку стартера. Мотор зачихал и тут же заглох. Коршунов сделал еще одну попытку, потом еще одну, но двигатель не заводился. Между тем над их головами в буквальном и переносном смысле нависала опасность: люди Кравчени, обнаружившие пропажу ценных заключенных, уже бежали по ступенькам лестницы — той самой лестницы, которую баренцбуржцы в память об известном фильме Эйзенштейна окрестили Потемкинской. Потемкинская лестница по своей длине ничуть не уступала одесскому аналогу, только была намного уже, круче и извилистей. Правда, преследователям не приходилось, как участникам массовки, катить впереди себя по ступенькам детскую коляску, но все равно, чтобы преодолеть сто двадцать пять ступенек, требовалось какое-то время.

В эти драматические секунды, когда Джек вспомнил молитву, которой его в детстве обучала мать, Джим всей кожей своего чувствительного к побоям тела уже ощущал на себе удары кулаков, а Трегубенко выпустил несколько нецензурных выражений, появился Петруха. Он успел прошмыгнуть буквально под носом преследователей, а Коршунов — завести мотор. Как только Петруха прыгнул в катер, люди Кравчени уже преодолели сто двадцать четыре ступеньки Потемкинской лестницы, вышли на ровную финишную прямую и что есть мочи устремились к пирсу.

Двигатель не выдержал напряжения и испуганно взревел, катер резко скакнул от стенки пирса, вдребезги разбив носом набежавшую волну, и с победоносным ревом вырвался на просторы Грен-фьорда.

— Ура-а-а! — закричал Коршунов. Победный клич директора поддержали Трегубенко с Петрухой, а потом и американцы. Только они кричали какую-то белиберду наподобие «хуррэй», что напоминало монгольский военный клич времен нашествия хана Батыя на Киевскую Русь.

Преследователи подбежали к стоянке катера в тот самый момент, когда Коршунов изобразил у них на виду изящную дугу и направил катер в открытое море.

— На-ко ся, выкуси! — крикнул Петруха, показывая людям на берегу кукиш. Джим с Джеком вежливо помахали ручкой.

И катер, повинуясь законам механики, быстро удалялся от берега, прыгая по вол-

нам, словно блоха на огромном одеяле. Людям на пирсе хотелось топать ногами и брызгать слюной. Но что можно было сделать? Рожденный ползать бегать по воде не может. Об этом они и доложили батьке.

Батько принял обличье рассерженного хозяина Олимпа — Зевса-Громовержца, обрушил на подчиненных гром и молнии и сопроводил их вошедшими уже в обычай репрессалиями. Освободившиеся камеры, то бишь, директорскую баню и партийный кабинет, тут же заняли новые заключенные. Одним из них был охранник и бывший горный спасатель Серега Крашенинников. На охрану бывших охранников поставили повара и директора Дома культуры. На переломных этапах развития суверенитета и демократии музы умолкают, и начинают говорить тюремщики.

…Петруха прихватил с собой не только провиант, но и охотничье ружье с двумя десятками патронов. Подобная предусмотрительность шофера привела Коршунова в неописуемый восторг. Его обычным занятием после каждого пикника было расстреливание пустых бутылок из карабина. Но сейчас вокруг катера то и дело носились стаи уток, а какая неподвижная мишень может быть лучше живой? Директор передал штурвал Трегубенко и приказал:

— Давай, рули, а я буду на ходу сочинять жаркое.

— А как же Лонгйербюен? — спросил Степан Никифорович.

— Успеем,— заверил Коршунов и стал запихивать патроны в казенник ружья.

Катер между тем уже вышел из Грен-фиорда на просторы более широкого Исфиорда — Ледяного залива. Ветер, заметно посвежевший, гнал со стороны Гренландского моря редкие льдины, на которых, поджав ноги, сидели стайками крачки. Коршунов сделал несколько выстрелов, пытаясь сбить уток на лету, и один из его выстрелов попал в цель. Черный чистик отделился от пролетавшей со свистом стаи, плюхнулся в воду и мирно закачался на волнах справа по курсу катера.

— Давай, подгребай,— сказал охотник,— надо подобрать трофей.

Трегубенко сбавил обороты и сделал крутой вираж, приближаясь к чистику.

— Один ноль,— констатировал Петруха, ловко подбирая утку из воды.

Раздался еще выстрел, потом еще, и азарт охватил уже не только Коршунова, но и всех пассажиров катера — даже Джим с Джеком оживились и отмечали каждый удачный выстрел аплодисментами. Катер беспорядочным курсом носился по волнам в погоне за подбитыми чистиками и чирками, и никто не заметил, как он уклонился от первоначально выбранного курса и приблизился к мысу Линнея. Уже можно было различить широкий ручей, вытекающий из озера того же названия, стоящую на берегу деревянную хижину и разбросанные вокруг нее какие—то предметы.

— Девять ноль,— констатировал Петруха, бросая очередную утку на дно катера.— Отличное жаркое можно сделать, шеф!

— Еще бы! — отозвался Коршунов, подмигивая Джиму с Джеком.

— А эта птица можно есть? — спросил на всякий случай Джек.

— Еще как можно,— ответил начальник экспедиции и сделал еще один выстрел.— Никифорович, давай скорей, я, кажись, подстрелили гуся. Гони вон туда.

Катер взревел и пошел прямо на берег.

— Вон он, родимый! Жирный — жуть! — предвосхищал добычу Петруха.

— Никифорович, ты куда рулишь? — возмутился Коршунов.— Правь левее!

— А я куда? — огрызнулся Трегубенко.

Навигационный диспут двух начальников прервался на самом интересном месте. Неожиданно где-то под кормой раздался удар, катер слегка подбросило, как телегу на ухабе, и наступила тишина.

— Что происходить? — встрепенулся Джим. Джек побледнел и сел на дно. Трегубенко все еще держался за штурвал, но с таким же успехом он мог держаться и за любой другой предмет. Мотор не работал, и катер уже не повиновался рулю, а просто болтался на воде, как чурка в проруби.

— Подводный риф! — догадался Коршунов.— Е-мое, ведь до берега метров триста. Неужели...

— Начинается отлив,— сказал Петруха,— помнится по карте, что в этих местах много рифов, расположенных почти у самой поверхности воды.

— А что ж ты не предупредил? — возмутился Коршунов.

— Не успел.

— Не успел, не успел! — передразнил шеф.— Поднимай мотор, посмотрим, что с ним.

Петруха послушно пошел на корму и поднял мотор. Винт был срезан начисто, а сам корпус сильно помялся, так что о починке, да еще в походных условиях, не могло быть и речи.

— Финита ля комедия! — мрачно изрек Степан Никифорович и смачно сплюнул за борт.

— Ничего нельзя сказать о глубине моря, пока не коснешься его дна ногами,— мрачно изрек директор.

— Произойти авария? — испуганно спросил Джим.

— Да, авария.

— Оу, год! — застонал Джек и закрыл лицо руками.— Уот из то бикам оф ас?*

Перед глазами проплыли ужасные сцены из истории пропавших в этих краях полярных экспедиций, официальное выражение лица начальника Русского отдела, высказывающего лицемерные соболезнования жене и детям, и ему сразу захотелось увидеться с мистером Кравченей в импровизированной и обвешанной партийными лозунгами камере.

— Лук! — завопил Джим! — Смотрите! Нас выгонять в открытый море!

Джим был абсолютно прав. Продолжавшийся отлив потихоньку сносил покорителей морских стихий в Гренландское море, и расстояние до мыса Линнея составляло уже не триста метров, а намного больше.

— Где весла? — закричал Коршунов.— Надо грести веслами!

Петруха протянул ему одно весло.

— А еще?

— Второе весло кто-то, наверное, спер,— высказал предположение шофер.

— Тьфу! Гребите, чем попало!

Коршунов часто, глубоко погружая весло в воду, стал грести, намереваясь хотя бы остановить катер и помешать дрейфу в открытое море. Петруха, Трегубенко и американцы стали по бортам и, еле доставая руками до кромки воды, брызгая друг на друга, пытались безуспешно помочь ему в этом.

— Ну что — получается? — спросил Коршунов.

— Не очень, стоим на месте,— ответил Петруха.

— А, черт! — заревел Коршунов и с силой вонзил весло в воду. Раздался треск, и в руках у директора остался только его обломок. Нижняя, загребающая его часть, издеваясь над экипажем катера, закачалась на волнах Гренландского моря.

Наступила минута оцепенения. Беглецы молча стояли и смотрели друг на друга. Шансов выгрести не было никаких. Все понимали, что через полчаса отлив отнесет их далеко на юг в море. Страх и ужас охватил «интернациональную бригаду», и никто не мог вымолвить даже слова. Американцы плакали, Трегубенко часто и недоуменно моргал влажными глазами, Петруха кусал губы, а Коршунов сжимал и разжимал кулаки, пытаясь хоть что-то придумать.

— Лук! Смотрите! — опять закричал Джим. Он показывал пальцем в сторону Земли Принца Карла. В белесой дымке, там далеко на горизонте, показался белый пароход. Он шел прямо в Ледяной залив и увеличивался в размерах прямо на глазах.

---

* О, боже! Что же с нами будет? (англ.)

— Мы спасены,— уверенно сказал Коршунов и попросил Петруху открыть бутылку водки или шампанского. Под руку попалось шампанское, и скоро раздался глухой хлопок и шипение укрощенной жидкости в предупредительно подставленных все тем же Петрухой стаканах.

— За успех нашего безнадежного предприятия! — произнес Коршунов и по-гусарски, одним махом выпил вино. Остальные молча смаковали благородный напиток и наблюдали за кораблем. Остроглазый Петруха стал даже утверждать, что корабль идет под русским флагом. Уверенность мореплавателей в своем спасении возрастала по мере сближения с белоснежным красавцем.

— Ба, да это наш «Казахстан» с западными туристами,— догадался Коршунов.— Все, ребята, через полчаса мы будем сидеть в кают-компании и глотать гроги.

Между тем отлив достиг своего апогея, и на поверхности моря показались обросшие водорослями, идущие от берега подводные каменные хребты. Катер перестал удаляться от мыса Линнея и волчком завертелся на одном месте. Со стороны Гренландского моря подул ветер, и путешественники скоро заметили, что судьба перевернула карту и начинает им подыгрывать.

— Нас пригонять к берегам! — первый обратил на это внимание Джим.

Но прилив в союзе с ветром не обеспечил такой уж большой скорости, чтобы катер оторвался от белоснежного лайнера. Белоснежный лайнер развивал скорость намного больше и уверенно сближался с потерпевшими аварию.

— Надо приготовить белый флаг или что там полагается в подобных случаях,— догадался Трегубенко.

Петруха достал из рюкзака нейлоновую скатерть:

— Годится?

— Конечно.

Коршунов взялся за один конец скатерти, Джим — за другой, и так они стояли, как с транспарантом, ожидая сближения с лайнером.

— Да, это «Казахстан», вон и буквы уже видны,— сказал Петруха.

— Приготовь ружье, будешь стрелять,— предупредил шофера директор.

Зрелище было великолепное: трех- или четырехпалубный красавец, блестя на солнце краской, изящно развевая развешанными повсюду флагами, споро резал носом воду. По палубе ходили туристы, некоторые даже махали им ручками, очевидно принимая их за туземцев, вышедших в море встречать пароход, но никаких признаков того, что «Казахстан» стопорит машины, чтобы спустить на воду шлюпку, потерпевшие аварию не замечали.

— Стреляй! — крикнул в истерике Коршунов, подозревая самое худшее.

Петруха выстрелил два раза в воздух, Джим и Джек что есть силы закричали что-то на английском языке, Трегубенко погрозил туристам кулаком, но «Казахстан» лишь отозвался радостным гудком — мол, давайте, продолжайте, ребята, веселитесь там, а мне некогда, я спешу в Лонгйербюен!

Туристский извозчик уже давно прошел мимо, а Коршунов с Джимом все держали скатерть и смотрели ему вслед.

— Подонки! — выругался Степан Никифорович.— Они что — с ума там посходили?

— Хорошо, гад, режет воду,— прокомментировал Петька.

Лайнер изящно исчез в дымке — так же, как и появился.

Всеми опять овладело отчаяние. Наступила тишина, в которой, казалось, вот-вот сработает какое-нибудь взрывное устройство. Беглецы не сводили глаз с «Казахстана» и не заметили, что рифы уже опять скрылись под водой, и прилив, словно магнитом, начал быстро возвращать катер на место аварии.

— Мужики, имеем шанс! — возвестил Коршунов.— А ну-ка подналяжем и поможем ему!

Все перегнулись через борт и принялись грести руками. На сей раз прогресс был очевиден. До берега оставалось всего каких-то сто метров, и все приготовились к высадке. Через пять минут нос катера уперся в мокрый песок, и все выпрыгнули на твердую землю.

— Ура! Мы спасены!

— Забрать все припасы и прочее имущество! Катер втащить на берег и закрепить за что-нибудь, чтобы не снесло волной. Курс на домик! — Коршунов посмотрел на часы.— Через два часа в кают-компании зимовки начинается торжественный ужин по случаю нашего успешного освобождения из Баренцбургского централа и чудесного спасения на водах! Приглашаются все спасенные, форма одежды неофициальная.

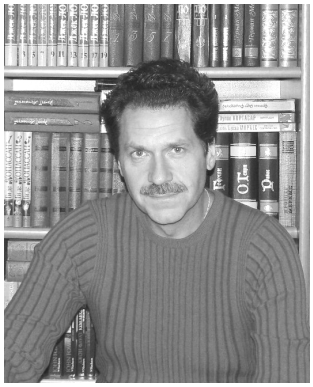
Цепочка людей в «неофициальных» шахтерских фуфайках выползла на обрывистый берег и медленно побрела по направлению к деревянной избушке, построенной на самом юру — на семи ветрах. Зато вид с нее открывался расчудесный. Именно на этом месте, по рассказам знающих людей, находилась изба архангельского помора Старостина, перезимовавшего на Груманте тридцать семь раз. Поэтому зимовье получило название заимки Старостина*.

Через час из трубы зимовья вырвался наружу дым, а еще через час — слова песни:

*— Когда воротимся мы в По-о-о-ртлэнд,*
*Нас примет родина в объятья.*
*Да только в Портлэнд вороти-и-и-ться*
*Нам не придется никогда-а!*
*Что ж, если в Портлэнд нет возврата...*

* Вышеописанный эпизод, вместе с нижеописанными подробностями, но, естественно, с другими участниками, имел место с автором романа. Ей-Богу, не вру.

**Виталий Ковалев**
(г. Юрмала, Латвия)



# КУПЕЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

*Художник, писатель, родился в 1957 году. Окончил рижскую художественную школу имени Яна Розенталя, и Латвийскую государственную Академию художеств имени Теодора Залькална, по отделению книжной графики. С 1981 по 1991 годы работал старшим художественным редактором издательства «Zinatne» в Академии наук Латвийской ССР. Как художник-иллюстратор сотрудничал с издательством «Polaris», оформляя серии научно-фантастических книг. Работает в области книжной иллюстрации, графики, пастели и дизайна световой рекламы. Имеет публикации в литературных журналах «Нева» (г. Санкт-Петербург), «Дальний восток» (г. Хабаровск), «Приокские зори» (г. Тула), «Сибирские огни» (г. Новосибирск), «Бийский Вестник» (г. Бийск), «Волга XXI век» (г. Саратов), Является членом редакционной коллегии журнала «Волга XXI век».*

*Памяти моих родителей,*
*Валентины Дмитриевны*
*и Василия Петровича,*
*посвящаю.*

*Кому из нас не приходилось ездить поездами? Сколько интересных случаев, любопытных деталей и сцен остаются в памяти после такого путешествия! Я отобрал лишь несколько любопытных эпизодов, но так как во всех этих случаях я был всего лишь сторонним наблюдателем, то это позволило мне вывести себя за пределы повествования, став неким подобием кинокамеры, которая поможет читателю окунуться в атмосферу железнодорожного путешествия, столь любимого многими из нас.*

**Так и будет!..**

— Вот сколько мы едем, и все поля, поля, поля...— задумчиво произнес солидный светловолосый мужчина, похожий на руководителя крупной фирмы, что, в общем-то, так и было.

Его попутчик, появившийся в купе после того, как поезд миновал небольшой лесной полустанок, человек небольшого роста, рыжеволосый и, казалось бы, неприметный, но с лицом, озаренным, то ли отсветом заката, то ли каким-то внутренним светом, с веселой сеточкой морщин в уголках голубых глаз, тоже посмотрел в окно и коротко произнес:

— Да, красиво!

— Я не об этом. А о том, что пустуют поля. Земли-то вон сколько! И все брошено, все бесхозно... Нет у земли хозяина.

— Это тоже правда.

— А вы, я заметил, художник? Этюдник, вон, вижу у вас.

— Да, я художник.

— А сегодня разве можно этим прожить? Или вы для себя рисуете?.. Кстати, меня зовут Юрий Николаевич,— протянул руку солидный человек, но сделал это как-то нерешительно, внимательно вглядываясь в попутчика, словно все еще не пришел к окончательному выводу, что же это за человек перед ним.

— Борис,— протянул руку для пожатия художник.— Можно просто Борис, без формальностей.

— Так что, Борис, живопись кормит нынче?

— В основном, я занимаюсь реставрацией церквей, храмов, а кроме того пишу иконы. А этюдник... Да, можно сказать, что пишу для себя, делаю этюды для удовольствия. Кое-что, бывает, и продаю, но чаще дарю друзьям.

— Реставрация, это интересно. Для такой работы, наверное, надо верить в Бога.

— Так это всегда не лишнее,— с улыбкой ответил Борис.— Конечно, у нас всякое бывает. Многие слабо верят, но ведь и апостолы молили Бога, прося укрепить их в вере. Мне вспоминаются слова замечательного писателя Джозефа Конрада. Он до того, как стал писателем, был капитаном, ходил на парусных судах в южных морях. Так вот, он писал, что не встречал еще ни одного матроса, который, попав в тайфун, остался бы атеистом. Наверное, такие люди еще не попали в свой шторм.

— Это, должно быть, так. Но сейчас, в основном, дизайнеры нужны, а живописцам, думаю, тяжеловато,— задумчиво произнес его сосед, глядя в окно.— Хотя есть и такие художники, что преуспевают в жизни. Например, на западе...

— На западе живопись в ее классическом понимании вообще исчезла. То, что пишут там, ни что иное, как дизайнерские пятна для интерьера,— сказал Борис.— Мне вспомнилась шутка. Один человек спрашивает своего приятеля: «Не понимаю, зачем ты женился?» А тот отвечает: «Видишь ли, в моем доме не хватало яркого, декоративного пятна». То же самое можно сказать и о современной живописи. Во многих случаях это всего лишь яркие, декоративные пятна.

— Но ведь это, и в самом деле, оживляет интерьер. У меня самого в офисе есть такая картина. А что касается веры, то современный человек мыслит рационально. Как верить в то, что бездоказательно? Людям надо все пощупать, увидеть, ощутить на вес, так сказать — гирькой на весах взвесить. А здесь что-то эфемерное.

— Но ведь и то, что Бога нет, это ведь тоже бездоказательно. И какую же бездоказательность человек выберет охотнее? Вот тут-то все и таится. Дело не в доказательствах. Люди не верят, потому что это выгоднее, легче.

— И все равно, если бы были какие-то явные знаки, чудеса, люди бы, хочешь — не хочешь, а поверили. А так...

— Как же можно верить в то, что ясно видишь? — улыбнулся художник.— Это уже не вера, а знание. Мы же с вами не верим в то, что едем на этом поезде. Мы это знаем.

— Так и хорошо. Мне кажется, что Богу следовало бы явно дать о себе знать. Явился бы во все небо, все бы и знали, что он существует.

— Так и будет, в свое время,— улыбнулся художник.— А сейчас не может Бог явно дать о себе знать. Тогда будет нарушен главный закон — свобода выбора каждого человека.

Бизнесмен покачал головой, глядя в окно, за которым, мелькая стволами, проносится стена высокого леса. Солнце скрылось за деревьями, в купе потемнело. Вагон поезда покачивается, слышны приглушенные голоса людей из соседних купе, смех, звяканье стаканов в подстаканниках — признаки наступающего вечера.

— Ну а вам,— обратился вдруг бизнесмен к художнику,— вам, конкретно, чем в жизни помогает вера? Вы что, живете от этого лучше? Безопаснее вам от этого?

— Не для того человек верит, чтобы жить лучше, а для того, чтобы стать лучше. А раз уж вы обо мне самом спросили, то скажу, что с верой человек обретает устойчивость в жизни, он понимает суть того, что происходит. Ведь для скольких людей жизнь не что иное, как бессмыслица, череда случайностей и нелепостей. Такой человек затерян в жизни, часто он считает, что обижен, обманут, брошен и одинок.

— А что видите вы?

— Вот вы о гирьках говорили. О том, что все нужно взвесить гирькой. Хорошо, возьмем рынок, ведь жизнь так на него похожа. Любая вещь, которую мы выбираем, должна быть оценена, а для этого она кладется на чашу весов. А на другую чашу этих же весов кладется гирька, относительно которой и определяется вес той или иной вещи. То же самое и с верой. Вера в существование Бога, вера в то, что он принес себя в жертву ради спасения людей, это не что иное, как та самая «гирька», в соответствии с которой мы определяем вес и ценность всего в нашей жизни.

— Но как?

— Понимаете, у Бога был Замысел совсем иного мира, чем тот, в котором мы живем. Но человек нарушил Закон и был изгнан из великого Замысла, от которого только и осталось, что — солнце, небо и любовь. А все эти запущенные поля, яркие пятна на стенах вместо картин, бизнес, деньги, города и страны со всеми их законами, в общем, вся история человечества — все это картина человеческой алчности. Вы говорили, что художникам трудно. Да, искусство не вписывается в этот мир. Нет ничего, что способствовало бы существованию и поддержанию искусства. Это тот свет, что во тьме светит. Наш мир — это тьма, а любовь и искусство — это свет. Вы спрашиваете — кормит ли искусство? Как в мире тьмы может кормить то, что хочет эту тьму осветить? Но вопреки всему этому, художники пишут картины, поэты и писатели стихи и прозу. Это неискоренимо. Так было всегда, и так будет!..

Стена темного леса внезапно оборвалась, и лучи заходящего солнца осветили купе. Только теперь художник заметил, что его собеседник, откинувшись к задней стенке купе, крепко спит. И в этот миг над полями, укрытыми голубой дымкой тумана, в гаснущем небе засверкала первая крупная звезда.

### Ростовский лук

Поезд остановился на небольшой станции. Несмотря на открытые окна, в коридоре и во всех купе очень душно. Солнечный жар заливает перрон, с которого доносятся бойкие голоса продавцов, предлагающих аппетитные угощения со своих садов и огородов. А так как до Ростова еще ехать и ехать, то один из пассажиров решил размяться и пройтись по перрону, тем более, что здесь было на что посмотреть.

Тут тебе и роскошные помидоры, яблоки, груши, сливы, и все это пестрит невообразимыми оттенками ярких красок. А как благоухают маслянисто-золотистые рыбцы, жир на которых прямо таки проступает сквозь чешую! О таких рыбцах говорят — когда их ешь, жир аж по локтям течет!.. Но стоит сделать еще пару шагов, и тебя дурманит теплый, сладкий аромат вареной кукурузы, таящейся в ведрах, прикрытых холщевыми полотенцами.

Пассажир постоял и над арбузами, но просто так долго не простоишь, так как сразу же начинается торг продавцов, желающих поскорее продать свой товар.

Наконец, он купил кулек желтых слив и несколько яблок, уж очень они ему приглянулись. Но купил он их, больше для того чтобы угостить соседа по купе и его сына, мальчика лет двенадцати. Тот весь путь не слезает с верхней полки и читает «Остров сокровищ» Стивенсона.

Как только поезд тронулся, пассажир помыл фрукты и принес их в купе. Мальчишка охотно выбрал большое красное яблоко. Ох, и долго же он теперь будет его грызть, следя за перипетиями захватывающей книги.

— Помню и я, когда был таким же мальчишкой, любил забраться на верхнюю полку и читать всю дорогу,— сказал пассажир отцу мальчика.— Сейчас, пока прохаживался по перрону, как раз вспомнил одну такую книжку.

— А что это за книга? — спросил мальчик с верхней полки.

— Это книга Сергея Голицына, прекрасного детского писателя. Ты читал его?

— Нет.

— А я, если честно, то даже и не слышал о таком писателе,— сказал отец мальчика, отложив в сторону газету с кроссвордом.

— А писатель этот замечательный! Обязательно найдите его книги для сына. Но и ты тоже спроси в школьной библиотеке. А начать лучше всего с его книги «Сорок изыскателей». Начнешь читать и не оторвешься!.. Но сейчас, на перроне, я вспомнил другую книгу Сергея Голицына, называется она «За березовыми книгами».

— А что это за березовые книги? — спросил мальчик с верхней полки, откусывая яблоко.

— Так тебе все и расскажи. Я тебя заинтриговал, вот ты и найди эту книгу, тогда узнаешь разгадку. И вот, в этой книге есть место, где дети-путешественники, подъезжая к Ростову, встречают мужичка, направляющегося на рынок продавать овощи. Дети разговорились с ним, и о том, что они от него узнали, сообщается всего одной фразой: «Мы узнали, что ростовский район издавна славится своими овощами и самый лучший на свете лук — ростовский».

И все. Больше на эту тему ничего в книге не сказано. Казалось бы, это мелочь, на которую можно не обращать внимания, тем более, что к сюжету этот лук никакого отношения не имеет. И мужичок этот сразу же исчезает из повествования и больше на страницах книги не появляется. Но все же не случайно автор упомянул об этом луке. Я так ничего бы и не понял, да и вообще не обратил бы внимания на этот эпизод, если бы не было в моей жизни одного случая.

Мальчик на верхней полке так заинтересовался словами интересного пассажира, что закрыл свою книгу и стал внимательно слушать. Отца его, похоже, это тоже заинтересовало.

— Когда мне было лет пять,— начал свой рассказ пассажир,— нам из Ростова пришла посылка от папиного брата, моего дяди. Я с замиранием сердца гадал, что же окажется в посылке? Но когда ее открыли, был очень разочарован. В посылке лежали головки лука.

— Что же это за посылка?! — думал я.— Разве такие неинтересные вещи посылают? Там, конечно, был и перец «огонек», и еще что-то такое, что родителей очень обрадовало, но меня совершенно не заинтересовало. Правда, я сразу же отметил, что головки лука были необычайно крупные и очень красивые — золотистые. Они напомнили мне новогодние елочные шары.

Прошел день или два, и однажды, когда я играл на полу со своими игрушками, в комнату вошла мама, протянула что-то к моему рту. Она сказала: «Попробуй, какой лучок вкусный». И я попробовал. Согласитесь, что впечатление от вкуса ростовского лука должно было быть очень сильным, раз я не забыл об этом случае до сегодняшнего дня и рассказываю теперь вам. Так это и было. Лук оказался сладким, не жгучим, и очень вкусным.

В течение жизни я видел на местных рынках многих городов головки лука, который на ценниках назывался «Сладкий» но, как это было далеко от того ростовского лука, попробованного мной в пятилетнем возрасте!.. И теперь, когда я прогуливался по перрону, я снова увидел этот лук, и тут же вспомнил и случай из детства, и о книге чудесного детского писателя Сергея Голицына. Выходит, правду он сказал!

Вот такая история. Но это история не только о луке. Очень часто в книгах мы видим детали, к сути произведения не относящиеся. Но надо помнить, раз писатель упоминает о них, значит, детали эти дороги для писателя и представляют особенный

интерес для тех, кому дорог и интересен сам писатель, а не только его книги. Ведь что этот эпизод с луком означает? А то, что и писатель Сергей Голицын тоже когда-то попробовал ростовский лук. И у него, несомненно, была своя история, связанная с ростовским луком, очень дорогая для него, раз он оставил память о ней в своей книге.

Как только пассажир замолк, мальчик снова открыл свою книгу и спросил:

— А в «Острове сокровищ» есть такие детали?

— Конечно. Других там и нет. Понимаешь, писатель может придумать историю, сюжет, персонажей, но как строитель строит дом из кирпичей, так и писатель свою историю создает на основе личных жизненных впечатлений, дорогих для него деталей, и реальных случаев, то есть всего такого, что он видел, слышал, почувствовал и пережил в своей жизни.

Поезд набирает скорость. В вагоне все так же жарко и даже ветерок, задувающий в купе из коридора, совсем не освежает. А до вечера, когда станет прохладнее, еще так далеко...

**Красавица Амира**

Художница Амира возвращалась из отпуска. Огромную папку с рисунками она с трудом подняла на верхнюю багажную полку, а сумку с небольшими этюдами поставила под столик. Зашел проводник, совсем еще молодой парень, со стопкой постельного белья. Входя в купе, он явно был чем-то расстроен, но когда Амира, на его вопрос — будет ли она пить чай, с улыбкой кивнула головой, похоже, все его грустные мысли развеялись, и он улыбнулся ей в ответ.

За окном купе было темно и только лишь редкие огни проносились мимо, словно метеоры в черном небе. Амира достала из сумки маленький этюд, который она находила одним из самых удачных — ночь на реке, огоньки на другом берегу, а на первом плане две лодки, привязанные к мосткам. Самым интересным в этюде был темный силуэт лодок, они словно покачивались на мелкой ряби воды, отражающей призрачный свет луны. Долго она добивалась этого маслянистого блеска на воде, много усилий затратила на то, чтобы вода была не нарисованной, а плескалась, играя живыми отсветами.

Поставив этюд на столик, прислонив его к окну, Амира вспомнила, что у нее на телефоне есть снимок этой работы, и она решила прямо сейчас разместить его в сети. А для того, чтобы зрители смогли увидеть, насколько мал этюд, она отставила руку с телефоном в сторону и сфотографировала себя у окна купе с этюдом, стоящим на столике.

Разместив оба снимка в сети, Амира стала ждать комментарии на свою работу. Она решила: кому первому, из ее друзей, понравится этот этюд, тому она его и подарит, хотя и сомневалась, что в такое позднее время на сайте будет хоть кто-то из знакомых. Но только она хотела отложить телефон в сторону и заняться постелью, как послышался мелодичный сигнал, означающий, что пришел ответ на ее публикацию:

***Артур***

*Она рисует божественно, а Бог нарисовал ее не хуже!!!*

Надо же! Прямо-таки поэт! — усмехнулась Амира и быстро ответила:

***Амира***

*Неплохо мы с ним сработались : )*

***Артур***

*Согласен!!! Но я думал ответ будет другой!! : )*

***Амира***

*Какой?: )*

Написав это, она отложила телефон и стала расстилать на ночь постель, не обращая внимания на все новые сигналы, звучащие с телефона. Артур... Кто бы это мог

быть? — подумала она. Нет, определенно, человека с таким именем она не знала. Ну что же, когда она ляжет, выключит свет, то выяснит, кто это такой. А что?.. Ночь, купе, перестук колес, и разговор с таинственным незнакомцем. Чем не приключение?!

Телефон вновь и вновь издавал сигналы, но Амира не спешила брать его в руки. Так интереснее, пусть будет интрига — думала она, уверенная, что незнакомец, разгоряченный ожиданием ее ответа, никуда не денется.

Наконец, Амира легла поверх одеяла и включила телефон. Некоторое время она читала сообщения, появившиеся на ее страничке в сети, потом недоуменно посмотрела в темноту и снова поднесла телефон к лицу, словно желая убедиться, что ей не почудилось то, что она увидела:

***Николай***

*Амира, слов нет какая вы красавица!*

***Артур***

*Николай, завидуйте молча!*

***Николай***

*Артур, во-первых, я не завидую, а восхищаюсь. Во-вторых, я не намерен с вами общаться.*

***Артур***

*Николай, тогда не влезайте в наш диалог.*

***Николай***

*Я уже сказал вам, я восхищаюсь Амирой. Вы мне неинтересны.*

***Артур***

*Николай, не зли меня! Тихо восхищайся.*

***Николай***

*Ты смотри, не тыкай людям, которых не знаешь!*

***Артур***

*Николай, не наглей!*

***Артур***

*Где ты?*

***Артур***

*Найду!..*

***Артур***

*Приеду!*

***Николай***

*Приедешь, здесь и останешься навсегда.*

Амира не могла этого больше вынести. Удалив свои снимки, она написала:

***Амира***

*Молодцы, ребята, такие снимки мне испоганили...*

***Артур***

*Амира, я извиняюсь, но видел бог, я не первый начал ругаться.*

Она выключила телефон и сунула его в сумку. Все!.. Теперь ей надолго хватит виртуального общения... О, Боже!.. Какая же пустыня эта сеть!..

В дверь купе постучали. Вошел проводник и поставил на столик стакан чая в подстаканнике. Он сделал все быстро, деловито и Амира поймала себя на мысли, что почувствовала какое-то облегчение оттого, что проводник не улыбался ей и не пытался заговорить. Он уже вышел из купе и закрывал дверь, как вдруг остановился, и Амира заметила, что он разглядывает этюд, стоящий на столике.

— Вам нравится? — спросила она.

— Да. Это вы нарисовали?

— Я. А что вам понравилось в этой работе?

— Я совсем не разбираюсь в картинах, но этот свет на воде, он как настоящий. А река такая же, как в наших местах. И даже две лодки были у нас с братом. Вот только брата моего уже нет.

— Хотите, я подарю вам эту работу?

— О, нет! — проводник даже отпрянул назад, отступив в коридор.

— Почему же? Я решила сегодня, что отдам ее тому, кому мне будет не жаль ее отдать.

— А вы не пожалеете?

— Нет. А если пожалею, то утром обязательно скажу вам об этом.

— Хорошо. Я утром буду забирать белье. А пока пусть она будет у меня. Но мне так жаль, что у вас больше не будет этой картины!

— Спокойной ночи!

— Это вам спокойной ночи! А у меня до утра будут еще три остановки. Спать мне не придется,— сказал проводник и, взяв этюд, который она ему протянула, закрыл за собой дверь.

Амира выключила верхний свет, развернула пачку печенья и, разорвав пакетик с сахаром, высыпала его в стакан чая, наблюдая, как от круговых движений ложечки кружится золотая метель, подсвеченная светом ночника. Поезд стал притормаживать и резко дернулся в тот момент, когда она поднесла чай к губам. Вытирая салфеткой обожженные губы и мокрый подбородок, она посмотрела в окно, за которым проплыли два огонька, потом еще несколько. Что-то зазвенело на путях, купе озарилось голубоватым светом, и поезд, медленно подойдя к маленькой белой станции, освещенной яркими фонарями, остановился.

Амира прислушалась, пытаясь понять, вошел ли в вагон кто-нибудь из новых пассажиров, но услышала только быстрые шаги проводника и хлопок двери в конце вагона. Поезд тронулся так незаметно, что она не сразу осознала это, наблюдая, как медленно, словно во сне, проплыла за окном неведомая станция.

Амира выключила ночник, отчего в купе стало совсем темно. Теперь только лишь редкие огоньки проносились за окном, а поезд все набирал скорость и несся в ночи, мерно перестукивая колесами.

**Прощальная записка Сэлинджера**

На этом участке дороги, при подъезде к городу, поезд всегда останавливается и ждет прохода встречного состава. За окнами сереет далеко не живописный пригород с каменными оградами, исчерченными граффити, унылыми складами, водонапорной башней и редкими одноэтажными домами, окруженными хиреющими садами, что встречаются на окраинах больших, постепенно расширяющихся, городов.

Два случайных попутчика, сидящих в купе, в которое доносился шум пассажиров, пробирающихся с чемоданами к выходу, уже наговорились вдоволь, поделились своими историями, проблемами и надеждами, причем, с той откровенностью, какая присуща людям, оказавшимся рядом совершенно случайно и которым вскоре предстоит расстаться навсегда.

Они, сидя у окна друг напротив друга, явно не планировали затевать новую долгую беседу — ведь скоро уже выходить, но само состояние приближающегося расставания словно напомнило о чем-то одному из пассажиров и он неожиданно сказал:

— Можно взглянуть на вашу книгу Сэлинджера? Ту, что вы читали всю дорогу. Интересно, есть ли там одна его вещь.

— Да, пожалуйста,— протянул книгу второй пассажир.— А что вас интересует?

— Вы говорили, что не понимаете причины добровольного затворничества Сэлинджера. И действительно, в 1965 году он укрылся от всех в своем доме и жил так аж до самой смерти в 2010 году. Сорок пять лет молчания!.. И это на пике признания!..

— Да. А ведь сколько он мог бы написать за это время! Но, похоже, он так ничего и не написал.

— И еще вы сказали, что Сэлинджер никак не объяснил свой уход. Не оставил никакой записки или хоть какого-то прощального слова к читателю.

— Насколько мне известно, ничего не оставил.

— Так вот, тогда я промолчал, когда мы говорили об этом,— сказал первый пассажир, все еще держа книгу в руках и просматривая ее содержание,— а теперь, прежде, чем мы расстанемся, решил поделиться кое какими своими наблюдениями.

— Да-да, интересно!

— Понимаете, мне кажется, что Сэлинджер оставил прощальную записку.

— А где же она? Я не слышал о ней.

— Никто о ней не слышал. Но она есть. Причем, люди постоянно видят ее, но не осознают этого.

— Так где же она?

— Конечно же, она в самом последнем его произведении — «16-й день Хэпворта 1924 года». И этот текст есть в вашей книге.

— Я читал его и ничего не заметил.

— Я тоже заметил не сразу, но даже при первом чтении обратил внимание на самое начало этого рассказа, где говорится о тяжести разлуки героя рассказа с его родными. А ведь писалось это с уже принятым решением об уходе и разлуке с читателями. А любящий и понимающий писателя читатель тоже ведь родной для него человек.

И вот однажды, перечитывая «16-й день Хэпворта 1924 года», я почувствовал странность некоторых фраз. Они словно требовали, чтобы я остановился на этом месте и задумался. И я стал выписывать эти фразы по порядку. В результате у меня получился довольно любопытный текст. Конечно, это всего лишь случайные фрагменты, вырванные из контекста, но так ли они случайны в произведении, писавшемся с твердопринятым решением об уходе из литературы и осознанием близкого расставания с читателями?.. Давайте я сейчас зачитаю вам эти места. Посмотрите, что получается...

*«Боже мой, неужели я не могу научиться скучать по своим родным, не желая, чтобы и они скучали по мне в ответ? Для этого нужен характер потверже, чем у меня. Но, Боже мой, с другой стороны гроссбуха, вы ведь все такие ужасно обаятельные, разве таких забудешь. Я родился безо всякой защиты на случай длительного отсутствия тех, кого я люблю».*

*«К тому же, честно сказать, хотя с годами я и научусь писать немного лучше, и мои сочинения станут меньше походить на записки сумасшедшего, все-таки на самом деле они совершенно безнадежны. Каждый штрих пера всегда так и будет нести на себе знак моей неуравновешенности и избытка чувств. Ничего не поделаешь!»*

*«Дети! Боже всемогущий, как мне вас не хватает в это славное досужее утро! Бледный солнечный свет сочится сквозь приятно подслеповатое грязное окно, а я лежу тут поневоле, и ваши смешные, живые, красивые лица, поверьте, всплывают у меня перед глазами, словно подвешенные к потолку на чудесных ниточках.*

*Почти все они, слава Богу,— истинная соль земли, надо только изловчиться поговорить с каждым из них поодиночке, в отсутствие их чертовых дружков. К сожалению, здесь, как и всюду на этой трогательной планете, пароль: подражание и престиж — предел мечты. Конечно, не мне беспокоиться об общем положении дел, но ведь я же не железный. Из этих чудесных, крепких, во многих случаях очень красивых мальчиков мало кто достигнет зрелости. Большинство, по моему скорбному мнению, перейдет от молодости прямо в дряхлость. Ну можно ли на это спокойно смотреть? Сердце кровью обливается».*

*«Вы, конечно, даже и не подозреваете, сколько у меня сейчас образовалось совершенно свободного времени, которое я могу употребить на нужды ума и сердца!»*

*«Надо ли говорить, что я упоминаю здесь об этих огорчительных пустяках,*

*чтобы вы могли при надобности извлечь их из своей нежной памяти до или после нашего безвременного ухода. А пока пусть они вас не печалят».*

*«Молчи! Ступай, но никому ничего не говори!» — как сказал несравненный Чан Самдуп. Совершенно справедливо, хотя очень трудно и никому не хочется».*

*«Я лично очень надеюсь, что за это решающее время, которое нам предстоит пережить, с меня сойдет несколько слоев неестественного, напыщенного фразерства и неживые, лишние слова отлетят от моего молодого тела, как мухи! Ради этого стоит постараться, весь мой будущий синтаксис поставлен на карту!»*

*«Вот тебе мое окончательно последнее слово о том, надо ли так рано бросать сцену».*

— М-да...— произнес второй пассажир, задумчиво глядя в окно.— От этого веет разлукой.

— Да-да. Это писалось с осознанием близкой разлуки и не могло не отразиться на тексте.

— Я как-нибудь перечитаю эту вещь Сэлинджера и, может, еще что-то замечу.

— А теперь и нам пора расставаться. Приближаемся к станции.

— Я часто езжу на юг, так что, вполне возможно, мы еще увидимся. Мне было очень интересно побеседовать с вами.

— Я тоже надеюсь, что мы еще увидимся.

**Во тьме**

Молодой мужчина, лет тридцати, стоял в коридоре вагона быстро несущегося поезда. Внешность его была довольно примечательной, и потому мало кто из проходивших мимо пассажиров не обращал на него внимания. Огненно-рыжая бородка, бледная кожа, придающая лицу особую утонченность, и пронзительно синие глаза — неравнодушно скользящие по проходящим мимо него пассажирам, а видящие каждого человека. И люди это чувствовали, улавливая искорку интереса, загоравшуюся в его глазах.

Так он стоял, думая о чем-то своем, и смотрел в сгустившуюся за окном тьму. Но вот, словно очнувшись, он отошел от окна и вернулся в свое купе. Его сосед, лысеющий, чуть полноватый мужчина лет пятидесяти, уже включил ночник и улегся с журналом в постель. Рыжеволосый пассажир тоже решил почитать перед сном. К некоторому удивлению своего соседа, он достал из сумки «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена и улегся на постель, явно предвкушая приятное чтение. Но только он раскрыл книгу, как мужчина с соседней полки, отложив в сторону журнал, обратился к нему с вопросом:

— Извините, что я вас беспокою. А можно посмотреть вашу книгу? Я имею в виду не ту, что вы сейчас читаете, а другую — «Псалтырь». Когда вы доставали из сумки билет, я заметил, что она у вас есть. А я ее, толком, никогда не читал.

— Да, конечно! Сейчас я вам дам.

— Мы с вами еще не познакомились. Меня зовут Илья Андреевич.

— А меня зовите просто — Владимир,— улыбнулся рыжеволосый пассажир.

— Ну вот и познакомились. А вы, наверное, в отпуске были? Отдыхали на юге?

— Отдыхал. Хотя и поработать пришлось. А вы тоже из отпуска? — спросил Владимир.

— Нет, я возвращаюсь с похорон. У меня брат умер.

— Я вам соболезную! Вот, пожалуйста,— протянул Владимир книгу Илье Андреевичу.— Я всегда беру ее в дорогу. Это, кстати, любимейшая книга Льва Николаевича Толстого.

— Льва Толстого? Так он же с церковью, вроде как, не в ладах был. Его даже отлучили от церкви.

— Тексты книги «Псалтырь» созданы задолго до пришествия Христа на землю и задолго до появления какой-либо церкви.

Илья Андреевич, производивший впечатление человека открытого и даже веселого, с легкой хитринкой в глазах, взял книгу, внимательно рассмотрел обложку и начал читать.

Вагон поезда покачивался на ходу. Было слышно, как маленькие мальчик и девочка, хлопая откидными сидениями, бегают из одного конца коридора в другой. Время от времени слышался женский голос, звавший их, но детям не хотелось возвращаться в купе. В щель не задвинутой до конца двери было видно, что они, прижавшись носами к окну, смотрят в темное окно. В этот момент, когда поезд с грохотом понесся по мосту, за окнами замелькали огни прожекторов, укрепленных на фермах моста, где-то далеко впереди прозвучал далекий гудок электровоза.

— Любопытно! — сказал Илья Андреевич, переворачивая страницу.— Так говорите, Лев Николаевич любил это читать?

— Да. Но среди библейских текстов он находил и много других книг, которые не просто высоко ценил, а ставил их выше всего того, что написал сам. Так он отзывался и о небольшом тексте под названием «Книга Руфь», находя ее совершенством в мировой литературе, и о величайшей трагедии под названием «Книга Иова», да и о многих других книгах Библии.

— Но это же религиозные тексты. А вы говорите о них как о литературе.

— Это не просто литература, а поэзия. Например, «Песнь песней» Соломона!.. Что сейчас в мировой поэзии можно поставить рядом с этим? Или та же самая «Псалтырь», которую вы держите в руках. Ведь это псалмы, то есть — песни, с которыми Давид обращался к Богу. Обращение к Богу не только не исключает поэзию, а наоборот, только лишь когда человек говорит с Богом, и появляется подлинная поэзия.

— Для вас, я вижу, важно, что эта книга нравилась Льву Толстому.

— Видите ли,— приподнялся на локте Владимир и посмотрел в окно, где над темным горизонтом едва-едва светилось небо, все еще хранящее тепло погасшего заката,— дело в том, что мне интересны не только произведения любимых писателей, но и сами писатели — их жизнь, привычки, пристрастия. Например, Александр Сергеевич Пушкин любил почитать перед сном Монтеня. Как же это могло не вызвать у меня интереса к этому философу? Это же лучшая рекомендация. А то, что Лев Толстой, в последние годы своей жизни, стал изучать греческий язык, и только лишь для того, чтобы читать Гомера в оригинале, разве не может вызвать интереса к Гомеру? Вот так великие люди ведут нас за собой и способны обратить наше внимание на многие ценности, которые есть в нашем мире.

— Неожиданно вы смотрите на все это. Но для меня всегда был важен главный вопрос. А после смерти брата так он особенно важен. Когда было отпевание, я все думал об этом.

— Какой вопрос?

— Есть ли Бог? Вот в чем для меня главный вопрос.

— А если его нет? — спросил Владимир, глядя на собеседника, и по легкому движению уголков его губ было заметно, что он едва сдерживает улыбку.— Что же тогда вы сейчас держите в своих руках? Что это? Это обман?.. Заблуждение? Мистификация? Выходит, Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Лермонтов, Пушкин, все наши гении заблуждались? А если это так, то надо перечеркнуть вообще всю мировую литературу, живопись, музыку, поэзию и даже архитектуру, так как все это создавалось на фундаменте веры в христианские ценности.

— А что Лев Толстой видел во всем этом?.. Ведь его же отлучили от церкви. Значит, в Бога он не верил?

— Есть Лев Толстой человек — ниспровергатель всего и вся, со своими страстя-

ми и психологическими особенностями. А есть Лев Толстой — великий писатель. И читая библейские книги, именно как гениальный писатель, он увидел не только то, что тексты эти написаны с необычайной силой, но также он почувствовал участие в написании библейских книг высшей силы. И проявилась эта высшая сила в наличии той высочайшей духовно-художественной планки, которая даже для него, великого русского писателя, по его собственному признанию, была недостижима. Посмотрите на все произведения позднего Льва Толстого, и вы увидите, что все они попытка достичь библейской силы и простоты. Он и сам писал об этом в своем дневнике.

— Да,— задумчиво произнес Илья Андреевич, и лицо его при этом стало серьезно.— А вы, интересно, кто по профессии?

— Я? — удивился Владимир.— А почему вы спрашиваете?

— Я подумал, может, вы богослов? Или священник?

— Но мы же говорим о литературе и поэзии. А глядя через призму литературы и поэзии, можно увидеть очень многое. Нет, я поэт. Но, кроме этого, преподаю в университете русский язык для иностранных студентов.

— Вот оно что! Вы поэт... А сами-то вы верите в Бога?

— Да, я чувствую его присутствие в мире, и в своей жизни.

— А я хотел бы поверить,— вздохнул Илья Андреевич,— но у меня не получается. А как вы чувствуете его присутствие?

— Да это же всюду, вокруг... Это как музыка. Надо только прислушаться к себе, вглядеться в мир и во все, что в нем происходит. Да-да, это звучит во всем...

В этот момент в дверь купе постучали, Владимир быстро поднялся и отодвинул ее. В дверях, силуэтом, на фоне приглушенного в коридоре света, стоял проводник.

— Сегодня еще будете чай пить? — спросил он, глядя на Владимира.

— Как вы к этому относитесь? — спросил Владимир у своего попутчика.

— А почему бы и нет! — махнул тот рукой.— У меня и сервелат есть. И еще кое-что...

Проводник, чуть притворив дверь, пошел в конец вагона готовить чай, а в щель двери было видно, что мальчик и девочка все еще сидят в коридоре на откидном стуле и, болтая ногами, едят леденцы из банки с разноцветными монпансье.

Вскоре два чая были принесены, сервелат и белый батон нарезаны. Владимир достал коробку плавленого сыра и плитку шоколада.

— А проводник этот, я вижу, вас знает,— сказал Илья Андреевич, поглаживая пальцем узорчатую ручку подстаканника.

— Мы с ним с детства знакомы. Еще в школе учились. И даже книгу эту,— показал Владимир на «Приключения Гекльберри Финна»,— он тоже мне дал из своих запасов. Кто-то из пассажиров оставил. Такой вот книгообмен происходит в жизни.

— Да, так о чем мы с вами говорили?.. А, вы говорили о музыке. А если человек ее не слышит? Он бы и поверил, но для веры человеку не хватает явных доказательств. Почему Бог не может дать явных доказательств своего существования?

— Это не поможет,— тихо сказал Владимир.

— Почему? — переспросил Илья Андреевич, подавшись вперед, отчего его лицо осветил голубоватый верхний свет.

— Сказано же, что «и бесы веруют». То есть, бесы знают о существовании Бога, но все равно остаются бесами. Не доказательства приводят человека к вере, а сердечная склонность к вере. Многие люди с ней рождаются. И очень многие рождаются со склонностью к неверию. И каждый делает свой выбор исходя из своей природы.

— Я бы хотел поверить...— снова повторил Илья Андреевич, глядя в темное окно.— Хотел бы услышать ту музыку, о которой вы говорите. Но мешают сомнения... и риск.

— Какой же в этом риск? — удивился Владимир.

— Риск остаться в дураках. Не получится ли так, что человек мог бы жить, не задаваясь всеми этими вопросами, не мучаясь от того, что помыслил не так, или сделал что-то не то, ограничивал себя, сдерживал, а на самом деле его обманули. Вот он и умрет, так этого и не узнав. И выходит, что единственную свою жизнь он прожил в обмане.

— Кто же вас может обмануть? Каждый человек делает выбор сам.

— А не кажется ли вам, что вера выгодна тем, кто стоит над всеми нами? Тем, кто правит миром. Не получается ли так, что человека пеленают этой верой, чтобы он спокойно и безропотно прошел свой путь от рождения до смерти с верой во что-то неясное и эфемерное, как сказка, греза, мечта?

— Что касается нашей страны, то на протяжении почти всего двадцатого века никакая вера в Бога не насаждалась. Наоборот, мы жили без веры.

— Была вера. Сменилось только то, во что мы верили,— Илья Андреевич чуть помолчал и, глянув быстро на собеседника, как бы решая — сказать или нет, сказал.— Знаете, в детстве у ребенка бывает много страхов, но я не помню, чтобы, когда был маленький, боялся чего-то обычного, детского. А вот об одном я думал часто, хотя и не говорил этого никому из взрослых. Теперь жалею, что не говорил. Хотелось бы мне услышать, что бы они мне ответили.

— О чем вы хотели спросить?

— О вечности. Когда я в детстве узнал о смерти, то не мог понять, что такое вечность, которая ожидает каждого после его исчезновения. Как это — вечность? И когда я впервые задумался о том, что человека *никогда больше не будет*, то словно в пропасть заглянул. Но и у самой глубокой пропасти есть дно. А здесь нет дна... И все вокруг молчат! Это ужасно, когда ребенок сталкивается с этим, оставаясь один на один с самим собой. А вокруг него все делают вид, что ничего не происходит. Все веселятся, радуются, идут непонятно куда и тащат за собой ребенка. Хотя, нет, не тащат. Ребенок сам идет в ту же сторону, потому что другого пути нет. И вот, я хочу вас спросить, может ли человек представить себе вечность? Был ли на это способен хоть один великий человек? Был ли Лев Толстой на это способен? Или Достоевский? Хоть кто-то?!..

— Никто не смог этого постичь. И никогда не сможет, потому что у человеческого сознания есть предел. Там, где кончается человеческое сознание, там и проходит граница нашего мира.

— Хорошо,— сказал Илья Андреевич,— вот вы сказали, что чувствуете присутствие в мире Бога, высшей силы. Объясните мне это.

— Как я могу вам объяснить то, что можно только лишь почувствовать. Но я вам скажу три вещи, которые я осознал. Первое — в нашей жизни есть знаки присутствия высшей силы. Второе — эти знаки есть всегда, в любой момент. И, наконец, третье, самое главное — в нашей жизни нет ничего, что не было бы такими знаками. Я не случайно говорил здесь о поэзии. Вот вы, Илья Андреевич, как к ней относитесь?

— Да никак. Я стихов не читаю.

— По моему мнению, суть поэзии заключается в том, чтобы обратить внимание человека на окружающий его мир. Поверьте мне — все люди спят, убаюканные своими мыслями. А поэзия будит человека, открывает ему глаза, показывая, что те чудеса окружают его повсюду. А для того, чтобы увидеть их, человеку нужно открыть духовные глаза. И тогда то, что он увидит, его поразит. Нет, Илья Андреевич, вы обратите внимание на поэзию. Начните с Фета, он не может не тронуть сердце. А потом почитайте Тютчева, Баратынского, очень недооцененного поэта... Прожив без поэзии, как раз и можно оказаться в великом проигрыше. Потому что жизнь пройдет, а самого ценного в ней ты так и не заметишь.

— Интересно все это! — сказал Илья Андреевич и откинулся спиной к стенке купе, отчего лицо его оказалось в тени от верхней полки. За окном загрохотал

встречный товарный поезд и разговаривать стало невозможно. Владимир раскрыл на столике томик «Приключений Гекльберри Финна» и стал неспеша перелистывать страницы.

Шум товарняка резко оборвался, и в наступившей тишине оба пассажира ощущали лишь покачивание вагона и едва заметное торможение поезда. Постукивание колес на стыках рельсов звучало все реже, за окном проплыли освещенные прожекторами пакгаузы, краны и электрические подстанции — явные признаки какого-то пригорода. Поезд шел все медленнее, и вот мимо окна плавно, словно во сне, проплыла озаренная прожекторами светлая станция. Заскрипели тормоза, почувствовался легкий толчок, и поезд остановился.

В конце коридора хлопнула дверь, кто-то пробежал по перрону, послышались голоса выходящих пассажиров и среди них детский голос, прозвучавший так странно в это позднее время.

И Владимир, и Илья Андреевич смотрели на пустынную станцию и, наверное, думали о том, что поезд сейчас тронется, и все, что они видят, уйдет из их жизни и, возможно, навсегда забудется. И никогда они больше не вспомнят ни станцию, освещенную прожекторами, ни лохматого пса, бегущего по перрону, ни темные деревья, из-за которых виден большой деревянный дом с остроконечной крышей и одним единственным светящимся окном.

Поезд незаметно тронулся. Медленно проплыл мимо окна вокзал, пустынный перрон, блеснули рельсы, и что-то застрекотало у сигнального зеленого огня, осветившего купе.

— Вы, наверное, читать хотели, а я затеял весь этот разговор,— сказал Илья Андреевич.

— Нет, вы мне не помешали. Да и книгу эту я читал уже много раз. Но всегда приятно ее еще раз полистать.

— А вот вы говорите, что все вокруг нас — знаки. И музыка слышна... А, например, вот эта книга Марка Твена... Она тоже знак?

— Да. Вы помните, о чем эта книга? В этой истории Гекельберри Финн спасает из рабства негра Джима. На своем пути они проходят через множество приключений и опасностей, но Джим не знает, что рабство уже отменено и он свободен. Джим совершенно напрасно претерпевает столько страхов, а для Гека Финна это просто увлекательная игра. Так же и люди в жизни, ищут кого-то, кто мог бы их спасти от той самой вечности забвения, о которой вы говорили, и не осознают, что все они уже спасены. И спасены они от рабства смерти. Вот вам и Марк Твен!.. Но уже пора ложиться. В шесть утра, если не опоздываем, будет моя остановка.

— Нет, мы не опаздываем,— сказал, зевнув, Илья Андреевич и тоже стал укладываться в постель.— Вон как несемся. А завтра меня встретит жена, и жизнь закружится дальше. А простите, вот мы с вами расстанемся, а я ваших стихов так и не услышал. Может, вы прочитаете что-то из своего?

— Что касается стихов... Давайте я лучше прочитаю вам стихотворение Владислава Ходасевича. Оно называется «Музыка». Только попробуйте все, что я буду читать, как бы увидеть перед собой. Слушайте...

*Всю ночь мела метель, но утро ясно.*
*Еще воскресная по телу бродит лень,*
*У Благовещенья на Бережках обедня*
*Еще не отошла. Я выхожу во двор.*
*Как мало все: и домик, и дымок,*
*Завившийся над крышей! Сребро-розов*
*Морозный пар. Столпы его восходят*
*Из-за домов под самый купол неба,*

*Как будто крылья ангелов гигантских.*
*И маленьким таким вдруг оказался*
*Дородный мой сосед, Сергей Иваныч.*
*Он в полушубке, в валенках. Дрова*
*Вокруг него раскиданы по снегу.*
*Обеими руками, напрягаясь,*
*Тяжелый свой колун над головою*
*Заносит он, но — тук! тук! тук! — не громко*
*Звучат удары: небо, снег и холод*
*Звук поглощают... «С праздником, сосед».*
*— «А, здравствуйте!» Я тоже расставляю*
*Свои дрова. Он — тук! Я — тук! Но вскоре*
*Надоедает мне колоть, я выпрямляюсь*
*И говорю: «Постойте-ка минутку,*
*Как будто музыка?» Сергей Иваныч*
*Перестает работать, голову слегка*
*Приподнимает, ничего не слышит,*
*Но слушает старательно... «Должно быть,*
*Вам показалось»,— говорит он. «Что вы,*
*Да вы прислушайтесь. Так ясно слышно!»*
*Он слушает опять: «Ну, может быть —*
*Военного хоронят? Только что-то*
*Мне не слыхать». Но я не унимаюсь:*
*«Помилуйте, теперь совсем уж ясно.*
*И музыка идет как будто сверху.*
*Виолончель... и арфы, может быть...*
*Вот хорошо играют! Не стучите».*
*И бедный мой Сергей Иваныч снова*
*Перестает колоть. Он ничего не слышит,*
*Но мне мешать не хочет и досады*
*Старается не выказать. Забавно:*
*Стоит он посреди двора, боясь нарушить*
*Неслышную симфонию. И жалко*
*Мне, наконец, становится его.*
*Я объявляю: «Кончилось!» Мы снова*
*За топоры беремся. Тук! Тук! Тук!.. А небо*
*Такое же высокое, и так же*
*В нем ангелы пернатые сияют.*

Илья Андреевич помолчал какое-то время и, вздохнув, сказал:

— Вот вы читали, а я вспомнил, как в детстве мне нравилось выбежать утром с санками на мороз, на заснеженную горку... До сих пор помню, как хорошо это было, а теперь не понимаю — что же мне так нравилось тогда? Теперь я зимой только лишь холод и чувствую. А тогда было что-то еще. Вот-вот, кажется, вспомню, и снова почувствую это, но нет, не могу ухватить... И так же, как в этих стихах, снег приглушал звуки и слепил глаза... Эх, напомнили мне эти стихи детство. Неужели я тогда тоже слышал эту музыку?

— Слышали. И все мы ее слышали. И сейчас она никуда не делась. Наоборот, это мы куда-то подевались.

Илья Андреевич лежал в темноте и чувствовал себя удивительно спокойно, ощущая, как сон надвигается на него теплой волной. У него возникло желание приподняться на локте и посмотреть в окно, но не мог даже пошевелиться. И так он ле-

жал, думая, что еще немного, и он поднимется, вот только чуть-чуть еще полежит, еще чуть-чуть...

Утром в дверь постучали. Купе было наполнено солнечным светом, из коридора слышались оживленные голоса. Открывая дверь, Илья Андреевич заметил, что постель соседа заправлена, и сумки его, из которой тот доставал книги, под столиком нет.

— Через час подъезжаем. Ваш сосед оставил вам книгу,— сказал проводник, забирая пустые стаканы и показывая на «Псалтырь», лежащий на столике.

— О, спасибо! — опешил Илья Андреевич.— А он уже вышел?

— Давно уже.

Проводник ушел, закрыв за собой дверь, а Илья Андреевич взял оставленную для него книгу. Она сама раскрылась в его руках на сороковом псалме, так как страница, в этом месте, была заложена листком бумаги. На этом листке он увидел написанные карандашом строки:

*Смутно-дышащими листьями*
*Черный ветер шелестит,*
*И трепещущая ласточка*
*В темном небе круг чертит.*
*Тихо спорят в сердце ласковом,*
*Умирающем моем,*
*Наступающие сумерки*
*С догорающим лучом.*
*И над лесом вечереющим*
*Встала медная луна;*
*Отчего так мало музыки*
*И такая тишина?*

Осип Мандельштам.

**Дорога на юг**

Два друга отправились в путешествие на юг. Один из них, Николай Николаевич, был начальником, а второй, Михаил, его подчиненным, что не мешало им поддерживать былую дружбу, возникшую еще в годы юности. Они купили целое купе, чтобы никто им не мешал, и теперь, когда поезд тронулся, устроили небольшую пирушку.

Михаил был рад отпуску, и единственно, что напрягало его, так это склонность его друга к выпивке, в объемах, явно превышающих его собственные. Но как он мог отказать другу, да еще и начальнику, от которого много что зависело в его жизни.

К вечеру первого дня пути оба они были уже в изрядном подпитии. Михаил вышел проветриться в тамбур и закурил, выдыхая сигаретный дым в открытое окно. Уже стемнело, вдали над самым горизонтом пылала узкая полоса заката.

— Все, пора тормозить,— решил Михаил. Он зашел в туалет, ополоснул лицо холодной водой и снова встал у окна, закрыв глаза и чувствуя упругую струю теплого ветра, обдувающую его лицо. Он глубоко вдохнул воздух, пахнущий травами с легкой горчинкой дыма. Впереди было целое лето, жар яркого солнца, гулкие удары волн в прибрежные камни и кружащие голову ароматы ночного курорта, утопающего в буйной зелени и россыпи огней, бегущих вдоль всего побережья. Все это Михаил очень любил, а потому и настроение его заметно улучшилось.

Когда он вернулся в купе, то увидел, что его друг прибрал все на столике и, опершись на него локтями, смотрит в окно на тонущие в сумерках поля.

— Ты? — произнес он, и уже по одному этому краткому вопросу, было заметно, как сильно пьян.

— Давай, вались на кровать, отдыхай,— сказал ему Михаил, позволявший себе такой тон, когда друг был в подпитии.

— А что, ведь гульнем мы с тобой! — усмехнулся Николай Николаевич, поворачиваясь к другу всем своим полноватым, широкогрудым телом.— Вот... прошлым летом... Почему ты не поехал со мной?.. Такая там была Лизочка!.. Да!.. Мы и сейчас с ней списались. Она мужу скажет, что к подруге поедет, а сама — ко мне. Так что у нас с ней очередной медовый месяц будет. Ну и ты тоже не зевай!..

— Разберемся,— ответил Михаил и прилег на свою постель.

— Чего разберемся? Не зевай, говорю!.. Ты, вообще, человек свободный. Не то что я... Я бы на твоем месте, знаешь, как!..

Поезд стал притормаживать, послышались гудки электровоза. За окном проступил ряд округло подстриженных деревьев, перрон и станция из красного кирпича, с трудно читаемым названием, наполовину погруженным в тень от дерева.

— Сейчас еще прихватим пассажиров,— придвинулся к окну Николай Николаевич.

— Выйти, что ли? Размяться? — сказал Михаил, поднимаясь, но, словно в ответ на его слова, приоткрылась дверь купе и послышался голос проводника:

— Стоим всего три минуты.

Михаил, собравшийся уже выйти из купе, снов сел на свое место и тоже стал смотреть в окно.

— Да, и здесь люди живут,— вздохнув, пробормотал Николай Николаевич и посмотрел на своего приятеля.— А я, знаешь, люблю посмотреть на какого-нибудь человека, да хоть, вон на того, что стоит на перроне, и представить, что это я. И что вижу я себя со стороны, как совсем другой человек. И вот, думаю — что же я чувствую к этому типу на перроне? А ведь ничего не чувствую. И, случись так,— он исчезнет сейчас, то, что я почувствую? Опять ничего. Ни боли его не почувствую, ни страха, и даже то, о чем он думает, мне совсем не интересно... Но ведь точно так же и ко мне все люди ничего не чувствуют. Вот исчезни я сейчас, и ничего не изменится. Случись что со мной, для всего мира это все равно как спичка на пол упала. Да и то, эту спичку поднимут, потому как понадобится она кому-нибудь. А за мной, нет... Не наклонятся. Да и тяжел я стал, чтобы поднимать меня. Вот что обидно. Понимаешь?

— Понимаю, к чему ты клонишь. Мне очень жаль, что у тебя с Валентиной так получилось. Твое, конечно, дело, но раз уж ты жалуешься на жизнь, то скажу тебе — зря ты ее мучил. Ведь мучил же.

— А, может, я бесился и сам себя мучил!..

— Ну, и что, тебе плохо было? Жена, дочь, семья, дом... Да еще двадцать лет вместе прожили. И все это разорил. Для чего? Что в тебя вселилось? И ты не сердись. Сам заговорил об этом. Что теперь жаловаться.

— Не знаю я, что со мной,— тихо проговорил Николай Николаевич, растирая ладонью лицо.— Находит что-то...

— Это легче всего так сказать. А вот посмотри на этих двоих... Вот они, точно, сейчас счастливы,— показал Михаил на парня и девушку, стоящих на перроне.

Им было лет по восемнадцать. Парень обнимал девушку, говорил что-то ей на ухо, а у ее ног стоял маленький чемоданчик. Но вот парень подхватил его, и они быстро пошли к входу в вагон.

— И мы были счастливы,— сказал Николай Николаевич, и Михаил с удивлением заметил, что тот заметно протрезвел.— И у меня все это в жизни было. Только, видишь, не сложилось. И кто знает, сложится ли у них.

Поезд тронулся, и два приятеля в купе снова увидели парня, стоящего на перроне, но теперь он стоял уже один. Поезд двигался все быстрее, и за последним фонарем перрон ушел в темноту. Остался позади небольшой городок, о котором ничего не знали два приятеля, кроме того, что по пустынному перрону идет сейчас парень, у которого, еще неизвестно, как все сложится в жизни.

— Эх! — мечтательно вздохнул Николай Николаевич, хлопнув ладонью по столику.— А приятно вспомнить о молодости! Ты вот спрашивал — почему у нас с Валентиной так сложилось? Виноват я был перед ней. Виноват, что не так уж я любил ее, когда мы поженились. Вот, тут-то вся червоточина. Отсюда все пошло. Ведь, по правде сказать, любил я тогда совсем другую.

— И что у тебя с ней было?

— А ничего у нас не было. Но как я ее любил! Никого больше я не любил в своей жизни так, как ее. Мы тогда школу заканчивали, перед институтом было дело. Ну, собрался я с духом, хотел ей сказать о том, что чувствую, но, не поверишь, слова не мог вымолвить, как только она оказывалась рядом. Вот, тогда я и понял, что настоящая любовь, это когда ты слова вымолвить не можешь. А потом я все вымолвить мог.

— И чем у вас все закончилось?

— Ничем. Посмеялась она надо мной. На этом и расстались. А через полгода я снова к ней подошел и опять как застопорило — ни слова не могу сказать. Могла же понять, что это настоящее, но она снова посмеялась, да пошла дальше. И даже не здоровалась со мной, когда встречались. Какая же она жестокая! — думал я. И, представляешь, в институте, куда я через год поступил, была одна девушка... Высокая, светловолосая и, похоже, понравился я ей. Всегда мы с ней вместе из института шли, хотя я ничего для этого не делал. Значит, ждала она меня... Ну, мы и шли вместе, нам с ней по пути было.

— И что потом? — спросил Михаил.

— А потом...— чуть замялся Николай Николаевич.— Странно так вышло. Я, обычно, до вокзала ее провожал, дальше она сама шла, ехала куда-то на электричке. А тут я говорю ей — давай, мол, до поезда тебя провожу. Она даже обрадовалась этому. И вот, идем мы уже по перрону, электричка ее уже стоит, и тут, хотя еще минуту назад я не собирался говорить ей этого, вдруг говорю: «Знаешь, дружба у нас с тобой не получится». А она мне на это ответила, что понимает меня, ведь она немного старше. А я ей сказал, что нет, не поэтому. Просто все дело было в том, что я ничего к ней не чувствовал. Ведь честно же я с ней поступил.

— Может, и честно. Но дружить-то можно было...

— Пожалуй, что можно... А почему я так сказал? Прямо вот так и отрезал. Не знаю... А через какое-то время то ли она ушла из института, то ли еще что, но не видел я ее больше. И, знаешь, только гораздо позже до меня дошло, что я ведь с ней поступил точно так же, как та, первая моя любовь, поступила со мной. Как будто мне дали почувствовать, что испытывает тот, кто отталкивает от себя любящего человека. А ведь думал, что со мной жестоко поступают, а сам сделал то же самое. И не думал я о той, светловолосой, много лет, хотя она любила меня. Или, может, только начинала любить.

— Говорят, первая любовь самая сильная и самая короткая,— сказал Михаил.— Со мной тоже точно такое же было. Сейчас, если рассказать, так даже смешно.

— Давай, колись, рассказывай!.. Эх, и размечтались мы с тобой! — вытер глаза ладонью Николай Николаевич и как-то натужно улыбнулся.— Так что там у тебя было?

— В общем, чистая классика — тоже школа, первая любовь к девчонке из другого класса, колотящееся сердце и, да, ты прав — слово вымолвить было очень трудно. И решил я хоть как-то обратить на себя ее внимание, а сделать это решил на танцах, которые устраивались в большом школьном зале. Представь себе огромный зал, вдоль стен которого по всей окружности стоят стулья. Зал постепенно наполняется учениками, но я не захожу в него, а стою у входа. И тут вижу ее, идущую с сестрой. Я сразу понял, что это сестра, до того они были похожи. Прошли они мимо меня, вошли в зал и сели где-то... Не устал еще от моей истории?

— Да что ты! Интересно. Рассказывай.

— Я тоже вошел в зал. Танцы еще не начались, музыка еще не заиграла и потому в зале тихо, все сидят на стульях вдоль стен. Я выбираю стул справа от входа и сажусь на него. Ты знаешь, за всю свою жизнь я никогда не падал со стула, у которого подламывается ножка. Никогда, кроме того раза, когда я вошел в зал с желанием обратить на себя ее внимание. И обратил — раздался грохот, и я полетел на пол. И тут же весь зал взорвался от аплодисментов!.. Это были единственные аплодисменты в моей жизни, раздавшиеся в мой адрес. И я, поднимаясь с пола, не сомневался, что и она тоже мне аплодирует. А потом заиграла музыка. Музыканты оказались пожилые, да и музыка их, видимо, не пришлась по вкусу, но только при первых же аккордах все стали расходиться. А та, с которой я хотел познакомиться, тоже ушла. А я потом шел по городу, под дождем... Да что там!..

— Вот так история! — усмехнулся Николай Николаевич,— твое падение было гвоздем программы. И что было потом?

— Все как у тебя — один в один... Я оказался не в ее вкусе.

— Да, история!.. А ничего, брат. Я так думаю, что раз так вышло, значит, так и надо. Ничего хорошего из этого не получается. Можно, конечно, добиваться любви. Ну, добьешься, но не любви же, а того, что тебе кто-то позволит себя любить. Я без особой любви женился, и видишь, что из этого вышло?..

Оба приятеля замолчали. Свет в купе был уже выключен и лишь едва светился голубой ночник на потолке. Но они не спали и слышали приглушенный, монотонный голос за стенкой из соседнего купе, где кто-то читал вслух статью о летающих тарелках.

Михаил прислушался, но трудно было разобрать слова из-за стука колес. Так он лежал, чувствуя, что еще чуть-чуть и он заснет. Такая истома охватила его, что казалось ему, будто летит он в ночи над темным полем в сторону далекого моря, солнца и тепла...

— А ведь я ее однажды встретил,— сказал неожиданно Николай Николаевич.

— Кого? — переспросил сонным голосом Михаил, не открывая глаз.

— Ту светловолосую, с которой когда-то так поступил... В тот день я дочку отводил в школу и увидел, как стоит она в коридоре с мальчиком того же возраста, что и моя дочь. И только тогда я заметил, что она не то чтобы красавица, нет, но очень интересная, особенная... И подумал я — а не глупость ли сделал в свое время? Не упустил ли свое счастье, оттолкнув ее? Не сделай я этого, моя жизнь была бы другой. Может, не пригляделся я к ней?.. Может, дурак я был?..

— А она тебя заметила? — все так же, не открывая глаз, спросил Михаил.

— Если и заметила, то не подала вида. И выглядела так строго, что я и не подошел бы к ней тогда. А она, видишь, замуж вышла. И сын у нее такой же, как моя дочь... И волосы у нее такие же, прежние — волнистые, золотистые.

В купе снова наступила тишина, и теперь уже Николай Николаевич погружался в сон, видя во тьме светлые локоны — волнистые, с теплым золотистым отсветом. Наверное, он уже спал, когда и Михаил тихо сказал:

— А я тоже часто вспоминаю ту историю с танцами... И знаешь, я только сейчас подумал о тех музыкантах, которые остались одни в танцевальном зале. Представь, что было у них на душе, когда все стали выходить из зала. А потом они шли под дождем, как и я... Надо же, только сейчас о них вспомнил. А ведь столько лет прошло...

**Баб Таня**

— Ну, что скажешь на это?

— Ох, и вкусное же у вас варенье! Ну-ка, положите еще ложечку.

— Вот!.. А ты говорила, что у тебя самой целый двор крыжовника. Ты, девка, как мое варенье попробуешь, «царское» называется, так никогда его не забудешь. Я рецепт тебе потом дам. Хорошо вечерком попить чайкю-то горячинькиво.

Старушка, угощающая своим вареньем попутчицу, женщину лет сорока, отодвинула от себя стакан на столике и, удовлетворенно откинувшись спиной к стенке купе, посмотрела в окно на высокую стену елового леса. Время от времени лес сменяется, то раскрывающимися во всю ширь полями, то завалами лесного бурелома, или же низкорослыми зарослями лесных топей, а потом снова тянется монотонный, дремотный лес с серыми замшелыми стволами, тонущими в высоких папоротниках.

— А откуда вы, бабушка? — спрашивает женщина, вытирая губы салфеткой.

— Откуда, спрашиваешь?.. Родилась я в Сибири, а как было мне три годочка, родители на Дон переселились. В войну уже под Тулой жила, село там есть такое — Маслово. Немец аж до нас дошел. А потом, где я потом только не жила!.. Вот и скажи — откуда я получаюсь? Русская я, и все тут. Где родина, там мне и дом.

— А вы и немцев видели?

— Еще как видала!.. Наш тогда дом в Маслово сгорел, и мы у соседей в погребе жили. Раз, помню, сижу во дворе, картошку чищу и вижу — немец идет. Сначала испугалась, а потом присмотрелась, он, хотя и холод был лютый, в шинелишке тонкой, а на ногах чего только не накручено. Подходит и на очистки картофельные показывает: «Бабуська! Бабуська!..» Это чтобы я их отдала ему.

«Да что же ты есть-то собрался»,— думаю, и дала картошки, да валенки какие-то нашла. А он все — «Спасибо, бабуська! Спасибо, бабуська!» Хотя было мне тогда сорок лет, но в платке и той одеже меня за бабушку принял. Не красило нас то время.

— И что, действительно вы его накормили?

— Не только Бога надо молить, но и заповеди его исполнять. А живым ли ему остаться, подумала, то пусть Бог решит, либо наши мужики, если им подвернется... Страшно, я тебе скажу, когда враг на твою землю приходит, но еще страшнее тому врагу становится... У нас-то «катюши» через картофельное поле стояли, мы видели их, вон как тот лес за окном. Ой, и страшно же били эти катюши!.. Грохот и вой такие, что будто все силы небесные сошлись нам в помощь!.. Вот, так-то было. Не дай тебе, девка, такого!

— А сейчас куда едете?

— К внуку на свадьбу. Гостинцев везу, и еще,— здесь старушка чуть понизила голос,— целую канистру спирта везу. Самого наилучшего самогону.

— Канистру?! — с изумлением переспрашивает попутчица, оглядывая купе.— А где же она?

— А я с проводником договорилась. Я и его не обидела.

— Канистру! Надо же! Да откуда же у вас столько самогона?

— Сама гоню,— удивленно отвечает старушка.— Сахару накуплю и гоню. Самогон у меня — самый наипервейший!.. Не то, что мужики на заводе из клея гонят. Тьфу!..

— Не боитесь? Ведь запрещено это.

— Так я же для себя гоню, для друзей, для праздников. Не для продажи, нет. А продаю я пирожки у нашего завода. После смены мужики идут, голодные да усталые, и знают, что баб Таня их уже с пирожками ждет. Ох, и вкусны они у меня!

— Ой, и рисковая вы! Попасться же можете.

— Так и попадалась. Однажды милиция меня забрала. Просидела я у них за решеткой цельную ночь. Сижу, и они тоже сидят, да носами клюют. Я же вижу, что голодные, да и говорю им, мол, возьмите моих пирожков, да поешьте. А пирожки те были с грибами и картошкой. Долго не хотели, а потом попробовали. Так мои пирожки им понравились, что отпустили они меня.

— Ох, и приключения же у вас!

— Да...— произнесла старушка, задумавшись о чем-то своем.— Приключениев было... Я ведь сколько лет на свете живу, столько всех кормлю, да пою. Даже сестра моя родная, как родители умерли, стала мне дочерью, потому что я старше ее на двадцать лет. Первый мой муж в гражданскую погиб, а второй, когда снова немец на нас пошел. Только свадьбу сыграли, как его на фронт и забрали.

— А вы говорили, что к внуку едете. Так у вас сын есть?

— Это когда в Маслово в землянке с одной женщиной жили — ведь наши-то дома немец разбомбил, так та женщина, вскорости, и умерла, Людмилой ее звали. Я ее сынишку себе и взяла. Стал он мне сыном и даже сейчас не знает, что не родной. Ему тогда четвертый год шел...

За окном лес поредел, и пошли поля — дымчато-золотистые, теплые от закатного солнца.

— Как же вы смогли столько всего вынести! — тихо, как бы про себя, говорит женщина, сидящая напротив старушки.— Я, наверное, не смогла бы.

— Господь дает по силам нашим. Ты только в Бога верь, и не такое вынесешь.

— Многих ведь от веры как раз и отталкивает то, что Бог попускает быть в мире злу и людям столько горя терпеть.

— Есть такой соблазн. Бог и соблазн попускает. Мир, милая, во зле лежит, потому что он не Божий, а нами, людьми, устроенный. А не верить нельзя. Тем боле, что вера наша самая правильная?

— Почему же она самая правильная?

— А из-за природы нашей русской, и из-за климата,— сказала старушка, продолжая смотреть в окно.

— Климата?..— удивилась женщина.— Это как же??

— У других ведь как — или жара такая, что очумеешь и идолам станешь кланяться, или такой холод, что и вера их стала холодной, как лед. А у нас в России, в средней полосе, лето мягкое, ласковое! Выйдешь в поле или в лес, сядешь под деревцем, ветерок тебя обдувает, как будто матушка родная по волосам ладонью гладит. И ни в одной вере к Богу так не относятся, как у нас,— как к батюшке родному. И Богородица для нас — матушка любимая. Когда молишься ей, так словно голову ей на колени кладешь и руку ее на себе чувствуешь. А зимой у нас мороз трескучий, вот русский человек и греется, баньку топит. У нас есть все и всего есть в меру — и мороз, и солнышко, и поля, и леса, и горы, оттого и вера наша ровная, без перегибов — в жар или холод. И крепка наша вера оттого, что как же не верить отцу родному, да матушке любимой? И потому одолеть нас никто никогда не сможет, потому что за Отца своего и за Матушку воюет наш человек. А не станет его, то и веры не останется на земле вовсе.

Дверь купе приоткрылась и послышался голос проводника:

— Бабушка, вам скоро выходить. Стоять будем всего пять минут, так что я помогу вам с вещами.

Старушка собирает вещи и, прежде чем выйти из купе, оборачивается к своей попутчице и говорит:

— Все всегда хорошо! Так и знай!..

Дверь закрывается, а женщина, оставшись одна, смотрит в окно, за которым несутся луга, леса, холмистые взгорья и реки в тенистых низинах. Она смотрит на все это и думает: как же это может так быть, что все всегда хорошо?..

**Жизнь вечная**

Вечереет. Туман ватными клочьями проносится за окном и кажется, что поезд несется в дымчато-молочное ничто, в котором лишь бледными силуэтами угадыва-

ются то низкорослые деревца, то одинокие жилища, стоящие на удалении друг от друга, отчего они кажутся унылыми и всеми забытыми.

С самого утра сеет мелкий дождь и, видимо, от погоды у пассажира, едущего в купе — молодого человека, лет двадцати пяти, с самого утра болит голова. Да и настроение у него неважное, а предстоящая командировка кажется чем-то тягостным, наводящим тоску и уныние. Но сверх всего этого мучает его страх, что не удастся справиться с порученным заданием, что так его тяготит.

К пункту своего назначения он прибудет к утру, так что теперь пытается не думать о предстоящих делах и хоть как-то скоротать вечер. Он бродил по коридору, задерживаясь то у одного окна, то у другого. Потом отправился в вагон-ресторан и, полистав меню, выбрал шницель, единственное, что еще осталось к вечеру.

Тем временем, пока он ужинал, поезд сделал остановку у небольшой станции и, когда молодой человек вернулся в свое купе, он обнаружил новых пассажиров — женщину лет сорока и девушку, видимо, ее дочь, лежащую на нижней полке.

Когда он вошел, она совсем не обратила на него внимания, а он, коротко поздоровавшись, запрыгнул на свою верхнюю полку и устроился поудобнее, решив почитать перед сном.

Женщина, шурша пакетами, начала раскладывать вещи, но вот встала и пошла к проводнику хлопотать о чае. Молодой человек отвел взгляд от книги и посмотрел вниз на девушку, которая поднялась на постели и стала что-то искать в своей сумочке. Его внимание привлекли судорожные движения ее рук — то она открывает сумку, так ничего из нее не достав, закрывает, и тут же снова открывает, касаясь то одной вещи, то другой. Казалось, что девушка ничего не ищет, а пытается унять волнение, переполняющее ее. И дышит она, делая глубокие вдохи, словно ей не хватает воздуха.

Вернулась ее мать с двумя стаканами чая и поставила их на столик.

— С печеньем попьем или с конфетами? — спросила она, внимательно посмотрев на дочь.

— Давай с конфетами. Я только немножко постою в коридоре.

Девушка поднялась и, неловко пошатываясь, вышла из купе, задвинув за собой дверь. Молодой человек опустил книгу и посмотрел на женщину, оставшуюся сидеть на постели девушки. Не видя, что за ней наблюдают, та поднесла к губам скомканный платок и закрыла глаза.

— Что-то случилось? — спросил молодой человек.

Женщина, не глядя на него, покачала головой и все никак не могла ничего выговорить. Наконец, посмотрела на него и прошептала:

— Вот, в Москву ездили и все напрасно. Сказали, что поздно. Только промучили, бедную... Ничего нельзя сделать. И как же все это быстро у нее случилось!.. Теперь домой едем. Она хочет поскорее домой...

Услышав, как дергается ручка двери, женщина быстро вытерла глаза и помогла дочери войти. Молодой человек снова попытался читать, но, глядя на страницу, ничего не видел перед собой и по нескольку раз перечитывал одну и ту же фразу. Снизу слышится, как позванивает ложечка в стакане, шуршит обертка конфеты и звучит тихий разговор.

— Вкусная конфета? — спрашивает мать.

— Да, очень вкусная! Мы такие, кажется, еще не покупали.

— Ты так мало сегодня поела. Возьми еще печенье.

— Мне больше ничего не хочется. Я полежу.

— Дай поправлю постель.

Молодой человек, прислушиваясь к их разговору, вдруг почувствовал, что головная боль у него прошла, как и все те мысли, что тяготили его весь вечер.

Привстав, чтобы положить книгу на сеточную полку, он мельком посмотрел на девушку. В этот миг их взгляды встретились, она посмотрела на него очень внимательно и тут же отвернулась к стенке.

Мать ее выключила свет, и молодой человек, чтобы не тревожить их светом ночника, тоже выключил лампочку над своей головой. В купе темно, и только постукивая колесами несется поезд во тьму, набирая скорость.

Долгое время он лежал, глядя в темноту и чувствуя, как под ним, во тьме, скопилось что-то настолько жуткое, что не уснуть ему до самого утра. Он закрыл глаза и попытался представить, о чем сейчас думает эта девушка?

Прошло некоторое время, и снова послышался голос матери:

— Как ты? Тебе удобно?

— Да, мама. Все хорошо.

— Болит?

— Нет.

— Дай я подержу тебя за руку.

— Нет, я хочу спокойно полежать. Ну, что ты? Зачем же ты плачешь? Я сейчас такая счастливая!

— Да что же ты говоришь, девочка моя!..

— Да... Да... Правда, мама, там... Ты не представляешь, какое там счастье! И жизнь там будет вечная. И это все — самая настоящая правда.

— Да, девочка, да...

— Мама, знаешь, как я боялась! Ты же помнишь. А теперь меня успокоили. Я не знаю, как они это сделали, но я чувствую это.

— Кто? Ты о чем говоришь?

— Я не знаю, но они меня любят. Я раньше ни во что это не верила, а теперь мне и не надо верить, потому что теперь я знаю. Как теперь хорошо! Такое счастье ждет нас впереди. И все мы будем вместе...

— Что ты говоришь!..

— Мама, если бы ты могла понять, о чем я говорю!.. А сказать тебе, что я теперь вижу?..

— Что?

— Все вокруг нас — вода.

— Как? Я не понимаю...

— Я хочу повернуться к стене. Помоги мне.

— Опять началось? Таблетку ты уже выпила.

— Мама, а я и не знала, что я смелая. Я всю жизнь всего боялась, а оказывается я смелая. Почему я раньше этого не знала? Я бы тогда жила совсем по-другому. А теперь...

Поезд с грохотом несется по мосту и снова идет ровным ходом. Иногда он пролетает мимо полустанков, озаряющих купе отсветами станционных фонарей, после чего ночь кажется еще более темной. И только лишь сверкает за окном яркая звезда, неотступно сопровождая железнодорожный состав, несущийся во тьму.

### Когда же будут горы?

Сережа в первый раз отправляется на поезде в далекое путешествие. Однажды он ездил в Москву, но то было совсем другое. Тогда, поздним вечером, он с папой и мамой сел в поезд, и только они расположились, только попили чай в своем купе, как быстро стемнело, и уже ничего Сережа за окном не видел, кроме самого себя, отражающегося в темном стекле. Потом все легли спать, а утром, только он проснулся, только почистил зубы, как вот уже она — Москва. Хотя, конечно, было много чего интересного и в ту поездку, но все же она не сравнится с большим путешествием, в которое он отправляется теперь вдвоем с папой. Ведь ехать они будут целых два дня и две ночи!..

Купе, в котором Сережа едет с папой, в середине вагона. Папа уже разложил ве-

щи и застелил обе нижние полки, чтобы при желании можно было лечь. Но ложиться Сережа не собирается. Он вышел в коридор и стоит там, наблюдая за все новыми пассажирами, протискивающимися по узкому коридору с чемоданами и сумками.

Заметил Сережа и светловолосую, худенькую девочку. Проходя мимо него, она посмотрела ему в глаза, но тут же отвернулась и вслед за мамой вошла в соседнее купе.

Поезд тронулся, за окном движется перрон, головы и машущие руки провожающих. Поезд идет так плавно, что Сереже кажется, будто вагон стоит на месте, и это здание вокзала и крыши домов скользят куда-то вбок, словно на ленте эскалатора. Все оживилось вокруг него — провожающие и пассажиры прощаются, что-то кричат через открытые окна, хотя только что перед этим все они так долго стояли на перроне и давно уже могли все сказать друг другу.

Светловолосая девочка тоже вышла из купе. Она переоделась в белое платье в красный и синий горошек, а волосы ее, собранные сзади заколкой в виде янтарной, светящейся на солнечных лучах бабочки, волнистыми прядями лежат на ее худеньких плечиках. Она, прикусив нижнюю губу, оглядывает Сережу с головы до ног и он невольно, делает то же самое. При этом, он сразу же замечает ее красные босоножки с золотистыми пряжками, которые поблескивают веселыми огоньками, точно так же, как и железная коробка из-под конфет, в которой Сережа хранит свои фантики.

Потом, девочка, все так же глядя на него, склоняет голову на бок, и Сережа повторяет это движение, отчего у него возникает ощущение, что они что-то сказали друг другу.

Но вот девочку зовут из-за полуотворенной двери, и он узнает, что это Сонечка. Как только она ушла, в коридоре вагона стало пусто и скучно. Чуть постояв у окна, Сережа возвращается в свое купе и садится напротив папы, читающего газету.

А поезд все набирает скорость. За окном мелькают дома, деревья и поля — все то, чего он никогда еще не видел, так как, отправляясь в Москву, они ехали совсем в другую сторону.

Сереже нравится пить чай в купе поезда, потому что здесь чай какой-то особенный и гораздо вкуснее, чем дома. Хотя и печенье, и жареная курица, завернутая в фольгу, которую папа достал из сумки, и помидор, и яйца, сваренные вкрутую, все это гораздо вкуснее в покачивающемся на ходу купе, озаренном теплым светом заходящего солнца. Сережа смотрит на залитый солнечным светом стакан чая и вспоминает, что таким же медово-янтарным теплом светилась на солнце заколка у светловолосой девочки.

Помешивая ложечкой сахар в стакане, Сережа видит, как блик на ложке гаснет, и в купе становится темнее. Это солнце скрылось за лесом, подступившим совсем близко к поезду. В глубине леса, среди высоких папоротников, видны поваленные ветрами стволы деревьев. А темные пни с вздыбленными корнями кажутся сказочными зверями, замершими и неподвижными, чтобы никто не догадался, что на самом деле они живые.

Наверное, страшно жить в таком лесу, думает Сережа, но как только он подумал об этом, как тотчас же лес оборвался, и за окном во всю ширь простирается огромное поле с далекой полосой тумана, освещенной оранжево-красным, заходящим солнцем. Но самое удивительное было то, что на этом поле играют в мяч дети — трое мальчиков и две девочки. И еще Сережа видит, как бегает среди них маленькая черная собачка.

— Где же они живут? — удивляется Сережа, не видя никаких домов. Неужели они живут в этом дремучем лесу?.. Но вот поле с играющими детьми скрылось за елями, замелькавшими за окном, и снова потянутся нескончаемый лес — высокий и темный. Сережа думает о том, видела ли девочка из соседнего купе этот лес и детей на поляне? А если видела, то не удивилась ли она, как и он?

Сережа выходит в коридор — пустой, освещенный приглушенным ночным светом. В самом конце коридора, там, где купе проводника и титан с кипятком, одно окно приоткрыто и задувающий в него ветер колышет белую занавеску с голубыми, волнистыми полосками и голубой чайкой над ними.

— Почему же эта девочка не выходит, ведь все время сидеть в купе так неинтересно? — думает Сережа. Странное чувство он испытывает, стоя совсем один в пустом коридоре и держась за поручень у окна. Он представляет, что папы нет на этом поезде и он совсем один несется непонятно куда и не знает, что ему делать, где сходить с поезда и куда потом идти... Как неприятно стало ему от этой мысли, а тут еще донеслась и струя прохладного ночного ветра из приоткрытого в конце коридора окна.

И вдруг он почувствовал, что страх куда-то пропал. А произошло это в тот самый миг, как только он вспомнил о девочке, теперь, наверное, уже спящей совсем близко от него, за закрытой рядом с ним дверью.

Вернувшись в купе, он улегся на свою полку и, как это он часто любит делать перед сном, просит папу рассказать про свое детство, хотя уже заранее знает, что папа снова расскажет, как он ходил с ребятами в ночное пасти в степи лошадей. Сережа закрывает глаза и, слушая, видит бескрайнюю степь, детей у костра и озаренные светом огня ноги стреноженных коней. И он даже слышит, как потрескивает хворост в том далеком костре папиного детства, чувствует, как становится все темнее небо над сидящими у костра детьми. И тут один из мальчиков начинает рассказывать своим друзьям, еще ближе придвинувшимся к огню, страшную историю про путника, заночевавшего возле кладбища, на котором в полночь, в глубине за деревьями, он видит таинственный свет...

Сережа, почти уже засыпая, погружаясь в уютную тьму, полную покоя и нежелания делать какое-либо движение, вспоминает, что так и не спросил папу — когда же появятся горы? Но у него нет сил ни шевельнуть языком, ни приоткрыть глаза. Совсем уже засыпая, он вспоминает о девочке из соседнего купе и снова видит ее заколку, наполненную солнечным светом. Ему хочется смотреть и смотреть на эту заколку, ни о чем не думая, ничего не говоря и радуясь, что есть на свете такой свет.

# СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

**Вячеслав Михайлов**
(г. Москва)

## УСКОЛЬЗНУВШИЙ

*Наш постоянный автор.*

**I**

Сергей Луков был встревожен, предчувствуя неладное: зам гендиректора по производству второй раз за неделю пригласил его на разговор в ближний ресторан вместо вызова к себе в кабинет.

Луков пришел первым и прохаживался по малолюдному, несмотря на вечерний час, вестибюлю, раздумывая опять о событиях, вслед за которыми образовалась эта странная, неприятная ситуация.

Энергетическая компания, где он работал главным техническим экспертом, задумала провести масштабную модернизацию одной из своих крупных электростанций. Дело шло обычным порядком: заказали проектной организации технико-экономическое обоснование, завершенный документ передали ключевым специалистам компании для оценки, замечаний и предложений. Подготовил свое заключение и Сергей. Проект модернизации вышел солидный — на шестнадцать миллиардов рублей; обосновал его подрядчик толково, показал, что компании будет весьма полезен, и замечаний у эксперта набралось немного, а особо значимое касалось энергетических турбин. На смену устаревшим турбинам электростанции проектировщики рассматривали новые двух зарубежных фирм-производителей, стоившие примерно одинаково; выбрали изделия одной фирмы, отклонив продукцию другой. Луков сделал проверочные расчеты, привел доказательства, что отклоненные турбины лучше выбранных и предложил использовать их в проекте. И пошло-поехало.

Вначале упомянутый зам рекомендовал ему просмотреть критически свои расчеты, заметив мимоходом, что модернизация будет хороша и с выбранными, и с отклоненными турбинами, а производитель выбранных турбин очень надежен, оборудование его успешно применяется на нескольких наших электростанциях, и желательно бы исключить замечание и предложение по турбинам. Уязвленный Сергей продолжил отстаивать отклоненные турбины, подчеркивая, что они сэкономят топлива на лишних семьдесят — восемьдесят миллионов рублей ежегодно и что производитель их тоже надежен, не новичок у нас в стране. Далее последовало — с какой-то угодливой любезностью — первое приглашение в ресторан в обеденный перерыв. Теперь зам смущенно говорил, что замечание по турбинам бросает тень на проектную организацию и косвенно на него, благоволящего ей, а напоследок попросил исполнить

свое пожелание, обещая премию в два оклада. С негодованием и крайне резко Сергей отказал, напомнив, что старомоден в понимании профессионального долга. Зам же, игнорируя дерзость ответа подчиненного, посоветовал не горячиться, не торопиться, подумать день-другой.

Луков понять не мог причины настырности непосредственного своего шефа. «Ясно, как дважды два,— мыслил он,— либо у самого зама, либо еще у кого наверху есть свой интерес к закупке нашей компанией именно выбранных турбин. Вряд ли о репутации зам печется, тут пахнет вполне себе материальным интересом. А соображения мои поперек стали. И что? Не впервой. Но прежде как было: если не устраивало зама мое заключение по какому-то вопросу, и гнул я свою линию, он просто хода ему не давал, убирал подальше, заменял подходящим мнением другого эксперта-технаря. Я не возмущался, не стучал, права не качал: делаю свою работу, как следует, а шеф решает, как распорядиться ее результатом,— так у нас давно повелось по молчаливому согласию. Какого черта сейчас прицепился?»

Наконец подошел зам и, едва они уселись за угловым ресторанным столиком, тихо спросил:

— Что же вы решили, Сергей?

— Догадываетесь, полагаю,— сразу выпалил Луков.— Ничего я исключать не буду. В чем проблема, Михаил Андреевич? Не годится мое заключение, поручите Шибалину — и все дела.

— Я так и сделал,— сказал зам.— И передал пакет заключений по проекту модернизации генеральному директору. Но он требует ваше.

— С чего вдруг? — изумился Луков.— Он недавно у нас — года еще нет, и мы с ним не пересекались пока.

— Генеральный просматривал ваши заключения по паре предыдущих небольших проектов. К тому же вы с ним пересекались, и он это не забыл. В самом начале девяностых, он — тогда директор N-ской ТЭЦ — проходил курсы повышения квалификации руководящих кадров в МЭИ, а вы, молодой доцент, вели семинарские занятия в их группе — с его слов. В высоких тонах говорил о вас, когда узнал, что работаете в компании, большим докой в энергетике назвал. Тут мне нечего возразить... Но это все лирика. Ему ваша оценка проекта нужна. А мне она не подходит, и вы не согласны ее изменить — вот проблема. Что прикажете делать?

Сергей угрюмо молчал. Подошел официант, и зам, не открывая меню, сделал небольшой заказ на двоих.

— Послушайте,— продолжил уговаривать Михаил Андреевич, когда официант удалился,— вас же не просят химичить, фальсифицировать. Уберите замечание, предложение по турбинам — считайте, не проводили вы расчеты мудреные, не требовалось это к тому же,— и все.

— Но я проводил,— отреагировал запальчиво Луков,— и знаю, какие турбины лучше для режимов нашей электростанции — как с этим быть? Какая разница: схимичил или узнал и утаил, прикинулся, что не в курсе! Я так не могу. Выкручивайтесь, как хотите.

Побледневший зам откинулся на спинку стула, достал не без труда носовой платок из кармана брюк, протер лоб, потом очки, снова прошелся по лицу, осмотрелся.

— Мне и поручено, Сергей,— глухим неровным голосом сказал Михаил Андреевич,— сообщить вам, как мы решили выкрутиться, если будете на своем стоять. Карты открыть поручено.

— Кем поручено? — насторожился Луков, с опаской глядя на заметно преобразившегося зама.

— Нашим финансовым директором Сиротиным, я тут не первая скрипка — он решает. Послушайте, не перебивайте... Вы понимаете прекрасно, я буду вынужден передать генеральному ваше заключение. Если вы его не измените, как я прошу, ге-

неральный, скорее всего, поддержит закупку отклоненных турбин. Да-да, так и будет. А есть договоренность между Сиротиным и важным лицом фирмы-производителя выбранных турбин: если наша компания купит эти турбины, то Сиротину перепадет два процента от их условленной цены, а это порядка трех миллионов долларов — хорош куш, да! Достанется и мне кое-что. Так вот, наш босс финансовый этот куш упустить не хочет ни в какую. Он предлагает вам сто двадцать тысяч долларов за то лишь, чтобы генеральный получил ваше заключение без замечания и предложения по турбинам. И за то еще, чтобы лишнее не болтали. Огромные деньги, Сергей, за пустяк, в сущности. Что тут думать!

Теперь Луков осознал опасность переплета, в который угодил: сей момент он поставлен в известность о спланированном жирнющем откате и ему, оказавшемуся негаданной помехой,— удружил генеральный, надо же,— предложено приобщиться к этой затее за большое бабло; и попробуй нет сказать, став посвященным.

«Вот твари ненасытные, мало зарплат бешеных и премий! — кипел Сергей, стараясь не выдать наружу смятение и злость.— Но что делать-то?! Не отстанут ведь... и кокнуть же могут, если упираться буду: нет человека — нет заключения. А деньги их брать?.. Включу-ка для начала возмущение, пугну».

— Я не раз давал понять, Михаил Андреевич, хватает мне денег! — процедил он сурово, распрямляя плечи и подаваясь немного вперед.— А таких тем паче не надо. Вы, вообще, не боитесь, что я пишу наш разговор, что открою генеральному план ваш отката? Остерегаетесь его, судя по всему, значит, человек он правильный и шайку вашу на чистую воду выведет.

— Не валяйте дурака,— прошипел зам, прерывисто дыша.— Я вам все выложил — идея это Сиротина — и отлично вы поняли, что два теперь есть варианта: или принимаете финальное предложение, или...

— Что или? — усмехнулся через силу Луков, с великим трудом играя ледяное хладнокровие.— Грохнете меня? Как, кто? Может вы? Не смешите: трясетесь вон от страха. Да я сейчас шум подниму, полицию позову и прямиком к генеральному на доклад.

— Не глупите же, повторяю,— почти прошептал зам, склонившись над столом, смахивая опять капельки пота со лба.— Не станете вы шуметь, и запись вам не пригодится, если пишете разговор. Все по-взрослому будет. Обернитесь и поймете.

Сергей повернул назад голову, увидел прямо за спиной ладно скроенного мужчину средних лет в строгом костюме, который нагнулся к его уху и невозмутимо предупредил: «Сиди смирно, не дергайся и слушай. А нет — у меня электрошокер и удостоверение Следственного комитета: мигом транспортируем отсюда, как подозреваемого»,— затем неторопливо присел за соседний, через проход, стол к поджидавшему его напарнику.

Опешивший Сергей молчал, пытаясь собраться с мыслями, и, наконец, вымолвил:

— Кино. Это припугнуть, да?

— Нет же, чудак-человек,— заспешил зам, видя растерянность Лукова.— Сиротин это действует. Он мне так и сказал: «Хватит с ним возиться. Пусть берет деньги, делает, что говорят, и помалкивает или заплатит собственной шкурой за свое упрямство». Со злобой сказал. Очень опасный человек, денег не пожалеет на спецов, чтобы убрали вас по-тихому, без следов, если не согласитесь.

— И как задумали убрать — пулю в лоб? — машинально, понуро спросил Луков.

— Почем я знаю. Мудрить не станут, инсценируют несчастный случай или ограбление с летальным исходом — что-то в этом роде. И останется безвестным ваш подвиг... Поверьте, Сергей,— выдал вдруг откровение Михаил Андреевич,— я первый раз в такую историю влип и против был радикального решения.

— Неужели? — презрительно кольнул зама глазами Сергей.

— Да, против. Я сказал Сиротину: не надо крайностей, пусть будет, как будет;

передам генеральному заключение Лукова — то, что есть, и как решит он вопрос с турбинами, так тому и быть; не выгорит дело с тремя миллионами, значит, нет — другие будут возможности.

— А Сиротин?

— Наорал, сказал, чтоб в задницу засунул свой дрянной совет. У меня, шумел он, этот трешник уже в кармане, считай, а Луков твой в тандеме с генеральным и будущие возможности может похерить. В общем, или — или, никак иначе.

— Повезло вашей шайке с главарем — дальновидный мухомор,— буркнул Сергей.— Ну, а если я предложение ваше приму, а потом расскажу все генеральному и в полиции или ФСБ?

— Несерьезно, глупо,— скептически покачал головой зам.— Если согласитесь, все равно без обыска отсюда не уйдете — и что у вас будет кроме слов? Где доказательства? Сиротин в лепешку расшибется, чтобы выставить вас клеветником. И способ найдет расправиться с вами — за обман уже.

Луков был в тупике: отказать — страшно, согласиться — гадко и стыдно, иной выход в голову не идет, ибо в ней сумбур. Боже мой, думал он, как боялся всегда подобных случаев, удавалось ведь увертываться от них, обходить их стороной, как дерьмо собачье на тротуарах, даже в ельцинскую пору, криминальную вдоль и поперек, и на тебе — угораздило, бляха-муха.

Душевные его метания прервал тихий, раздраженный голос зама:

— Странный вы все же человек, ей-богу! Куда ни глянь, люди простые ищут дополнительные доходы, незаконными не гнушаются: и в частных компаниях, и в государственных, и на госслужбе — регулярно или по случаю, с риском или без. Не для процветания, нет,— жить чтобы по-людски. Не стыдятся, как бывало в советские времена. Когда совестят их командиры экономики, политики за это дело, злятся, плюются. Логично вполне рассуждают: сами, мол, нахапали дальше некуда под шумок рыночных реформ — законно, преступно, всяко,— и мы будем выбираться из нужды, как получится. Разве не железная логика?.. Не будьте вы дураком. Пятьдесят семь вам: побалуетесь на пенсии путешествиями, рыбалкой на теплых морях — вы любитель, я слышал... И еще одно. Ратуете вы за лучшие турбины для компании. Но для кого лучше они будут? Где окажется то, что выгадают они? Не у работников компании, нет,— в кармане собственника, капиталиста. Вас же тошнит от нашего дикого капитализма — я знаю,— а принципиальность ваша на капиталиста как раз работает — так выходит. Отдайте наконец эти сто двадцать тысяч детям, раз противны они вам. Деточкин из «Берегись автомобиля» — помните — реквизировал «Волги» у одних жуликов, продавал другим жуликам и отсылал грязные деньги детдомам — герой положительный на все времена.

— Зачем же лукавить так примитивно! — не выдержал Луков.— От турбин моих выиграет не только капиталист: выбросы вредные они меньше дают, чем ваши откатные турбины, и топливную экономию в деньгах не всю может прикарманить собственник, а за вычетом налога — вам хорошо это известно... Да-а,— продолжил он едко через мгновение,— самооправдание у вас железное, что касается откатов. На соучастие в убийстве тоже самоотмазка есть?

— Помогите же мне, Сергей! — неожиданно совершенно и надрывно взмолился Михаил Андреевич, с испугом оглянувшись на стол наемников,— спасите от греха этого: уступите, возьмите деньги. Потом уволитесь, забудете обо всем — не проблема для вас устроиться на хорошее место. Прошу вас, ради бога!

Луков удивленно глядел в полные непритворной болью глаза зама.

— Как же оказались вы в подручных у Сиротина?

— Мало-помалу, незаметно,— комкая слова, с надеждой отвечал Михаил Андреевич.— Поначалу советовался он, помочь просил, бонусы передавал щедрые — за пределами офиса, само собой,— а потом указывать стал. Когда я взбрыкнул — не

захотел сделку одну чересчур рискованную поддержать,— сын ночевать не пришел — первокурсник, на звонки не отвечал, жена с ума сходила, решили в полицию сообщить — под утро уже. И тут звонит Сиротин, успокойся, говорит, вернется днем сынок — это я чтоб вбил ты себе в голову: не надо в позу вставать, не потерплю. Вот так. Вас это не держит — вы вдовец и с детьми не сложилось, насколько мне известно.

— А вы, я смотрю, мастак большой по части самооправданий! — разозлился опять Луков от того более, что коснулся зам его семейного прошлого.— Силком вас никто не тянул на эту дорожку, и денежкам от Сиротина приложение нашлось. Так что не надо изображать жертву. Спа-а-сите от этого греха,— передразнил он желчно.— Не теперь, так в другой раз он вас не минует. И хватит уже трепаться, давайте по существу. Я в затруднении — все это как снег на голову. Могу еще подумать?

— Сиротин предупредил,— пробормотал сникший Михаил Андреевич,— только до завтрашнего утра у себя дома и под надзором наших людей. Можете ехать с ними прямо сейчас. Один будет у подъезда, другой — с вами в квартире, он свяжет вас с Сиротиным, когда созреете.

— Хорошо,— поднялся Луков.— Едем.

## II

В пути по ночной бессонной Москве — ехать было около часа — Сергею удалось поразмышлять над своим положением, благо не мешали немые наемники, доставляющие домой. Он ясно понимал, чем обернется его упорство, легко представил, как вывезут в безлюдный переулок неподалеку от домашних пенатов, воткнут в тело нож, заберут портмоне с деньгами и банковскими картами, плащ кожаный, часы, снимут печатку с пальца, еще возьмут чего-нибудь, имеющее ценность для бандита средней руки, и готово убийство при ограблении, что пророчил чертов зам. Воображенная жуткая картина притушила недавний пыл, и он стал склоняться к мысли, что не тот это случай, чтобы лезть в петлю, совсем не тот, находя в поддержку новые и новые доводы. «Подпишу свое урезанное заключение — пусть подавятся, уволюсь сразу и мотну куда подальше,— крутилось в голове,— уйду, может, вовсе из энергетики. Долю свою откатную благотворительному фонду детскому отдам — спасибо чертову заму за совет». А чуть погодя скрипнул ненавистно зубами, подумав, как шайка топ-менеджерская руки будет потирать: запугали, придавили, взнуздали. «В общем, ничего пока не решено, точки нет,— буркнул он досадливо про себя.— Дома еще покумекаю».

Отвлечения ради стал разглядывать тайком обоих своих надзирателей и киллеров по совместительству, видимо. «Внешне — чиновники, офицеры, преподаватели, тренеры,— оценил навскидку,— ничего от уголовников. Силовики бывшие — кто еще. Как же исправно и стабильно,— пришло вдруг в голову,— насыщается наш преступный мир мозгами и умениями».

По приезде один из наемников остался в машине, припаркованной у подъезда дома, а другой поднялся вместе с Луковым в его квартиру на третьем этаже и, закрыв входную дверь изнутри, вежливо попросил хозяина отдать запасные ключи и все средства связи, что есть, помимо изъятого уже смартфона. Получив планшет, ноутбук, учтивый наемник не спеша осмотрел обе комнаты, таская за собой хозяина, порылся слегка в столах, отключил роутер, сложил его вместе с остальной техникой в большой пакет и, взглянув на Лукова глазами доброго знакомого, сказал: «Я буду в прихожей, на диване. Вы у себя дома: кухня, ванна и прочее. Только не закрывайте двери в комнаты, на кухню и напрасных движений не делайте — ни к чему лишние страдания. Время у вас до восьми ноль-ноль».

Дома, так дома. Сергей освежился в ванной, приготовил крепкий чай, бутерброды со свежим козьим сыром — в ресторане не до трапезы было — и отнес все это на

подносе к себе в комнату. Наемник за предложение перекусить поблагодарил и ожидаемо отказался.

После чая и сыра Сергей улегся на кровать, включив негромко магнитофон: «Подмосковные вечера», «Русское поле», иные душевные и мелодичные песни советских времен, полюбившиеся с детства,— помогали всегда расслабиться. Скоро отнес на кухню поднос с посудой, мимоходом встретился глазами с потенциальным своим ликвидатором: несмотря на время — далеко за полночь — взор его был ясен, свеж, почудилось даже, несколько сентиментален. «Похоже, принял средство ото сна,— предположил Сергей,— и музычка моя, кажется, понравилась». Вернувшись в комнату, завел еще одну любимую мелодию — известную хоральную прелюдию фа минор Баха, настраивающую обычно на здравый лад, повторял ее раз за разом.

На самом деле Луков попросту тянул время, отодвигал тягостный момент объявления Сиротину о своем решении уступить, к которому, в сущности, пришел по пути домой и которое не желал переменить.

По прошествии получаса с предыдущего выхода Сергей опять направился в кухню — за питьевой водой теперь — и, войдя в прихожую, ошарашенно замер: его вежливый и безупречно профессиональный, как виделось до сей минуты, надзиратель спал полулежа на диване. «Ай да Бах, убаюкал»,— мелькнула у Лукова насмешливая мысль.

Далее, не ведая почему и не найдя разумного тому объяснения впоследствии, он стал действовать, как робот, запрограммированный на побег. На цыпочках двинулся к посапывающему слегка наемнику, чтобы поискать у него и извлечь ключи от входной двери, но, сделав несколько шагов, вновь застыл: «Куда?! Идиот! Очнется ведь. Да к тому же второй у подъезда караулит. Остается окно. Спокойно, не суетись, главное — спокойно». Тихо возвратился в комнату, плотно прикрыв за собою дверь, отворил аккуратно окно, выходившее на тыльную сторону дома, и выглянул в полумрак осеннего двора, глотая охотно бодрящий прохладный воздух: «Ни фига почти не видно. Метров восемь до земли». Связал основательно две простыни и два пододеяльника, прикрутил один конец к отопительным трубам, другой скинул из окна вниз, не переставая подбадривать себя: «Спокойно, спокойно, не проснется, все получится». Скоренько собрал свои основные документы в сумку на ремне, утеплился шерстяным свитером, достал из шкафа новые кроссовки — не идти же за полуботинками в прихожую,— выудил из глубины книжной полки спрятанные двадцать тысяч баксов НЗ и, наконец, забрался на подоконник. Спуск прошел довольно гладко — руки физкультурника, узлы самодельного каната не подвели,— и через пару минут Сергей восторженно улепетывал подальше от своего дома, оглядываясь нет-нет.

Долго уходил чернеющими проходами между окрестными зданиями, меняя несколько раз направление, минуя ярко освещенные улицы, пока не убедился, что погони нет. «А может вовсе ее не было,— весело допустил Сергей,— и надзиратель мой дрыхнет еще. Ищите ветра в поле в любом случае... Куда теперь и что дальше делать?» Вопросы эти пробивались, пока удирал, но было не до них. Ответ на первый, самый насущный, родился довольно скоро, без особых колебаний: побыстрее нужно выбираться из Москвы, ехать в дальнее Подмосковье к однокурснику Генке Бочарину; на работе о нем не знают, номера его в моем мобильнике нет, так что искать у него точно не станут; перекантуюсь несколько дней, определюсь без суеты, как дальше быть.

Давние товарищеские отношения Лукова с Бочариным замешаны были на совместном житье в студенческой общаге со всеми его непременными атрибутами: общим столом, бдениями до утра перед экзаменационной сессией, когда срочно приходилось доделывать запущенные курсовые работы, спорами до хрипоты и красноты по всевозможным предметам, несчетными шумными вечеринками, ссорами из-за девчонок и примирениями, потасовками, в которых ни разу не стояли друг против друга.

После учебы встречались от случая к случаю, но когда сходились, не могли наговориться, расстаться — возникшие в юности душевные узы не слабли. Только вот около года уже не виделись, не созванивались: Луков потерял телефон, и восстановить часть контактов не удалось, в том числе Генкин номер. «Нет худа без добра»,— улыбнулся он, подумав об этом.

По пути к метро почувствовал, что озяб, решил не ждать полтора часа до его открытия — не хватало еще простудиться — и поехал к вокзалу на такси.

Сев в первую электричку, оглядевшись пристально по сторонам, начал тихо-тихо раздумывать, как быть дальше. В полицию, в Следственный комитет твердо решил не обращаться. «Без опоры там Сиротин и подручные его не орудовали бы так нагло,— рассудил Сергей,— и к тому же прав чертов зам,— что я предъявлю, кроме слов про спланированный откат да про то, что угрожали, захватили меня и заперли в собственной квартире? Запросто они, со своими деньгами и ресурсами иными, потянуть могут меня за клевету, а то и в психушку спрятать. В общем, позиция моя слабая, а возможности у них большие — вопрос закрыт. Что тогда?.. Прежде понять надо, как среагирует шайка на мой побег, попытаться, по крайней мере,— соображал Луков.— Да-да, понять. Сиротин, конечно, будет взбешен: болваны, найти, схватить! Поостынет, приготовится встречать меня и полицию — не в курсе же он, что к ментам не пойду. С замом на пару небылицу состряпают что-то вроде: обиженный сотрудник просил прибавку большую к зарплате и не получил — мстит руководству, историю бредовую выдумал. Наверняка установят наблюдение за офисом, чтобы перехватить меня на подходе, если рискну один заявиться. И разыскивать параллельно станут, используя все связи: у коллег, по адресам, что нароют у меня дома и вычислят по номерам из телефонной книжки смартфона... Ни в ноутбуке у меня, ни в планшете адресов родных и знакомых нет, не припомню, во всяком случае, а бумажные письма не в ходу давно. Так что работать будут больше по телефонным номерам. Сильная работенка, н-да... Вряд ли станут ходить по адресам — «Нет ли Лукова у вас?»,— но позвонить могут, поинтересоваться, а скорее наблюдение установят, чтобы перехватить меня опять же. Набрать надо Ольге в Томск: мимо сестры не пройдут. Хорошо, номер ее помню. Что только сказать? Мобильник срочно нужен и симки-анонимки. Стоп, стоп, фантазер,— одернул вдруг себя полураздраженно, полунасмешливо Сергей,— разошелся, бляха-муха. На хрена им, подумай, поиски масштабные и долгие? Если сегодня, завтра — в ближайшие дни — не будет меня в офисе с ментами, то шайка решит — логично вполне, что в полицию, в СК я не обращался и вряд ли уже это сделаю. Зам доложит генеральному, что нет меня, отпросился, дескать, на денек и запропастился куда-то, на звонки не откликается, дома нет, коллеги не ведают, где он, ищем такого-сякого немазаного. А дело не терпит: три-четыре недели и решение по проекту модернизации электростанции будет принято без моего заключения, контракты на поставку оборудования подпишут и все — поезд ушел. Значит, будут офис от меня охранять и охотиться за мной ближайший месяц, два от силы. Получит Сиротин бабки, и плевать ему на меня, в сущности: вернусь я или сгину с концами. Так что нужно на пару месяцев лечь на дно, а там видно будет... Снять, может, домик с отоплением где-нибудь в подмосковном захолустье?.. Генке рассказывать не стану про все это. Насчет приезда что-нибудь совру».

Отходя от размышлений, Сергей задремал и сразу отключился: сон, тщетно атаковавший его после того, как электричка тронулась, добился-таки своего. Спал с полчаса — до своей остановки и не будь она конечной, покатил бы во сне дальше.

## III

Дверь открыла жена Бочарина, и на Сергея приятно пахнуло легким парфюмом.

— Привет, Ирочка,— поздоровался Луков, глядя усталыми глазами, натужно и виновато улыбаясь.

— Здравствуй, пропащий,— изумленно встретила его готовая на выход миниатюрная хозяйка, приобняв и чмокнув в щеку.— А я думаю, какой Луков, как Луков? В глазок толком не видно. Ну, сюрприз! Гена-а, иди скорей. Ты как-то по-спортивному одет. В походе, что ли был поблизости и заглянул с утра пораньше? — спросила шутливо Ирина, а в глазах ее к удивлению прибавилось некоторое беспокойство.

— Ага, вроде того,— поддержал нежданный гость несерьезный ее тон.

— Повезло тебе: я задержалась малость, и дружок твой два дня отпуска догуливает.

— На удачу и рассчитывал. Как вы тут поживаете?

— Порядок у нас,— выскочил из комнаты заспанный и, судя по торчащему вкривь воротнику рубашки, наспех одевшийся Бочарин.— Здорово, друг ситный,— обнял он Лукова и, сделав шаг назад, ласково оглядывал его.— Куда ж ты испарился, «редиска»? Телефон, чай, посеял: звоню, звоню и ни гугу. Все на месте, кажись: крепок, строен, волосат вполне — не моя лысина, глаза — небо синее, алкоголем не попорчены. Какие там пятьдесят семь — полтинника не дашь.

— Посеял, посеял. Рад вас видеть, дорогие.

— Все, мужички, я убегаю,— помахала ладошкой Ирина, толкая прикрытую входную дверь.— Опаздываю, на работе ждут. Ты, Сереж, останешься до завтра или как?

Не знаю еще,— замялся Луков.

— Оставайся, я на ужин перцы фаршированные сварганю. Пока.

За дверью еще постукивали еле слышно ее каблучки, а Бочарин уже вопросил серьезным тоном:

— Ну, Серый, что у тебя стряслось? Только не надо мне лапшу вешать.

— Ладно, не буду,— послушно кивнул Луков, сел глубоко в кресло и с блаженством шумно выдохнул, ощутив себя, наконец, в безопасности.— Устал чуток, набегался... Ира не изменилась почти. Ты все главным инженером в местных электросетях? А дети как?

— Где ж мне быть? Наверх — поздно, а вниз — кто ж посмеет. Дети работают, слава богу,— и Ванька и Аля. Проблемами не грузят особенно, помогаем изредка. И внучка в порядке. Ты не виляй, в сторону не уходи.

— Хорошо, хорошо... Так вышло, Геныч... внезапно так. Ты, понимаешь, днем еще вчера представить не мог, что возможен такой кошмар! — Сергей судорожно засмеялся вполголоса и, взяв себя в руки, быстро проговорил: — Короче, в передрягу я попал серьезную. Рассказать, что и как, не могу пока — не хочу впутать вас ненароком. Поверь, я ж не паникер какой. Скрыться мне нужно на пару месяцев где-нибудь поглубже — в Подмосковье или в соседней области. К тебе на день-другой отдышаться — тут искать не будут.

— Кто тебя ищет? Какой такой кошмар? — воскликнул горячо Бочарин.— Требую полной картины.

— Не проси, Геныч,— категорично покачал головой Луков.— Напомни лучше, где тут у вас поблизости торговый центр — прикупить кое-что нужно поскорее, деньги снять?

— Напрасно ты,— обиженно буркнул Бочарин, поняв, что без толку и неправильно дергать сейчас дружка расспросами.— Поделился бы: две головы одной лучше. А торговый центр — от подъезда направо до перекрестка, на углу, метров пятьсот отсюда... Может, перекусишь сначала, отдохнешь, и вместе сходим?

— Нет, я сам. Вернусь — поедим и отдохну.

Возвратился Луков часа через три в новой теплой непромокаемой куртке до колен с объемным пакетом покупок, когда Бочарина стало уже тревожить долгое его отсутствие. Быстро войдя, захлопнул мигом дверь, приник к глазку и, обернувшись затем, беспокойно вымолвил:

— В дверь я позвонил, и мужик какой-то метнулся вверх по лестнице. Как будто между этажами прятался. Неужели выследили?

— Высокий, худой? — спросил Бочарин.

— Вроде бы.

Приоткрыв дверь, Генка высунулся слегка, потянул носом и, запершись, успокоительно хлопнул дружка по плечу:

— Сосед это, тинейджер-дылда. Курит на лестнице, гоняю его постоянно. Придется, друг ситный, и кормить тебя, и лечить. Раздевайся, пошли на кухню к столу, я тоже проголодался.

Ели салаты овощные с оливковым маслом, запеченные в духовке сырные бутерброды, малосольную селедку с отварным картофелем, рагу из куриной грудки с аппетитным очень духом базилика и жареного чеснока — много хозяин настряпал, пока ждал,— запивали яблочно-айвовым компотом, и после третьей стопки виски беглец рассказал во всех подробностях о случившемся да о намерениях своих.

Слушал Генка, не перебивая, поняв с самого начала, что дело вправду опасное, подвижное лицо его являло попеременно либо в тех или иных комбинациях недоумение, одобрение, возмущение, злость, восторг, нетерпение, а когда Луков подошел непосредственно к моменту побега, залпом выпил четвертую стопку, и рассказчик вслед за ним опрокинул свой стаканчик.

Закончив, Сергей подложил себе в тарелку немного салата, селедки и возобновил размеренно трапезу в ожидании, конечно, реакции дружка.

— Да-а, Серый,— несколько растерянно и восхищенно вместе с тем покачал головой Бочарин, переваривая услышанное,— как сошлось все разом, завертелось... Сиротин — редкий змей, конечно, тот еще отморозок. А ты, паря, крут, реально крут — вот что я тебе скажу! У них все налажено, настроено, мильены откатные поделены заранее, и тут им кость в горле, палка в колесе, откуда ни возьмись.

— Где там крут, о чем ты? — усмехнулся иронически Луков.— Я ж «белый флаг» приготовил, уступить им решил. И не бодаться с ними намылился теперь, а в бега. Они свое бабло получат через пару месяцев.

— Нет, дружище, нет,— пристукнул слегка кулаком по столу Генка,— ты не прав, напугал ты их крепко. Теперь они покой потеряют, не зная, чего ждать от тебя, долго мерещиться будешь. А бодаться с ними — ты прав — шансов мало. И исчезнуть на какое-то время стоит: Сиротин этот — нервный, судя по рассказу твоему,— всего можно ждать... Ты телефон, симки купил? Может денег подкинуть?

— Купил, купил,— кивнул Сергей, отвечая благодарным взглядом на слова и предложение.— Денег хватит: сегодня суточный лимит с карты снял, завтра сниму, и еще запас есть.

— Сестру предупредишь?

— Позвонил между магазинами и пожалел потом. В конце разговора сказал — попутно как бы: спрашивать кто будет про меня — с работы, еще откуда,— говори, не было давно вестей от братца. Не волнуйся, сказал, за меня, кто бы чего не говорил, через неделю еще позвоню, а она: «Когда про тебя спрашивали из Москвы? Туману напустил, и не волнуйся». Такие пироги... Твари! — внезапно с ненавистью прорычал Сергей, но, опомнившись сразу, рассуждал вслух: — А зачем, в самом деле, им расспрашивать, светиться? У нее я или нет, все равно она ответит: «нет Лукова». Не нужна им огласка лишняя. Они только поджидать меня станут по адресу Ольги, если захотят изловить. Не увидят — отвалят тихо. Как считаешь?

— Наверное,— пожал плечами Бочарин.— Звякнешь ей через неделю, успокоишь. Вряд ли искать будут так далеко, по горячке если... А подруга — после жены была у тебя — не всполошится? Забыл имя. Или не встречаетесь уже?

— Вероника,— сказал Сергей, задумавшись.— Встречаемся. Нечасто последнее время. Она дама занятая и одной ей не скучно — в этом мы с ней похожи. Долго мне

надо не появляться, на связь не выходить, чтобы обеспокоилась. Позвоню как-нибудь, после Ольги. Номер ее заучил. А в телефонную книжку смартфона не заносил. Не попадет она в поле зрения людей Сиротина.

— Наметил, куда двинешь отсюда?

— Нет. Посидеть хотел — чуть позже — за твоим ноутбуком, посмотреть варианты аренды домика в Калужской области или Тульской — с печкой, а еще лучше — с газовым отоплением.

— Слушай, а зачем тебе канитель эта с арендой, расходы? — воскликнул Генка, загоревшись.— У меня ж дом бревенчатый есть, дедовский, в Тверской области — деревня, глухомань настоящая, то, что нужно. Помнишь, звал тебя как-то съездить туда на рыбалку, по грибы?

— Нет.

— Да не важно. Мы туда регулярно выбирались летом на две-три недели, и зимой бывали. Теперь изредка — не те уже на подъем. В прошлом году наведывался на несколько дней всего. Подумывал даже продать — рука не поднимается... Печь отличная, холодильник, колодец во дворе, посуда, газовый баллон большой — целый почти, дубленка есть моя старая, сапоги резиновые утепленные, книг полно, инструмент разный. Живи, пользуйся. И связь есть мобильная, с перебоями правда.

— Что за деревня? — оживился и заинтересовался Луков, действительно слабо представлявший себе эпопею с арендой.

— Петькино называется. От Москвы до райцентра можно по железке, дальше — на такси или автобусом, семнадцать километров. Живых домов — двадцать от силы, часть москвичи и питерцы купили под дачи. Староста деревенский, Глебыч, сто лет там верховодит. За домом моим приглядывает — плачу немного. Мужик надежный. Позвоню ему, скажу, друг пожить хочет вдали от города, в тиши, помочь попрошу, если что. Он и местных известит, что свой человек поселился. Как?.. Хочешь, на карте покажу?

— Давай,— кивнул с готовностью Сергей.

Открыли в интернете карту, и Луков посмотрел местоположение деревни, округу, слушая вполуха дифирамбы Бочарина замечательным тамошним лесам и рыбалке на близлежащем озере. Идея отсидеться в этой избе, в опустевшей этой, неприметной деревне, не так далеко к тому же отстоявшей от Москвы, ему приглянулась.

— Хороший вариант. Только неловко как-то,— замялся Луков.— Свалился тебе на голову, и хлопот все больше и больше со мной — так выходит. Я подумаю.

— Прекрати мне эти разговоры! — обиженно возмутился Бочарин.— Какие хлопоты? Наоборот. Я ж знаю, без дела ты сидеть не будешь. Чинить что-нибудь начнешь, мастырить. Там, кстати, крыша немного протекала — в углу, где печь. Ты, Серый, выгодный жилец для меня.

— Спасибо, дорогой, я еще подумаю,— повторил Сергей.— Добавь-ка лучше горячего рагу — вкусная штука, мясо нежное, сочное. В чем секрет?

— Побольше лука, томить подольше на медленном огне — весь секрет.

Генка разогрел казанок, наложил гостю полную тарелку, подрезал бородинского хлеба и, повременив немного — не мешая есть горяченькое,— задал вопрос, что толкался давно на выход:

— Слушай, ты решил уступить этому Сиротину. Почему сбежал-то?

— Полегче что-нибудь спроси,— сказал Луков после краткого раздумья, во время которого он старательно тер кулаком колючий подбородок, глядя куда-то в сторону.— Не жалею — это точно...

Бочарин посмотрел печально на Сергея и неуверенно, но с хмельным задором проговорил:

— Знаешь, а я бы на твоем месте выбросил нафиг это замечание несчастное, как только зам попросил, за премию — тем более. И те и другие турбины — надежные,

чего заморачиваться. Я, Луков, и вознаграждения, между прочим, принимаю за усердную организацию электросетевых услуг. Бывает деньгами, бывает натурой: от мясокомбината — колбаска, от фермерского хозяйства — курятина, яйца, от супермаркета — алкоголь. Не вымогаю, нет, но не отказываюсь, если клиента знаю хорошо. Так-то. Мог бы не говорить, но мы ж с тобой не прикидывались никогда друг перед другом... Все течет, все меняется, что ни говори,— продолжил Генка, видя, что Сергей не откликается на его прямоту и сосредоточено доедает куриное рагу.— Помнишь, как я топил против буржуйского государства, когда оно свалилось на нас незванно? Активничал — не только на выборах. Особенно в 1993 году и в 1996, когда его еще можно было остановить. Хлипким оно было тогда, шатким, бесстыдным притом, беспощадным. Можно было остановить и придавить. Но выжило вот. Черт знает, как выжило!.. Выжило, укрепилось, болячки свои родовые подлечило немного, припудрилось, подкрасилось; власть перестала открыто ходить в обнимку с буржуями, жизнь худо-бедно стабилизировалась. И смирилось, свыклось с ним большинство. Не приняло, не согласилось. Как можно принять пропасть такую между богатыми и бедными, низкодоходными! Именно смирилось, адаптировалось. Не за лучшее «завтра» голосует, а за то, чтобы хуже не стало: свежи еще воспоминанья. И я адаптировался вполне. А ты, Серый, прешь против течения. Горжусь!

— Опять за свое,— засмеялся Луков.— Нашел борца. Не собирался я, повторяю, мешать им, пока принуждать не стали. И сопротивлялся недолго. Тоже адаптировался. А спорить, кто и как приспособился, кто больше, кто меньше — пустое занятие. Давай, лучше выпьем.

Выпили, закусили, слегка покачиваясь, хозяин заварил черный чай по просьбе гостя, достал лимонный кекс, печенье, и Луков, разливая по чашкам ароматный напиток, озорно полюбопытствовал:

— Значит, смирилось большинство, и не светит нам реальное государство социальное?

— Ничего подобного! — вскрикнул пламенно Бочарин.— Дудки! Надоест, в конце концов, терпеть, унижаться и истребуют его люди. Вернется оно, как пить дать вернется. Не советской копией — по новому, без изъянов прошлых, вот увидишь. Нет пер...перспектив у буржуйского государства. Поднимать человека надо, а оно, дрянь, опускает. Еди-и-нство на пороге, вот-вот будет единство,— поют все наверху, не устают. Какое может быть единство, какое, когда уверено большинство, что жируют за его счет буржуи и прихлебатели всех мастей, а власть горой стоит за их интересы! Не бывает иначе в государстве буржуйском. Элементарно — к Марксу не ходи... Сплочение — да, возможно... и бывало во время войны, бедствия, короче, большого. Временное сплочение.

— Увидим мы это возвращение, значит? — продолжил шаловливо допрашивать Луков.

— Не лови на слове, нехорошо, паря,— пальцем погрозил его визави серьезно и смешно, как это делает лишь выпивший прилично человек.— Мы... мы вряд ли увидим, а вот дети... дети — очень может быть, внуки — однозначно. Серый, пора... добавить нам пора.

Бочарин нетвердо направился к бару за новой бутылкой, но Сергей тотчас его притормозил:

— Все, Геныч, я пас — мне ехать завтра. Дай я прилягу, чая выпью и прилягу, подремлю. Не забудь мне контакты свои написать и Иры — на всякий пожарный.

Проспал Луков до позднего вечера. После непродолжительного ужина с фаршированными перцами, приготовленными хозяйкой, опять завалился спать, а утром уже направлялся в Тверскую область, в деревню Петькино, прихватив пакет с бутербродами и, по настоянию Генки, его старенький, но пригодный вполне ноутбук.

## IV

О своем приезде на место отзвонился Бочарину, сказал, что дом понравился — «тут русский дух, тут Русью пахнет", со старостой деревенским не виделся еще, печь протопил, начал помаленьку обживаться. Обещал не пропадать, информировать нет-нет о своем житье-бытье, что и делал, главным образом, посредством электронных писем, которые и поведали о продолжении, развязке данной истории.

Письмо 1 (начало ноября, после двух недель в деревне).

Привет, Геныч!

Не звоню, а пишу тебе на электронную почту, потому как надо же мне чем-то голову загружать, помимо книжного чтения. Иначе размякнет, знаю, разленится. Да и Глебыч организовал мне интернет — грех не воспользоваться. Не только по телефону будем мы с тобой балакать, а придется, друг ситный, и послания мои читать, не обессудь. Ну, обо всем по порядку.

Прежде о главном. С тех пор, как приехал сюда, рядом с домом и в деревне ничего такого не было, что насторожило бы: ни людей подозрительных, ни машин не встречал. Позвонил сестре в Томск. Она сказала, никто мной не интересовался. Это здорово меня приободрило: больше всего беспокоился за нее. К Веронике (и ей набрал) тоже никто не подкатывал с вопросами обо мне. Предупредил, что мотаться буду пару месяцев по командировкам.

В доме прибрался, с библиотекой твоей ознакомился. Хороша — не обманул. Три-четыре поколения, похоже, собирали, даже книги дореволюционного издания обнаружил. А ты, шляпа, законсервировал их тут. Для меня, видимо, держал.

После дождя — прошел, только я приехал — потолок в углу над печью действительно подмок. Нашел в кладовке лист жести и залатал крышу в этом углу — можешь записать мне в актив. Да, по ходу увидел, что дровишек запас маловат — по крайней мере, по моей прикидке. Сходил к старосте поздороваться и узнать заодно, как дровами можно разжиться.

Юрий Глебович сам уже, оказывается, собирался ко мне заглянуть. Деловой такой, словоохотливый ветеран. В сельском хозяйстве трудился всю жизнь, причем, кандидат биологических наук, по пчеловодству специалист — ты в курсе, наверное. Шесть ульев у него. Угостил медком своим — с местного дикого разнотравья, обещал показать подходящий для дров березовый валежник, с бензопилой помочь. И дипломатично так, между прочим, спросил совета насчет искрящей иногда розетки — ты, видимо, обмолвился, и хорошо сделал, что я соображаю в электротехнике. Посмотрел его розетки и провода: довольно ветхие оказались. Написал, что нужно, а когда он все раздобыл, за полдня поменял домашнюю электропроводку — в двух комнатах и сенях всего-то. Рад староста был необыкновенно. Говорит, сам в этом ни бум-бум, а отъеду куда — сердце не на месте. И вынес он мне банку двухлитровую меда. И помог напилить в лесу березовых чурбаков, перевезти их к дому. И уговорил питерского дачника-соседа поделиться со мной интернетом. И свел с бабой Нюрой, у которой лучшие на деревне, по его заверению, творог, сметана, яйца да хлеб своей выпечки — знаешь, конечно, ее. Уже распробовал: вкуснятина. Так что харчи у меня — в ваших продмагах городских не сыскать, и со старостой мы — приятели.

По большей части я на воздухе — не могу надышаться. Дрова колю понемногу — в удовольствие. Глебыч показал дорогу к озеру, сказал, то самое, где ты рыбачишь — километрах в двух от деревни. Речка впадает в него — небольшая, грустная. Через день туда выбираюсь: прогуляться и полюбоваться — красивое место. Здесь природа везде замечательная. Вот как видятся издали деревня и окрестности: косматый сосновый лес с редкими, приметными вкраплениями берез взял одинокую деревушку в кольцо и теснит ее молодняком со стороны некогда возделываемых полей.

Лирическое настроение — что есть, то есть. Два стишка неказистых даже вынырнули (со студенческих лет не случалось):

*Речку нежно поцелую,*
*Лес в объятьях задушу.*
*Вдалеке от них тоскую*
*И любить всегда спешу.*

---

*Месяц еле виден, на бочок прилег,*
*Под осенним ливнем на ветру продрог.*
*Облаком укрылся — стало потеплей,*
*Снова в путь пустился вкруг Земли своей.*

Одно малое огорчение — слякоть. Хорошо, что сапоги твои — высокие. Жду снега. Синоптики обещают, что скоро. О Сиротине и шайке его вспоминаю редко.

Ну, пока, дорогой. Семье привет.

Письмо 2 (конец ноября).

Бочарин, здорово!

Вторая неделя уже пошла, как лег снег — довольно обильный. Осеннюю лепоту сменила зимняя. И похолодало прилично, мои выходы в открытый космос теперь не так продолжительны и привольны. Сходил на озеро и употел, возвращаясь. Не разгуляешься на заснеженных дорожках — протаптывать их тут некому особо. Хорошо, главный путь — дорогу от райцентра до деревни — почистили более-менее от снега, по ней и прохаживаюсь часок-другой. Деревня опустела совсем — редко кого встретишь. Посетовал в шутку Глебычу насчет здешнего зимнего уклада, а он смеется, говорит, уклад, как у косолапого: потрудился, нагулялся, здоровья набрался и в спячку до весны.

Дрова доколол, сложил под навесом, по дому осталось печь топить да есть готовить — вот и все дела. Читаю книжки, в интернете брожу, телик иногда. Скучновато. Потянулось настроение мое под гору.

Стал чаще заходить на сайт своей компании. Информации о проекте модернизации электростанции нет, а Сиротин и зам генерального по производству на месте, смотрят на меня со страницы «Руководство» так глубокомысленно и честно, что стыдно даже становится за свою строптивость. Если серьезно, неопределенность эта, пребывание здесь в неведении стали томить. Плюнул, в конце концов, на осторожность и поехал на несколько дней в Москву прояснить тайком обстановку.

Вчера вернулся в деревню. Докладываю.

Остановился в гостинице. Днем по центру пошатался: окунулся не без отрады в столичный шум, накурился автосмога — брр, отвык от него совсем. Ближе к вечеру засел в баре, откуда хорошо просматривается освещенный главный вход в здание нашего офиса. Надел тонированные очки, приготовил газетку, чтобы прикрыться от случайного знакомого — все, как положено. Повидаться решил с одним из двух сотрудников технического департамента. Оба — толковые молодые ребята, часто у меня консультировались, были и общие дела с ними. Минут через сорок после конца рабочего дня первым из них вышел наружу Женя Яковлев. Увязался за ним сначала в метро и дальше почти до его дома. Он остолбенел, когда обернулся на мой оклик. Потом обрадовался — слеза меня даже прошибла. Пока хлопал он глазами, я сказал, что ситуация возникла критическая, должен был уехать срочно и скрытно. Расспросил его, что было без меня, про дела на работе. Парень Женя неглупый, видел, не хочу открываться. А рассказал он следующее. В первые дни моего невыхода никто

этому среди сотрудников значения не придал, мало ли: приболел, отпуск взял — начальство знает. Только Михаил Андреевич (тот самый зам генерального по производству) ходил с тревожными глазами. Неделю спустя он, уже спокойный и даже бодренький (Женькин эпитет), собрал всех наших и сообщил, что я куда-то задевался — ни слуху, ни духу, расспрашивал, не говорил ли я с кем о своих планах, не связывался ли с кем в последние дни и не знает ли кто контактов моих родственников. Посылал двоих на мою квартиру, справлялись насчет меня у соседей, оставили им номер телефона, просили позвонить, если появлюсь. Домыслы пошли всякие, особенно после того, как генеральный дал команду обратиться в полицию — заявить меня в розыск, раз родственники не интересуются, молчат. Письмо подготовили, но Сиротин вездесущий велел придержать пока. Когда речь о делах зашла, Женя упомянул, среди прочего, что позавчера приняли решение о реализации проекта модернизации электростанции (моего злополучного) в соответствии с технико-экономическим обоснованием, вот-вот контракт основной подпишут — на поставку турбин (тех самых, против которых я возражал).

Вышло так примерно, как и ожидал. Чуда не случилось. Сиротин и зам руки потирают: откат на подходе. А я злюсь.

Перед тем как распрощаться, взял у Жени номер телефона и попросил его известить руководство, кадровиков, что жив я, здоров,— столкнулись, мол, случайно на Старом Арбате,— разыскивать меня не надо, скоро буду, а Михаилу Андреевичу, говорю, привет персональный от меня.

Такие пироги. Закругляюсь. Привет твоим.

Да, вот еще. Появились у меня новые знакомые на деревне. Возвращаюсь из Москвы. Автобус, на котором ехал из райцентра, остановился в деревне Кретово. Зашли двое мальчишек и девочка — все с рюкзачками, с ними женщина лет под сорок, внешне городская. Следующая остановка конечная — Петькино. Ага, думаю, видимо и дети у нас проживают, возвращаются из школы. Спросил о том женщину, она только кивнула сухо — дала понять, что не собирается толковать с незнакомым попутчиком. Говорю, не беспокойтесь, свой я, петькинский, в доме Бочарина остановился на время и Глебыча хорошо знаю. Она смягчилась сразу, сказала, дом этот знает, с хозяевами незнакома, а Глебыч недавно упоминал обо мне в разговоре с ее отцом. Поболтали. Работает учительницей в кретовской школе, сынок ее — один из мальчишек — учится во втором классе, живут вместе с отцом-пенсионером. Узнав, что я из Москвы, обмолвилась вскользь, что долго работала в столице. Заинтриговала. Уверенная в себе особа — на первый взгляд и миловидная надо сказать: статная шатенка с карими глазами и теплой такой улыбкой. Две сумки с продуктами были у нее, помог донести и коробку конфет московских уговорил взять.

Пока, Геныч.

Письмо 3 (середина декабря).

Привет, Бочарин.

Влюбился я, представляешь! Да, да, в ту самую учительницу — Светлану.

После нашего знакомства очень мне захотелось с ней еще повидаться, узнать, почему Москву оставила, кто она вообще. Екнуло, наверное, уже внутри. А где поговорить толком, без спешки? Кафе нет, на воздухе не комильфо, мягко говоря — минусовая температура. К себе пригласить, подумает, охренел совсем старый пень. Начал соображать, как напроситься к ним. Решил по-простому: встречу ее с сыном на подходе к автобусной остановке, когда приедут они из школы — как бы ненароком, на прогулке будучи,— провожу домой и помощь предложу, если есть что неисправное из электроприборов; время, мол, навалом, почему не размяться. Встретил, проводил, предложил. Она сказала спасибо, не стоит беспокоиться, все как будто в порядке, но тут встрял малец: «А мой вездеход? И телик стал показывать не очень». Выручил малец-молодец. Договорились, что зайду в воскресенье, погляжу.

Пришел с волнительным пульсом, в спортивном костюме — молодит меня, подчеркивает отсутствие брюшка,— прихватил тортик вафельный. Отцу ее, Тимофею Ивановичу, отрекомендовался твоим давним другом, пребывающим здесь во временном уединении. Вездеход радиоуправляемый починил быстро, с теликом пришлось повозиться — дело было в антенне, настроил ее более-менее. Малец, довольный, сразу начал тестировать на полу вездеход, и Тимофей Иванович сдержанно порадовался подлеченному телевизору, хотя и продолжал поглядывать на меня настороженно, подозрительно — легко его понять.

Следом было чаепитие, хозяева благодарили за подмогу, скоро Тимофей Иванович ушел в комнату к телику, Витек, сынок, выскользнул с вездеходом во двор, и мы со Светой побеседовали свободно. Рассказал коротенько о себе, чуток только приукрасив, но без намека, естественно, на те события, что привели меня в Петькино. Ответного рассказа не дождался, она предпочла легкие темы: кино, огород, кулинария. А я и тому рад не знай как. Надо, думаю, не мешкая расширять коммуникацию. Спросил, как учеба идет у сына, как он насчет чтения. Сказала, любит сказки всякие. Зацепился за это, говорю, принести могу несколько книжек почитать, но лучше вы загляните, выберите (распоясался я, Геныч, совсем, распоряжаюсь твоим домом фамильным, как своим).

Зашли они ко мне — Света и Витек — через день; взяли индийские и уральские сказки. Угостил, как не отказывались, своими фирменными отбивными.

Тихо-тихо общение у нас наладилось: иногда встречаю их после школы, и прогуливаемся по главной деревенской дороге туда-сюда, иногда повод нахожу к ним зайти. Думаю вот, как опять их в гости заманить (без сына не рискну ее пригласить, боюсь, откажется).

Узнал, что они из Ярославля, дом их здешний — аж прадедовский, Тимофей Иванович живет тут уже пять лет, а Света с сыном — второй год. Окончила ярославский педуниверситет, следом сразу курсы бухгалтерские, с год вела бухгалтерию в небольшой фирме, потом в Москву перебралась, устроилась в фармацевтический холдинг и проработала там, в центральном офисе, лет восемь. Поинтересовался, почему уехала из Москвы, сказала так приблизительно: «Работа в целом устраивала. Музеи, театры, уютные кафешки, парки, древности разные — такую Москву люблю, а вот суетный мегаполис, набитый людьми, автомобилями — это не для меня. Пришлось потерпеть — платить надо было по ипотеке за двушку на юге столицы. Как рассчиталась, сразу сдала квартиру в аренду, и отбыли с Витьком. У папы сердце стало прибаливать, а деревню оставлять не хочет ни в какую, вот и приземлились здесь. Долго не задержимся, несмотря на все прелести жизни на природе. Есть мысль поселиться где-нибудь в небольшом тихом городке поближе к Ярославлю, а может и к Москве. Папу настраиваю потихоньку на это».

Ей по душе и не по душе то же, что и мне. Не только она привлекательна, а умница еще. Все признаки, Геныч, что влюбился: видеть хочу ее, слушать, вдыхать, прикасаться к ней, пою и танцую (когда один, конечно), вот-вот полечу.

О Сиротине забыл вспоминать.

Пока, дорогой. Попробуй только скажи, что дурью маюсь.

Письмо 4 (конец декабря).

Геныч, ура!!! Мы вместе, совсем вместе и будем вместе — вопрос решенный. Я должник твой навеки! От восторга меня распирает. Готовимся встречать Новый год. Сказка, в общем. Но не вся еще. Читай дальше и поймешь, что без сомнений сказка.

Решил я тут, между хлопотами и грезами, позвонить Жене Яковлеву, узнать новости о компании. Он, после упрека, что пропал я опять надолго, выложил мне, как пулемет, вот это.

С месяц назад в департаменте безопасности сменился начальник, заметно обно-

вился штат, и вскоре начались точечные проверки по разным направлениям, довольно жесткие. На каких-то махинациях с подрядами по ремонтной программе компании поймали Сиротина, подтянули сразу Следственный комитет. Возбуждено уголовное дело. Продолжают копать. Сиротин пока под домашним арестом, лет шесть ему светит. Незадолго до этого уволился зам генерального по производству. Где он, пока неизвестно. Следователи его разыскивают.

А на днях генеральный вызывал Яковлева и спрашивал, не попадался ли я ему еще невзначай, нет ли контакта со мной. Тот сказал, что нет. Генеральный вряд ли поверил — по словам Жени. Он предполагает, что я исчез из-за какого-то острого конфликта с Сиротиным — так Жене и сказал. И попросил передать мне, если случится такая возможность, что ждет меня, есть предложение по работе.

Такие пироги!

После праздников поеду к генеральному. Как и что там сложится, не знаю, но знаю точно, ни против Сиротина, ни против зама свидетельствовать не стану. Если посадят их, посылать буду им непременно щедрые гостинцы с благодарностью.

По работе моей дальнейшей само собой посоветуюсь со Светой.

Кажется все.

Да, Веронике я набрал, повинился. Пожелала счастья.

**Инна Важдаева**
(пос. Арсеньево Тульской области)

# ТУЛУП ЖАДНОСТИ

*Инна Валерьевна Важдаева родилась в Нижнем Новгороде. Художник Арсеньевского ЦКДиК. Автор произведений в жанре «мистическая фантастика», а также юмористических монологов и рассказов.*

Однажды холодным январским вечером в дверь дома пекаря Иннокентия Петровича постучали. Он нехотя вылез из-за обеденного стола, на котором томился праздничный ужин. Жена подала на стол рождественского гуся, украшенного яблоками. Иннокентий Петрович с грустью посмотрел на угощение и плотно прикрыл за собой дверь комнаты.

— Кого еще там принесло в такую погоду?! — не скрывал своего недовольства мужчина, прислушиваясь к метели, которая разыгралась за дверьми дома.

Щелкнул засов. На ступенях крыльца стояла молодая женщина и маленькая девочка лет пяти.

— Вы пекарь? — спросила женщина тихим простуженным голосом.

— Он самый,— мужчина бесцеремонно разглядывал незнакомку с головы до ног.

— Не будет ли у вас хлеба для моей малышки? — стыдливо потупив глаза, попросила женщина.

— Вы знаете, что мука подорожала? И сколько мне нужно труда вложить, чтобы испечь хлеб? Если я всем подряд начну хлеб раздавать бесплатно, сам без штанов останусь.

— У меня нет денег,— еле слышно произнесла женщина и опустила голову.

— Ну, на нет и суда нет,— пекарь хотел закрыть дверь, но женщина остановила его.

— Постойте,— она скинула с себя белый овчинный тулуп и подала его жадному пекарю.

— Возьмите это — как оплату за хлеб.

Тулуп оказался хорошим, добротным. И, несмотря на то, что женщина осталась на улице в одном платье, мужчина забрал тулуп. Вскоре он вернулся с буханкой хлеба в руках и маленькой сдобной булочкой.

— Это тебе,— пекарь подал сдобу малышке.

Женщина взяла хлеб, и вскоре она и ребенок исчезли за густым снегом метели.

Иннокентий Петрович отнес овчинный тулуп на веранду и вернулся к семье, ожидавшей его за праздничным столом.

— Кто приходил? — спросила супруга Светлана, разрезая ножом жареного гуся и раскладывая жирные кусочки по тарелкам.

— Так — попрошайки,— отмахнулся рукой на вопрос мужчина и с жадностью принялся за угощение.

К утру метель стихла. Иннокентий Петрович поднялся из теплой постели и стал готовиться к рабочему дню. Он прошел на веранду, где в больших мешках находилась мука. На одном из них лежал оставленный вечером тулуп.

— Удачный обмен я вчера произвел,— довольный собой сказал вслух пекарь. И стал примерять овчинный тулуп. Тот пришелся ему впору. Иннокентий Петрович застегнул его на все пуговицы и вышел из дома. Он обошел двор. Посмотрел, как жена кормит скотину, а пятнадцатилетний сын рубит дрова. Иннокентий зашел к себе в пекарню, но работать ему почему-то расхотелось.

— Работаешь, работаешь с утра до вечера, света белого не видишь, а продаешь все за копейки! — недовольно проворчал себе под нос мужчина.— Пусть теперь все у меня хлеб втрое дороже покупают. Теперь не продешевлю! Все равно никуда не денутся, у меня одного пекарня в деревне, а другое село, вон, далеко как.

Жадному пекарю понравилась эта мысль, и он с новым рвением принялся за работу. К обеду за свежей выпечкой пришел сосед. Пекарь вышел к нему навстречу и назвал новую цену хлеба.

— Ты что, Иннокентий Петрович, с ума сошел?! Даже в городе такой цены на хлеб нет!

— Вот и езжай в город. Кто тебя держит? — зло усмехнулся жадный пекарь.

Сосед в отчаянии махнул рукой и отправился восвояси.

К Иннокентию подошла супруга.

— У тебя хлеб не получился? — спросила она, заметив, что сосед ушел с пустыми руками.

— Когда это у меня хлеб не получался? — удивился ее словам супруг.— Наоборот, он еще лучше стал. Просто цена у него теперь другая,— Иннокентий назвал новую цену супруге.

— Ты с ума сошел? — расстроилась женщина.— Кто же у нас за такую цену хлеб покупать будет?

— Не голоси, женщина,— грубо ответил ей Иннокентий.

— Не купят — сами съедим. Даром его отдавать я не буду! — И пекарь вернулся в дом.

Дома Иннокентий заметил, что жена куда-то собирается, аккуратно складывая в корзинку куриные яйца.

— Ты куда?

— Пойду бабе Любе с десяток яиц отнесу. Совсем бабушка старенькая стала. Не встает. А ведь когда-то она нам помогала сына нянчить. Пусть ей это гостинцем будет,— ответила добрая женщина.

— Гостинцем?! — почему-то разозлился супруг.— А нам кто гостинец принесет?! Смотрю я: хитрые какие все стали! Ну, прямо таки и норовят все задаром получить! А тут горбатишься целыми днями!

— Что ты, Кеша? — ласково пыталась успокоить его супруга.— Ты никогда таким не был. Что с тобой случилось?

— Прозрел я! Все, теперь никто от меня ничего просто так не получит! — грубо ответил жене пекарь и выхватил у нее из рук корзинку с яйцами.

Светлана дождалась, пока супруг уснет после сытного обеда, и стала снова собираться. Она все-таки решила сходить к старенькой крестной и отнести яйца. Аккуратно завернув в полотенце пару сдобных булочек, женщина положила их в корзинку и, стараясь не шуметь, вышла на веранду. Под руки ей попался белый овчинный тулуп.

— Какой красивый тулуп,— восхищенным взглядом окинула тулуп Светлана и надела его. Удивительно, но тулуп и ей тоже пришелся впору. Прихватив корзинку с продуктами, она вышла на улицу.

Светлана прошла несколько домов и вскоре оказалась возле дома бабы Любы. Она посмотрела на крышу дома старушки. В отличие от других изб, из трубы дома не валил дым.

— Молодец, старушка! Наверное, дрова экономит,— почему-то неожиданно для себя вслух произнесла жена пекаря и толкнула незапертую дверь.

Крестная лежала на старой покосившейся железной кровати, под толстым слоем одеял.

— Экономите дрова, бабушка? — весело спросила старушку Светлана и поставила корзинку с провизией на стол.

— Какой там экономлю,— тяжело приподнявшись на подушках, ответила старая женщина.— Не могу встать. Совсем разболелась. Вот и печку некому истопить.

Старушка посмотрела на корзинку на столе.

— Я вижу, ты мне гостинцев принесла? — заулыбалась баба Люба.— Доброе у тебя сердце, дочка.

— Какие еще гостинцы? — неожиданно всполошилась жена пекаря.— Не гостинцы это вовсе. Деньги потом отдадите, если сейчас не сможете.

У Светланы в глазах блеснул огонек алчности.

— Вот те раз?! — удивилась старушка.— Нет у меня денег, милая. Сама кое-как перебиваюсь на скудную пенсию. Неси обратно, что принесла.

Старушка, обидевшись, отвернулась к стене и замолчала.

— Ну, не хотите, как хотите. Других найду покупателей,— жена пекаря забрала корзинку со стола и вышла из дома.

Возле калитки своей избы жена пекаря встретила сына Никиту.

— На, сынок,— она протянула ему корзинку с продуктами.— Отнеси это Филатовым, в соседний дом, они всегда хорошо платят.

Светлана зашла в дом, сняла тулуп и повесила его на вешалку возле дверей. Затем она села на табурет возле печки и призадумалась.

— Не хорошо как-то я с крестной поступила,— рассуждала женщина вслух.— Никогда я жадной не была. И что со мной могло такое приключиться?

За спиной раздался скрипучий старческий смех. Женщина испуганно оглянулась, но никого не увидела. Смех раздался снова. Из-под тулупа, висевшего на вешалке, выглянула маленького роста, старушка.

— То ли еще случится,— загадкой произнесла пожилая женщина.

— Вы кто будете? И как сюда попали? — удивилась жена пекаря и недовольно произнесла.— Мы вас не звали.

— Меня и не зовут никогда. Я сама прихожу в свое время, потому что меня многие знают и многие со мной дружбу водят.— ответила ей незваная гостья.

— Вы мне не нравитесь. Уходите из нашего дома! — Светлана угрожающе поднялась с табурета.

— Но, но, милая, тише. Меня обидеть нельзя. Это я всех обижаю. И отказаться по доброй воле от меня не посмеете. Если только кто совет мудрый даст,— и старушка так же внезапно исчезла, как и появилась.

В дом вошел Никита.

— Где ты был?

— Ты же меня сама к Филатовым послала? — удивился забывчивости матери сын и недовольно произнес, ставя принесенную назад корзинку с яйцами на стол.— Не хотят они продукты у нас покупать. Говорят, фантастическую цену просим.

Но Светлана не отреагировала на слова сына.

— Ты никого не заметил на веранде?

— Кого я мог заметить?

— Ну, старушку, маленького роста, например? — уточнила женщина.

— Нет там никакой старушки. Привиделось тебе,— и добавил.— Наверное, тебе нездоровится, мам. Устала ты. Легла бы отдохнула.

— Может быть, может быть,— задумалась Светлана и отправилась в комнату.

Перекусив наспех бутербродом, Никита решил немного прогуляться. На вешалке, возле печи, мальчик увидел белый тулуп.

— Вот классная вещь! — радостно заметил Никита и накинул его на плечи. Овчинный тулуп лег строго по фигуре.— Теперь мне все мальчишки позавидуют! — обрадовался Никита и выскочил из дома.

Светлана подошла к проснувшемуся мужу и села рядом на диван.

— Скажи мне, Иннокентий, каким образом попал к нам в дом овчинный тулуп?

— Какой тулуп? — спросонья не понял пекарь.— Ах, тот белый! — вспомнил он.

— Да, да, белый овчинный тулуп,— уточнила Светлана.— Кто тебе его подарил?

— Помнишь, рождественскую ночь? Ну, когда попрошайки приходили? Вот женщина со мной и расплатилась тулупом за хлеб.

— Неладное что-то в нашем доме после появления этого тулупа творится,— заметила Светлана.— Вернул бы ты лучше этот тулуп прежним хозяевам.

— Что ты выдумываешь? — недовольно ответил Иннокентий.— Такую вещь даром отдать? — И он рассмеялся каким-то странным, не присущим ему смехом.

В дом неожиданно ворвался сосед Филатов. Он крепко держал за воротник тулупа Никиту.

— Посмотрите, что ваш сынок вытворяет?! Стоило мне только от машины своей возле дома отвернуться, как он насос стащил! — Филатов потряс перед лицами растерявшихся родителей насосом.— Следите лучше за своим пацаном: вором станет!

Светлана заметила на мальчике овчинный тулуп.

— Никита, где ты взял эту вещь? — женщина указала на тулуп.

— Ты че, мам? Я его не украл. Вон он там возле дверей на вешалке в нашем доме висел.— Мальчик вытер слезы со щек.

— Тебе не кажется странным, что этот тулуп всем нам подходит по размеру? — задумчиво спросила Светлана супруга.

— И ты тоже его одевала?

— Одевала. И он мне тоже, как ни странно, пришелся впору.

Пекарь почесал затылок, не зная, что сказать.

— Ты знаешь, где живет женщина, которая отдала тебе тулуп?

— Откуда мне знать? — растерялся Иннокентий Петрович.— Сказала, что в соседнем поселке.

— Тебе придется постараться, чтобы ее найти,— настаивала Светлана.

— Хорошо.

Иннокентий оделся и пошел заводить машину, чтобы отправиться на поиски хозяйки овчинного тулупа.

Пекарь направил машину к ближайшей деревне, находившейся в нескольких километрах от его села. Возле дома на окраине во дворе копался пожилой мужчина. Иннокентий окликнул его и спросил о женщине с ребенком.

Хозяин дома сразу догадался, о ком идет речь.

— Так вы про Ивановых говорите? Они два дня как уехали из деревни к брату погостить. В городе их искать надо,— объяснил мужчина и полюбопытствовал: — Зачем они вам?

— Одну вещь хочу им вернуть.

Незнакомец сбегал в избу за карандашом и бумагой и быстро написал пекарю адрес брата Елены. Тот поблагодарил старика и вернулся к машине.

Дома у брата он Елену не застал. Выглядывая из-за дядиной спины, на пороге квартиры появилась пятилетняя девочка.

— Мама на базар ушла. Вы ее там найдете.

В выходной день на городском базаре, как всегда, суетилось много народу. Пробираясь через тесную толпу продавцов и покупателей, Иннокентий Петрович уже потерял надежду найти Елену и вернуть ей тулуп. Но тут он неожиданно заметил в толпе хрупкую знакомую женскую фигуру.

— Елена! — крикнул, выглядывая поверх толпы, Иннокентий. Молодая женщина обернулась и остановилась. Иннокентий подошел ближе.

— А, это — вы? — почему-то грустным голосом произнесла женщина.

— Я хочу вернуть вам вашу вещь,— Иннокентий показал на тулуп, висевший у него на руке.

Елена посмотрела на тулуп и усмехнулась.

— Я сама к вам за ним приеду,— она повернулась, чтобы уйти.

Иннокентий остановил ее за руку.

— Но когда?

Женщина строго посмотрела на пекаря.

— Видно, несладко вам с этим добром живется?

— Откуда вы знаете? — удивился Иннокентий.

— Предполагаю,— коротко ответила Елена и дала совет.— Вы попробуйте его продать.— Оставив Иннокентия в замешательстве с овчинным тулупом в руках, женщина скрылась в толпе.

Немного подумав, Иннокентий решил принять совет женщины и выгодно продать тулуп.

— Вот тулуп, овчинный, натуральный, белый, как снег, новый! — кричал в толпу пекарь, нахваливая свой товар.

Желающих купить тулуп оказалось много, да вот цена, которую предлагал за него горе-продавец, никого не устраивала. Из толпы покупателей отделилась низкорослая фигурка старушки. Она подошла к мужчине.

— Не можешь продать?

Иннокентий Петрович кивнул головой.

— Раз не можешь продать, тогда подари его,— дала добрый совет пожилая женщина.

— Как подарить?! — растерялся жадный пекарь.— Такой тулуп подарить? Да и кому?

— Мне хотя бы. Вон совсем обносилась,— женщина показала на свое старое пальтишко.

— Вы в своем уме, женщина?! — вознегодовал Иннокентий Петрович.

— Я так и знала, что ты — мой друг,— засмеялась скрипучим голосом старушка.— Носить тебе этот тулуп и твоей семье до скончания века. Носить его не переносить.— Продолжая смеяться, старушка растворилась в толпе.

Иннокентий, потеряв всякую надежду продать проклятый тулуп, отошел к бетонной стене, устало сполз по ней и присел на корточки.

— Проблемы? — худощавый мужчина присел рядом и, посмотрев на овчинный тулуп, заметил.— Знакомая вещь.

— Это — чужая вещь.— Иннокентий Петрович убрал в сторону от мужчины тулуп, но тут же опомнился.— Может вы у меня его купите?

Собеседник почему-то рассмеялся.

— Прости, дорогой, но мне эта вещица и даром не нужна!

Незадачливый пекарь грустно понурил голову.

— Хочешь, я расскажу тебе историю этого тулупа?

Иннокентий Петрович повернулся к мужчине и внимательно посмотрел на него.

— Жил на свете один человек. Предприниматель — на редкость удачливый. Но однажды зимой он как-то раз торговал на базаре, к нему подошла маленького роста старушка.

— Дай мне бутылочку вон того сока,— попросила старушка.

— Я не могу тебе отдать свой товар, бабушка, только — продать.

Старушка ехидно усмехнулась.

— А я наоборот — хочу сделать тебе подарок,— и она подала предпринимателю овчинный белый тулуп.

Предприниматель не смог отказаться от столь щедрого подарка и обменял бутылку сока на тулуп. С той поры не стали ладиться у него дела, пока он не избавился от этой злополучной вещи.

— Это ты про меня рассказываешь? — возмутился пекарь.

— Нет, это я про себя рассказал.

— Как же ты избавился от этого тулупа? — с надеждой в глазах спросил его пекарь.

— Тебе нужно тулуп кому-нибудь переподарить.

— Вот в том то и дело, что как только я хочу тулуп отдать даром, как во мне появляется страшное желание продать тулуп дороже.

— Плохи твои дела, брат,— собеседник поднялся с корточек.— Ладно, засиделся я тут с тобой, меня работа ждет.

Пекарь вернулся домой с тулупом и не узнал свой дом. Скотина во дворе не накормлена, жалобно мычала корова. Куры клевали все, что можно было найти на снегу. Сын Никита и жена пекаря угрюмые сидели возле холодной печи.

— Вам что, печку растопить трудно? — возмутился Иннокентий Петрович.

— Дров жалко,— в один голос ответили жена и сын.

Иннокентий посмотрел на пустой стол.

— Ужинать, что, сегодня не будем?

— Хлеб засох. Картошка сгнила. А деньги нужно экономить на черный день. Сегодня не поужинаем. Завтра не пообедаем. Глядишь, богаче станем.

— Что ты такое говоришь, Светлана?! — крикнул на жену пекарь и зло посмотрел на тулуп, который лежал на стуле.— Это все проклятая вещь виновата!

— Мне он начинает нравиться,— ответила супруга и добавила.— Он деньги наши экономит.

— Ум твой он экономит! — со злостью ответил Иннокентий.

В дверь постучали. На пороге стояла Елена с маленькой дочкой.

— Я пришла вам помочь.

— Вы нам поможете, если заберете этот свой проклятый тулуп! — Иннокентий вспомнил, взамен чего он получил тулуп.

— Ой, как у вас холодно! — девочка подбежала к тулупу и одела его.

— Берегись, девочка! Можешь стать несчастливой! — попытался остановить ее Иннокентий Петрович.

Но девочка вынула конфетку из кармана своего пальто и протянула ее пекарю.

— Хочешь? Вы, наверное, голодные?

— На нее тулуп не подействовал? — удивился пекарь.

Елена подошла к своей дочери, обняла ее за плечи и произнесла.

— В ком жадности нет, в том ее и не будет.

Они переглянулись с дочерью и загадочно улыбнулись удивленному пекарю.

— Хотите, я вам свою пекарню отдам? — расщедрился на радостях Иннокентий Петрович.

— Зачем она мне? У меня своя работа есть. Швея не может стать пекарем, а пекарь швеей. Каждый должен делать свое дело и помогать попавшим в беду.

— Так вы швея? — Догадался Иннокентий Петрович.

— Да. И я сама этот тулуп сшила своими руками.

— Нехорошая вещь,— заметил Иннокентий.

— Все от человека зависит. Все что мне осталось от моего деда после его смерти, так это мастерски выделанная шкурка белого барашка. Умирая, он сказал мне: «Распорядись, внучка, этой вещью по своему усмотрению». Вот я и сшила этот тулуп. И назвала его тулупом справедливости. Потому что он дает каждому то, что тот заслуживает.

Накинув белый овчинный тулуп на свои худенькие плечи, она вышла с дочерью из дома пекаря.

**Евгений Мирмович**
(г. Санкт-Петербург)

*В прошлом офицер, подполковник, один из редакторов литературного портала «Изба-читальня». Выпускник высших литературных курсов при Литинституте им. Горького. Финалист, призер и лауреат ряда литературных премий. Член Российского союза писателей. Публиковался во многих литературных журналах*

## ОЛИМПИЙСКАЯ МЕДАЛЬ

В начале прошлой зимы мне подарили новые лыжи, и я решил пробежаться по еловому лесу, наслаждаясь чистым морозным воздухом. С непривычки темп я взял неправильный. Да и дистанцию себе наметил не по силам. В общем, через пару часов я полностью выдохся и повернул к дому. Чтобы сократить себе обратный путь, я махнул через заброшенный пионерский лагерь. Пустые полуразрушенные корпуса, разбитые окна, тишина. Людей не видно, но дымком откуда-то потягивает. Значит, кто-то есть.

Через минуту на меня выскочила большая лохматая черная собака. Она остановилась метрах в десяти и с рычанием преградила мне путь. Я замер в ожидании. В это время со скрипом отворилась дверь маленькой деревянной бытовки. На пороге появился сторож. Небритый мужик в засаленной телогрейке и валенках. Он оглядел меня с ног до головы и подозвал к себе собаку.

— А, лыжник. Не бойся, пес не кусается,— сторож погладил по голове собаку и присел на скамейку возле бытовки.

— Не возражаете, если проеду по вашей территории? А то в обход далеко, а я сильно устал.

— Проехал уже. А устал, так садись, отдохни,— он указал мне на скамейку возле себя и достал из внутреннего кармана жестяную флягу,— будешь пятьдесят грамм?

— Нет, я чайку лучше хлебну,— я снял со спины рюкзак и достал термос.

— Еще бы ты не устал,— продолжил сторож, отпив из своей фляги,— ты же неправильно коньком идешь. Кто тебя так учил?

— Меня вообще никто не учил. Я дилетант,— ответил я ему с усмешкой.

— То-то я и вижу. Ты, когда маховую ногу отправляешь в прокат, переноси на нее центр тяжести. А руки не должны уходить за спину при толчке. На уровне бедра толчок заканчивай. И на палках не виси.

Он подошел ко мне и показал мои ошибки.

— Как же я за всем этим одновременно услежу?

— Тренируйся. Сразу не уследишь. Старайся контролировать, потом войдет в привычку.

Я опустился на скамью рядом с ним и налил себе чаю. Сторож тут же извлек флягу и поднял ее, отвинтив крышку.

— Меня Палыч зовут. Будем знакомы!— Он отхлебнул из фляги и потрепал лохматого пса, который улегся у его ног.

— Ты спортом раньше занимался? — Поинтересовался я, разглядывая его заросшее щетиной опухшее лицо.

— Занимался, занимался. Будь он неладен. Лучше бы работал. Глядишь, не сидел бы сейчас тут.

— Чем же тебе спорт в жизни так помешал?

Он не ответил мне. Достал флягу и снова приложился к горлышку. Из приоткрытой двери бытовки пахло грязным бельем и подгоревшей едой. Черный пес перестал помахивать хвостом и жалобно заскулил. Мы молчали. Палыч пристально смотрел вдаль, будто пытаясь там кого-то разглядеть, и вовсе не собирался отвечать на вопрос.

Я понял, что мое любопытство останется неудовлетворенным и поднялся со скамейки.

— У меня было две жизни,— неожиданно заявил Палыч,— одна в спорте, другая после. Я ведь интернатовский. Сирота. В спортивном интернате вырос. Потом олимпийский резерв. Затем сборная. Вся жизнь сплошные тренировки, сборы, спортивные базы. У меня и дома-то своего в той жизни не было. А я и не грустил. Куда надо отвезут, заселят, накормят.

Я присел обратно на лавку. Палыч приложился к фляге. Пес перестал скулить и, вскочив на скамейку, улегся рядом с Палычем.

— Потом за границу начали возить,— продолжал Палыч,— не жизнь, а сказка. Тогда за кордон не каждый мог попасть. Наши ребята оттуда все чемоданами везли, а мне ничего не надо было. Им родня списки давала, что купить. А у меня родных нет. Кому привозить? Да, впрочем, дело не в барахле. Жил я как у Христа за пазухой и думал, что всегда так будет. А оказалось, все это — мираж. Растратил лучшие годы. Вот и все. Ничего не осталось.

— А как же победы, медали, звания? Это ведь остается навсегда. Неужели ничего?

— На Олимпиаде в Альбервиле я семнадцатым пришел. Это единственное, чем я горжусь. Остальное мелочи. Мы тогда тоже под олимпийским флагом выступали. Только-только союз рухнул. Февраль девяносто второго года. Сборная была еще из бывших союзных республик, но проблемы уже начались. Женщины наши тогда сильно выступили. Лазутина, Егорова, Вяльбе. А у нас полный провал. Потом травмы меня замучили. Не сложилось дальше.

Палыч снова вынул флягу, но она оказалась пуста. Дверь бытовки поскрипывала, болтаясь на ветру. Лохматый пес положил голову Палычу на колени и закрыл глаза.

— А я ведь, знаешь, когда из спорта ушел, как с луны свалился,— продолжал он,— мне квартиру дали, а я не догадывался даже, что за квартиру платить надо. Не знал, как еду приготовить. Сколько в магазине хлеб стоит, не представлял. Вижу, написано десять рублей, а сказали бы сто — я бы поверил. За меня всю жизнь все решали. Мое дело тренироваться. А тут на тебе, живи как хочешь. Я даже макароны приготовить поначалу не мог. То переварю, то сырые съем. До сих пор толком не умею готовить, вон опять картошку спалил,— он махнул рукой в сторону бытовки.

— Чего же ты на тренерскую работу не пошел с таким опытом?

— Какая там тренерская? Ты же помнишь, что в стране творилось. На завод пошел сборщиком. Три месяца поработал — предприятие закрыли. Денег не дают. Мастер сказал, трубы там из нержавейки остались. Можно вынести продать. Мы забрали и сдали на лом. А через неделю нас с ним в кутузку. Получили по году условно. Потом шабашил в разных местах. Выпивать начал потихоньку. По пьянке в драку ввязался. Сломал нос одному негодяю. Опять судимость. В общем, чем дальше, тем хуже,— Палыч набрал в ладонь снега и растер им лицо.

— Послушай, Палыч, у меня сын с друзьями этой зимой собирался за колледж выступать по лыжам. Они в прошлый сезон на студенческих соревнованиях неплохо

откатались. Парни крепкие, но, вот беда, физкультурник у них — бывший пловец. Физически он их подготовил, а по технике — сам понимаешь. Может, ты бы их погонял за небольшую плату?

— Что ты? Я отродясь никого не тренировал. Со мной давно все ясно,— он опять достал свою флягу, но, вспомнив, что допил, убрал ее обратно. Разбуженный пес зевнул и лениво побрел в бытовку.

— Ну хотя бы объясни ему то, что мне показал,— попросил я.

— Пускай приходит,— равнодушно ответил он, помахивая пустой флягой.

Вечером я рассказал сыну о Палыче и благополучно забыл эту историю. Спустя некоторое время я стал часто видеть у нас в доме друзей сына. По выходным они мазали в гараже лыжи, и в их разговорах я мимоходом услышал про Палыча. «Значит, согласился все-таки,— подумал я и почему-то в душе обрадовался.— Впрочем, разберутся как-нибудь без меня».

В конце зимы сын похвастал мне, что свои студенческие соревнования они выиграли с огромным преимуществом над соперниками. Золоченая медалька на трехцветной ленте заняла свое почетное место на стене его комнаты. Я поинтересовался, помог ли Палыч?

— Конечно! Если бы не он, мы, как в прошлом году, были бы вечно четвертыми. Палыч вообще зверь. Все говорил, что, не зная наших соперников, ему тренировать невозможно, а все же старался. Он очень грамотный, только бухает все время, к сожалению.

— Надо вам обязательно отблагодарить его,— предложил я.

— Нет, папа, ты его не знаешь. Палыч денег не возьмет. Мы ему уже предлагали. Хочешь, сходи к нему, пообщайся. Он тебя не раз вспоминал.

— А скажи мне, дружище, тебе сама эта медаль очень важна? Ты ведь знаешь, что добился поставленной цели. Это пройденный этап. Сама медаль лишь формальность.

— Хочешь ее Палычу подарить? — догадался сын,— я не против. Это ведь и его победа. Только ты сходи сам. У меня же сейчас сессия, времени совсем нет.

— Что же он и не знает, что вы победили?

— Так Палыч же телефон свой потерял. Как мы ему сообщим? После сессии заедем как-нибудь.

Я взял медаль и отправился к Палычу. На мое удивление он был трезв и угрюм. Сидя на скамейке, Палыч зашивал какую-то тряпку. Мое появление его нисколько не удивило.

— Здорово,— буркнул он себе под нос, не отрываясь от работы.

— Здравствуй, Палыч, я тебе подарок принес.

— Я не буду, я в завязке,— ответил он равнодушно.

— Ты не понял. Ребята победили. Понимаешь, Палыч, твои ребята,— я достал из кармана медаль и протянул ему.— Это и твоя победа, старик! Твое мастерство сделало из них команду. Это твой сегодняшний результат. Не из прошлого, а из настоящего. Пойми, Палыч,— ты не сторож.

Он, широко раскрыв глаза, не мигая смотрел на меня. Отбросив в сторону свое шитье, Палыч двумя руками схватил медаль. Теперь он так же изумленно смотрел на нее, как будто в его руках было олимпийское золото Альбервиля, не доставшееся ему в девяносто втором. Он молча встал и, держа двумя руками медаль, вышел из бытовки. Я последовал за ним. Палыч медленно уходил прямо в тапках по снегу все дальше и дальше, держа медаль перед собой. Мне хотелось окликнуть его, но я не сделал этого.

Я не стал его трогать и отошел за ворота лагеря. Через двадцать минут я вернулся в бытовку. Палыч сидел за столом, обхватив голову руками, и раскачивался всем корпусом. Он всхлипывал и бессвязно произносил какие-то слова, среди которых слышались ругательства.

На следующий день я зашел проведать Палыча. На бытовке висел навесной замок. Следов на свежем снегу не было. Не появился Палыч и через неделю. Я перестал ходить в лагерь и начал о нем забывать.

Уже летом мы пошли купаться на озеро, что рядом с базой военного института физкультуры. По дороге мимо нас, тяжело дыша, пронеслась группа курсантов в одинаковых спортивных костюмах. Позади них я вдруг услышал знакомый голос.

— За дыханием следим, один цикл на шесть шагов. Стопу мягче ставим...

Палыч еле поспевал за своими парнями. Я не стал его отвлекать.

## «ОДИНАКОВЫЕ ПУЛИ»

Полусгнившая желтая маршрутка, пахнущая грязной ветошью и соляркой, тряхнула кузовом и завелась, подрагивая под мерный рокот не убиваемого японского дизеля.

— До города доеду? — спросил я, открыв переднюю дверь кабины.

— Конечно, доедешь, мой дорогой, садись,— ответил бородатый брюнет с легкой проседью в густых волосах и добродушной улыбкой.

Пока я рылся в бумажнике, оплачивая проезд, маршрутка пополнилась еще несколькими пассажирами, и мы поехали. За окнами понеслись вереницы темно-зеленых кипарисов, маленькие покосившиеся домики, утопающие в зарослях винограда, а вдалеке, за холмами, виднелись заснеженные вершины гор, сияющие на фоне прозрачного синего неба.

Бородатый водитель бесцеремонно курил в кабине и оживленно разговаривал по телефону. Все существо его изнемогало от потребности жестикулировать. Руки были заняты, и, чтобы выпустить эмоции, он раскачивал головой, добавляя к своей речи восклицания, которым каждый раз придавал разный оттенок. Его протяжное «ай» то имело характер возмущения, то радости, то сожаления.

— Гоча, возьми за проезд,— послышалось из салона. Водитель протянул назад руку с телефоном, и свободным пальцем подхватил протянутую ему купюру.

— Тебе у больницы остановить? — спросил Гоча, не оборачиваясь.

— Да, к дяде Артуру еду,— ответил голос.

— Скажи ему, пусть перестанет валять дурака и натирает колени настойкой из адамова яблока, а то его не выпишут и к свадьбе Марьяны. Дай, Бог, ей вырасти первой красавицей!

— Обязательно передам. Брату твоему привет! — пассажир выскочил, хлопнув дверью.

Гоча объехал двух вальяжно лежащих прямо на дороге темно-бурых коров, и мы снова помчались меж кипарисов. Бородач по-прежнему беспечно болтал по телефону, успевая постоянно сигналить в знак приветствия проезжающим навстречу машинам. Заметив на обочине сгорбленную спину старика с котомкой в руках, Гоча резко принял вправо и остановился. Дед, кряхтя и чертыхаясь, забрался в маршрутку.

— Ох, спасибо, сын. Возьми вот, пожалуйста,— дед протянул водителю измятую бумажку.

— Да что ты, отец? Тебе не надо платить. Скажешь, где выходить, я поближе подвезу.

— У дома Серго мне надо выйти. Знаешь? У водокачки.

— Конечно, знаю. Присядь, отец, сейчас быстро поедем.

За окном вновь замелькали деревья и горы. Наговорившись вдоволь по телефону, Гоча запел. Сначала тихо, как будто бы только для себя, сбиваясь и хрипя, потом все громче, чисто и с душой. Покачивая головой, он выводил протяжный и грустный напев. Я не понимал слов, но если бы мне нужно было подобрать слова к этой мелодии, то это были бы слова об утраченном счастье, потерянной любви или далекой родине.

Внезапно за моей спиной песню подхватил женский голос. Он бережно встроился в мотив, будто обвивая мужской вокал, как лоза винограда обвивает прочный ствол дерева. Через мгновение еще несколько голосов слились в песне, сделав ее широкой полноводной рекой.

Мне, столичному жителю, привыкшему к людской разобщенности и равнодушию, казалась добрым, сладким сном эта страна белоснежных гор, остроконечных кипарисов и простых, открытых людей, не ведающих высокомерия и взаимной вражды.

— Гоча, останови у старого вокзала,— послышался женский голос.

— А у вас здесь что, еще и новый есть? — усмехнулся Гоча, недовольный тем, что пришлось прервать песню.

— Нового вокзала не увидят даже мои внуки,— послышалось в ответ,— но этот-то весь развалился, значит, он старый.

— Пусть будет по-твоему. Сейчас подъеду к самому вокзалу.

У вокзала вышло большинство пассажиров, и мы с Гочей остались в маршрутке вдвоем. Вдоль дороги замелькали полуразрушенные постройки, корпус завода с выбитыми окнами и серый ангар с надписью «Автомойка», где буква «й» была написана с перекладиной в обратную сторону. Возле надписи, уткнувшись в мобильные телефоны, сидели на корточках два молодых парня.

Я невольно усмехнулся, заметив забавную неграмотную надпись. Гоча недовольно хмыкнул в ответ на мою улыбку.

— А что ты хотел? Они после войны родились. Школы все разрушены. Где им было толком учиться?

— Понимаю,— ответил я сочувственно.

— А тебе куда ехать-то? — Спросил Гоча через некоторое время.

— Мне к дому доктора Давида. Знаешь?

Гоча от удивления перестал следить за дорогой.

— Ты с ним знаком? Он же никого к себе не пускает.

— И я не знаю, пустит ли. Читал его книгу. Написал ему письмо. Он ответил, что будет рад, если я заеду. Вот и все.

— У нас не каждый может похвастаться тем, что видел доктора Давида. Он что-то вроде отшельника, почти святой.

— Возможно, я не все знаю, но у него очень интересная книга о войне. Я читал ее, и хотел встретиться с автором лично.

— Люди говорят, что Давид лечит гипнозом. Правда, я в это не верю. Но если ты пойдешь к нему, и он тебя пустит, разреши мне пойти с тобой. У меня зуб по ночам ноет уже вторую неделю. Может, Давид снимет мне боль.

— Да, пожалуйста.

Еще какое-то время мы ехали молча. Потом внезапно Гоча сбавил скорость и начал протяжно сигналить. Я осмотрелся по сторонам, но никакой аварийной ситуации на дороге не заметил. Машины, следующие по трассе за нами, проделывали ровно то же самое. Сбрасывали скорость и сигналили.

— Что это значит? — Спросил я из любопытства у Гочи.

— Вертолет,— спокойно ответил он.

— Где вертолет?

— Здесь. Ах, да, ты не местный, не знаешь. Во время войны враги сбили в этом месте наш вертолет. В нем перевозили женщин и детей подальше от линии фронта. Там было тридцать восемь женщин и детей. Убийцы знали об этом и все равно сбили. Вот здесь они все и погибли,— Гоча указал рукой на пригорок.

Оставшуюся часть пути мы не разговаривали. Вершины гор были, как прежде, величественны и прекрасны. Я смотрел на них и испытывал искреннюю симпатию к этому простому, открытому и дружелюбному народу, заплатившему немалую цену за свою независимость.

Через некоторое время мы подъехали к маленькому дому из красного кирпича, обвитому виноградом. Его окно, выходящее на улицу, было открыто. В нем развивалась на ветру белая занавеска. Кирпичная стена вокруг оконного проема была вся сплошь изрешечена следами пуль. Видимо, по этому окну долго, хотя и не слишком прицельно, работал пулемет.

Мы вышли из машины и подошли к маленькому, увитому плющом крыльцу. На пороге нас уже встречал невысокий человек лет семидесяти с белой от седины головой и большими живыми и невероятно глубокими черными глазами. Его взгляд не был враждебным, но был строг, печален и как будто заведомо знал о нас все. Поверх его плеч было накинуто длинное черное пальто, полностью скрывающее под собой фигуру.

— Меня зовут Евгений, я писал вам о встрече,— начал я, протягивая руку для приветствия.

Давид ответил мне лишь неуловимым одобрительным движением глаз, но руки не подал. Гоча, увидев мою протянутую ладонь, поспешил меня одернуть за рукав. Не зная местных обычаев, я отнесся к этому спокойно. Давид пригласил нас в дом, и мы прошли в маленькую, чисто убранную комнатку, с железной кроватью и накрытым белой скатертью столом. В углу тлела лампада возле иконы Богородицы, а на стене висели несколько пожелтевших фотоснимков советских времен.

Мы сели за стол. Я заметил на лице Гочи сильное волнение. Он смущенно убрал свои руки под свисающую со стола белую скатерть и нервно подергивал губами.

— На меня произвела большое впечатление ваша книга,— начал я, обращаясь к Давиду.

— Выброс ее, я написал дрянь,— сухо ответил Давид, но взгляд его оставался приветлив.— Если бы я не читал твоих рассказов, то вообще не стал бы с тобой на эту тему разговаривать.

— Я хотел спросить у вас, Давид, об эпизодах, которые, как мне показалась, не вошли в книгу.

— Послушай, ты же из Питера? — глаза Давида оживились при этих словах и даже немного помолодели.

— Да.

— Я окончил Ленинградский медицинский институт в семьдесят шестом году. Мы очень любили гулять белыми ночами после экзаменов. Какое это было время, если бы ты знал! Одна гитара и пятнадцать голосов со всех республик союза. Пели по ночам песни Визбора на стрелке Васильевского острова,— взгляд Давида устремился поверх моей головы и потерялся за окном.

На пороге комнаты появилась молодая женщина. В ее руках был поднос, на котором стояли три стакана красного вина.

— Давид, мне кажется, что-то помешало вам написать в своей книге все, о чем хотелось? Или у меня сложилось неправильное впечатление? — спросил я, желая вывести хозяина на интересующую меня тему.

— А ты сможешь ли написать? — воскликнул Давид.— Ты тоже не напишешь то, что нужно писать об этом.

Давид сделал глазами знак женщине с подносом, и та подошла ближе. Она поставила один стакан перед Гочей, другой передо мной, а третий продолжала держать в своих руках.

— За мирное небо над вашей Россией. Мудрости вашим детям и здоровья вашим старикам,— произнес Давид.

Женщина поднесла стакан с вином к его губам.

Он запрокинул голову и выпил до дна. После этого его плечи дернулись, и черное пальто упало на пол. Я обомлел. Вместо рук висели худые обрубки, которые заканчивались чуть ниже локтя.

— Ты спрашиваешь, о чем я не написал? А о чем вообще говорить? Я — врач. Я не воевал. Больницу, которую я создавал много лет, сравняли с землей. Раненых с фронта везли прямо ко мне домой. Я оперировал здесь, в этой комнате. А там,— он указал глазами на соседнее помещение,— был морг. Я работал по двадцать часов в сутки. В моем саду хоронили наших ребят, которых я не сумел спасти. Эти доски на полу пропитаны их кровью насквозь. Кровью наших мальчишек.

Давид резко встал и подошел к иконе, висевшей в углу. Он стоял ко мне боком, но я видел, как двигаются его губы. Гоча был бледен и не смел пошевелиться.

Через некоторое время Давид вернулся за стол и продолжил.

— Ты хочешь знать, о чем я не написал? Ты чувствуешь, что я не сказал все? Так я тебе расскажу. Писать у нас об этом нельзя, но говорить мне никто не запретит. Когда наши ополченцы отступали, я не смог уйти с ними. В доме оставалась моя парализованная мать, которую я не мог бросить. Все произошло быстро, за один вечер. Передо мной появились эти люди. В такой же, как у нас, форме, с таким же оружием. Они волокли за собой раненых бойцов. Я не успел вымыть здесь пол, как в моей операционной уже лежали их покалеченные парни. Это были обычные мальчишки, понимаешь?

Давид встал и нервно заходил по комнате.

— Они точно так же, как и наши, были изуродованы осколками. У них точно так же торчали переломанные кости из-под обгорелого, прилипшего к телу окровавленного камуфляжа. Они так же звали на помощь своих матерей и плакали, не желая умирать в девятнадцать лет. Понимаешь ты меня?

Давид снова подошел к иконе, и плечи его задрожали. Спустя минуту, он резко обернулся ко мне и продолжил:

— Я окончил Ленинградский медицинский институт. Я давал клятву лечить. А они умирали на моих глазах. У каждого на шее был крестик и оберег, повешенный матерью в надежде на спасение. И я спасал. Я работал, как прежде, по двадцать часов в сутки. И их тоже хоронили в моем саду. Вот там,— он указал глазами за окно,— я не знаю, сколько в этом саду наших, а сколько чужих, мне некогда было считать.

Лицо Давида стало багровым, и большие черные глаза наливались какой-то неистовой злостью. Казалось, он был готов воткнуть нож в сердце войны, если бы у нее было тело. Если бы оно было, Давид точно нашел бы в нем сердце, для меткого удара штыком.

— Мой отец был хирургом на Сталинградском фронте,— продолжил Давид.— Он говорил, что безошибочно отличал дезертира от героя при операции. Немецкие пули и осколки отличались от наших. Ему не составляло труда определить, выстрелом из какого оружия был ранен боец. А я вынимал одинаковые пули из людей, одетых в одинаковую форму, говорящих на одном языке. Из людей одной веры, которую все они предали, потому что люто ненавидели друг друга. Кто-то запустил эту цепочку злодеяний, и ненависть стала настоящей. А я перестал видеть между людьми разницу. Я лечил их, выполняя свой человеческий долг, и был жестоко наказан за это...

Я заметил, что женщина, приносившая вино, вернулась в комнату и присела у порога. Только теперь я увидел, что вся левая сторона ее лица искажена последствием глубокого ожога.

— А потом вернулись наши,— продолжил Давид, и я почувствовал сарказм в его голосе,— вернее, наших там было уже меньше половины. Остальные наемники из других стран. Они сочли всех, кто оставался в оккупации, предателями. Жгли дома, стреляли всех без разбора. Их ненависть не имела границ. Среди них я узнал одного лейтенанта, которого оперировал полгода назад после тяжелого ранения. Теперь он был полковником и командовал расстрелами на футбольном стадионе, где казнили всех, кто казался им подозрительным или просто возражал против грабежа и насилия. Я же, лечивший врагов, был предателем номер один. Моя участь была решена,— глаз Давида задергался, и он отвернулся в сторону.

Гоча нервно мял кисти рук, не находя им места. Он поглаживал ладонями колени, потом бороду и снова сплетал дрожащие пальцы в тугой узел.

— В моем доме оставались двое тяжелораненных бойцов,— произнес Давид сдавленным голосом,— враги попросту бросили их при отступлении. Мне приказали отвезти их на тележке в парк культуры, где зарывали трупы, и сбросить в яму. Затем дали в руки лопату и приказали закапывать. Тот самый спасенный мною молодой полковник приставил дуло автомата к моему затылку и посоветовал лечь в яму к своим пациентам, если я не захочу взять в руки лопату. А из ямы на меня смотрели с ужасом глаза человека, самочувствием которого я интересовался несколько часов назад. Человека, которого еще утром я укорял за не вовремя принятое лекарство и радовался, что его состояние стабилизировалось. Теперь я смотрел на него сверху, и в моих руках была лопата. А в его глазах была жизнь, за которую он цеплялся из последних сил, умоляя взглядом не убивать его. И я цеплялся за свою жизнь, потому что я не герой. Как все люди, я боюсь смерти, тем более глупой и напрасной. У меня не хватило духа лечь в яму рядом с ним, и я, зажмурив глаза, начал закапывать. Песок был сырым и тяжелым. В нем попадались камни, и я слышал только лязг моей лопаты, ударявшейся о них. Этот звук до сих пор стоит в моих ушах. Иногда я слышу его по ночам, и тогда бужу Динару и заставляю ее громко петь мне.

Присевшая на пороге женщина с обожженным лицом молча кивнула в подтверждение его слов.

— А после меня отволокли на проспект Героев. Он и тогда так назывался. В честь павших героев Великой Отечественной, когда и мы, и наши теперешние враги были по одну сторону фронта. Там меня, как и многих других, привязали к фонарному столбу. Мои руки были связаны с обратной стороны столба проволокой. Командовал все тот же полковник, вчерашний лейтенант. А я вспоминал, как собирал по частям его ногу, вынимал осколки из живота и зашивал кишечник. Я до сих пор отчетливо помню его кишечник. Помню каждый сантиметр его бедренной кости, собранной мною на последнем оставшемся в моем доме штифте. А теперь он командовал расстрелом и не обещал нам легкой смерти. Все, кто висели на столбах левее меня, поэтапно были облиты бензином и подожжены заживо. Когда загорелась привязанная рядом со мной женщина, я понял, что жизни не спасти, и лучше было принять смерть, оказав сопротивление в самом начале. Но разве я мог знать все заранее?

Женщина с обожженным лицом, сидевшая на пороге, прикрыла глаза руками и поднялась с места.

— Не слушай меня, Динара. Незачем.

Динара с тревогой посмотрела на Давида и молча вышла.

— В тот момент, когда я это понял, начался ураганный обстрел. Выбитые из города враги работали по нам «Градом». Я тогда уже отличал эту смертельную машину от других по звуку. Где-то сзади прогремел разрыв. Я увидел красные отблески в окнах дома напротив. Тут же эти окна стали пустыми, а меня как будто что-то ужалило сзади. Словно огромная собака укусила мои связанные за столбом руки. В ту же секунду я упал на землю лицом и потерял сознание. Потом, в госпитале, мне говорили, что фонарный столб сохранил мне жизнь, прикрыв мою спину от осколков. Но руки так и не сберегли. Хотя я говорил этим коновалам, что нужно было делать.

Давид снова вскочил и нервно зашагал по комнате.

— Они прислушались к моим словам, лишь когда спасали женщину, обгоревшую на соседнем столбе. Она осталась жива. Пойди сюда, Динара. Я не стану больше ничего говорить. Помоги мне надеть пальто.

Давид поднялся из-за стола и направился к выходу. Мы, как заговоренные, последовали за ним.

Во дворе дома, возле умывальника, были прибиты к стволу дерева опасная бритва и расческа.

— Я многое делаю сам,— заявил Давид в ответ на удивленные взгляды при виде приколоченной расчески.

Динара обняла Давида за плечи и прижалась щекой к его затылку.

— Напиши там, как сможешь: у вас, наверное, разрешат,— сказал мне на прощание Давид.

— Попробую,— ответил я.

— А за больной зуб не беспокойся,— обратился Давид к Гоче,— он тебе еще послужит, главное — не спеши удалять. Сейчас не болит?

Гоча удивленно вытаращил глаза и отрицательно замотал головой.

— Вот и не будет больше,— заключил Давид.

Пропахшая соляркой желтая маршрутка задрожала ветхим кузовом и завелась. Мы ехали молча, и белоснежные вершины гор были по-прежнему прекрасны. Но сопки были где-то высоко, а обшарпанный салон маршрутки постепенно заполнялся пассажирами. Они не замечали нашего с Гочей молчания. В них кипела сегодняшняя свежая жизнь. Двое мужчин обсуждали, откроется ли после ремонта баня к ближайшим выходным. Женщины сетовали, что тетя Тамара перестала торговать на рынке сметаной. Одни говорили, что у нее заболела корова. Другие судачили, что к Тамаре привезли из города пятерых внуков на каникулы и теперь сметана ей нужна самой.

Я смотрел на пролетающие мимо кипарисы и вспоминал о военных складах, где мне прежде приходилось бывать. Там хранятся тысячи комплектов для систем залпового огня «Град». Они лежат там не напрасно. Когда-то снаряды будут выпущены. Пролетят ли они мимо внуков тети Тамары? Кто из этих ребят за полгода станет из лейтенанта полковником? Им неизбежно придется соприкоснуться с какой-либо войной. Будут ли на этой войне все пули одинаковыми или судьба подарит благоразумие будущим поколениям?

— Мне эта баня нужна, как воздух,— услышал я мужской голос позади себя,— без парилки у меня спину ломит. Это с войны еще. Два осколка вынули, а третий — во мне. Теперь, после ремонта, баня наверняка дороже станет. А где деньги брать? Хорошо тебе: ты полковник, герой войны — у тебя мытье бесплатно,— говорил незнакомец своему соседу.

— Знал бы ты, как я этого героя получил. За полгода из старлея полковником просто так не становятся. Я бы с удовольствием променял свое ветеранское удостоверение на твою нищету,— ответил хриплый басок позади.

Мне очень хотелось обернуться, чтобы увидеть этого человека. Но я не стал на него смотреть.

## ДРУЖБА НАРОДОВ

Почти седой майор в отставке не сразу отвечает на мой вопрос. Кажется, что он сейчас не здесь. Мне непросто вытащить его из того мира, в который он ушел с головой.

— Что, Дмитрий Алексеевич? Опять накатило?

— Не могу больше, Женя, домой хочу.

— Так иди. Я тебя на сегодня отпускаю. Только будь на связи, пожалуйста.

Я прекрасно понимаю, в чем дело, и лукавлю. Мне кажется, что мое лукавство может облегчить ситуацию.

— Нет, Женя, я на родину хочу. Там сейчас черешни зацвели, и соловьи поют. Там, понимаешь, могилки у меня. Мамина могила — на южной стороне села, а батькина — на северной. Кто выше по речке жил, над мостом, тех хоронили на северной стороне, а кто ниже моста, того на южной. В колхозе так принято было.

— А что же, вместе нельзя было? Родные ведь.

— Да повздорили они в последний год. Мать на другую сторону села и ушла, к

сестре. А там и смерть к обоим подкралась. Так и схоронили не рядом. Все равно одно село. Там на обоих кладбищах одни родственники лежат. Я там про всех могу рассказать, кто кому кум, а кто сват. Про каждого знаю, кто чем отличился. Ты пойми — это же родная деревня моя. Болган называется, триста дворов раньше было. Понимаешь?

— Послушай, Дмитрий Алексеевич, ты же после родного села пять лет в военном училище в Харькове учился, потом двадцать лет на Байконуре в Казахстане служил, да и в Питере уже лет десять. У тебя дом здесь. Два сына-красавца. Внучка в фигурном катании блещет. Я же видел ее по телевизору. На что тебе это село в Приднестровской Республике? Тебя там и не помнит уже никто.

— Не может быть, чтобы не помнили. Я там клены сажал, и орех грецкий, и виноград. Все это там есть. И могила матери. И батька там лежит. И брат мой старший Петр там, в Болгане, один. Жена его Люська в том году померла, и он мне теперь часто звонит. Говорит, все там как было, и клены, и орех, и виноград. Денег только вот нет на лекарства. А у Петьки гипертония. Мне бы слетать туда на недельку, а, Женя?

— Ну, вон бумага в принтере. Пиши заявление на отпуск, я подмахну. Только как ты полетишь-то туда? Границы все закрыты — неспокойно теперь.

— Господи, да я до Стамбула возьму билет. А оттуда до Кишинева, а там автобусом. Говорят, там с российским паспортом пропускают, если объяснишь, куда и зачем. Да кто меня не пустит? Я родился там и в школу ходил. Меня каждая собака в Болгане знает.

— Смотри, Дмитрий Алексеевич, собаки так долго не живут, вдруг поменялись уже,— пошутил я, но Дмитрий Алексеевич уже писал заявление на отпуск.

— Спасибо, Женя. Не волнуйся за меня. Ты же знаешь, наш брат служивый нигде не пропадет.

— Ты поаккуратнее там, Дима. Будь осторожен, не мне тебя учить.— Мы крепко обнялись.

Спустя несколько дней Дмитрий миновал Стамбул, три таможни, две пересадки, и вот оно, дуло автомата молдавского пограничника, упертое в твердую грудь седого майора на приднестровской границе.

— А что, разве Путин мне ничего не передал? — с хитрой улыбкой спросил пограничник, листая Димин паспорт.

— Да ты дальше листай. Там в конце, под обложкой, тебе от Путина записка.

Пограничник, быстро пролистав до конца, вынул из-под обложки паспорта пятьдесят евро и пожелал счастливого пути. Теперь впереди оставались лишь несколько десятков километров разбитых дорог на старом автобусе, и вот он — родной Болган.

Не соврал брат Петька. Родная деревня показалась Дмитрию краше, чем была. И ребятишки по-прежнему на улицах резвятся, и виноград кругом посажен, и бабы белье на веревках, как и прежде, развесили. Будто и не уезжал Митя Бертайло никогда. Словно не было всех этих лет. И войны будто не было, и страна одна-единая, как прежде. Вот-вот из-за угла председатель колхоза на своем УАЗе выскочит, притормозит слегка и отчитает молодых за то, что план по кукурузе не перевыполнили.

А река, все такая же широкая, блестит на солнце, и черешни по берегам цветут. Где-то трактор тарахтит, и бабы пошли виноградные лозы подвязывать. А клуб весь обветшал, и окна его теперь чернеют пустотами. Ветер носит в них сухую солому. Кино теперь не крутят.

Брат Петр сгорбился и потолстел, но глаза все те же, живые, черные, как те камни, что искрятся в порогах родной реки, как домашнее вино из далекой юности, молдавские глаза. В мать пошел Петр. Весь ее род Илиеску такими глазами отличался.

Встретились братья, обнялись. По кружке самогона за встречу выпили. Вспомнили юность, сестру-москвичку, от которой вестей давно нет, соседей вспоминали, кто жив, кто нет, родителей помянули.

— Надо бы, Петя, на кладбище сходить,— подытожил Митя, переворачивая кружку вверх дном в знак окончания попойки.

— К мамке-то? Да это хоть сейчас пойдем,— охотно согласился Петр.— Там на оградку сук толстый упал, мне одному не сдвинуть, а вдвоем-то в самый раз осилим.

Отправились на южную сторону села. Пыльная дорога повернула влево и вышла в поле. На небольшом пригорке показалось сельское кладбище. Митя не сразу понял, в чем было дело. Кладбище как будто сползло с пригорка и вылезло к самой дороге.

— Подожди, Петро, кладбище же раньше было на холме. Почему теперь вниз съехало?

— Чудак ты, Митя. Оно и осталось на холме, только вот разрослось, видишь как.

Митя шагал между могил с фотографиями совершенно незнакомых ему людей и не мог отделаться от странного ощущения чужеродности этого места. До этого все вокруг было родное: и дрога, и клуб, и река,— а тут словно чужое все. Через минуту Митя вдруг заметил, что среди захороненных людей почти нет женщин. Какое-то неприятное чувство серой отравой начало медленно заполнять Митину душу.

— Стой, Петька! — Митя резко остановился, вцепившись рукой в решетку могильной ограды.— Кто все эти люди? Почему я никого из них не знаю? Разве сюда возят с других сел?

— Почему с других? Все наши. Ты фамилии читай. Вон Соболевы, а здесь — Мордолюк, дальше вот — Косованы, бабки нашей по матери племянники.

— Погоди, брат ты мой! Я не знаю этих лиц. Никого не знаю. Что это, Петя?

— Да как же, Митя, ты их знать-то мог? Ты, когда в военное училище поступать уехал, они все еще в детский садик ходили. Вон Коля Косован, одноклассницы твоей, Лучаны, сын. Помнишь Лучану Косован, любовь свою школьную?

— Да что же это, Петя? Почему все они здесь?

— Война, братишка, многих скосила, что поделать?

— Какая еще война?

— За независимость, ты что, забыл? Мы же непризнанная республика.

Как в тумане Митя дошел до материнской могилки. Отодвинули упавший на ограду ствол. Протерли от пыли пожелтевшее овальное фото.

Как с лица богородицы, смотрели на Митю родные материнские глаза. С тревогой смотрели и любовью, как тогда, перед отъездом в училище. Смотрели так же, как прежде, в далекие детские годы. Забыл уже Митя этот взгляд, а теперь вспомнил, и свело сердце болью, что не стоял он рядом с матерью в последние ее дни. Лишил ее этой последней радости — видеть младшего сына.

— Сволочь я,— выдавил из себя Митя и вытер рукавом слезу.

Петр сразу понял, о чем это, но промолчал. Что уж тут ворошить? Минут десять посидели молча.

— А помнишь дядю Степана, брата материного? — начал Петр, закуривая.

— Как не помнить? Конечно, помню. А что ты, Петя, закурил-то? Тебе же нельзя. Ты же бросил.

— Да ладно. Бросил, начал, что там. Так вот, кто точно сволочь, Митя, так это Степан. Ушел тогда за Молдову воевать. Столько своих положил, сука. Живет там теперь себе спокойно, гнида,— Петр нервно сплюнул на землю и еще раз глубоко затянулся папиросой.

— Как же это так, Петро?

— Ты, Митя, как маленький, правда. Я же писал тебе. Забыл?

— Да помню я все. Только понять никак не могу: откуда вся эта холера на нашу голову.

Петр, жадно затягиваясь, пускал дым в сторону. Его грубые, толстые пальцы нервно мяли догорающий окурок.

— Надо в храм пойти, Петя. Поставить свечу за упокой мамы,— очнулся Митя.

— А вот это вряд ли получится,— сухо ответил Петр, загасив сапогом окурок.

— Неужто церковь нашу закрыли? Работала ведь даже при коммунистах!

— Она и сейчас работает, только не про нашу честь.

— Это еще почему?

— Ох, Митя, давно ты на родине не был. Церковь на северной стороне села за мостом, забыл, что ли?

— Помню, что за мостом. А что там с ней случилось?

— Как что? Украина там же. Все, что по ту сторону моста,— Украина.

— Ну, так там всегда была Украина, и что с того?

— Дурак ты, что ли, совсем, Митя? Кто же туда тебя пустит? Они же самостийные теперь, а ты россиянин. И меня не пустят, потому как у меня украинского паспорта нет, а наш им не годится. По молдавскому паспорту раньше можно было, да, говорят, теперь тоже сложно.

— Постой, а как же мы тогда к батьке нашему на кладбище попадем?

— Да никак и не попадем. Я сам с тех пор там не был, как на Украине война пошла.

— Так война же в Донбассе, далеко отсюда.

— А им-то что? Все, Митя, враги теперь здесь друг другу. Донбасс за свою независимость воюет, а нам сюда прилетает. Пойдем-ка мы с тобой лучше баньку истопим. Тебе отдохнуть бы с дороги надо. Вид у тебя, Митя, помятый какой-то.

Всю дорогу до Петькиной хаты шли молча. Петру не очень хотелось говорить.

«Что судачить без толку? — думал Петр.— Митя через пару дней улетит обратно в Петербург. У него там работа, квартира, машина, военная пенсия, дети, внуки. А я в Болгане останусь, возле перекошенной хаты и старого мотоцикла с деревянным ящиком вместо люльки. Зато воздух здесь родной. Черешни здесь мои цветут и виноград. Все ведь ясно, о чем тут говорить?»

Митя шел назад в полной растерянности. Ни река, ни виноградники уже не радовали глаз. Он смотрел на пыль, поднимавшуюся с проселочной дороги от сапог брата, шедшего впереди, и думал: «Не может быть, чтобы среди этих прекрасных черешневых садов, среди знакомых с детства виноградников с людьми случилась такая страшная беда. Не может быть, чтобы в Болгане, где любой давал червонец взаймы до получки, где, постучавшись в любую хату, можно было получить горбушку хлеба и стакан молока, где звали всех соседей на крестины или свадьбы, произошло такое бедствие».

Не верил Митя, что один человек может не пустить другого человека на могилу родного отца. Может быть, где-то на другом континенте и бывает такое, но не здесь. Не в родном Болгане, где гуляли на октябрьские праздники всем селом и свадьбы всем селом справляли. И в соседней Рыбнице такого не может быть, и в Каменке тоже. Потому что в каждой соседней деревне есть родственники, одноклассники, сослуживцы. В каждой деревне есть клуб, куда съезжались на танцы со всего района, и девчонки знакомые в каждом селе есть. Поэтому не может быть, чтобы его, Митю Бертайло, кто-то не пускал за мост, до кладбища дойти и батьке покойному поклониться, только потому что там независимая Украина.

С этими мыслями вернулся Митя в хату брата и молча присел на табурет.

Тем временем Петр истопил баню. Из трубы повеяло приятным сладковатым дымком. В низине, у пруда, залился трелью соловей, а на треснутом стеклышке чердачного оконца заиграли отблески заходящего солнца.

— Слышь, Мить, что ты расселся-то? Сгонял бы до колодца, бидон воды приволок, а то ведь не хватит нам парку-то? — прокричал со двора Петр, у которого предчувствие хорошей парилки уже развеяло тяжелые мысли.

Митя покосился на алюминиевый бидон, стоявший в углу хаты.

— Я что, в руках бидон попру? Колодец-то по-прежнему возле Соболевых? Другого не нарыли? Может, у тебя хоть тачка какая есть?

— Мотоцикл возьми. Поставь бидон в ящик, что вместо коляски. Всегда же так возили, забыл, что ли?

Привычным жестом Митя завел старенький «Восход». «Надо же, а руки-то помнят»,— приятно удивился он, выезжая на дорогу и прибавляя газу. Поток свежего ветра ударил в лицо. Старое, давно забытое в замусоренной душе чувство деревенской удали разлилось по Митиным венам. Он прибавил газу. «Восход» отозвался рычанием и дернулся вперед. Дворовая собачонка увязалась было с лаем за мотоциклом, но тут же отстала. Ветер шевелил седые Митины волосы и холодил колени.

— Эх, мать вашу, Болган родной,— вырвалось криком из Митиной груди на всю улицу. Давно забытый восторг от быстрой езды на мотоцикле захлестнул душу. Все, будто разом, встало на свои места. Боковым зрением Митя видел улыбающихся вслед женщин. Кто-то помахал ему рукой с багровеющего в лучах заката поля. Из соседнего огорода послышался залихватский, ободряющий свист поддержки.

Да разве может быть, чтобы меня, Митьку Бертайло, к отцу родному на кладбище какая-то шпана не пустила? Все это бред, страшный сон все эти паспорта и войны. Вся эта независимость — бред. Вот она, пыль родного Болгана, вьется шлейфом за мотоциклом. Пыль родной земли. Покружится чуток и уляжется на место, как улеглись все волнения в моей душе. Все ведь на своем месте, и река, и клуб, и кладбище никуда не делось. И я, Митя, никуда не делся. Вот он я, здесь, как и прежде!

Поддав еще газку, Митя лихо взлетел на пригорок и, спустившись с него в низину, к мосту, увидел полосатый шлагбаум и три противотанковых ежа поперек дороги, аккуратно выбеленных краской. Рядом старый фанерный щит с выцветшей надписью «Слава дружбе народов» светил дырами, пробитыми в нем автоматной очередью.

— Куда прешь, дед? Что, не видишь, пограничный переход закрыт? — выскочил навстречу молодой боец с автоматом на шее.

— Какой, нафиг, переход? Я тут всю жизнь ходил. Уйди с дороги, сопляк!

Понимая, что проехать все равно не удастся, Митя слез с мотоцикла и подошел к сержанту.

— Слышь, дед, не балуй. По ту сторону Украина. Там тебе шкуру спустят и нам заодно с тобой. Вертайся назад,— сержант поднял автомат на уровень груди и замер в ожидании.

— Да пошел ты, сопляк, со своей Украиной... Я украинец, и отец мой украинец, и Болган с обеих сторон здесь мой. Имею я право на могилу отца ходить?

— Я не знаю, батя, кто ты такой, но туда нельзя.

— Черт с тобой, щенок! — Митя сел на мотоцикл и крутанул рукоятку газа. Вокруг пункта пропуска, насколько было видно, простиралась молодая кукуруза, никаких заборов Митя не увидел.

Одним рывком мотоцикл преодолел придорожную канаву и, подминая под себя молодые побеги кукурузы, обошел полем постройки пограничного перехода и устремился на украинскую сторону.

Вырулив снова на дорогу, Митя неожиданно увидел пред собой странного человека в армейском кителе с погонами капитана и белых ночных кальсонах. Босые ноги и взъерошенные волосы говорили о неготовности человека к сложившейся ситуации. При виде мотоцикла капитан рухнул на колени посредине дороги и развел руки в стороны. Его глаза умоляюще смотрели на Бертайло.

— Остановись, дядя Митя, нельзя тебе туда! — прокричал капитан.

— А ты почем меня знаешь? — удивился Митя, останавливаясь перед ним.

— Да я в окошко тебя признал. Бертайло ты, покойной Илиеску сын. Я же помню, ты с третьей хаты по улице Победы, Петра брат. А я дяди Сережи Косована сын, с Октябрьской.

— Сереги Косована? Хромого, что ли?

— Ну да, признал?

— Тебя не признал, а Серегу как не помнить?

— Не ехай туда, дядя Митяй, огонь ведь откроют по тебе, да и нам потом достанется, греха не оберешься. Христом Богом молю, не ехай!

— Да за что же огонь-то по мне? Я же токмо к батьке на могилку и назад. Не трону я их независимость.

— Все одно — откроют, потому как ты — москаль, враг то есть.

— Да какой же я москаль? Я и в Москве-то ни разу в жизни не бывал.

— Москаль и есть, несмотря что Бертайло.

— Я майор Российской армии, а там в ней все равно, кто Бертайло, а кто Иванов. А вот ты, щенок, где успел погоны капитана заслужить?

Косован поднялся с колен и зло посмотрел на Митю.

— Я за независимость воевал, ранение имею и погоны свои ношу по праву.

— Это с кем ты, Косован, воевал-то? С родной Молдовой? За которую мой дядька-подлец Степан Илиеску воевал?

— Так точно. Против твоего дядьки-подлеца воевал. За нашу независимость.

— Да ты же сам молдаванин, мать твою, как ты мог?

— А ты, дядя Митя, сам молдаванин по маме, что меня коришь?

В этот момент на дорогу из кукурузных побегов выскочил Петр.

— Я так и знал, что ты сюда попрешь! — завопил Петро.— Ну какого лешего? Я же тебе все объяснил!

Петр схватил брата в охапку и потащил назад.

— Ты вот объяснял, а я ни хрена, Петя, не понимаю, кто из нас кто?

— А что тут не понимать-то? Ты москаль, но по отцу хохол. Косован — приднестровец, но по национальности молдаванин. Я, как и ты, молдаванин по матери, но приднестровец по гражданству. Степан Илиеску, дядя наш,— просто сука, потому что воевал против нас, и плевать, какой он национальности. Что здесь непонятно, Митя?

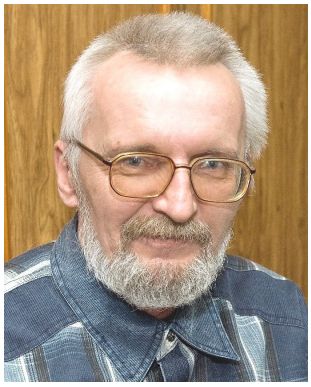
— Мне одно непонятно, Петро, какая сволочь это все устроила?

Петр, не понимая, заморгал глазами.

— Садись давай на мотоцикл, в баню поедем, там я тебе популярно объясню.

Митя послушно сел и обхватил Петра сзади. Старенький «Восход» дернул с места. Оглянувшись, Митя увидел Косована в ночных кальсонах, нервно пытающегося закурить сигарету, да старый фанерный щит с надписью «Да здравствует дружба народов», пробитый пулями, как решето.

**Михаил Смирнов**
(г. Салават, Башкирия)



# ЖУРАВУШКИ

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

Уж который день сыпала холодная морось, скрывая округу в туманной дымке. Черные поля в пятнах грязного снега превратились в непролазные болота, где взгорок, там еще видна земля, а низинки заполнены жидкой холодной грязью вперемешку с талым снегом. Не пройти, ни проехать...

— Скорее бы...— вздохнул усатый пожилой солдат, прислушиваясь к редким разрывам снарядов.— Уж надоело ждать. Который день не двигаемси. Раскиселило поля. Не пролезешь. А морось сеять и сеять. Вся одежка наскрозь промокла. Скорее бы...

Сказал, вздохнул и поник — взгляд в землю.

— Не боись, Мокеич, мы пролезем по грязи, потому что это наша земля, а фашисты застрянут. Знаешь, Мокеич, не торопись на тот свет,— хохотнул разбитной высоченный крепыш в драной телогрейке, из которой торчали клочья ваты, и в шапке, сдвинутой на затылок.— Как в атаку идти, весь изведешься и другим покоя не даешь. Лучше на меня глянь. Я вот не тороплюся, а потому что мне на том свете будет скучно. У меня же еще столько недоцелованных девок осталось, что просто не могу помереть раньше времени, покуда всех не переобнимаю, не потискаю...

Он зажмурился и мечтательно причмокнул толстыми губищами.

— Тьфу ты, охальник! — не удержался, сплюнул под ноги сосед, сидевший напротив пожилого солдата.— Ты, Мокеич, не слухай энтого обормота. У кого что, а вшивому баня, так и у нашего Петьки. О чем бы не вели разговоры, все к девкам сведеть, словно других делов нет. Одни бабы на уме. У, паршивец!

Он перехватил винтовку и погрозил кулаком.

— Да я не обращаю внимания,— сказал старый Мокеич, взглянул на темное низкое небо, по которому изредка пробегали всполохи от разрывов, прислушался к монотонному шороху мороси, к беспорядочной стрельбе со стороны фашистов, вздохнул и снова глаза в землю.— Он же молодой. Кровь играеть, вот и болтает, что ни попади. Мы такими же были. Помню, батя меня вожжами отходил, когда мать Нинки Антоновой пожаловалась, что застала меня на месте преступления, когда я за баней тискал ее дочку. Честно сказать, вовсе не тискал. Ну, раза два попытался обнять, а ее матери во тьме предвиделось незнамо что. Вот и пожаловалась. Отец даже не стал разбираться. Сразу сдернул вожжи со стены. У, как всыпал мне — страсть! Я неделю на животе спал. Враз отучил. До самой свадьбы на девок не смотрел. Отца боялся. Жинку впервые на свадьбе чмокнул. И у нашего Петьки кровь молодая и дурная. Не успокоится, покуда не накобелится, ежели раньше мужики ребра не пересчитають за дочек,— он вздохнул, помолчал, а потом продолжил.— Тут понимаешь, Федор Васи-

лич, какое дело... Ждать не люблю. Если в атаку, так сразу, чтобы подняли нас и вперед на фашистов, и гнать их, сволочей, ни на минутку не останавливаясь, покуда последнего не прикончим. А ежели уготована судьбой поймать мне пулю аль осколок, пусть тоже сразу будеть. Ну, чтобы сам не мучился и других не мучил. Чмокнеть в лоб, и нет меня. Я заранее местечко для себя присматриваю, когда в атаку поднимають,— Мокеич чуток приподнялся, осторожно выглянул из окопа и ткнул пальцем.— Вот и сейчас... Ты, Федор Василич, видишь в отдалении небольшой лесок? Вон, березоньки растуть. Если мне уготовано пымать осколок аль пулю, средь березок схороните и на досточке напишите, что здесь лежить Порфирий Мокеич Лукин, а ниже добавьте, тока обязательно, что родом я из деревни Наумовка, которая подле города Стерлитамака находитси. Город непременного укажите и речки Ашкадар и Сухайлу, возле которых наша Наумовка стоить. По России таких Наумовок без счета. А тут сразу будеть понятно, что я лежу. Надежи мало, что мои разыщут могилку, но все же... И обязательно схороните под березками! Светлые они, чистые. Пусть над головой шумять. Не век же война будет длиться, когда-нить и мир наступит. И тогда, глядишь, какой-нибудь путник остановитси. Прочитаеть, что я здесь лежу. Глядишь, помянет. Ну, а не помянет, пусть просто посидит под березками. Отдохнеть в теньке, своих вспомнит, а потом дальше пойдет...

— Ну что торопишься-то, Порфирь Мокеич? Как начинается подготовка к атаке, так песню заводишь про свою пулю,— опять влез в разговор разбитной Петька и прихлопнул широченной ладонью шапку, которая едва держалась на затылке.— Твоя пуля тебя найдет, если на роду написано, можешь не беспокоиться. Она мимо не пролетит, и в соседа не угодит. И не нужно ее ждать, только душу травишь. А надо чтобы нежданно, чтобы раз и все тут. Ну, как я делал, покуда меня на фронт не отправили. К примеру, приглянулась девка. Я не жду под окошками и не кидаю камушки, вокруг не хожу и не вздыхаю, как другие делают. А увидел, она идет, подскакиваю и говорю — «Здрасьте вам!», сграбастаю в охапку девку, тока писк разносится, и тут же в щечку чмокну. А сам держу ее. Крепко, чтобы не вырвалась! И она прям на глазах начинает таять. «Ах, Петюня, как же ты посмел без разрешениев обниматься, а тем более с поцелуйчиками лезть ко мне?» Вроде начнет совестить, а сама крепче прижимается. А что я? Тут разрешениев не треба, а нужна смелость и напор, вот как у меня, к примеру. Ага...

— Тьфу ты, пакостник! Гляди, Петруха, отцы-то быстро ребра пересчитают. Не поглядят, что вымахал оглобля оглоблей, вмиг юшкой зальешься, что девок позоришь,— опять чертыхнулся Федор Василич.

Солдаты, сидевшие в окопе, реготнули, но тут же притихли, когда в окопе появился командир взвода. Склонившись, он быстро добрался до них. Внимательно осмотрел всех. Взглядом нашел невысокого юркого Корнея Мохова и кивнул ему. Что-то шепнул, снова взглянул на солдат, нахмурился, когда они засмеялись. Выбравшись из окопа, они вместе с Корнеем Моховым поползли по раскисшему снегу. Останавливались, припадая к земле. Если раздавались автоматные или пулеметные очереди, они тут же скрывались в воронках, и прислушивались к свисту пуль над головой, а потом снова ползли. И так пока не прошмыгнули в крайнюю разбитую избу, стоявшую подле небольшого озерка.

— Гляньте, ребятки, уже в который раз наш-то командир в разведку полез,— чуть приподнявшись, сказал пожилой солдат.— Ох, отчаянный! Теперь будут вместе с Моховым за фашистами наблюдать. Не иначе, в атаку поднимемся. Эх, скорее бы война закончилась! Ведь весна же пришла. Землица стосковалась. Гляньте, грачи по полям вышагивают. И наплевать птицам, что война идет. Весна пришла, а с нею жизнь. Пахать-сеять нужно, а мужиков не хватает. Если вернусь домой, упаду на землю и буду обнимать ее и ласкать, как бабу свою, а потом в поле подамся, буду хлебушек выращивать. Эх, жизня...

Он вздохнул. Вытащил кисет и задумался, вспоминая прошлую мирную жизнь и супругу свою, а потом опять завздыхал и стал сворачивать цигарку.

— Правду говоришь, Федор Василич,— закивал один из солдат, прислушиваясь к разговору, а потом взглянул в низкое небо.— Надысь был «Герасим-Грачевник». А значитца, весна пришла. Вон скока грачей прилетело, а ишо больше в пути находются. Россия-то большущая. Покуда они по всей стране разлетятся — это же скока времени требуется. Вот и летят, вот и несут на крыльях весну-то...

Сказал и завздыхал. Стосковался по мирной жизни.

И солдаты поднимали головы, всматриваясь в тяжелое темное небо, сплошь покрытое облаками.

Солдат, сидевший в обнимку с винтовкой, поднял голову. Прищурился, всматриваясь в небо, сбил шапку, приложил ладонь к уху, а потом вздохнул.

— Показалось,— опять завздыхал солдат, но продолжал смотреть на низкие облака, и повторил.— Нет, видать, братцы, показалось...

— Что показалось, Леонтий? — Мокеич тоже задрал голову и принялся взглядом шарить по небу.— Неужто самолеты летять? Нет, кажись... Тока орудия бьють.

И снова взгляд на Леонтия.

— Жонка письмишко прислала,— помолчав, сказал Леонтий и принялся укутываться в шинель.— Зябко что-то... Жонка пишеть, журавушек много появилось. Как война началася, так и летят, так и курлыкают. Душу терзают...

Леонтий свернул цигарку и закурил.

— Правда твоя, Ленька,— закивал головой Федор Василич.— Курлыкают, за душу хватают. Дочка прислала весточку, тоже про журавушек пишет. Летят и летят. Тока и поднимаешь голову, в небо взглянуть, а там курлыкушки тянутся. И плачут с небес, и покоя не дают...

Он невольно взглянул в небо, словно хотел рассмотреть их — журавлей-то, а потом вздохнул и взгляд в землю.

И солдаты взглянули, пытаясь увидеть журавушек.

— А у нас в деревне говорят, будто солдатские души в журавлей вселяются,— вскинулся один из пожилых солдат.— В наших краях никогда не было журавлей, а после гражданской войны они появились. У нас в войну, словно косой выкосили мужиков. Мало осталось, кто с гражданской вернулся. Зато журавли появились. Много. Кружили над дворами, курлыкали, словно домой просились. Будто хотели сказать — «Что же вы взаперти сидите, откройте двери — это же мы, ваши отцы и сыновья, вернулись!» Вот с той поры у нас говорят, будто солдатские души в журавлей переселяются. Плачут они, в небо просятся, а потом торопятся домой. Так и живут погибшие рядышком с родными. С небес посматривают и курлыкают, весточку подают, что видят, что помнят... А сколько еще до конца войны журавлей с солдатскими душами появится — этого никто не знает. По всей земле-матушке разлетятся наши журавушки. Эх, жизня!..

И замолчал. И другие молчали. Одни курили. Другие о чем-то думали. А третьи в небо смотрели. Наверное, хотели увидеть журавлей с солдатскими душами, а может, хотелось услышать курлыканье, что они домой возвращаются, в места родные...

— Наш взводный ишо молоденький, а сурьезный — страсть. Его хотели списать опосля контузии и ранения, а он уперси — нет и все тут, пойду фашистов бить. И настоял. Так и вернулси,— сказал Мокеич, выглянул из окопа, но взводного и Мохова Корнея не увидел, покачал головой и ткнул локтем солдата.— Угости табачком, Федор Василич, а в следующий раз мой покурим.

Они закурили и замолчали, каждый о чем-то задумался. И солдаты, сидевшие в окопе, тоже продолжали молчать. Они прислушивались к разрывам снарядов, да поглядывали на темные нависшие тучи.

— О, лупят и лупят,— прислушиваясь к редким одиночным залпам, не удержался

и сказал разбитной Петька.— Слышь, братцы, а скока снарядов и патронов выпустили по фашистам? Да я знаю, что много. Наверное, со счета можно сбиться. Орудия лупят, а я пальцы не успеваю загибать. Так и бросил считать. Много и все тут! Эх, умишка не хватает, а то бы я придумал что-нить такое, чтобы разом со всеми врагами можно было бы справиться...

Он замолчал и зажмурился, мечтая, если бы и правда взял бы да придумал такие пули, чтобы сразу наповал разили всех фашистов и прихвостней, вот тогда бы... Петька вздохнул.

— Что болтаешь, Петруха! — хмуро сказал солдат, кутаясь в потрепанную шинель.— Неча языком зазря молоть. Лучше за собой смотри, сколько пуль в молоко пустил. Не суй нос, куда не просят, а то можно и потерять. Если не отстрелят, тогда... Ишь, придумал бы! Там и без тебя есть кому бошку ломать...

Он замолчал и неопределенно покрутил в воздухе рукой.

— Ты это что — пугаешь меня, да? — взвился крепкий Петька, но тут же в раскоряк уселся на дно окопа, когда его дернули за полу драной фуфайки.— Ну-ка, пусти! Сейчас я ему...

— Что бошку-то под пули подставляешь, дурень? — со всех сторон загомонили солдаты.— И так мозгов не хватает, а тут бы фашисты последние вышибли. Они же не дураки. Враз бы решето сделали. Там же у них снайпер сидит, сволочуга. Спрятался среди кустов и лупит. Головы не дает поднять, а ты выстрочился. На те вам, какой я храбрый! Ага, велика фигура, да дура...

— А что он вздумал пугать меня, что нос прищемят? — снова стал заводиться Петька.— Видел я таких. Тоже мне, напугал ежа голым задом!..

И замолчал, когда ему в бок ширнули кулаком.

Где-то в стороне громко и разноголосо прозвучало «Ура!», протарахтела короткая очередь, за ней другая и вразнобой несколько винтовочных выстрелов. Со стороны немцев заполошно застрочили пулеметы. Видать, подумали, что начинается атака, но тут же затихли. Чуть погодя снова донеслись короткие очереди и с той стороны озера заработали минометы.

— Гляньте, братцы, как фашистов выманивают,— ткнув корявым пальцем, ухмыльнулся Порфирий Мокеич.— Сейчас наши наблюдатели наставят крестиков, где пулеметы, минометы и орудия находются, разведчики вернутся, глядишь, языка приволокуть, в штабе обсудят и дадут команду из пушек стрелять, и куда только фашистские минометы разлетятся. Что ни говори, а у немцем нервишки стали шалить. Не то, что в начале войны были. А сейчас разочек стрельнешь, а они наугад всю обойму выпускают, да еще торопятси! Эть, дураки-то какие!

Он махнул рукой и снова захекал, прикрывая щербатый рот.

— Дураки или нет, а сколько наших полегло за годы войны — это не счесть! Скока журавушек отправились в дорогу дальнюю, душами солдатскими на родину полетели,— насупился и вздохнул Федор Василич, взглядом проводил взлетевшую ракету, прислушался к редким очередям и частым минометным обстрелам и опять завздыхал.— Видать, правда, нужно к атаке готовиться. Не зря уж который день наши беспокоят фашистов,— и ткнул корявым пальцем.— Вон-вон, слышите? Ага, опять наш пулемет застрочил. И фашисты не удержались, вон как стараются, мины словно горох сыпятся. Что ни говори, а наши — молодцы, да еще какие! Вон, какую подготовку ведут. Я нынче видел Ивана Головина. Он шепнул, что скоро поднимемся. Большое наступление ожидается. Эх, да полетят журавушки ко родным местам. Эх, жизня!..

Сказал и вздохнул, зябко поводя плечами. Солдаты невольно взглянули на низкие темные облака. Наверное, журавушек высматривали.

— Говорят, танки пойдут в наступление — это хорошо. Мы за ними пристроимся — это лучше, чем первыми быть,— кивнул Петька.— Такая силища попрет, все фашисты разбегутся. У, сволочуги!

И Петька погрозил кулачищем.

— А ты хотел впереди танков побежать? — громко зареготали солдаты и тут же притихли.— Представляем, как наш Петька, словно заяц, зигзагами в своей драной телогрейке несется быстрее танков. От такого вида все немцы будут драпать. Подумают, что русские новое оружие создали. А это наш Петруха несется. Хе-х! Ты бы, Петька, свою телогреечку подлатал. Хвастаешься, за девками ухлестываешь, а сам уж который день в драных подштанниках разгуливаешь. Не лето на дворе, так и причиндалы отморозить недолго. Что делать-то будешь, а?

И опять расхохотались, но тихонечко, чтобы не услышали.

— Что ржете, жеребцы? Застоялись, что ли? — опять взвился высокий нескладный Петька и поправил рваную телогрейку.— Это в прошлую атаку, когда высотку брали, всю телогрейку продырявило осколками. Как рвануло недалече, думал, что все — хана пришла. В башке до сей поры мозги болтыхаются. Дым рассеялся, Иван Баргузин и Макар Еськов с Колькой Ершовым убитые лежат, которые вместе со мной бежали, а я весь целый, ни царапинки, а вся одежка в клочья, даже сапоги в двух местах зацепило. Видать, не мой снаряд прилетел. Да, Мокеич? Ты же главный мастак по своим пулям...

Сказал и хитровато покосился на пожилого усатого солдата.

— Не щерьси, охламон,— обнимая винтовку, заворчал Мокеич.— Тебя ничем не возьмешь. На штык напарывалси, чуть ли кишки по земле не волочил. Другой бы помер, а ты жив остался. Вернулси из госпиталя, так словно шило в одно место сунули. Никакого покоя нет от тебя. Видать, в кишках что-то забыли в госпитале. Вот и свербить там, покоя не дает. И стреляли в тебя, даже на переправе умудрилси выплыть, когда рядом с плотом разорвалси снаряд. Плот в клочья! Все потонули, а Петька выбралси...

— Так это же...— кто-то из солдат реготнул.— Говорят, что оно не тонет, так и наш Петруха...

Не договорил. Петька не удержался и с размаху приложился широченной ладонью по каске. Солдата качнуло. Даже не качнуло, а у него словно ноги разъехались, и он лицом ткнулся в грязь. И тут солдаты не удержались, взглянув на него, когда он возился в жидкой грязи, пытаясь подняться. И расхохотались, медленно расползаясь по окопу.

— Я вижу, и ты не тонешь,— с ехидцей сказал Петька, но тут же ухватился за воротник и дернул солдата, поднимая с земли.— А в следующий раз могу и покрепче приложиться. Я бычка с ног валю, а ты, худосочный, от одной оплеухи из штанов выскочишь,— и тут же зажмурился.— Эх, помню, как однажды с Танькой Колесниковой вдоль речки гуляли, а навстречу нам...

— Ну вот, опять взялси за старое,— перебил Мокеич и чертыхнулся.— О чем бы ни говорил, все разговоры к девкам сведеть. Одна радость в жизни — бабы! Тьфу на тебя, срамник!

И сплюнул, а потом запахнул фуфайку и поежился — зябко.

— А что еще делать-то? — сказал Петька и снова мечтательно зажмурился.— Вот вернусь после войны и сразу женюсь,— он помолчал, нахмурился.— Нет, не сразу. Сначала наверстаю, что из-за войны не успел, а потом уж женюсь. И девку возьму тихую да работящую. Пусть не красавица, пусть. Главное, чтобы по душе пришлась. Эх, зажили бы с ней!

Вздохнул, нахмурился и замолчал.

Молчали и солдаты. Каждый сидел и думал о своем. Может семью вспоминали и родной дом, а может, думали про эту проклятущую войну и мечтали вернуться домой. Контуженными, израненными, без рук или ног, но вернуться. Ну, а если суждено погибнуть, так журавушки с душами солдатскими домой полетят. И закурлыкают они, заплачут. Наверное, так и будет...

— А у нашего комбата отец погиб,— неожиданно сказал Федор Василич.— Помните, пополнение подоспело, когда фашисты хотели прорваться под Ивановкой? Они в последний момент подоспели и их сразу же бросили в бой. Некогда было знакомиться, как наш взводный сказал. Сразу в бой! А потом, когда бой закончился, стали подсчитывать потери. Раненых в санбат или в госпиталь определили, а документы погибших понесли комбату. И тут выяснилось, что среди них был его отец. Вот так судьба распорядилась, что оба в одном бою находились, и друг друга не увидели. Комбат почернел, когда взглянул на документы. Теперь всю жизнь будет корить себя, что отца не сберег. Эх, жизня...

Федор Василич вздохнул и ссутулился, опустив голову.

— Вот и еще один журавль понес солдатскую душу на родную сторонушку. Эх, война проклятущая! Сколько же еще таких журавушек отправится в родные места? Эх, жизня!..— откуда-то со стороны донесся голос.— Ну, а если бы комбат знал, что батя прибыл, неужто бы отца в бой не пустил? При себе стал бы держать, да?

— Мы не знаем, что у комбата на уме,— пожал плечами Федор Василич.

— Все же отец, но в то же время он — солдат...

Замолчал и опять пожал плечами. Достал кисет. Неторопливо скрутил цигарку. Прикурил. Несколько раз затянулся и протянул Мокеичу.

— На, друг, покури,— глухо сказал он и прислушался к нарастающему гулу канонады.— О, наши лупят по фашистам — аж земля дрожит. А потом, наверное, и мы тронемся. Дело к этому идет...

И взглянул в темное небо.

— Скорее бы,— сказал Мокеич и, обжигаясь, торопливо стал затягиваться, а сам нет-нет, но поглядывал то в сторону леска, откуда доносился рокот танков, то в сторону немецких окоп, откуда слышны были разрывы снарядов, и взлетала черная земля вперемешку с комьями снега, почти незаметная на фоне темного низкого неба.— Не люблю ждать. Скорее бы...

Он повторил, покрутил в руке небольшой тлеющий окурок и сунул его Петьке, который стал быстро затягиваться едким дымом. В окоп скатился взводный. Следом юркнул Корней Мохов, чуть было не свалился на спину Порфирия Мокеича. Чертыхнулся, подхватил упавший автомат и бросился к блиндажу. Взводный помотал головой. Схватился рукой за каску. Голова дергалась — это после контузии. Долго смотрел на солдат, сидевших в окопе, словно хотел что-то сказать или спросить, но не стал, а взглянул с недоумением на Петьку и следом рявкнул.

— Никандров, почему у старшины не заменил ватник? Сколько можно говорить, а?

Сказал, а взгляд колючий до озноба.

— Так это же...— Петька запнулся и развел руки в стороны.— Это... Я несколько померил, а рукава до локтей. Как же воевать-то буду? Старшина сказал, что подберет для меня и притащит. Видать, не может найти.

Сказал и снова развел руками.

Взводный нахмурился. Опять посмотрел на него. Скрипнул зубами. Погрозил кулаком. Поднял голову, взгляд в небо, а потом прислушался к гулу.

— Скоро в атаку двинем,— сказал он, и задергалась щека, в оскале открывая рот, и взводный тут же схватился за нее.— Петров, Шорсткин, не высовывайтесь. Отстрелят голову, как жить будете? А ты чего раскорячился посреди окопа? — он рявкнул на солдата, который сидел, что-то разыскивая в вещмешке.— Не на базаре сидишь. Сдвинься! Приготовьтесь, бойцы. После артподготовки пойдем. По сигналу красной ракеты поднимайтесь. И не высовывайтесь раньше времени, не подставляйтесь! В бою каждый солдат на вес золота. Кто видел, где расположился взвод Малинина, который на подмогу прислали? По левому краю, говорите?..— он махнул рукой и заторопился в ту сторону, крикнув снова.— Готовьтесь к атаке, бойцы. Ждите ракету. Ждите!

И, продолжая скалиться, снова схватился за щеку и, пригибаясь, по окопу заторопился в сторону леска. Из блиндажа выскользнул политрук. Двинулся вслед за взводным, но остановился возле солдат. Задумчиво взглянул, а потом улыбнулся.

— Ну, бойцы, держитесь,— хрипловато-простуженным голосом сказал он.— Прошло то время, когда мы отступали. Пора в обратную дорогу пускаться. Все, ждите ракету. Теперь будем гнать фашистов с нашей земли-матушки. В шею гнать, чтобы никогда к нам не совались. Нас не победить, потому что мы...

И он замолчал, крепко сжал кулак и погрозил. Нахмурился, снова посмотрел на солдат и заторопился к другому взводу, который неподалеку от них расположился.

— Ну вот, снова ждать,— заворчал Мокеич, а сам невольно провел рукой по застегнутому ватнику, чуть сдвинул каску на глаза и застыл, прислушиваясь к разрывам снарядов, потом взглянул на березовую рощицу и не удержался, ткнул локтем.— Ты, Федор Василич, не забудь, о чем попросил тебя. Ежели встречусь со своей пулей, знаешь, что делать. Светлые березки, чистые...

И кивнул в сторону березового леска.

— Мы еще повоюем,— покосившись, медленно сказал Федор Василич.— Мне за сынков нужно рассчитаться. Журавушками домой вернулись. Мне никак нельзя помирать. Поклялся, до самого Берлина дойду, но отомщу за сыновей. Сполна, с лихвой рассчитаюсь.

Медленно говорил. Каждое слово, словно камень, ложилось на душу. Зубами заскрипел: громко, знобко — больно. И снова лицо в камень превратилось. А взгляд тяжелый и колючий...

Солдаты притихли. Редкий раз скажут что-нибудь — и снова тишина. Вроде спокойно сидят, а в то же время настороже, словно струны натянутые. Тронь и зазвенят. Тронь, и сорвутся с места. И тогда...

И тут наступила тишина. Закончился артналет. Резко закончился, словно взяли и отключили орудия. И такая тишина настала, аж в ушах зазвенело. Солдаты подняли головы, всматриваясь в тусклое серо-черное небо, откуда донеслось курлыканье журавушек, которые заметались над округой. И тут прополосила ракета, взлетая ввысь, зависла на миг, и где-то там, возле облаков, расцвел ярко-красный цветок, и стал медленно опускаться. Первыми пошли танки. А следом на краю окопа поднялся политрук во весь рост, замер на мгновение, взглянул на журавлиный клин над головой, окинул взглядом солдат, потом взмахнул рукой и, перекрывая танковый гул, в воздухе разнесся протяжный хрипловато-простуженный голос:

— Батальо-он, в атаку!..

И поднялись солдаты в атаку, и, нарастая, над округой прокатилось:

— Ура-а!

А над полем боя закурлыкали журавушки...

**Николай Макаров**
(г. Тула)

# СОРОК ЛЕТ И ТРИ ГОДА СПУСТЯ...

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

Три года назад я впервые за сорок лет посетил свое родное село Ново-Тарбеево.

За пролетевшие одним мигом 40 лет (!) село моего детства преобразилось до неузнаваемости: где-то — в лучшую сторону, где-то — в худшую, а где-то — и в наихудшайшую. Пока — не обо этом.

Думал, что за эти три года моего очередного отсутствия в селе ничего не изменилось — глубоко ошибался: и от увиденного, и от услышанного...

Заросли кусто-травяного разнообразия на всех улицах и проулках стали еще более непроходимыми, пряча в своей зелени невидимых и невиданных зверушек.

Автолайн стал приезжать-уезжать точно по расписанию, мусоровозка — тоже.

С дюжину учеников со всего села как возили, так и продолжают возить за десять километров в ближайшую (!) школу.

...Как и три года назад долгожданная встреча — вторая встреча после нашего детства — трех Николаев (по — старшинству: Макаров, Грезнев, Климанов: разница по возрасту между Николаями — три года) проходила бурно, весело с возлияниями и воспоминаниями.

И, если возлияния — они и в Африке возлияния, то воспоминания...

...Эти самые воспоминания начались в машине Грезнева, заехавшего в Тулу проездом из Москвы за Макаровым, на вопрос последнего о возможной грозе с ливневыми дождями с простодушной крестьянской безхитростностью небрежно обронил:

— Не на лошадях же поедем.

— Так-то оно — так.— И сразу вопрос «на засыпку», совсем не связанный с предыдущим разговором.— Но почему вы, деревенские пацаны, меня никогда никуда не брали: ни в ночное на колхозных лошадях кататься, ни по соседским садам совершать набеги, ни ходить стенка на стенку, улица на улицу?

— Мой двоюродный брат (тоже Колюха Грезнев, кстати, с тобой в одном классе учился) рассказывал, что в пятом классе к нему подошла твоя мать и попросила (скорее — недвусмысленно предупредила о чреватых последствиях) как главного сельского заводилу и бузотера, чтобы тебя никуда, ни в какие хулиганско-непотребные мероприятия не таскали. Дескать, не по чину сынку директора школы... и далее — по тексту.

Вот, когда стали немножко — не совсем, правда, немножко — вырисовываться интриги Ново-Тарбеевсого «Мадридского двора» моего детства.

— Да-а!? — я ненадолго — километров на пять — задумался.— Хотя, от моей матери можно было ожидать что-то подобное.

Оставшись в сорок третьем старшим ребенком в многодетной — пять человек — семье, она изо всех сил выбиралась сама и тащила за собой из безпросветной нищеты младший «призыв» (мой дед Сережа скончался в конце тридцатых; младший Сашка — мой дядя Саня — родился в 1939 году).

И выбралась, выбралась — окончила учительский институт, вышла замуж...

...Вышла замуж за инвалида первой группы (вместо ног — культи) и уехала с мужем в тьму-таракань (конец сороковых), в сельскую школу преподавать математику, дожидаясь своего «звездного часа» — статуса «Первой леди» Ново-Тарбеевской средней школы. Предварительно пройдя промежуточное состояние — жены завуча школы, став женой директора школы.

Директор школы!!!

Директор школы — величина по нашим сельским тогдашним меркам — третий, если и не первый по авторитету среди односельчан: ветеран войны, орденоносец (всего двое в селе имели за боевые заслуги орден Красного Знамени), поплавок на лацкане пиджака (высшее образование), бессменный председатель народного суда. С какими только вопросами к нему не шли — для всех находил нужные слова, в меру сил и своей должности всем помогал, никому не отказывал.

Его за это и любили, и уважали. В каждом доме он — мечи, хозяйка, все самое лучшее на стол желанному гостю: собственной выпечки ржаной каравай, хрустящие на зубах засоленные по семейным рецептам — у каждой хозяйки только свои секреты — рыжики, почти прозрачные кусочки сала от своего до октябрьских праздников хрюкающего кабанчика и, естественно, прозрачней слезинки младенца — собственноручно произведенный самогон, куда там белоголовки из местного сельпо.

И чтобы ему не тыкали в глаза: «Ваш сын вместе со всеми деревенскими у Ваньки-рыжего, мало того, что урожай грушовки собрали раньше срока, но и все сучья поломали», или «Ваш сын вместе со всеми перенес «удобства во дворе» на сто метров от дома учителя математики», или «Ваш сын со своим пятым классом чуть не сорвал уроки, когда почти неделю первой смене отменяли уроки из-за морозов за минус двадцать пять, а второй смене — шиш с маслом, температура, вишь, поднялась до минус двадцати двух», «Или...». Можно продолжать до бесконечности.

Мать и предостерегала-предупреждала кого надо — чтобы ни-ни, низя бросать даже малейшую тень, понимаешь.

Может быть, она по своему-то и права?..

— Права, права,— Грезнев заворачивает к рынку в селе Доброе,— возьмем свиную шейку для шашлыка.

...Доброе, село Доброе, райцентр — более чем в сорока километрах от нашего села — туда приезжали в марте на ярмарку за месячными поросятами со всей округи, и из нашего села тоже. Укутав тулупами визжащих будущих кабанчиков и хрюшек, в любой мороз привозили их живыми и здоровыми наши колхозники в свои дома.

— Сейчас мало кто в селе держит, так сказать, свинопоголовье,— после обнимашек, сполна «насытившись» впечатлениями долгожданной встречи, забрав свиную шейку, Климанов пошел готовить полуфабрикат шашлыков.

Ладно — «свинопоголовье», я за три дня пребывания в родном селе не увидел ни одной собаки, не услышал ни одного тявканья, ни одного гавканья...

*...Это — трагедия... Какая это была трагедия!*

*В районе появились бешеные лисы. И вышло директивное указание СВЕРХУ, звучащее, как военный приказ, ясно и недвусмысленно:*

*«Всех собак. Всех! И бездомных. И имеющих хозяина! И старых. И щенят. И лаек. И волкодавов. Всех!!! Всех уничтожить. Как? А это — ваше дело, но чтобы к утру! К понедельнику!!! Было доложено!!! О выполнении».*

*Не зная, как в других селах (скорее всего что-то было подобное, как и у нас), но в нашем...*

*Я только что приехал на каникулы после зимней сессии — конец января — начало февраля шестьдесят девятого года. У нас тоже имелась собака, дворняга Жучка с четырьмя двухнедельными щенятами.*

*Сестры: средняя — Татьяна — девятиклассница и младшая — Ольга (а как еще у почитателя, обожателя и знатока Пушкина, в конце концов, учителя русской словесности, должны были величаться две дочери?) — пятиклассница — ушли в школу. Мать с отцом тоже. Стоял солнечный, морозный день, и вести Жучку с приплодом на экзекуцию пришлось мне (все «за» — за мою кандидатуру). Вести в тот самый вишневый сад моего детства, куда мы с Толяном и моей прокусанной ногой спешили от чего-то спрятаться.*

*А в саду, да и не только в саду, а по всему селу стоял жутчайший собачий вой, плач детей и взрослых женщин, мычание коров (они-то здесь при чем?).*

*А в вишневом зимнем саду... слезы, до сих пор на глазах при воспоминание этого действа.*

*Короче, колхоз закупил энное количество ящиков водки и мешок патронов к охотничьим ружьям. Меняя друг друга после очередной «охоты», по жребию, пьяные (трезвые на такие дела не соглашались), специально отданные приказом по колхозу (добровольно никто, опять же, не соглашался), мужики расстреливали своих четвероногих друзей-приятелей, привязанных к стволам вишневых деревьев...*

*Вот, тебе, бабушка и чеховский «Вишневый сад». Вот тебе...*

*Не было тогда прививок от бешенства на все поголовье собак. И бешенства среди людей в округе не было. И гриппа птичьего не было...*

...Перекусив с дороги чем — нет, не Бог — чем жена Климанова мухой материализовала на обеденном столе, расслабившись после наваристого борща (все ингредиенты — со своего огорода, за исключением мозговой говяжьей косточки, скорее — кости), Николай-младший (то есть, Климанов) вдруг вспоминает про другой борщ.

*...Первенство Тамбовской области по легкой атлетике общества «Урожай». «Комбайнер» колхоза имени Ленина Макаров (студент Рязанского медицинского института), «тракторист» того же колхоза Климанов (курсант военного училища) и другие члены команды Мичуринского района живут в палаточном городке на берегу Цны. Столовая, естественно, самообслуживания.*

*Первым берет себе полную тарелку борща Макаров. И, зыркнув по сторонам, неуловимым движением фокусника — Кио и Акопян отдыхают — шницель из общего блюда оказывается на дне тарелки с борщом. Затем — второе блюдо: гречневая каша — барабанная дробь — со шницелем. Официальным, так сказать, шницелем. Климанов — «раззява»,— взяв полупрозрачный вермишелевый суп, только моргает глазами, дожидаясь завтрашнего обеда, повторяет «фокус» Макарова, правда, «отдыхает» только Кио.*

...Смеемся до икоты.

— Честно — не помню этого момента. Но, если все так и происходило — не отрицаю, моя студенческая наука. Я даже не помню, как мы выступили на тех соревнованиях.

— Первое место эстафеты 4 х 100: старт — Макаров (как всегда — первый), второй этап — Климанов, третий-четвертый этап «колхозники» с Дальнего Востока, приехавшие в Мичуринск в гости к родственникам.

— Ничего не помню про эти соревнования...

*...По приезду на летние каникулы в родное село, спорткомитет Мичуринского района трижды приглашал меня выступать на первенстве области по легкой атле-*

*тике за спортобщество «Урожай». Естественно, в документах я значился комбайнером колхоза имени Ленина, куда входило и село Ново-Тарбеево.*

*Так как в Мичуринской школе № 8 и Рязанском мединституте я тренировался у профессиональных тренеров, то тренировки бегунов на соревнования в Тамбов входили в мои обязанности. И в Мичуринске, и в Рязани в самой престижной эстафете четыре по сто метров мне всегда доверяли первый этап — у всех выигрывал стартовый рывок.*

*В Тамбове мне тоже пришлось бежать первый этап, но в этой эстафете первый и третий этап бежали мужчины, а второй и четвертый — девушки. На тренировках самым сложным элементом оказалась передача эстафетной палочки от первого этапа, то есть, от меня, второму этапу, то есть, девушки из соседнего колхоза «Рассвет».*

*И в очередном тренировочном забеге, как обычно, на максимально возможной скорости передаю палочку правой рукой в ее левую руку и она...*

*Она, получив палочку, резко берет вправо и левой стопой попадает под мою шиповку на правой ноге. Стопа пропорота насквозь в трех местах, кровищи — ужас. От девчушки — не помню ее имени-фамилии — ни слез, ни стонов. К счастью, ни сухожилия, ни кости не задеты.*

*Срочно четвертый этап переставляем на второй, а на четвертый этап ставится спортсменка из запаса.*

*Финальный забег даже в таком ослабленном составе мы выигрываем с рекордом области. Меня приглашают войти в сборную области на первенство России ДСО «Урожай» в Волгограде. Я скромно отказываюсь, не называя причины — числился в то время по рязанскому «Буревестнику».*

...Болтали так до темноты, до поздней ночи, то есть (*Маяковский В. В.*), а утром следующего дня я пошел на другой край села к своей однокласснице до седьмого класса Ниночке Ткачевой.

*...Первый класс сельской школы.*

*Белоснежная рубашка, только вчера купленная матерью в Сельпо, опрометчиво оставленная без защиты снятого пиджачка; гвалт большой перемены, напоминающий многократно увеличенное Броуновское движение и...*

*И столкновение с Нинкой Ткачевой, моей соседкой по парте; вернее — не с ней, а с ее огромной пластмассовой чернильницей.*

*Результат, ясное дело, оказался до безобразия предсказуем: рубашка от ворота до ремешка брюк — вся фиолетовая; слезы на лице Нинки, размазанные испачканными ладонями, тоже фиолетовые.*

*В классе мгновенно устанавливается зловеще-звенящая тишина, нарушаемая всхлипываниями виновницы «торжества». Как же — испорчена рубашка сына самого директора школы. В еще несмышленых головах первоклашек возникают кошмарные видения наказания моей соседки — вплоть до исключения из школы.*

*Вместе со звонком на третий урок в класс входит моя мать — учитель математики старших классов, награждает меня увесистым подзатыльником — сам, мол, виноват, смотри куда летишь,— успокаивает уже рыдающую навзрыд Нинку, уводит ее из класса.*

*Через долгих десяток минут в класс, спросив разрешение, входит улыбающаяся, умытая, причесанная, с большой конфетой в руке моя соседка.*

*Со мной «разбор полетов» продолжался дома, в узком кругу. Впоследствии, что бы не происходило в классе, что бы не случилось — всегда оказывался виноватым сын самого директора школы — никакого спуска мне родители не давали...*

...Встретились, обнялись, расцеловались.

Тогда почему у нее глаза печальные?

— Через три дня — ровно полгода... — Она тяжко, почти навзрыд, вздохнула.— Как он ждал тебя, как ждал, как хотел с тобой поговорить. Твою книгу «Воспоминания батальонного врача» перечитывал постоянно, раз за разом. Что-то хотел рассказать, поделиться с тобой.

Дальше... дальше — ее слова вогнали меня в шок, и это — двадцать первый век!

— Три года назад Виктор очень удивился, даже, не сколько удивился, а был поражен тем, что к колхознице (пусть и с «верхним» бухгалтерским образованием) приедет в гости — внимание! — сын директора школы...

— Нинка, ты — чего?

— Правда, правда. И нынче младший брат тоже поразился этому: сын директора школы и...

Какой же надо иметь авторитет, чтобы через полвека отца так благоговейно почитали, помнили, вспоминали только добрыми, светлыми словами, а сын-то тут причем?

— Ты — из особого мира, из сверхинтеллигентной семьи, а — я, а — другие дети колхозников? Ты для сельских девчонок — запретный плод, низя...

— Так, стоп! Ты хочешь сказать, что, когда мы с тобой встречались на третьем курсе в зимние каникулы и после кино целовались на крыльце, ты тоже так думала?

— Конечно,— с какой-то глубинной, женской, скорее, крестьянской безысходностью,— прошептала она.

Эх, Нинка, Нинка — полгода обмена письмами после тех зимних поцелуев и... дальше на десяток моих писем — ни ответа, ни привета.

— Ты правда думаешь, что у нас ничего бы не получилось? Да, пусть — сын директора, но душа, душа-то у меня крестьянская, я же с пеленок в нашем (НАШЕМ!!!) селе в отличие от родителей, городских.

— Зачем сослагательные наклонения: ты — сын дир...

Я закрыл ее рот долгим поцелуем, она не отстранилась, только всхлипнула. Мы простояли, обнявшись, минут пять, переживая то — далекое, к сожалению, так и несбывшиеся...

*...В одиннадцатом классе к Ткачевой стал «клеиться» Хмыров, учитель химии, не давал ей проходу. Обещал одной «левой» устроить ее на первый курс Мичуринского плодоовощного института (на Мичуринском жаргоне — ВУЗ), о котором с детства она мечтала. Чуть не бросила школу из-за него после второй четверти одиннадцатого класса. Предлагал ей жить в его мичуринском доме на «полном обеспечении». На выпускной вечер, сугубо учительский вечер на следующий день после основного, предлагал пойти с ним.*

*Но мой отец, директор школы, вставил ему по первое число.*

*А жена-то — рядом, тоже учитель — биологии.*

*Одним словом — скользкий, мерзкий тип.*

...— Поэтому и поступила в институт в Липецке.— Сидим на веранде ее дома, оставшегося от родителей, пьем чай с тульским пряником (вернее, она с пряником, я — с ее пирогами).— Ребята предлагали набить ему морду на выпускном вечере, но Алексей Дмитриевич (куда без него!) предупредил, чтобы эту мразь не трогали. Сам, дескать, с ним разберется.

Нина вдобавок к моей привезенной фотографии нашего четвертого класса достает из своего альбома фотографии восьми-одиннадцатиклассников. Перейдя в восьмой класс восьмой шкоды Мичуринска, я мало общался с моими сельскими одноклассниками. И многих на фотографиях старшеклассников не узнал, практически — никого.

— Толька Краденов, друг детства, считай — сосед,— ткнул пальцем на высокого паренька.

— Он, он,— подтвердила Ткачева.— Как-то раз он вздумал меня провожать после консультаций к экзаменам по математике, затянувшиеся допоздна.

— И...

— И наши, «барские», накостыляли ему по первое число. Ты же помнишь, какие «высокие отношения» существовали тогда между тремя частями села.

*...Наше село Ново-Тарбеево (ныне — Новое Тарбеево), подразделялось негласно на три части.*

*Восточная часть — Хутора (Хтара), бывший колхоз имени 13-летия Октября (здесь находился и мой дом, и дом Кольки Грезнева; и сейчас стоят в добром здравии с новыми хозяевами).*

*Западая часть — Барские, бывший колхоз «Авангард» (здесь при «загнивающем» царизме располагалась резиденция помещика, церковь, мельница, сельпо, дом Ткачевой на самой окраине, дальше — поле).*

*Средняя часть — Село, бывший колхоз «Свободный труд» с деревянной двухэтажной школой.*

*Естественно, «чужаков» из других «колхозов», мягко говоря, местные не привечали. Хотя и мелкие колхозы давно объединились в один большой — колхоз имени Ленина, и в школу одну и ту же ходили, сидели порой на соседних партах, но случались, случались стычки, особенно между «восточными» и «западными». Хотя, надо справедливо отметить — до кровавого мордобития и «смертоубийств» дело не доходило.*

На мой вопрос как бы испить парного деревенского молока, вспомнить детство, моя одноклассница ответила:

— Перевелись коровы. Практически исчезли...

— Вымерли как класс, как динозавры и мамонты,— добавляю с ностальгической грустью.— Помнишь, сколько стад коров и овец гоняли по селу: по утрам — на пастбища, вечером — по дворам?

— Добавь сюда большие колхозные стада.

*...В мае пятьдесят второго родилась сестра Танюшка — не в этом суть. Суть заключалась в том, что, в силу объективных причин, мы в своем хозяйстве никогда не держали никакой живности (правда, через несколько лет завели кур и кроликов). Поэтому молоко брали у соседей, имевших коров. К зиме же отец стал выписывать молоко в колхозе.*

*Доставка молока — два литра в алюминиевом бидоне — лежала на мне. Если осенью, то к вечерней дойке доходил — почти полтора километра — еще в светлое время суток. А зимой...*

*Зимой, особенно в новолуние и особенно в метель, ходить за молоком было... как бы точнее сформулировать — боязно, что ли. Нет, бояться собак не приходилось — они знали меня; бояться волков — в детскую голову такие мысли совсем не приходили; тогда чего же бояться-то?*

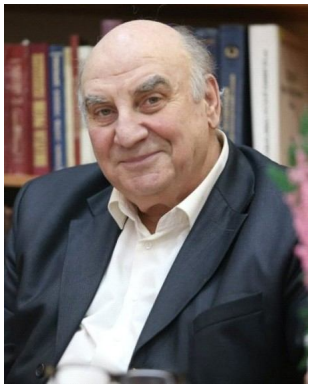
*Половина пути лежала по деревенской улице, половина — по пустынной полевой дороге в это время суток. Если полевая дорога не вызывала у меня опасений, то преодоление деревенской улицы наводила на меня суеверный ужас — за полутемными окнами домов могли обитать всякие оборотни, ведьмы, другая нечистая сила, только и ждущая, чтобы украсть несмышленого беззащитного мальчишку.*

*Так меня пугали старшие ребята, к слову сказать, часто провожавшие меня до коровника и обратно.*

...Утром следующего — третьего — дня Ниночка наконец улыбнулась, не стесняясь «младших» Николаев и соседей, крепко поцеловала меня в губы.— Спасибо за все! Приезжай на следующий год...

— Куда он, то есть, мы денемся,— загружая в машину пакеты с картошкой (три ведра), помидорами (полтора ведра), огурцами (ведро), чесноком (большой пучок), выкопанные и собранные только вчера моей подругой детства с собственного огорода, Грезнев продолжил.— Климанов тоже собирался одарить Колюху-старшего, но я его остановил:

— Нинка его просто так не отпустит...



**Валерий Аршанский**
(г. Мичуринск)

# ВАССАЛ
(Рассказ)

*Валерий Семенович Аршанский родился в городе Магнитогорске Челябинской области. Без отрыва от производства закончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал корреспондентом, главным редактором в городских и областных изданиях, возглавлял первые Издательские дома в Мичуринске и в Тамбове. Член Союзов писателей и журналистов РФ, автор 21 книги художественной и документальной прозы, лауреат премии Союза журналистов РФ и ряда престижных литературных премий. Публиковался в различных изданиях. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тамбовской области. Живет в Мичуринске.*

*Вассалы — люди,*
*обладающие земельным наделом,*
*признающие себя подданными короля.*

Росточком с хиленькую камчатскую березку, щупленький, сутуловатый, верткий, как малолетний воришка, Ленчик никогда не смеется в полный голос. Зачем? Ему, костлявому подростку с остро выпирающими локтями и личиком, обильно крапленым созвездиями веснушек, бывает достаточно, заслышав рискованные шутки, лишь стыдливо похлопать полусонными глазками, тихонечко прыснуть в ладошку и, втянув утиную головку в плечики, поникнуть, как та сельская девица, воспитанная староверкой — бабушкой, вдруг застуканная на просмотре порно...

Зимой, когда январские морозы трещат на далеком севере, а в его почти что южном городе Липовске на улицах больше грязи, чем снега, Леня все равно опускает клапаны куцей шапчонки, подбитой то ли собачьим, то ли кошачьим мехом (и через тридцать лет после войны еще носили такие), запахивает в два оборота вокруг тощей шейки серенький вязаный шарфик и натягивает мягкие, кроличьего окраса варежки. Таково строгое мамино указание, нарушить которое равносильно измене родине, о чем и помыслить нельзя! Мама, она по-прежнему считает единственного сыночка, без пяти минут выпускника школы, тем трехлетним Ленчиком, который кутался в квартире в ее пуховый платок и одеяло, объясняя соседям: «Мнуся мне дюдя!». Вот тебе и «дюдя».

— Какие люди, да без охраны! Куда путь держим? — нехорошо дышит Леньке в лицо патлатый верзила Иващук, рядом с которым всегда, как верный пес, трется — вьется денщик его — Сява, неглупый малый, даже поэт, по странной прихоти судьбы выбравший себе в друзья именно этого косматого Тарзана. Заговорщицки пошептавшись, противно перемигнувшись, шкодники, пропустив одноклассника вперед, внезапно набрасываются на него сзади, с обеих сторон, толкая Леньку в спину так, что слетает шапка с головы, подгибаются от ударов коленки, и падает на землю порт-

фель. А пакостники стонут со смеху, распевая тут же сочиненный Сявой экспромт: «Люлек в поход собрался, наелся кислых щей, в походе обос...ся и умер в тот же день!».

Гопников распирает от осознания превосходства, а тут еще и зритель появился. Точнее, зрительница. Соседка Ленчика по парте — Кристинка. Спортивно сложенная девчоночка, дочь участкового полицейского.

— Эй, вы, уроды! — окидывает она презрительным взглядом пиратский дуэт.— Не перегрелись, двое на одного? Кому в лоб закатать?

— Вали отсюда, заступница! — орет на нее, отступая на всякий случай в сторонку (знает, что Кристина — разрядница по карате), писклявый Сява, опасаясь и правда получить крепкий тычок в лоб.

— М-матерь божья пожаловала,— насмешливо кривит толстые губы Иващук.— Иди к Лелику, иди,пожалей бедного котеночка...

По-свински похрюкивая, по-собачьи тявкая, непрестанно толкая друг друга и внятно матерясь, шкодники нарочно перебегают дорогу перед самым носом фургона — хлебовозки, вгоняя в ступор ошалевшего от страха пожилого водителя. И, уже с противоположного тротуара, изощряясь в выдумках, как только можно, показывают своим одноклассникам самые неприличные, самые отвратительные жесты. А понурый Ленчик и спасительница его Кристинка так и остаются близ автобусной остановки «Школа» под равнодушными и любопытствующими взглядами пассажиров, выглядывающих из окон самого демократичного вида транспорта.

— Ну что ты хочешь от долбанутых? — участливо отряхивает пальтишко Ленчика верный его друг еще с младшей группы детского садика быстроглазая Кристина.— Помнишь, что они в прошлой весной сотворили? Нет? Вспомни, как эти гоблины бросили пачку дрожжей в туалете, а когда все добро оттуда поперло, табличку на дверях вывесили: «Переучет». Сява эту табличку из материного магазина притащил. А на педсовете, когда их со школы хотели выгнать, мамаша Сявы ревела, как белуга, а папаня Иващука всех своих блатных дружков поднял на уши, чтобы только сыночка не выгнали... Ленька, слушай! Плюнь ты на них! Бог шельму метит,— как моя бабуля говорит.— Они свое еще получат.

Леня возвращает на место сбитую шапку и сорванное кашне, как называет его шарфик мама и, пошмыгивая носом, молчит, безучастно озирая окрестности. Спешит, поскальзываясь, к отходящему автобусу нервно потряхивающая головой старенькая богомолка в черной юбке до пят, шепча, наверное, спасительную молитву себе под нос, но не в силах подать голос, выкрикнуть просьбу шоферу подождать еще минутку. Быстро — быстро, обратив взор к небу, пробегает по самому краю тротуара, прижимая под мышкой пустую картонную папочку, бородатый городской сумасшедший Беляш, нацепивший на переносицу солнцезащитные очки с заметной трещинкой на левом стеклышке и прикрывая овальную лысину какой—то измятой панамой — то ли детской шляпкой, то ли туркменской тюбетейкой. Его провожает насмешливым взглядом беззубый седой клошар — «Не пролей капли» — с утра занявший свой привычный пост на «капитанском мостике» — изрезанной перочинными ножами и испещренной бранными словами скамейке в сквере, близ памятника не признанному вождю мирового пролетариата, зато признанной точке сбора всех городских алкашей — романтиков. Эта колоритная группа «лыжников — передвижников» в непременном сопровождении трех — пяти грязных заспанных дворняжек — прекрасная натура для художников — карикатуристов, умеющих бегло схватить на карандаш слет разношерстных поклонников крохотных аптечных «фуфыриков», таящих вкус ягоды боярышника, забальзамированной на чистом спирту.

Примечательная черта каждого такого «алика» — нервно подрагивающие ручонки, давно забывшие суппорт токарного станка или мастерок каменщика, прокуренные усы, свалявшиеся пегие бородки и, если не потная лысина, то давно не мытые

патлы, прикрывающие тоскливый взгляд исподлобья с укором, адресованным трезвой части населения, не разумеющей мятущихся порывов людей «заквашенных».— «Дай!»,— читается в пламенеющих очах адепта аптечного магазина.— Душа горит, блин, адским пламенем, дай же ты хоть полтинник, хоть гривенник на опохмел, век свободы не видать! Дают.

Ленчик, конечно, благодарен Кристине за ее душевный порыв. Не каждый пацан так решительно кинется на помощь другу, как она, девчонка. Но наружная согбенность и смиренность Ленчика вовсе не отражают его внутреннее, душевное состояние. Потому что в душе Лени Вертушкова зреют гроздья гнева, мнятся ему самые жестокие, самые суровые и беспощадные картины мести обоим наглецам из подворотни. Наказания, от которых и суд инквизиторов содрогнется. Что за кары? Сброшенный с высокого моста в реку со связанными руками и ногами вечный второгодник Иващук — с кляпом во рту, пучащий поросячьи глазенки. Рабски пресмыкающийся у Ленькиных ног, слезами и соплями вымаливая себе прощение, жалкий расстрига Сява. Сбившаяся в кучу трусливая толпа крысят, других подлых орков. И вершит справедливый суд над ними во дворе школы на глазах учителей, Кристинки, Кота Леопольда (о нем мы еще расскажем) гордый Леня в пурпурной прокурорской мантии. Единственный и неповторимый защитник всех обиженных и угнетенных. Робин Гуд из уездного града Липовска.

* * *

А в тесноватой учительской комнате полнозвучно, убежденно, как это свойственно учителям с большим стажем, пожилая классная руководительница Ленькиного 9-го «А», женщина рослая, крупногабаритная, чуток страдающая одышкой, мнение свое высказывает, как теорему на уроке — непререкаемо — поневоле заставляя прислушиваться к себе всех, кто рядом.

— Настоящий сатрап его мамаша. Как придавила сына с пеленок своим авторитетом, так и держит эту чугунную плиту, не отпуская ни на иоту...

— Да, Екатерина Даниловна, тысячу раз да! — тут же, подобно птичке-синичке, быстро — быстро клюет острым носиком, поддакивая, бывшая ее ученица, молоденькая химичка, стоящая у распахнутой форточки.— Я вообще в шоке! Да, вон, пожалуйста, только мы помянули, посмотрите, видите, в скверике, нет, нет, левее, кто прохаживается? Конечно, мадам Вертушкова. У Лени уже усы растут, а мама его, как первоклашку, из школы встречает. Ну? Каково?

— Дак у него не только усы растут,— тут же вскидывает голову и заливается смехом в одиночку белозубый крепыш — физкультурник, ввергая в некоторое замешательство почтенных педагогических дам, возрастом постарше (а молодежь понимающе хихикает, лукаво пряча глазки).— Ну, а че уж он такой плохой? По мне Леха — нормальный чувак. Стометровку бегает на значок ГТО тринадцать и четыре, на гимнастике вис, ну, подтягивание, выполняет четырнадцать раз. Иващук у них битюг с виду, а рохля, коня не перепрыгнет... Ой, да ну их! Пойдем, Ириночка Владимировна, в теннис погоняем,— изображает мах ракеткой в сторону спортзала качок — голубок, умело охмуряющий кокетливую голубку. И расправляет шире, еще шире и так широкие свои плечи, как турман крылья, плотно сбитый учитель культуры физической. Между прочим, мастер спорта по спортивной акробатике. В жизни тот еще акробат!

* * *

— Мама, я тебя прошу! — вырывает руку Леня, глазами указывая Элле Максимовне на Иващука и Сяву, гундосящих из-за покрытых снегом кустов барбариса: «Ой, куда же ты, Люлек, ой, куда ты?»

— Не поняла! В чем дело, Леонид? — свинцом наполнен голос родительницы, сурово сдвинувшей мохнатые брови шалашиком.

— Да ты посмотри, посмотри! — шепчет раздосадованной маме всегда такой ласковый и покладистый ее теленочек.— Посмотри! Хоть кто-то из взрослых кого-нибудь из нашего класса встречает?

— «Хоть кто-то... Хоть кого-то... Хоть что-то...».— Что это за скобарское «хоть», что это, вообще, за люмпенская лексика, Леонид? — брезгливо кривит умело подкрашенные губки Элла Максимовна.— Ты кого стесняешься? Тех вон конюшенных, годных лишь подсматривать, подглядывать да подслушивать? Недаром такому быдлу бояре да дворяне подсвечниками физиономии чистили. Но ты — то?

«Господи, да говори же ты вполголоса, а лучше совсем умолкни!»,— вцепившись в старомодную мамину муфту, увлекает воспитательницу подальше от сквера Ленька.— Тебе — то что? Прокричала и забыла. А меня завтра эти конюхи опять попутают и что делать? Эх, засветить бы Иващуку в табло отцовским кастетом, звездануть бы ему прямо в хрюндель, чтоб он юшкой умылся! Сява — тот сразу драпанет. Умел бы я только драться... Ладно. Пойдем, мам, пойдем отсюда...

* * *

В томительную каникулярную пору, когда девятый класс позади, равно как и не состоявшееся выяснение мужских отношений с той самой «парой гнедых» (Ленька не знает, что мама звонила директорше школы, предупредила ее о последствиях, ЕСЛИ НЕ УЙМЕТЕ ХУЛИГАНОВ... Вы поняли, да?), он остается один — одинешенек. Все приятели растеклись, разбрелись, разъехались, кто куда. Кристинка звала его с собой в Ялту: «Вертушок, поехали? У меня там тетка живет, мамина старшая сестра — мировая бабулечка! После войны зрение у нее почти что нулевое, зенитчицей «от» и «до» провоевала, а она запросто кроссворды разгадывает, на гитаре поигрывает, даже стихи сочиняет. Поехали? Хочешь, плацкартой, хочешь — автостопом? А, ну да...! Ты готов, да мама не пускает... Жаль!»

Иващук и Сява устроились подменными на консервный завод; грузят стеклянные банки в автокары, подметают в очередь территорию, а в обеденный перерыв выпрашивают у женщин в кондитерском цехе теплую еще халву и баночки с протертыми яблоками, детское питание «Неженка». Проявив вдруг невиданное миролюбие, звали они и Леньку в свою компанию: присоединяйся, заработаем за пару месяцев на велосипеды, здесь и трудовые книжки заводят, все по — взрослому. А! Ну да, муттер — цуттер... Тогда... «Будь здоров, читай газету, поумнеешь к концу лета»,— не задержался с присказкой доморощенный поэт Вячеслав Степанов. Он же Сява. Чьи состоятельные родители — цеховики, не зная, куда девать жгущие ляжки тугрики, кочевали почти все лето по морям — по волнам, из одной курортной страны в другую, присылая сыну открытки с пальмами, лазурными берегами, крахмальными пляжами. Отчим Славки пасынка не захотел брать, чтобы не мешал затянувшемуся медовому месяцу. Поручил присмотр за ним брату — недавнему флотскому старшине второй статьи, которому было абсолютно до лампочки, позавтракал Славка или не позавтракал, пообедал или не пообедал, пришел он ночевать в свой «кубрик» или забурился где-то с друзьями...

«Да я в его годы на берегу раньше четырех и не появлялся. Утра, конечно»,— яростно расчесывал пятерней густую растительность на груди бравый морской волк дядя Митя. Но тут же смущенно умолкал, поймав на себе настороженный взгляд жены, с интересом ждущей продолжения батальных историй муженька «о походах дальних, о боях с врагами». Вон, оказывается, ты какой, птенчик? Что же это ты делал, с кем же это ты кадрился до четырех утра? А? А мне что пел? Девственник!

Леньке порой кажется, что только он один обречен париться все каникулы в сво-

ем осточертевшем, однообразно сонном городке, который надменная погода обходит дождями и в июне, и в июле, и вот уже в начавшемся августе. Что остается делать юному страдальцу Вертеру в старом, как мир, закопченном дворе — изоляторе, с детских лет знакомом от стен и до крыш? Маяться. Мерить от нечего делать затейливыми шагами вдоль и поперек древнюю скрипучую веранду, мурлыча себе под нос услышанные по радио веселые песни. А вечерней порой, перевесившись через перила, созерцать, как принимают в глубине двора «Вермут» футбольные болельщики, огорченные очередным проигрышем никудышного «Электрона». Ух, какие пенки — гренки отвешивают они в адрес дырявого вратаря и полного балбеса — тренера... Им бы... Они бы... Да разве так?.. Ух!

Но наиболее захватывающее действие начинается уже в полной тьме, когда мама, отдыхая, возлежит на диване перед телевизором, увлеченная тем, как интригующе «Тени исчезают в полночь». А он, выбрав удобную позицию в углу веранды, прилаживает массивный морской бинокль с восьмикратным увеличением — папино наследство! — для наблюдения за хорошо освещенной комнатой в таком же старом двухэтажном доме, стоящем наискосок, где с незапамятных времен располагается общежитие музыкально — драматического театра, наполовину заселенное южными торговцами овощами и фруктами.

Когда спадает жара, парочка молодых дарований обязательно репетирует при свете подслеповатой лампочки какую-нибудь мизансцену из будущего спектакля. Что характерно — примеряя на себя образы героя и героини, даже если это, допустим, гоголевские старосветские помещики — актеры пребывают ну очень легко одеты. В этот раз они под бравурную музыку, в курортных шортиках, осваивают не классику Александра Островского, а современность: знаменитую оперетту «Белая акация». Весь Липовск заклеен афишами о грядущей премьере. И в Ленькин двор отчетливо доносится певучий голос пикантной одесситки Лоры, напропалую кокетничающей с бабником, жуиром и ловеласом Яшкой — буксиром, не сводящим кошачьих глаз с миниатюрной Лориной майки — алкоголички. Герои долго — долго обнимались (ну никак не давалась им эта интимная сцена, доводя ее до правдоподобия, требовались дубли и дубли...). Наконец, слепились! И тут же дернулся и поплыл занавес, выполненный в форме плотной оконной шторы, не оставляющей ни миллиметра просвета. Все. Гуд бай, наш юный зритель! И вы, и вы, и вы, все-все-все соглядатаи импровизированной репетиции, пока! До завтра! Ждем вас на премьере, дорогие друзья!

Протяжно вздохнув, безмолвный статист, представляя, какое феерическое продолжение спектакля развернулось в эти минуты там, в доме напротив, за плотной шторой, уныло шаркает к себе на кухню, пожевать на сон грядущий что найдется — сырник ли, холодная котлета или, в конце концов, ржаной сухарик. Только яблочко? Зато белый налив. Сойдет.

Утром его поднимет если не дребезжащий будильник, то «Голос Америки», который ловят днем и ночью на коротких волнах радиолы «Латвия» полуглухие пенсионеры за стенкой. На столе тетрадный листочек с беглым маминым почерком наискосок: полей цветы, пропылесось квартиру, вынеси помойное ведро, сходи в магазин за хлебом, отдай в починку мои туфли и свои ботинки... Можно не спешить. Пусть продолжается обломовское состояние с ленивыми мыслями о Кристинке, ее загорелых плечиках, так мило смеющейся рожице, белокипенных зубках: где там она, что там она, с кем там она гуляет по набережной Ялты? Как хорошо бы освоить брасс и баттерфляй, изумляя потом мощным спуртом девчонок — динамовок, каждое утро тренирующихся на берегу. Еще звал его в секцию бокса хороший мамин знакомый — известный тренер — приходи, Ленька, пока не поздно, хотя Валерий Попенченко вон когда начал... Думается ему и о посещении той самой оперетты с красавицей Лорой и колоритным Яшкой...

Только никуда он не пойдет. Плавать в одиночку стремно, сходил однажды на пляж, а пока плавал — шпана новенькие треники со скамейки сперла, подкинув взамен какое-то рванье. Бокс? Это режим, перчатки, груша, ринг, канаты, насмешки, плюхи в нос и в лобешник... В театр? Ага, размечтался! Опять с мамой под ручку?

И все заканчивается продолжительным зевком да бездумным чтением в мягкой кровати эпопеи про разведчиков, с папиным шутливым автографом на обложке: «Прочти, сынок, и вытри слезы над этой бедной книжкой прозы». Эх, папа. Где ты сейчас? Помнишь, хотя бы, что я есть на свете?

* * *

По закону подлости, как часто приходится нам в жизни мириться с неизбежным. Вот меньше всего хотел Ленька встретить сегодня всегда слегка поддатого, шумливого, суетливого маминого начальника. Похожего на мультипликационного Колобка главного врача ее поликлиники, перед которым все трепещут, все заискивают, а за глаза кличут не иначе, как Кот Леопольд, обыгрывая его вельмишановное польское имя — отчество Леопольд Владиславович, унаследованное, видимо, от обнищавших шляхтичей в пору изгнания их из пределов Москвы, когда началась державная смута.

— О, бамбино! Мамбо итальяно, эй, мамбо! — семеня короткими ножками, изображает то ли твист, то ли чарльстон Кот Леопольд, раскидывая короткопалые ручки для объятий и вновь исторгая фонтан якобы французского красноречия: «Кум а лен трэ, кум те ля пасе?»

Ленька с младенчества помнит эту грассирующую игру слов дяди Лео, в былые дни ночевавшего в их доме после поздних посиделок с мамой. «Ты, сынок, ложись, спи, а я Леопольду Владиславовичу на кухне постелю, куда ему в такую темень к себе добираться?..»

И никак нельзя обойти сейчас Кота Леопольда сторонкой, уклониться от винного исчадия, отчетливо доносящегося из широко распахнутого зева без пяти минут заведующего городским отделом здравоохранения. Лео — это все. Это царь и бог, о котором говорят с почтительным придыханием и доверительным шепотом. Маккиавелли! Что вы...

У Эллы Максимовны на всемогущего Леопольда Владиславовича свои, далеко идущие планы, не как на любовника, куда уж там... Как на верного помощника, соратника, друга и... волшебника! Секрет прост: она спит и видит свое любимое чадушко преуспевающим доктором, а со временем и вовсе знаменитым профессором, доктором, нет, академиком медицинских наук. Лауреатом трех Государственных и одной Нобелевской премии за открытия мирового масштаба в области онкологии, гинекологии и урологии, самых — самых ответственных сферах в организме каждого человека. Ее Ленчик обязательно найдет, обязательно изобретет — у него светлые папины мозги ученого! — способ спасения женщин от фиброаденомы молочной железы с помощью фармакологии, избегая скальпеля и всех ужасных операций, связанных с ампутацией груди...Пациентки благополучно восстановятся от страшных болезней, постараются как можно скорее забыть о доставлявших им столько горя и слез новообразованиях, и произведут на свет прекрасных здоровых малышей. Даже не по одному, а по несколько, которых в знак признания и благодарности врачу — спасителю, привезут в детских колясках или принесут на руках в резиденцию короля и предъявят в пеленках и памперсах богам медицины на всемирной конференции в шведской столице — городе Стокгольме, на заседании Нобелевского комитета.

И подавляющим большинством голосов победит, конечно, Ленчик. Спасенные им от ампутации молочной железы женщины — россиянки, индианки, австралийки, китаянки — не постесняются оголить перед высочайшим врачебным синклитом смуглые и алебастрово — белые свои груди, показать мировым специалистам отсут-

ствие даже малейших операционных и послеоперационных шрамов, предъявят вскормленных их материнским молоком новорожденных потомков, и...

И написанные академиком Леонидом Кирилловичем Вертушковым книги — «Практическая онкология», «Практическая гинекология», «Практическая урология» — издадут, как труды Авиценны, тяжелыми томами в кожаных переплетах, с фотографией автора на фронтисписе, с золотыми обрезами, на мелованной бумаге с цветными иллюстрациями, отделенными пергаментом или восковой калечкой. Их переведут на все мыслимые и не мыслимые языки планеты, выпустят массовыми тиражами в качестве главных учебников и пособий для медицинских вузов и колледжей всех стран и континентов. А потом кандидатуру Леонида Кирилловича Вертушкова — уже главного врача самой главной клиники, которому почтительно пожимают руки все небожители, весь Кремль — родной Минздрав представит в порядке исключения на вторую Нобелевскую премию. Как главного борца и победителя всех на свете инфекционных заболеваний, в том числе — малоизученных, но реально угрожающих человечеству.

Но пока, для начала, нужна лишь малость: протекция человека, знающего подход к столпам медицинских вузов, где конкурс каждый год просто зашкаливает. Исполнитель задумки — Кот Леопольд. Возьмем этот барьер и — потом не то что Москва или Стокгольм, да что там Стокгольм! Нью — Йорк, Рим, Париж, Берлин, Копенгаген, весь мир будет у ног ее гениального сына!

Лео такой. Лео сможет. Лео — верный друг в счастье и первый утешитель в несчастье. Это он возвращал ее к свету, когда бывший муж — бородатый однокурсник Кирилл, Кирюха, три года живший на ее иждивении, с получением диплома помахал супруге ручкой и укатил к себе на родину — в покрытые лавром и самшитом скалистые горы, расположенные между Грузией и Абхазией. Оставил младой семье на память морской бинокль, прочитанные по институтской необходимости книги, а лично для больного сына, над которым нужно было дышать, которого нужно было кормить по часам из пипеточки, чтобы не расстался мальчик с жизнью — выменянный у друзей — земляков кастет, отмахиваться от хулиганья на танцевальных вечерах в Марьиной Роще.

— Эллочка, солнце, подними как можно выше рученьку, вот так! А теперь опусти ее резко вниз и скажи громко, вслух скажи: «Да пошел ты, Кирюха, козел вонючий, кобыле в зад! Жалкий ты человечишка. Предатель! Чтоб у тебя на лбу рог вырос!»

Вытри слезы, Элла! Ты классный гастроэстеролог, перед твоим кабинетом всегда стоит очередь, а сын вырастет, будет тебе надежной опорой. Посмотри вокруг, жизнь бьет ключом. Видишь, уже зацвели каштаны, ах, какие они выбросили свечки! Плюнь на того рыжеусого котяру, никогда он мне не нравился, пусть ему каждый день легко икается. А ты начинай с листа новую книгу!

Так говорил ей, горько плачущему молодому врачу, Леопольд Владиславович. Говорил именно то, что нужно было сказать, что она и хотела бы услышать в минуты горького душевного надлома. Как если бы его устами говорил сам Заратустра!

* * *

Коллекционер анекдотов и пустопорожних шуточек, собиратель частушечного фольклора, любитель озадачивать собеседника примитивными шарадами, вроде той, уже прозвучавшей: «Кума лен трет, кум теля пасет», и на самом деле мог многое. Это он только для виду напускал на себя маску чудика — сельского простачка, только что сошедшего с автобуса из деревни Козюльки. В молодые годы Леонардо да Винчи — так его звали однокурсники по мединституту — всерьез увлекся нейрохирургией и ассистировал самому профессору Аджамашьяну на трепанациях черепа. Читал

курс лекций на курсах повышения квалификации. Стал заслуженным врачом и удостоился орденов, медалей. Но против дошлых москвичей при всех его громких званиях и регалиях, казалось бы, козырная карта оказалась бита. Пас.

Нет, все бывшие друзья впрямую ни в чем ему не отказывали, напротив, демонстрировали только расположение. Деланно хохотали над примитивными, давно им известными шуточками провинциального коллеги, охотно потребляли выставляемый им в гостиничном номере как армянский, так и дагестанский коньячок, а на десерт и чистой липовской самогоночки не чурались. Пока бражничали — пели студенческие песни, обнимали, вспоминали, хлопали по плечу, настаивали звонить им без всяких там экивоков и церемоний в любое время: «Телефон мой помнишь? Номер тот же...». Запихивая в карманы пиджаков или в бумажники визитные карточки друга и брата Златопольского, он же, по молодости, Леонардо да Винчи, обещали свою бескорыстную поддержку, протекцию, помощь. Еще и еще раз крепко пожимали руку на прощанье... И растворялись в тумане неба голубом, таяли, как предутренние звезды, чтобы никогда больше не появиться на горизонте.

Абитуриентский ажиотаж при поступлении периферийных талантов в престижные вузы столицы достигал тысячи вольт. Повышенный спрос пап и мам на всемогущую мохнатую лапу, каковой артистично подавали себя пронырливые жучки — «решатели», в летнюю пору зашкаливал. А значит сладостным нектаром, пчелиным раем, духмяным луговым сенокосом был этот период для ушлых шулеров с их негласным каноном: обмани ближнего, ибо не дремлющий конкурент опередит тебя и возрадуется.

Смущенный Владислав Леопольдович только и развел руками перед обомлевшей от горькой вести Эллой Максимовной: «Эллочка, хоть убей. Я перед этой ратью оказался бессилен! Сдаюсь».

Фиаско? Крах? Амба? Возвращаться в забытый богом и ЦК профсоюзов Липовск на щите, терпеть насмешливые взгляды досужих кумушек и ловить пересуды не чурающейся сплетен местной интеллигенции? Выслушивать притворные утешения торжествующих в душе неудачников: не всем, мол, быть в этой жизни профессорами, кому — то и у станка нужно вкалывать. Вкалывайте, кто вам мешает? Но, пардон, Ленчику? Да ни за что на свете! В почтовом ящике листовка — Липовск предлагает льготу абитуриентам: поступление без экзаменов в этот, как его, аграрно-промышленный техникум. Вчерашнее профтехучилище. Приют последней надежды для разных лаек и сявок... Ага! Сейчас. Разбежались. Шнурки погладим и побежим. Нет уж!

Коль не вышло с медицинским, мой сын, гуманитарий, будет филологом. Тем более, что студентов педагогических вузов в армию не берут, общежитие дают, и все предметы будут ему по силам. Главное, нет той зловредной химии, которую — если признать честно — существенно не додала Ленькиному классу глубоко увлеченная то ли настольным теннисом, то ли крепышом — физкультурником школьная хохотушка — химичка. По правде говоря, при поступлении в медицинский вуз на экзамене по химии Ленечка мог срезаться только так, и никакие Львовичи — Ивановичи бы не помогли. Потому уж лучше открытые настежь двери историко — литературно — филологического, чем таящие опасности меды Первый и Второй... А липовским аборигенам что филология, что философия мало что говорят, ровно как изысканное французское слово «метранпаж» (особенно, если произносить его нараспев, с прононсом), или звонкое румынское слово бранзулетка... Посудачат и забудут. Другие сенсации нагрянут.

* * *

Леонид Вертушков восхитил экзаменаторов и дикцией отменной, и эрудицией. Читал с особенным выражением стихи Маяковского о советском паспорте, кусочек Шолоховской прозы о деде Щукаре, с надрывом — горьковского «Буревестника»,

ничуть (как, впрочем, и вся приемная комиссия) не задумываясь, каким это образом расположились «между тучами и морем» вся враждующая гоп-компания — гагары, пингвины и черный демон...

— Слушайте, а ведь парень — артист! Кэээк он этого чиновника учтивого изобразил, а? Лановой позавидует! — все еще перхая смехом, откашливался декан, едва захлопнулась дверь за липовским юношей.

— А мне понравился его запал в «Буревестнике»,— задумчиво крутила рыжий локон заведующая кафедрой.— Такая, знаете ли, чисто горьковская публицистика. Да... Будет этот парень у меня в группе старостой. И в студенческий театр его привлеку... Ну что это у нас, везде одни девчонки. Пусть наконец стены мужской голос услышат.

* * *

Новобранца Ваську Иващука отправили в мотопехоту, Славку Степанова — на флот. Пехотинец — «зеленый огурец» — отрабатывая строевой шаг, вздымал кирзовыми сапогами пыль на полигоне под славным городом Владимиром. Принявший присягу от стариков оловянными ложками по заднице другой «салага» осваивался в латышском порту города Лиепая (Либава) с непривычным обмундированием, подъемом и отбоем по распорядку. Конечно, как все рекруты, липовские первогодки тосковали по родному дому, ждали писем, мечтали хотя бы на часок вернуться в свой уютный городок с его кривыми улочками и переулочками, чтобы походить там по центральной «стометровке», пофорсить в военной форме, при погонах перед барышнями, полопать мамины оладушки... Грустили парни, тосковали, но уже усвоили то, что сразу им сказали басовитые командиры: оставь надежду до отпуска, солдат и матрос! Глотай на ужин склизкое картофельное пюре и недожаренную такими же, как и ты, первогодками — поварами морскую рыбу — минтай. Завидуй штатским, хотя бы тому же военнообязанному, но избежавшему «хэбэ», шинели, кирзовых сапог Леньке, ни фига себе — теперь жителю самой Москвы! — с ее сказочным Кремлем, Красной площадью, станциями метро, известными всему миру театрами и кинотеатрами, парком Горького и синим троллейбусом Булата Шалвовича Окуджавы... Завидовать — завидуй, а лямку тяни, медный котелок! Устав для всех един.

Кто-то в армии служил, а кто-то осваивался в институтских коридорах и аудиториях, с удивлением узнавая, какие известные люди — барды, художники, артисты, ученые, политики — вышли из этих стен. Правда, вот только профильных выпускников, которых призван был готовить педагогический вуз для советской школы — учителей — за все минувшие годы и даже десятилетия что-то не обнаруживалось. То ли скромничали, то ли поменяли профессию.

А как сложится после выпуска судьба у него самого? Ленька об этом старался не думать, плохо представляя себя учителем, стоящим с указкой в руках у доски или сидящим за столом перед классным журналом, призывая к ответу некого нового Иващука или Сяву... Подумать — и сразу становится тошно.

Леня Вертушков, как и предсказывали ему на приемных экзаменах профессора — педагоги, «вдарился» в артисты. Институтский режиссер, молодящийся усач, некогда подвизавшийся ассистентом в знаменитом московском театре, взял да и замахнулся на беспроигрышную «Свадьбу в Малиновке». Он прекрасно помнил, он знал и видел, как репетировал, как ставил ее в «Сатире» недосягаемый по таланту новатор отечественной сцены, за плечами которого целый кладезь шикарных фильмов и спектаклей. Ну, так что? Не запатентованы ведь приемы великих, повторять их в формате институтской малой сцены не запретишь.

Режиссер — питомец целинных и залежных земель, родившийся в самый канун освоения их комсомольцами — добровольцами со всего СССР, мечтал о Голливуде, обожал ковбойские наряды, носил дерматиновые куртки и, в силу малого роста, са-

молично подбивал каблуки чешских туфель «Батя» каучуковыми подметками из микропоры, что прибавляло желанные три — четыре сантиметра. Щеголяя всуе именами знаменитых актеров, даже не подозревавших о существовании некого их собрата, он отчаянно набивал себе цену, авторитет и значимость. Хотя и без придания псевдозначимости справлялся он с режиссерским ремеслом очень даже недурно, удостаиваясь искренних аплодисментов публики и похвальных грамот начальства. Ну, а причем здесь Леня?

Задумчиво пощипывая собранный на затылке в жиденькую косицу пучок волос, требовательный режиссер просматривал новичка в разных ипостасях. Начал с эпизодической роли Яшки — артиллериста. Отбой! С выворотностью косолапящих ног и забойным танцем «в ту степь» у рыжеватого первокурсника дело обстояло совершенно неважно; отдавил носки партнерше и сам запутался в простеньких па. Куда ему на ключевую сцену?

Примерили щупленького Ленчика, накинув ему чапаевскую бурку на плечи, в качестве пана атамана Грициана — Таврического, опять атас: голос не громовой и стать не та, ну куда ему с врожденной худобой и ангельскими глазками играть жестокого белогвардейского атамана? Кто из красногвардейцев такого щегла испугается?

Попробовать его отцом дивчины Яринки? Молод, никакой грим и приклеенные усы не спасут. Дедом Нечипором? Так он не артист, задницу по-стариковски, как это легко делают первокурсники ГИТИСА на этюдах, не сумеет отклячить. Стоп!

— Ну-ка, Олечка! Быстренько тащи сюда малиновые штаны, гармошку и тельняшку! — снизошло вдруг озарение на режиссера, тут же подхваченное добровольным его ассистентом Олечкой.

— Токай Курбанович, вы гений! — не смогла сдержать она восхищения, любуясь костюмным перевоплощением полчаса назад зажатого новичка в приклеивающего шулерские усики прожженного маркитанта Попандопуло.— Полное попадание! Можно я вас в щечку поцелую?

И в самом деле! Стоило только нахлобучившему рыжий парик и поварской колпак «усатому» ловеласу — Ленчику показаться в час премьеры из — за кулис, стоило лишь ему с пришепетывающим одесским говорком пооткровенничать перед публикой, похваляясь, как удачно выменял он вот эти вот малиновые штанишки на пулемет, как, сгибаясь от хохота, глетчером начал сползать со стульев первый профессорско-преподавательский ряд. За ним второй, студенческий. И пошел, пошел Ленчик укладывать ряд за рядом зрителей, исполняя без фонограммы, своим «баритоном — козлетоном» уморительные куплеты: «На морском песочке я Марусю встретил в розовых чулочках, талия в корсете». Народ хохотал до полного исступления. До изнеможения. До икоты. До ощутимых позывов — скорее бежать к ближайшему туалету. При каждом появлении Григория Попандопуло с его огромным маузером в кобуре зал просто неистовствовал!

И вот недавний серенький воробышек, один из многих в птичьей стае, Ленчик — пончик наутро проснулся знаменитым. Не зная и не предполагая, что прямой виновник его успеха — Токай Курбанович — в то же утро давно не спал, лежал, курил, буравя взглядом потолок, не столько упиваясь ошеломительным успехом комедии, сколько укоряя себя за недомыслие, за то, что он, вахлак, сам не сыграл такую забойную роль — Попандопуло. И теперь слава досталась не ему, а этому... липовскому недотепе, с его школярским страхом в глазах сделать что-то не так, до сих пор не отучившемуся шаркать по сцене в своих провинциальных «тухельках» с загнутыми, как у всех выходцах из деревни, носами.

Ну да ладно. Что теперь поделаешь? «Бери все, я себе еще нарисую!»,— ухмыляясь, говорил Попандопуло, шулер, барыга и фальшивомонетчик. Есть тонкий смысл в этих словах, если вдуматься...

* * *

Творческой личности похвала нужна, как канифоль для скрипки. Кто будет спорить с бессмертным афоризмом Козьмы Пруткова? Ленечка купался в лучах славы, похвалах и комплиментах, отгоняя трезвую мысль о том, что на его долю выпала всего лишь одна, одна-одинешенька удачная роль самодеятельного артиста. Слава бежала впереди героя, окуривая его дурманящим кальяном звездности и овевая опахалом общепризнанности. После победы «Малиновки» на зональном смотре — конкурсе студенческих театров Вертушков стал вообще недосягаемой личностью, получив полный карт-бланш на посещение лекций, семинаров, сдачу зачетов и экзаменов. Именная стипендия из благотворительного фонда памяти выдающегося артиста Христофорова обеспечивала теперь Вертушкову — актеру пусть и одной роли, вполне сносное земное существование, вместо прежнего прозябания, когда надо судорожно зажимать в кармане последний рубль, высчитывая дни до ближайшей стипендии или маминого денежного перевода. Хватало, пусть и на редкие, но звонки в Липовск матушке, а зачем ее чаще тревожить, когда сынок ни в чем не нуждается? И на походы в коктейль — бар, на зависть иным одногруппникам, только мечтающим о столике в модном кафе за креманкой с мороженым и хрустальным бокалом сидра...

А недавно ведающая расположенной чуть ли не на чердаке лабораторией биологического факультета черноокая вдовица, сама в студенческую пору игравшая в институтском театре чеховскую «Чайку», предложила мужающему Попандопуло не обременительную подработку ассистентом у нее на кафедре.

— Да у меня по химии со школьных лет три с минусом,— был откровенен Вертушков.— Я вам такую гремучую смесь наготовлю, что весь институт на небо взлетит.

— Мальчик мой, ничего готовить не придется,— улыбалась в ответ полнотелая смуглянка, дерзко заглядывая Леньке в глаза и, как бы невзначай, поглаживая запястья враз почуявшего невыносимую сладость женского тела студента.— Вот в шкафчике аптечные весы, на полочке повыше бюретки, воронки, пипетки. Это? Вата гигроскопическая, в бутылях вода дистиллированная. Везде бирочки, ярлыки, наклеечки. Только и дел — выдавать студентам посуду на лабораторных занятиях. Начнете вместе со мной, потом перейдете на самостоятельность. Единственное, что попрошу: следите, чтобы никто из ребят не трогал гидроокись натрия и гидроокись калия. Договорились, м-мм?

Ленька ахнуть не успел, как высокая договаривающаяся сторона бесшумно крутнулась на каблучках к двери, ловко повернула ключ на два оборота, и, по-кошачьи сцепив пальчики, горячечным шепотом сразила гостя наповал: «Ага! Попался? Зачем кусался?»

Как было ошалевшему добру — молодцу устоять против колдовских чар красной девицы? Лео безвинно пал. «И был последний день Помпеи для русской кисти первым днем!» Так и лишился Ленька целомудрия при не выясненных до конца обстоятельствах.

А «инструктор по вождению», прошептав поверженному Попандопуло: «Я первая, ты за мной!»,— оперативно маневрируя внутренними ресурсами, исчезла за могутным старинным шкафом с пробирками и микроскопами, прихватив для омовения баклагу с водой дистиллированной. Ленька же продолжал осмысливать реальность происходящего, распростершись на кушетке ниц, как препарированная лягушка. Слушал игривый плеск воды за шкафом, скользил отсутствующим взглядом по стенам и потолку, вкривь и вкось развешанным плакатам, поясняющим какую-то этнологию, связанную с поражением пищевой ротовой полости, глубокими язвами и развитием абсцесса с последующим рубцеванием. Оказывается, будущих химиков и биологов готовили на биофаке еще и как средний медицинский персонал. Так. На всякий случай. Кто застрахован от войны?

* * *

— Ленечка, сынуля, ты приедешь на каникулы? — проклиная отвратительную телефонную связь, постоянно вмешивающийся чей-то пьяный голос, допытывающийся у похохатывающей собеседницы нечто постыдное, пыталась докричаться из Липовска до Москвы Элла Максимовна.— У нас такой урожайный выдался год, ты увидишь, на рынке все ломится... Что? Я не слышу. Поезд? Комсомольский поезд? Но, родненький мой, нельзя ли... Я последнее время так плохо себя чувствую, опять пляшет давление. Да, я понимаю. Твоя мама все понимает. Конечно, потерплю, что же теперь, раз такое дело... Только будь повнимательнее, пожалуйста, никаких сомнительных друзей, тем более — подруг. Ты меня понял, Ленечка?

А наутро, забыв про ночные слезы, не сбывшееся желание встретить, приветить, обнять, накормить Ленчика его любимыми фаршированными перчиками, прогуляться по городу с так быстро вытянувшимся, неузнаваемо выросшим сыном, Элла Максимовна делилась последними новостями с интересом слушающим ее Котом Леопольдом.

— Ты только представь! Леню, как секретаря институтского комитета комсомола, включили в состав агитационного поезда, его по телевизору недавно показывали — «Ленинский комсомол». Там десять или даже двенадцать вагонов, а возглавляет их десант, Ленечка говорит, близкий родственник самого Валентина Пикуля. Прекрасный организатор, он уже привез в поездную библиотечку все романы писателя, даже эту вот новинку — «Фаворит»! Ленечка говорит, все зачитываются...

— Еще бы! — понимающе хмыкает Леопольд Владиславович.— Пикуль у нас тот еще историк, врет и не краснеет. Ну да ладно, у писателей профессия такая, иначе кто их будет читать? Что же. Я рад за Леньку. Поздравляю, Эллочка! Главное, парень приобретает самостоятельность, а то...

Он испытующе посмотрел на Эллу Максимовну — говорить — не говорить? Потом решился.

— А то он под твоим крылышком всегда мне казался таким, понимаешь ли, нючкой, маменькиным сынком. Да и не мне одному. А ведь нам над детьми всю жизнь зонтик держать не придется, нужно готовить их в самостоятельное плавание. Вон, как англичане: шестнадцать лет бою исполнилось — гуд бай, милый — вот тебе ключи от дома и живи, как хочешь, ты взрослый человек... А у нас до пятидесяти мамка нетелю одно место вытирает... Ты уж, Эллочка, прости мой язык без костей. Пойдем. Планерка!

* * *

Ничто в жизни из познанного, освоенного, благоприобретенного человеком не пропадет, всему найдется свое применение, дайте только срок. Не пропало и для Леньки то скучное, казалось бы, предвыпускное лето, когда он, бедный, маялся в одиночестве, бесцельно шатаясь по старой веранде, отвлекаясь разве что на запойное чтение разномастной литературы днем да пристальное обозрение окрестностей вечерами. Книги ума добавили, как ни банально это звучит. А потому именно Вертушков, уже замеченный и занесенный в блокнотик кем надо и куда надо, был в строжайшей тайне допущен в святая святых — агитационный отдел ЦК ВЛКСМ — для подготовки «Клятвы молодежи» с последующим коллективным принятием ее студенческой и трудящейся молодежью на Красной площади. Опекал Леньку и еще двух юнцов немногословный инструктор из ЦК рангом куда как выше комсомольского — КПСС! Знали ребята об этом дядьке — Черноморе только то, что он, вроде бы, вхож в покои самого Суслова Михаила Андреевича, серого кардинала всех времен, которого и Брежнев чуток побаивался, хотя уверял, что всего лишь к нему прислушивается. Но считался он, считался с мнением партийного аскета, скромность которого, в отличие

от Леонида Ильича, увешанного 117-ю высшими орденами и медалями, владельца целой коллекции авангардных автомобилей, зашкаливала. Не позволял Михаил Андреевич никому из водителей своей служебной машины «мчаться» даже по безлюдному загородному шоссе со скоростью свыше сорока километров в час, педантично, час в час прибывал в Кремль, и всегда в осеннюю и весеннюю распутицу ходил в поношенных ботинках с калошами... Но при этом, правда, обитал в роскошном кремлевском кабинете, где стояли вывезенные из побежденной Германии по репарациям огромные дубовые шкафы, некогда принадлежавшие апартаментам рейхсканцлера Геринга.

Наверное, этому Черномору и принадлежало авторство Вступления в агитационное произведение, призванное воспламенить сердца молодежи.

Только вслушаться — мороз по коже.

«Партия дала нам вечный огонь — ленинизм. С партией ЛЕНИНА наш народ сорвал оковы рабства, с партией ЛЕНИНА он построил новый мир — Союз Советских Социалистических Республик»...

Тонкий стилист Леня Вертушков внутренне ахнул, заметив в печатном тексте три подряд «на» в одной строке, против чего предостерегал начинающих писателей еще Алексей Максимович Горький. А тут: «Лени — на на шна род...». Разве так можно? Но имеет ли право вассал указывать даже на очевидные промахи своему сюзерену? Не лучше ли промолчать, как молчат, посапывая в свои две дырочки, такие же молодые барсучата, как он. А критиковать любой лох с соседней улицы может. Ты вот создать попробуй... Леня парился над бумагой чуть ли не до утра, но свой вариант предложил...

«Рабочей правдой, не сломленной кандалами и каторгой,— обводил он суровым взором притихших и поникших буревестников, с уважением поглядывавших на него, яростно жестикулирующего свободной рукой,— свободой, восставшей на баррикадах (слышали бы его сейчас рыжий, как апельсин, папа и обладатель курчавой смоляной бороды, непревзойденный оратор команданте Фидель!), кровью, пролитой комиссарами, клянемся, что вечно будет жить в наших сердцах огонь ленинизма, огонь борьбы, огонь революции. КЛЯНЕМСЯ!

Потрясая исчирканными конспектами, логарифмическими линейками, первыми попавшими в руки учебниками, надрывая глотки, повторяли в числе прочих добровольцев барабанящие по перепонкам слова комсомольской клятвы будущие долларовые миллионеры, а пока просто московские студенты, добровольно — принудительно собранные на Площадь.

Мужеством первых палаток, трудовой гордостью, комсомольской честью клянемся отдать свои силы во славу и могущество нашей Отчизны!

Многие юноши и девушки действительно отдали и силы свои, и здоровье святому делу. Но были в стройных рядах молодежи, осененной Леонидом Ильичом, маршалами, генералами, очень кстати приехавшими в Союз высокими гостями — Председателем Государственного Совета ГДР Вальтером Ульбрихтом, Председателем Совета Министров Монголии Южмагийном Цеденбалом леди и джентльмены иного толка, со временем отдавшие свои недюжинные силы и способности предосудительным делам ЮКОСа, Новатэка, Роснано...

Молодостью своей клянемся тебе, товарищ партия, быть верными делу коммунистов. Наше поколение никогда не свернет с Ленинского пути. Каждым ударом сердца, каждым прожитым днем, всей жизнью своей клянемся утверждать на земле коммунизм!

— А какой он, «Ленинский путь»? Что, все-таки, представляет собой коммунизм? И зачем, если он есть, еще и утверждать коммунизм?

По несчастью, именно такие вопросы посмел задать, полагаясь не более чем на дружескую беседу со старшим товарищем — уважаемым комсоргом — некий пытливый первокурсник, родом то ли из Нефтеюганска, то ли из Северодонецка, Ленька

уточнять не стал. Факт тот, что попал наивный куренок в когти к идеологическому ястребу...

— Т-ты как посмел покуситься на с-святое? — заикаясь от волнения, петрушил мальчишку на экстраординарно созванном заседании комитета комсомола гневный, как Зевс, Леонид Кириллович. (Ну вылитый барбудос, обличающий с трибуны сторонников империализма!)

— Т-такая грандиозная акция молодежи, т-такой, п-по с-сути, фестиваль молодежи и студентов, столько с-сил п-потрачено на п-подготовку, все комсомольцы в едином порыве скандировали: «Долой колонизаторов!», «Нет! — Америке!», а ты что? В наймиты на Запад подался?

Всегда поддерживающая шефа Ленка Золотухина в этот раз прятала глаза, молчала, всем видом давая понять, ну, хватит, Ленчик, устраивать публичное аутодафе мальчишке. Ничего уж такого преступного он не сказал, а с вопросом может обратиться к тебе любой, на то ты и политрук, чтобы уметь ответить коротко и ясно, а не истерить, как обворованная деревенская баба...

Ленька краем глаза обстановку уловил, просчитал, понял и тут же сменил гнев на милость...

— Помни, юноша, слова нашей Клятвы: «Мужеством первых, кипучей энергией молодых, кровью, пролитой политкаторжанами...». Ты будущий педагог, значит, идеологический боец партии и комсомола, значит, никакого не должно быть у тебя даже в мыслях разброда и шатания. Ты понял свои ошибки? Хорошо, что понял. Иди. Считай, отделался товарищеским внушением. И приходи сюда в следующий раз с хорошими идеями, свежими мыслями, дельными предложениями. Мы всегда рады будем тебя видеть!

Доверительно склонившись к плечу «виновника торжества», неверно выбирающегося из-за стола, Ленка что-то успокаивающее, ободряющее шепчет ему на ухо, дружески похлопывая по плечу. Не задерживаясь, не прощаясь, разбегаются по своим делам члены комитета. А выставленный над форточкой рупор, проверяя голос перед Днем молодежи, воспроизводит первое попавшееся из грампластинок, что нашлось в радиорубке у ведущего — «Интернационал».

*Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,*
*Отвоевать свое добро,*
*Вздувайте горн и куйте смело,*
*Пока железо горячо...*

«Ни в склад, ни в лад, поцелуй кобылу в зад»,— с ужасом ловит себя на цитировании нагрянувших вдруг Сявиных стихов секретарь комсомольской организации педагогического института. За что же он тогда первокурсника сейчас вот только при всех отчитывал, коль у самого такие крамольные мысли в башке? Тикать надо, бежать отсюда в светлый мир, а то чокнешься совсем, как этот... Кто там у Чехова из здоровых перебрался к психбольным в палату номер шесть? Но вначале нужно отчалить на Маросейку, вон лежит приглашение на комсомольский бал. Елена, ты где есть, едрит твою Мадрид? Собирайся, душа моя, поехали!

* * *

Михаил Егорович, так было звать — величать дядьку Черномора, и после соавторства над триумфальной клятвой Ленчика из поля зрения выпускать не собирался. Пару раз позвонил, а потом пригласил туда же, на Маросейку, для очной встречи.

И куда только подевались дядькина прежняя угрюмость, неприступность, чопорность. Приглаживая седой бобрик хорошо сохранившихся волос, то и дело похмыки-

вая в прокуренные усы, Михаил Егорович позволял себе те еще шуточки, перемежаемые и просторечиями, чем давал понять, ты теперь, Ленчик-пончик, свой парень в доску, тебе можно доверять то, чего нельзя доверять другим, и я очень рад, что нашего полку прибыло.

— Теперь о деле, мин херц,— вдруг оборвав себя на полуслове, посерьезнел Михаил Егорович.— Скажу сразу: ты у нас стоишь в резерве, и в хорошем резерве. Жизнь бурная, все мы не вечные, вот и этого (он кивком указал на потолок) скоро отправим послом, хватит уж ему в пятьдесят лет комсомолом заправлять... Так что... Но это не сейчас... Потом... Прости, закурю...

Вертушков — враз превратившись из гламурного, вальяжного денди в того самого школьного птенчика — сонно хлопал глазками и согласно поклевывал головкой после каждого слова старшего товарища и друга, не понимая ровным счетом ничего из его словесной эквилибристики. Что хочет от него сюзерен? На что намекает? Какой резерв? Не хочу я никакого резерва...

— Мы посоветовались,— донесся, наконец, как из тумана, неторопливый голос властелина Ленькиной судьбы,— и решили для начала будущей карьеры двинуть тебя на профсоюзы. Позарез нужны в профсоюзах молодые кадры, да и подходы нужны новые, современные, а то старики замшелые бог знает что творят. Доиграемся, как в Польше, я был там недавно, сам видел, все здания в Варшаве, Вроцлаве, Полоцке в листовках «Солидарности» и все стены исписаны вот такими вот метровыми буквами: «Lech!». «ЛЕХ» — Лех Валенса, бунтарь. Нам только такой радости не хватало, мало нам и так всяких Солженицыных, Коротичей, Ростроповичей... Словом, этого поросенка вороватого, председателя профкома вашего мы завтра же отправляем в отставку, пусть свечку в храме поставит, что не на зону, а ты принимай его дела.

— А напоследок вот что... Ты мне, дружище, составь, пожалуйста, словарик современного молодежного сленга, мне для одного человека надо. Темнить не буду,— все же понизил резидент громкий свой голос до минимального,— человек этот из органов. Ну, занеси на бумажечку все те словечки, что вы в общении между собой друг другу впариваете. Есть? Вот и отлично. Пока, Леонид Кириллович! Патриа а муэрте! — многозначительно улыбнулся напоследок князь тьмы, по-Фидель-Кастровски вскинув сжатый кулак над головой. Тем самым дав понять послушному ученику, что нет для него ничего тайного, что не стало бы явным. Значит, и о папе знает? Мефистофель чертов! Скупщик юных душ. А профсоюзы — это дело новое, интересное, попробуем. Да и хватит уже сидеть на комсомоле, чувствуешь себя, как стреноженный конь, который все перепробовал... Верно Егорыч говорит: «Профсоюзы — школа коммунизма»? Хм. Поучимся.

* * *

Стараясь привести в порядок изрядно припухшее после ночных страстей — мордастей личико, секретарь Вертушкова — Леночка — орудуя то кисточкой для подкраски век, то тюбиком с кремом, то помадой, крепко прижимала телефонную трубку к плечу, с досадой отвечая на очень уж дотошные расспросы многословного незнакомца.

— Но я же вам сказала, Леонид Кириллович чрезвычайно занят, он готовится к профсоюзному пленуму...Я понимаю, что вы его земляк, друг детства, но он никого сегодня не принимает. Хорошо. Есть у меня сердце, зачем вы так? Я попробую. Еще раз назовите себя, пожалуйста. Вячеслав Степанов? Можно просто Сява? Как интересно... Хорошо. Я доложу. Оставьте свой номер, я перезвоню.

Пиджак, впопыхах наброшенный вчерашним вечером на плечи Ленке, бежавшей с ним скорее к ее дому под проливным дождем, до сих пор хранит следы сырости, а потому висит, распятый, на спинке кресла. Витает в слабо освещенных не ярким светом настольной лампы просторах кабинета легкий запах сваренного им самолично

черного кофе. Строго и требовательно — ты зачем сюда явился, по делу ли? — смотрит со стены на каждого в чертог вошедшего глянцевый портрет примолодившегося нового лидера страны — лицо без единой морщинки — в отличие от прежних двенадцати морщинистых апостолов — членов Политбюро — во главе с тринадцатым, возглавляющим чертову дюжину.

Там где размещался этот ареопаг застекленных мумий, за обитой двумя слоями ваты и оклеенной дерматином внушительной дверью с табличкой о принадлежности, трудится сам хозяин. С годами заметно раздобревший, неторопливый в словах и жестах, по — партийному причесанный, без галстука (так модно!) улыбающийся кротко, кратко и только вышестоящим. В это зябкое сентябрьское утро он уже успел привести себя в порядок после вчерашнего. У него в боковушке — комнате отдыха — все есть: и запасная белокипенная сорочка с импортным галстуком, и китайская электробритва, и пузатый эмалированный чайник вкупе с фарфоровым кофейничком, и непременный коньячный набор с большой коробкой шоколадных конфет. А как иначе? Так положено. Мало ли кто пожалует в его владения, заваленные книгами, плакатами, брошюрами, журналами на профсоюзные темы. Все у него под рукой — от проспектов по рационализации и охране труда до санаторных сказочных мест отдыха трудящихся и учащихся. Партия ведь щедро привлекает профсоюзы на важнейшие участки экономики, культуры, здравоохранения, образования, науки и спорта.

Леонид Кириллович, честно говоря, исключительно для понта, для придания значимости, повелел сегодня верному другу — сладкому Ленусику ночью, но неприступной Елене Николаевне — днем — извещать посетителей о подготовке к пленуму. На самом деле, какой там к черту пленум? Потирая веснушчатый лоб, в кулачок подхихикивая, Леня составляет по заказу Михаила Егоровича зачем-то понадобившийся ему словарик молодежных слов и фраз, тщательно обсасывая каждое, прежде чем занести его на бумагу.

«Имхо» — по-моему. «Зы» — постскриптум. «Юзер» — пользователь. «Хедлайн» — заголовок. «Лаба» — лаборатория. «Курсовик», «курсач» — курсовой проект. «Препод» — преподаватель. Поднатужившись и набрав еще с полтора десятка самых ходовых «перцев», Ленька — хотя заказчик об этом его не просил — завершает отчет о проделанной работе личным заключением. Мало ли? На всякий случай. Почему бы и не показать лишний раз себя дюже умным.

«К сожалению, в гражданском обществе бытует мнение, что русское брюхо все эти «локации» и «контенты» благополучно переварит; вчера сам слышал на центральном рынке, как пожилая колхозница спрашивала встретившегося земляка: «А офис твой теперь где?» «Офис»... Я считаю, что американцы и англичане, преднамеренно и целенаправленно производящие своего рода импортовытеснение русского языка своими «перлами», обедняют и унифицируют молодежную среду, настойчиво вбивая в сознание, что наши юноши, девушки-космополиты, граждане всего мира, всего Земного шара, но не своей родной страны. Эти веяния должны быть решительно пресечены, изжиты от Чукотки (вспомнил он прочитанную на веранде книгу писателя Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы») до Калининграда и от Владивостока до Москвы. Есть в языке Пушкина и Тургенева абсолютно точные русские аналоги (Ленька почесал макушку, подыскивая вместо зарубежного слова «аналоги» равное ему русское, а не найдя, с досадой согласился с «ихним»), и мы, начиная со школы, дошкольных детских учреждений, тем более — в педагогических институтах и училищах — должны заниматься укоренением именно своего языка».

Обдумывая, что бы еще такое — этакое звучное и благозвучное вставить в концовочку дважды перечитанного текста, не избавившийся и с годами от крапинок — конопушек Ленчик — пончик сладостно потягивается, невольно вспоминая полное послушание Ленусика его ночным прихотям и алкая предстоящей ночью повторения пройденного... И в этот момент вначале раздается предупреждающий постук в дверь,

а следом просовывается поределый чубчик... лукаво улыбающегося... Сявы. «Можно к тебе, гражданин начальник?»

Когда вот так, внезапно, вдруг, вырастает перед тобой фигура человека, видеть которого не представляет для тебя никакого удовольствия, более того, в душе ты давно пожелал век бы эту личность не видать, конечно, теряешься. Не находишься, что и сказать. («А как его пропустили, где моя Ленка, карамба, опять у казачки торчит»?)...

— Привет, привет, заходи, старина. Какими судьбами?

— Да как же! Я всю жизнь газетку «Труд» выписываю, прочитал вот интервью с тобой, порадовался. Вона, думаю, как сокол-то наш, Липовский, взлетел. Ну, думаю, навещу-ка я его в Белокаменной, авось, друга детства приветит, не выгонит. А обиды прежние, то ведь были просто детские шутки, простит...

Сява по-прежнему бегло тараторит, сглатывая окончания слов, но теперь еще и постреливает глазками, изучая реакцию царственно принимающего собеседника, не спешащего напоить гостя хотя бы чашечкой горячего чая с лимончиком.

«Шутки, ваши шуточки,— тяжело ворочаются в мозгу Леонида Кирилловича только что прозвучавшие слова гостя, с которым он избегает встречи взглядом.— От каждой вашей шутки было пусто в желудке. Не налью я тебе ни коньяка и ни чая, не шарь голодными глазами по столу».

— Так, говорите, дела в столицу привели? — заставил Степанова вначале насторожиться — не ослышался ли? — а затем онеметь от испуга — басовитый тон и вправду начальника. Откуда только взялось у школьного гнома это надменно — вежливое «ВЫ», это царственное поведение? Не узнать былого конопатого засранца Вертушка, вечно гонимого, вечно угодливого, вечно отирающего углы школы, чтобы не попасть под раздачу — пинки и щелбаны Иващука и его, Сявы... («Накатаю Ваське сегодня же письмецо, пусть почитает там со своим семьянином, потешится»).

— Да, вот, понимаете ли,— молниеносно перестроился с панибратского настроя на казенный, учрежденческий, как и полагается тому, кто находится в роли просителя, не такой уж глупый малый Сява.— Подготовил я сборник стихов, тут и рецензия есть нашего липовского редактора, хотел бы это, как его, ну, словом, издать книжечку в Москве. Я и с матушкой вашей встречался. Говорил. Она что: я, мол, за сына не решаю, это ты уж к нему самому ехай, авось это... Помогнет... Старый друг, как говорится, лучше новых двух. Вот я и...

— Стихи? Это хорошо. Хорошо! Нам сейчас особенно нужны стихи, поэзия, такие, знаете ли, патриотичные, духоподъемные стихи, без всяких там гнусных намеков и подтекстов... Надеюсь, они у вас отвечают вызовам времени?

Сява нервно сглотнул набежавшую слюну, вспомнил полупозаимствованное у Рубцова, полуприсочиненное свое творение, закрывающее сборник: «Хлопнул по карману — звенит/, Хлопнул по другому — чистяк /, Как же я люблю «Электрон»/, Больше, чем «Зенит» и «Спартак»!

И похолодел: не патриотичное!

Благо, снизошедший до перелистывания рукописи профсоюзный босс на другое обратил внимание: где про поля кукурузы, трактора, хлебную ниву...

— В общем так,— перешел на барский полушепот Ленчик-пончик.— Есть у меня чел,— глазами, устремленными ввысь, дал он понять Сяве КТО этот «чел»,— родич Пикуля, да? Я ему эту папочку передам, он в нашем издательстве как раз литературой и рулит. За результат не ручаюсь, но свое слово скажу, да? Так вот! А Иващук где же? — не мог напоследок удержаться от вопроса Ленька.

— Васька? Где золото роют в горах. Где еще быть домушнику? Вторая ходка. Теперь на четыре года загремел. Все бы ему пьяночки, бабеночки, картишки, бильярд... Вот и допрыгался.

«А где же был ты, дружок липовый?»,— хотел спросить да не спросил — что те-

перь толку? — Леонид Кириллович. Сказал иное: «Я тебя услышал». Помолчал. Побарабанил пальцами по столешнице. Поиграл красным карандашиком. Покрутил шейкой, поплямкал губками. Покачал головой, давая понять: да, вы надо мной всегда смеялись, а вот так и бывает с непокорными, злыми, глупыми мальчишками, как Васька, которые не слушают маму, ведут себя плохо, своевольничают.

— Ну, что же? Рад был видеть. Телефон я записал,— он кивнул на листочек настольного календаря,— как известие получу — перетранслирую.

«Как был ты засранец, так им и остался,— вяло пожимая протянутую из-за стола руку, тупо глядел в пол поэт Степанов.— Брешешь ты все, врешь, как сивый мерин. Никуда ты не позвонишь, ни к какому родичу Пикуля просить за меня не пойдешь. И листочек этот на календаре перевернешь — забудешь. Забрать, что ли, рукопись? Хотя... Пусть остается. Есть у меня второй экземпляр».

— Желаю здравствовать и всех благ вам, Леонид Кириллыч! (Нет, не простил ты мне пролитые в детстве слезы, злопамятный ты «чел»).— Будете в Липовске — свидимся, как у нас говорят.

Сява еще малость постоял, потоптался у стола, бесцельно поглядывая по сторонам, не то, чтобы ожидая чашку чая, но все же в глубине души надеясь, что спросит бывший одноклассник, где он остановился, у кого остановился, когда домой отчалит, что матушке своей передать... И не дождался.

«Стукнул по карману — звенит /, стукнул по другому — пустой/, я под старость лет — не жених /, ты под старость лет — холостой». Вот такие, удачные ли, не удачные стихи под Рубцова открывали сборник липовского поэта Степанова с посвящением школьному другу Л. В.

Только Леня Вертушков эти стихи, бегло листая рукопись Славки, к сожалению (или к счастью?), проглядел, не прочитал. Да и прочитает ли? А друг детства, прощаясь, почему-то указывать ему на них не стал.

**Валерий Румянцев**
(г. Сочи)

# ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ ЧИЧИКОВА

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

По Рублевскому шоссе в сторону Москвы мчится новенький черного цвета «Майбах». На заднем сидении удобно расположился Павел Иванович Чичиков. Описывать его внешность нет смысла, так как редкий россиянин не читал поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души».

Что изменилось с тех пор кардинально, так это то, что теперь Чичиков был не отставным коллежским советником, а крупным бизнесменом, фамилию которого знают не только в нашей стране, но и за ее пределами. Злые языки утверждали, что в конце горбачевской перестройки Чичиков занимался тем, что собирал паспортные данные недавно умерших людей и брал на них быстрые кредиты. А уже в ельцинские времена Павел Иванович провернул такие аферы, что его махинации с мертвыми душами кажутся детским лепетом. Но в данном повествовании речь не об этом, да и к тому же сегодня этим никого не удивишь.

В своем поведении Чичиков почти не изменился: он по-прежнему старается не привлекать к себе внимания, предпочитает оставаться в тени, потому что его плутовские махинации требуют тишины и мрака. Он мог бы сейчас ехать с охраной в две-три машины или в сопровождении автомашины ГИБДД, но он этого никогда не делает.

И еще Павел Иванович считает, что предпринимательскому сообществу надо приложить максимум усилий, чтобы убедить все население России, будто именно такие, как он, являются «героями нашего времени». А то ведь что получается: сегодня каждый второй россиянин готов бросить камень в любого олигарха. И бросали бы, если бы олигархов не защищала полиция и, выражаясь по старорежимному, Отдельный корпус жандармов.

Однако вернемся в салон «Майбаха». Чичиков отвернулся от окна автомобиля и заглянул в свое прошлое. Вспомнил, как Белинский, Аксаков, Герцен, Писарев и другие известные люди — все в один голос заявили, что он «плут». А один из литературоведов додумался до того, что повесил на него всех собак. Мол, Чичиков вобрал в себя все отрицательные качества: мечтательность и прожектерство Манилова, прижимистость Коробочки, авантюризм Ноздрева, жадность и неуступчивость Собакевича.

Павел Иванович возмущался такими оценками и, вспоминая о них уже в 21 веке, думал: «Ну, так кто оказался прав? Я как гость из Будущего пришел и показал россиянам, как надо заниматься бизнесом. И только недавно до них дошло. Уже почти половина живущих в России думают так же, как и я».

Да, он не скрывает: у него один жизненный мотив — выгода. Он никогда не забывал совет, полученный от отца — учиться и водиться с теми, кто побогаче, чтобы при случае они могли быть ему полезными.

Но вместе с этим в последние годы Чичикову захотелось иного блага, не материального. Он вдруг захотел славы. Пока у него была только известность предпринимателя. Не зря же художник Петр Михайлович Боклевский по своей инициативе написал его портрет. А памятник ему как бизнесмену никто не поставит. Не опускаться же до такого унижения, чтобы ставить памятник самому себе, как это сделал Жириновский. Да и вообще, слава — это не памятники, а цветы на постаментах. «Вот если бы мне поставили памятник как писателю?..» — неоднократно задавался вопросом Павел Иванович.

Чичиков пробовал писать художественные тексты, но у него это плохо получалось. И чем дольше у него не получались ни стихи, ни проза, тем сильней, как это ни странно, он жаждал именно литературной славы. А он-то знал, что настоящая слава — это когда узнают в профиль.

Иной поставит перед собой цель — и простоит всю жизнь перед ней как вкопанный. А Павел Иванович — человек совсем другого плана. Он понимал, что вместе с целью он выбирал и препятствия. Но жизнь без цели превращается всего лишь в обмен веществ. Не все желания могут найти дорогу к возможностям, но он придумал, как достичь цели наверняка.

Чичиков решил найти талантливых литераторов, у которых есть неопубликованные тексты, и, не считаясь ни с какими деньгами (благо, у него их предостаточно), приобрести в собственность их лучшие произведения. «Это же своего рода «мертвые души,— думал он.— К тому же есть талантливые ребята, которых называют «литературными неграми». Может, сделать ставку на них?».

Павел Иванович был уверен, что со своей дьявольской энергией и изобретательностью он найдет такие тексты и так прославится, что ему позавидуют не только какие-то там Прилепины и Шаргуновы, но и сам Николай Васильевич Гоголь. И Пушкин тоже позавидует. Почему? Да потому, что «его творчество» будет многогранным. Он предстанет перед читателями как прозаик и поэт, как баснописец и пародист, как сказочник и автор афоризмов, как литературный критик... Да что там, для такой высокой цели любые жанры хороши.

Сейчас кому на Руси жить хорошо, тот, как правило, получает второе гражданство. Чичиков на всякий случай тоже получил его и основную часть времени проводил за границей.

Позавчера, еще будучи в Лондоне, Павел Иванович узнал, что на днях в Москву приедут сотни известных писателей, чтобы принять участие в крупном литературном мероприятии. Чичиков воспринял это как знак судьбы. Долго не раздумывая, он сел в самолет и вскоре был уже в своем особняке на Рублевке.

И сразу начал действовать.

В течение дня разыскал Александра Андреевича Проханова и Виктора Ивановича Лихоносова, в надежде купить у них в свою собственность какие-либо тексты. Но если оказался в нужном месте в нужное время, это вовсе не значит, что тебя там ждут.

Лихоносов, узнав о цели визита Чичикова, тяжело вздохнул и сказал: «Я своей совестью, Родиной и своими произведениями не торгую». Одним словом, бизнесмен он никакой. Ему-то Чичиков готов был заплатить за текст несколько миллионов рублей, а он...

Еще хуже вышло со вторым популярным писателем. Перед глазами Павла Ивановича до сих пор трясется багровое лицо Проханова, а в ушах застрял крик: «Вон отсюда, подлец!».

Но день даром не прошел. Чичиков имел продуктивную беседу с Львом Данилкиным. Да, с тем самым, получившим однажды главный приз премии «Большая книга». «Ну мы-то знаем, кому и за что платят большие деньги»,— подумал Чичиков, пожимая руку новому знакомому. А еще Данилкин отметился статьей «Ленин: ослиный мост», содержание которой свидетельствует о том, что этот ученый муж страш-

но далек от истории СССР и узок круг его знаний в области диалектики. (Да простит читатель мне это авторское отступление).

Данилкин очень тепло встретил Чичикова, подробно рассказал о предстоящем литературном мероприятии и самое главное — по-деловому и с пониманием отнесся к стремлению собеседника купить в собственность чужие тексты. При этом Лев не советовал разговаривать с известными литераторами: мол, вряд ли кто-то из них пойдет на это, и к тому же будет стопроцентная утечка информации. А огласка в данном случае, дескать, подмочит репутацию восходящей новой литературной звезды. Лучше, по утверждению Данилкина, найти действительно талантливых, но неизвестных писателей. С кем-то из них наверняка удастся «оформить купчую». Он дал один адресок и при этом добавил: «Сергей Галандин — пьяница еще тот, но чертовски талантлив и как поэт, и как прозаик». Данилкину лестно было познакомиться с одним из российских олигархов, и, чтобы закрепить знакомство, он пообещал ему найти еще два-три человечка из числа, как он выразился, подпольных литературных талантов.

Павел Иванович щедро отблагодарил собеседника за консультацию, откланялся и поехал домой.

И вот сегодня Чичиков как раз и спешит к этому самому Сергею Галандину, который жил один в крохотной квартирке в каком-то бараке на окраине Москвы.

Когда Чичиков подошел к двери квартиры, в которой проживал Галандин, то удивился, что на ней отсутствует звонок. И еще больше удивился надписи на двери: «Стучитесь — и вам откроют. Только не перепутайте дверь». Павел Иванович громко постучал.

Дверь открыл небритый мужчина примерно пятидесяти лет, одетый в старый рваный свитер и засаленные брюки.

— Здравствуйте,— первым заговорил Чичиков.— Вы Сергей Галандин? Прошу прощения, не знаю вашего отчества.

— Сергеич мое отчество. А вы по какому вопросу?

— Ах, как складно у вас получается: Сергей Сергеевич. Я, Сергей Сергеевич, по литературному делу. Если позволите пройти, я поясню, как вы сможете поправить свое материальное положение.

— Проходите,— недоуменно предложил Галандин, пропуская неожиданного гостя в коридор.

Перешагивая через порог, Павел Иванович почему-то подумал: «В русском языке пятьсот тысяч слов. Неужели он знает хотя бы пять тысяч?».

Чичиков снял с себя дорогущую зимнюю куртку, повесил ее на приспособление, выполняющее функцию вешалки, и взглянул себе под ноги.

— Да вы не разувайтесь, я давно не подметал в квартире, проходите туда,— Галандин махнул в сторону двери.

Чичиков зашел в прокуренную комнату и осмотрелся. Бросались в глаза доведенная до изнеможения мебель, обилие книг, расставленные, готовые к бою шахматы и низкие потолки. «Для чего высокие потолки тем, кто живет на коленях?»,— вспомнил он фразу, которую недавно где-то вычитал.

Павел Иванович сел на единственный старый стул, который Галандин предложил ему. Возле ног поставил небольшой кожаный чемоданчик — своего рода спутник в его различных краткосрочных поездках. Поэт тем временем принес из кухни табуретку и примостился на ней.

— Сергей Сергеевич, сразу хочу представиться: Павел Иванович Чичиков.

— Неужели тот самый? — удивился Галандин и зашевелился, опираясь руками на стол.

— Да, Сергей Сергеевич, да. И хочу добавить: искренне рад с вами познакомиться. Лев Александрович Данилкин, приятный во всех отношениях мужчина, рекомендовал мне вас как талантливого поэта и прозаика...

— А-а-а... Эта продажная шкура.

— Сергей Сергеевич, у меня к вам деловое предложение. Причем, обратите внимание, я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, ни на один шаг. И мое предложение вам носит вполне законный характер...

— И какое предложение? — равнодушно поинтересовался Галандин.

— Не сомневаюсь, что вы знаете, как устроена жизнь. Кто-то производит товар, не имеет значения какой. А кто-то этот товар покупает. Вы, Сергей Сергеевич, пишете стихи и прозу, это ваша интеллектуальная собственность. А я хочу у вас купить этот товар, причем оформить этот товар в свою собственность.

— То есть? — не совсем понял Сергей Сергеевич.

— Я вам деньги, а вы мне — свои художественные тексты. Естественно, без каких-то там договоров и других бумаг. Что называется, отношения, основанные на честном слове. Кстати, это самые лучшие отношения в любом деле.

— Ну, допустим, продам я вам. И что вы будете делать-то с этими текстами?

— Сергей Сергеевич, открою вам свою тайну. Я уже много лет пишу и стихи, и прозу. Но специалисты говорят, что уровень... как бы точнее сказать, недостаточен. Если я куплю у вас тексты, то это уже будет моя собственность. Правильно я говорю?

— Наверно, правильно...

— Значит, я могу использовать их на свое усмотрение?

— Ах, вот в чем дело. Вы хотите печатать мои произведения под своим авторством?

— Да, дорогой Сергей Сергеевич, да. Ваши произведения пойдут в народ.

Приличные тиражи я вам гарантирую. Ну и что такого, что автор будет указан не вы, а я. Вы же пишете и хотите, чтобы эти тексты читали миллионы людей, и при этом получать за это деньги. У вас писать получается, а получать за это деньги — нет. У меня другая ситуация: писать не особо получается, а деньги, причем любые суммы, я могу потратить: и за ваш труд, и на издания.

Поэт молчал.

Когда логика не убеждала собеседника, Чичиков всегда использовал интонацию:

— Голубчик, вы не спешите с отказом, подумайте. Ведь и вам будет хорошо: ваши тексты найдут читателей, вы получите от меня сразу немалые деньги. И мне хорошо: все узнают, что есть писатель Чичиков,— и добавил шутя: — И я внесу свой взнос в развитие русской литературы.

Галандин медленно провел рукой по лицу и спросил:

— А сколько вы готовы заплатить?

— А столько, дорогой Сергей Сергеевич, сколько вы скажете. Разумеется в разумных пределах.

— Ну вот, скажем, за одну стихотворную строчку?

— А сколько вы хотели бы получить за одну строку?

— Одна строка — десять долларов,— решил поторговаться Галандин, задрав цену до потолка.

— Хорошо,— не раздумывая, ответил Чичиков.

Поэт не поверил своим ушам и переспросил:

— Вы готовы платить за одну стихотворную строчку десять долларов?

— Да, готов, но при условии, если эта строка мне понравится и если она нигде не печаталась.

Сергей Сергеевич оживился, глаза его заблестели. Он встал с табуретки, суетливо убрал со стола все, что там было, смахнул на пол хлебные крошки и достал со старого шифоньера большой ободранный чемодан советских времен. Извлек из него множество папок, на обложках которых были надписи. Сел за стол и взял в руки папку с надписью «Неопубликованная лирика». Уже начал развязывать тесемки, но вдруг остановился и недоверчиво спросил:

— А деньги с вами?

— Я без денег никуда не хожу. Вам в рублях или в долларах? Хотите, отправлю вам на карту...

— Не-е-е, только в рублях и только наличку. Да и карты у меня нет.

— Как скажете. Наличку так наличку,— и достал из своего кожаного чемоданчика пачку пятитысячных купюр в банковской упаковке, молча показал поэту и небрежно бросил ее назад в чемоданчик.

— Павел Иванович,— вам какую лирику почитать: гражданскую, любовную, пейзажную...

— Сергей Сергеевич, это не принципиально. Главное, чтобы строки были нигде не опубликованы и заключали в себе художественную ценность.

— Понял,— ответил Галандин, неожиданно вскочил с табуретки и убежал на кухню.

Через минуту он вернулся, поставил на стол вонючую пепельницу, положил новую пачку «Примы» и предложил закурить.

— Нет, не курю. Не сделал привычки, боюсь, говорят, трубка сушит...

— Я тогда в кухне возле форточки быстро подымлю.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Вернулся поэт действительно очень быстро: выкурил только половину сигареты. Ему не терпелось узнать, как же дальше развернутся события.

— Павел Иванович, начнем с гражданской лирики. Читаю первое стихотворение. Кстати, написал я его лет десять назад.

*В голове сюжеты путались.*
*То всплыло убийство Авеля,*
*То шептал советы Бурбулис:*
*Мол, мы все живем неправильно.*

*То Чубайс с приватизацией,*
*То Гайдар с его реформами.*
*Глупости и провокации,*
*Планы громкие и вздорные.*

*Узелки сюжетной линии*
*Распускались паутиною,*
*Покрывая, точно инеем,*
*Ткань истории былинную.*

*Факты смешивались с вымыслом.*
*Даты превращались в ценники.*
*Прятали жрецы папирусы,*
*Свитки прятали священники.*

*Плыли корабли истории*
*По мирам, покрытым тайною,*
*И через века в «Асторию»*
*Протянулись руки Каина.*

*Рвали полотно сюжетное*
*Бесконечные метания,*
*Падали в прорехи гетманы,*
*Проявлялся профиль Сталина.*

*В Прошлом бьется Настоящее.*
*Явь летит в потустороннее.*
*Кружат замыслы блестящие,*
*И чем дальше — тем бездоннее.*

— Проявлялся профиль Сталина. Сильно сказано,— оценил Чичиков.— Каждая строка в этом стихотворении действительно стоит десять долларов. Покупаю. Я вот периодически читаю современные литературные журналы и что-то почти не встречал таких пронзительных строк.

— А это потому,— высказал свое мнение Галандин,— что там печатаются в основном крупные литературные чиновники и их друзья и родственники. А издательства тиражируют таких, как Донцова или Гузель Яхина, которые гонят туфту или жуют сопли. Народ покупает, потому что художественный вкус ему уродуют уже три десятка лет. И все прекрасно понимают, что уже через пятьдесят лет никто их не вспомнит. Ну, разве что Виктор Пелевин задержится в русской литературе, да и то навряд ли.

— Но кто-то же должен остаться в русской литературе из тех, кого сегодня активно печатают? — удивился Чичиков.

— В основном останутся те, кого сегодня не печатают.

Сергей Сергеевич прочитал еще с полсотни стихотворений гражданского звучания — и Павел Иванович все их купил.

Когда Галандин хотел перейти к чтению пейзажной лирики, Чичиков его прервал:

— Сергей Сергеевич, стоп-стоп. Чтобы не создавать неразбериху, считайте количество строк, я отдам вам деньги — и тогда двинемся дальше.

Галандин посчитал количество строк. Чичиков не стал их пересчитывать, вынул деньги и расплатился.

— А вот, Павел Иванович, пейзажная лирика. Читаю про осень.

Когда поэт закончил декламировать, Чичиков не скрывал восхищения:

— Вы — молодец! Скажите: и как вам удается находить такие изумительные строки? — И процитировал строфу из только что услышанного стихотворения:

*— Запах сырости и грибов.*
*Лист упавший наполнен влагой.*
*Закрывают стволы дубов*
*Затаенную пасть оврага.*

И я ведь не читал, а только один раз услышал эти строки — и сразу запомнил.

— Вы спрашиваете, как рождаются такие строки? Да я, честно говоря, и сам не знаю. Вдохновение — штука непонятная... А вот у меня большая подборка стихотворений о зиме.

Поэт продолжил чтение и, надо признать, делал это мастерски.

— Очередной шедевр. Одна вот эта строфа чего стоит:

И сквозь стужу января, солидарна с нами, улыбается заря алыми губами,— процитировал Чичиков и спросил: — Сергей Сергеевич, а вы посылали эти стихи в редакции?

— Я уже три года никуда ничего не посылаю. Не хотят печатать — их проблемы,— с гордостью сказал поэт и продолжил: — Да я такой не один. Со мной в Литературном институте учились ребята, так из нашей группы только Федор Ошевнев активно печатается. Кстати, пишет добротную прозу. Остальных не видно и не слышно. Уверен, что многие пишут, но никто из редакторов не пускает их даже на порог.

— А этот Федор — москвич?

— Нет, в Ростове живет.

— Как вы думаете, не продаст ли он мне часть своих текстов?

— Я его хорошо знаю. Он на это не пойдет.

— Ну ладно, бог с ним.

— Я-то почему согласился? У меня есть веская причина пойти на такой шаг... но не хочу об этом говорить. Понять чужую боль может только тот, кто имеет свою.

Чичиков спрашивать ничего не стал, тактично промолчал, а Сергей Сергеевич продолжил чтение своих стихотворений на самые разные темы. Но чаще всего звучала философская лирика и стихи о любви.

Одно стихотворение так заинтересовало Павла Ивановича, что он сначала прослушал, а затем сам прочитал его текст. На этом не успокоился и попросил автора прочитать вслух эти строки еще раз.

«Нанялся — продался»,— подумал Галандин и начал читать второй раз одно и то же стихотворение:

*— В начале всех времен, когда носился Хаос*
*В бесцветной круговерти Ничего,*
*Уже тогда мне сразу показалось,*
*Что, мир создав, я застыжусь его.*
*Но усомнился я в своих сомненьях,*
*Разрушив бесподобное Ничто.*
*А это было как всегда прозреньем.*
*И вновь я совершил совсем не то.*
*Я создал мир. Я за него в ответе.*
*Я это даже где-то признаю.*
*Но то уже, что в мире Солнце светит,*
*Снижает опрометчивость мою.*
*И пусть в меня и верят, и не верят,*
*Но для молитв я вызвал к жизни Жизнь.*
*По сути, жизни — лишь входные двери.*
*За ними ждут другие рубежи.*

— Стихотворение сложное, но чертовски интересное,— с долей какой-то непонятной радости сказал Чичиков.— Вы, видимо, интересуетесь философией.

— Есть такой фрагмент в моей жизни. А вот, Павел Иванович, еще у меня имеются написанные в разные годы басни. Причем больше половины из них не публиковались. Купите? — с сомненьем спросил Галандин.

— Безусловно. Подозреваю, что они не менее интересны, чем ваша лирика.

Сергей Сергеевич вынул из папки толстую стопку листов.

— Вот, есть басня с таким названием «Дева и Роза»,— и начал наизусть читать:

*— Я так люблю цветы! — сказала Дева,*
*Целуя ей подаренный букет.*
*Сдержать не в силах праведного гнева,*
*Со стоном Роза молвила в ответ:*
*— Когда б меня и вправду ты любила,*
*Тогда б цветы не позволяла рвать.*
*Как хорошо в саду цвести мне было*
*И как мучительно в букете умирать!*

*И так бывает: то, что любим,*
*Охотно мы берем и губим.*

— Замечательная басня! — воскликнул Павел Иванович.

И в этом восклицании не было совсем ничего от Чичикова. Казалось, что это другой человек, но только с его внешностью и голосом.

И так, слушая один текст за другим, Чичиков просидел в квартире у поэта до обеда. Уже и тот, и другой были не прочь закусить. Павел Иванович хотел было пригласить поэта в ресторан, но не был уверен, что у того есть приличная одежда, а вести его в этой — не комильфо. Ехать в ресторан без поэта — тоже как-то не в тему. И пока он размышлял, Сергей Сергеевич, закончив на кухне очередной перекур, вошел в комнату и сказал:

— Павел Иванович, пора бы пообедать. Правда, у меня есть только хлеб, чай и консервированная килька в томате. Если не побрезгуете...

— Сергей Сергеевич, мы, с вашего позволения, поступим вот как,— он достал из кармана сотовый телефон, который использовал только для решения бытовых вопросов, и позвонил своему водителю.

Примерно через полчаса сотрудники ближайшего ресторана занесли в квартиру больше десяти различных блюд, среди которых Сергей Сергеевич увидел и те, которые он никогда в жизни не ел.

После принятия пищи они продолжили работу. Поэт читал свои неопубликованные литературные пародии, а Чичиков то громко смеялся, а то возмущался бездарностью современных поэтов.

Когда тексты пародий были отодвинуты в сторону, Чичиков попросил прочитать все стихи о России.

Выслушав несколько стихотворений, Павел Иванович сказал:

— Спору нет, хорошие стихи, но уж слишком пессимистичные.

— А по-моему, определенная доля оптимизма присутствует,— не согласился автор.

— Ну, знаете, это как посмотреть...

— Каждый смотрит с той колокольни, на которую смог забраться.

— Да, да, вы, безусловно, правы.

— Выражаться в нашем сером Настоящем по-другому — значит лгать читателям,— отстаивал свою точку зрения поэт.

— Цвет, в который окрашена жизнь, зависит от нашего выбора. Во всяком случае, я так думаю. Я тоже не всегда жил в шоколаде, и у меня были черные полосы,— сказал Чичиков и озабоченно добавил: — Вы, голубчик, будьте поаккуратней. Свобода слова — не голубь мира. Власть в России такие стихи, мягко говоря, не одобрит. Ну, посудите сами. Вы пишете: «Сограждане! Настал тот час, когда бездейство — преступленье. Отчизна призывает вас к...» ну и так далее.

— Когда рожденные ползать захватывают власть, они следят за тем, чтобы ни у кого не выросли крылья,— парировал хозяин квартиры.— И еще...

— Все, все, все...— замахал руками Чичиков.— Я вас умоляю, Сергей Сергеевич, давайте оставим эту тему.

— Ладно, будь по-вашему,— нехотя согласился Галандин.

Вскоре подошло время для рассказов. На ознакомление с ними ушло много времени. Их Чичиков тоже купил все, причем многие из них даже не читая.

После этого Павел Иванович спросил:

— А нет ли у вас кроме басен и пародий собственно юмористических стихотворений? Может быть, есть что-то другое: одностишия, двустишия или что-то еще?

— А как же, есть, конечно,— ответил Галандин и пододвинул к себе две папки, которые еще не открывал.— А вас интересует сатира и юмор или серьезная тематика?

— И то, и другое. Главное — чтобы было содержательно, интересно, чтобы являлось пищей для размышлений или вызывало смех.

— Начну с сатиры и юмора. Вот, например, такие двустишия:

*Как недостойную уловку,*
*Мышь отрицала мышеловку.*

Или вот такое:

*Назвался груздем, в кузов влез,*
*А там и в белые пролез.*

— Очень хорошие двустишия,— и Павел Иванович беззвучно похлопал в ладоши.
— Или вот, уже серьезные стихи:

*Нет в жизни счастья. В счастье — жизни нет.*
*Они в разлуке, словно тьма и свет.*
*И хоть они друг друга сторонятся,*
*Но их, к несчастью, друг без друга нет.*

— Очень интересно. Надо же, один рубай, а иллюстрирует целый закон диалектики: закон единства и борьбы противоположностей.

Упоминание о законах диалектики свидетельствовало о том, что Чичиков обладает довольно широкими знаниями. Но вот беда: широта взглядов не гарантирует нравственную высоту.

Они сидели еще долго. Чичиков купил у Галандина почти все, что тот предложил: лирические и юмористические стихи, басни, литературные пародии, рассказы и две повести. На всякий случай прикупил даже айтыс.

В конце общения Сергей Сергеевич особо отметил:

— Павел Иванович, обманывать — не в моих правилах. Все тексты, что я вам продал, нигде не печатались. Это легко проверить, используя Интернет. Практически все, что опубликовано где-либо, там сразу всплывает.

Когда расставались, Чичиков задал последний вопрос:

— Сергей Сергеевич, не хотите ли заработать еще и таким способом: поработать над моими текстами, что называется довести их до ума. Я хорошо заплачу.

— Я подумаю над вашим предложением.

— Подумайте, голубчик, подумайте. Вот моя визитка, там один из моих телефонов и электронная почта. Если надумаете, звоните, пишите. Всегда буду рад нашему общению.

Уже на улице, крепко пожав руку Галандину, Павел Иванович еще раз повторил:

— Вы все-таки подумайте над моим последним предложением, подумайте.

Сел в машину, помахал поэту рукой и уехал.

Вечером Чичиков вернулся в свой особняк на Рублевке. Снял верхнюю одежду и проследовал в рабочий кабинет.

Первым делом вынул из миниатюрного чемоданчика рукописи, которые купил сегодня, положил их на стол и, сделав несколько шагов в сторону, сел в кресло. Посмотрел на большую стопку потрепанных папок и подумал: «Вот он, первый шаг к литературной славе».

Кстати, среди рукописей была и короткая басня под названием «Слава». Вот она:

*Явилась Слава к Мудрецу,*
*Решив, что он ее достоин.*
*Но тот был холодно спокоен,*
*Сказав: «Мне Слава не к лицу».*
*«А мне лицо твое подходит...»*

*С тех пор, ограбив Мудреца,*
*В чужом обличье Слава ходит,*
*А Мудрость ходит без лица.*

Если вспомнить о планах гениального Гоголя на будущее, то он собирался «возродить Чичикова к духовной жизни, сделать его порядочным человеком, восстановить живую душу».

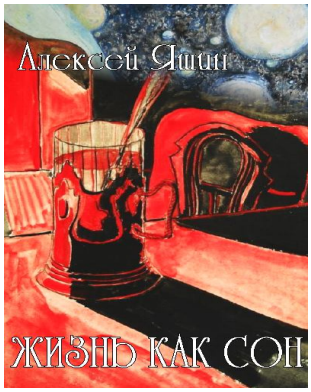
Но как мы только что убедились, этого не произошло.

Посмотрим на нашу сегодняшнюю действительность с гораздо большим вниманием, чем обычно. И тогда мы увидим, что современная Россия буквально кишит чичиковыми во всех сферах. Они везде: в законодательных и исполнительных чиновничьих креслах, на производстве, в армии, в правоохранительных органах, спецслужбах, в литературе и других областях искусства...

Пользуясь бедственным положением большей части населения, чичиковы наживаются за счет других людей, тем самым добивая Россию.

Читатель, тебе не страшно от этого?

**Алексей Яшин**
(г. Тула)




## КЕСАРЕВО КЕСАРЮ — И НЕ ШАЛИТЬ!

*Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство. И в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства.*

Ф. М. Достоевский «Подросток»

*Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньгу уметь зашибить.*

Ф. М. Достоевский «Бедные люди»

♦ Май-баловень расслабляет *преподов универа*, как порой и сами они друг друга величают с горьковатым юмором и с подачи студентов с их нынешним собачьим языком,— в предвкушении уже скорого двухмесячного отдохновения: от этих самых студиозусов. А вот последним расслабляться рано: экзамены на носу! И все мысли их об этих чертовых экзаменах: в смысле не о подготовке к ним, что западло, а как изловчиться, подольститься к преподам, поканючить и выклянчить зачетный тройбан, симульнуть разразившейся болезненностью... жаль, сейчас откупиться нельзя: преподов запугали руководства вузов и министерства до невероятия, выработали-таки полный иммунитет к поборам со студентов. Но наши приятели, профессор-биофизик Скородумов и доцент-ракетчик Николай Андреянович, не опекающие родичи своим студентам. Учитесь, мальцы, трудности жизни преодолевать сами, а мы с усами (хотя оба без этого украшения мужчины), особо нас не проведешь! Впрочем, все одно в торговлю пойдете, а ваши дипломы обернутся фикцией. Так что и мы и вы сейчас есть сугубые поплевисты. На все наплевать и здоровье свое беречь.

Такими нелицеприятными размышлениями занимался профессор Скородумов. Настроение ему испортило вчерашнее путешествие на личной машине времени в его инженерную молодость и именно в тот майский субботний день, когда безвинно попал в руки молодцов в красных шапках, от которых сумел-таки откупиться месячным окладом.

Сумрачность мыслей все давила и давила. Даже пара стопок коньяка из початой бутылки, что стояла в «обеденном шкафчике» его рабочего кабинета, не подействовали. Позвонить что ли другу Николаю Андреяновичу, пригласить, поговорить по душам — глядишь, и настроение подымется? Увы, сегодня у доцента-ракетчика забитый лекциями и семинарскими занятиями день. ...Но на то Игорь Васильевич и дока во многих разделах биологии, в психологии тож: мигом вспомнил любопытный

прием, якобы придуманный европейскими корифеями этой науки, но на самом деле давно используемый не только цыганками, но и обычным народом. Сущность же такого приема в фольклоре звучит так: икота-икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. То есть народ наш безо всяких психологий с их фрустрациями и биохевиризмами до истины дошел.

Присказку эту народ сочинил еще в дотелефонную эпоху, но по преемственности средств общения следует, что и по телефону можно передать икоту Федоту. Но кого им избрать, кого не особенно жалко, кому передать свое сумрачное состояние? Выбор пал на его общего с Николаем Андреяновичем знакомца: Андрея Матвеевича Бурцева, из писателей. А не жалко по той гуманной причине, что Андрей Матвеевич настолько явный поплевист — профессия литератора обязывает! — что своим воинственным и аргументированным пессимизмом переварит любой нанесенный душевный сумрак. То есть и волки сыты и овцы целы. Такая вот человеколюбивая ситуация получается. А повод для звонка легче легкого придумать, оба они главные редакторы самими же основанных журналов: Игорь Васильевич редактирует научный с лихим названием «Феномены разума. XXI век», а Бурцев — литературную «Срединную Россию». Тезки по увлечению значит.

Позвонил, изобразив радость в голосе. Поговорили, обменялись новостями о своих изданиях, упрекнули авторов за научную и литературную малограмотность, соответственно. Сам говоря в трубку и слушая жалобы собеседника, Игорь Васильевич, шкодя по-школьному, все время повторял мысленно про Федотову икоту. Она же Якова и всякого. Держа при этом в голове, что икота — это эвфемизм качества «сумрачного состояния души», в смысле головы с правым полушарием головного мозга, ответственным за всякие творчества и переживания. Убедившись, что поначалу веселый голос Бурцева как-то сник, погрустнел, Игорь Васильевич магнетически сжал в кулак левую ладонь, что держал в кармане брюк. Ага, перешла все же икота. И быстренько, даже трусовато свернул короткую беседу на «пожелание успеха литературному журналу в столь непростые для всех и всея времена» и так далее.

Закончив разговор, профессор Скородумов тотчас почувствовал облегчение. А выпив — бог троицу любит! — еще одну стопку коньяка, и вовсе забыл о недавней тяжести на душе и с искренним интересом вернулся к рукописи новой своей книги о методах промывки мозгов людям главарями глобализаторов и их рабочим шестеркам — СМИ во всех их ипостасях: от старинчатого радио до хитро построенных сайтов современного интернета. «Пой песню, пой»,— замурлыкал профессор добрую старую песню. Скоренько написал параграф и проставил на листе бумаги заглавие следующего: о превращении человечества в набор винтиков мегамашины глобального человейника, населенного сплошными уродами души и мышления. С точки зрения, конечно, нынешнего, пока еще разумного человека... то есть собственно Игоря Васильевича. Попутно вспомнил, что Достоевский вместо винтиков использовал определение «органный штифтик». И совсем развеселился, тотчас и в унисон со словами Достоевского, припомнив где-то вычитанное высказывание Бальзака (самих книг французского классика он не читал: в молодые годы слишком толстыми представлялись, а в зрелости и без того все понятно...), что, дескать, среди толпы горбатых и писаный красавец-атлет уродом глядится. Что-то в этом роде. Давно он приметил за романистами, что красиво не соврать, истории не рассказать.

♦ С утра добротно теплого майского дня настроение у Андрея Матвеевича Бурцева, главного редактора литературного журнала «Срединная Россия», было подстать. Весело насвистывая, заканчивал он формирование нового номера журнала, точнее, еще раз просматривал стопку распечаток (читать с экрана ему претило), составлявших номер, перед отдачей верстальщику. Работал он дома, в скромной комнатке-кабинетике, предвкушая скорый обед, затем с часок подремать на диванчике по доброй русской привычке интеллигентного вольного художника, а потом? Впро-

чем, планов громадья на вечер он не строил: само собой как-то сообразится; может с кем созвонится, погуляют по такой комфортной — не жарко и не холодно — погоде, поговорят о творческом насущном, не обойдут вниманием и скромное заведение «с подачей», ту же университетскую, в смысле в центре студгородка расположившуюся, кафешку с игривым наименованием «*Наливай-ка*!»... А если и не созвонится, либо к вечеру — посмотрел к окно, а на небе тучки появились — дождик закапает, то и это неплохо: посидит пару-тройку часов, что ближе к полуночи, за рукописью нового романа. Май-баловень, но расслабляться профессиональному сочинителю не следует! *Nulla dies sine linea* — ни дня без строчки, как любил повторять на лекциях в Литинституте, который Андрей Матвеевич заочно окончил еще в советские годы, их любимый преподаватель, читавший им курс фольклора, молодой и веселый Костя Кедров, которого заглаза именовали «Сказкой». Теперь это маститый литературовед и поэт-космист. Стихи его Андрей Матвеевич не раз печатал в своем журнале...

Телефонный звонок от дружественного ему профессора-биофизика Скородумова, сразу после обеда и перед отдохновительным диванчиком, несколько озадачил: зачем звонил, если ничего существенного так и не сказал? Скорее всего, как человек воспитанный, старого интеллигентского толка, вежливо и ненавязчиво напомнил: не надо замыкаться в себе в эти пакостные для мыслящих людей времена. Хоть телефонными звонками подбодрять друг друга. Опять же они с Игорем Васильевичем собратья, оба издают журналы, хотя бы и в различных ипостасях. За такие звонки благодарить следует, что и сделал Андрей Матвеевич в завершении короткой беседы. Но — даже не задумался, положив трубку, и направился к диванчику. И хотя телефонный разговор был безотносительный, а появившиеся было тучки на майском небе скоренько сгинули, не изменив комфортной погоды, но уже через пяток минут Андрей Матвеевич заворочался на обычно покойном послеобеденном лежбище: откуда-то в голову влетела и на доселе покойную душу осела, начала давить некая сумрачность мыслей. Главное, причин для такого изменения настроения абсолютно никаких! Журнал досрочно сформирован, роман успешно сочиняется, пенсия с приработкой (литконсультант заочный, *онлайнкинский*, как в их кругу ядовито говорят, в столичном отраслевом издании) пока еще не сожрана инфляцией... И супруга сегодня делами занялась, не смотрит с утра до темноты бесконечный идиотский сериал о буднях роддома — не раздражает его доносящимися из телеящика воплями младенцев и склоками медперсонала. Чего это на него нашло? Вроде никому с утра дня и неприятностей не пожелал?

Ворочался, ворочался... Обычно легко обволакивающий голову послеобеденный сон и близко не подступает! Чертовщина, наваждение какое-то. Как будто кто сглазил — но кто и зачем? Главное же, сейчас и испытанное народное средство, палочка-выручалочка от всех невзгод и неприятностей, *навьих чар* (на то и писатель, чтобы литературно мыслить...), то есть стопка-другая из бутылочки со слезой в холодильнике без дела томится, не поможет: не подействует на организм, пожадничавший за обедом. Борщ сегодня на славу удался, да пяток свежеподжаренных котлет в этот самый организм ввел.

Уже и до ста считал: раз баран, два баран...— не идет сон да и только! И чем эту налетевшую сумрачность мыслей вышибить? Хорошо вспомнил совет бабушки Марфы, что научала некогда, давным давно, в эпоху расцвета диалектического, равно как и исторического, материализма, чем-то разволнованного внучка Андрюшу: «А как мысль злая в головенку пустую вступит невзначай или по случаю, так ты приляг, одеяльцем ножки-топотушки прикрой и начинай вспоминать что-то хорошее из бывшего: елку новогоднюю, купленное тебе мамой мороженое, как папа в воскресенье (тогда суббота рабочим днем была — поправил сам себя аккуратный Андрей Матвеевич) не в гараж чинить свою машину с соседскими мужиками — с утра до ночи — пошел, а повел тебя в кино на дневной сеанс, а потом в парк на аттракционы

пошли... Глядишь, пройдет твоя грусть-тоска, а там и подремлешь часок-другой. И вовсе завеселеет на душе!»

А вспомнив, начал соображаться с темой приятных воспоминаний. Опять незадача — только пакости жизненные, как свои, так и на него направленные, в голову приходят. Черт-те что, мысленно брюзжал инженер человеческих душ, скорее клад отыщешь, чем что-то приятное в этой жиз... Стоп! Клад — вот оно! Еще вчера, когда днем, даже отвлекшись от составления номера журнала, с удовольствием посмотрел старый советский фильм «Клад» по московскому телеканалу, что по явному указанию столичных властей заботится о коротающих день-деньской перед телевизором свое тягучее время пенсионерах... так вот, само название и содержание давно забытого им фильма что-то напомнило Андрею Матвеевичу тоже из давным давно прошедшего, но дисциплинированность главного редактора пересилила воспоминания. Оставив их на потом, вернулся он к журналу, который требовал сосредоточенного внимания. Опять же Андрей Матвеевич ставил себе в заслугу, что в нынешнее безалаберное и необязательное время «Срединная Россия» уже второй десяток лет выходит строго по графику: в последний день квартала (журнал выходит в четырех номерах за год).

Клад — вот приятнейшее воспоминание из детских лет... и без того счастливых и беззаботных. Даже с учетом школы и наказаний за легкие шалости. Напал-таки на тему, что способна вытеснить из головы внезапно захомутавшие его *навьи чары* — кем-то наколдованная сумрачность мыслей. И даже слегка хохотнул оживившийся писатель, припомнив недавнюю — заранее по телефону оговоренную — дружескую встречу с тем же профессором Скородумовым и с тож хорошо знакомым доцентом Николаем Андреяновичем. Традиционно встретились в заведении «Наливай-ка!», что как раз в геометрическом центре треугольника, в вершинах которого расставлены дома местожительства дружественной троицы. А хохотнул, припомнив фрагмент состоявшейся беседы: Игорь Васильевич по-профессорски логично и методически выверенно изложил теорию и практику пользования личной машиной времени и принципиальное отличие таковой от обычных воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем.

Вот и решил Андрей Матвеевич, впрочем, несколько дурачась, настроить свою машину («Повернешь верньер настройки мысленной против часовой стрелки на число делений, соответствующих количеству годов, и вернешься в означенное прошлое»,— разъяснял профессор Скородумов) на историю с кладом, имевшую место в его школьном детстве.

♦ Но прежде чем отсщелкать (ручка не плавно поворачивалась, а дискретами отсчитывала года) на верньере нужный год своего детства, на который нацелился Андрей Матвеевич, вдохновленный кодовым словом *клад*, он присовокупил к нему второе кодовое: издательство. И именно то самое издательство под игриво-подражательным (все под тот самый Запад, конечно) названием «Будденброки»*, где печатался крохотный тираж его «Срединной России». Не менее маленькое это издательство со штатом из бойкой пятидесятилетней хозяйки, хмурого печатника Василия, он же брошюровщик, и из средневозрастной супружеской пары, исполнявшей все остальные работы от подметания полов и выноса на помойку типографского бумажного мусора до ухода за печатной машиной и экспедиторства за расходными материалами, располагалось в двух арендуемых комнатах полуподвала на вид чудаковатого одноэтажного дома в форме квадрата с обширным заасфальтированным двором и входными воротами на стороне, выходящей в тихий переулок Второй парковый. Никакого парка в радиусе нескольких километров не имелось. Название же было дано бывшему Верхнепавшинскому переулку в двадцатых годах по имени располагавшегося поблизости первого в городе трамвайного депо, то есть трампарка в раз-

* Название первого (он же и «нобелевский»!) романа Томаса Манна.— Прим. авт.

говорной речи. Сейчас там располагались голые стены бывшего же трамвайного депо-музея без экспонатов, которые в девяностых коллектив музея, зарегистрировавшись как ООО «Электротрансвинтаж», продал на металлолом китайским заготовителям.

...Кроме подвального издательства, тиражировавшего по оригинал-макетам заказчиков брошюры, книжки в мягкой обложке и журналы, в замкнутом на ворота доме-квадрате размещалось еще с пару десятков всевозможных частных мастерских, оптовых магазинчиков-складов и сомнительных по роду занятий контор-офисов. При диалектическом же материализме, как любил монотонно шутковать литератор Бурцев, все это являлось владением городского автохозяйства дорожно-ремонтной техники. Вот в этом самом Втором парковом переулке, через два дома — по другую сторону дороги — от угла дома-квадрата и проживал в частном доме с садом-огородом, как и весь их переулок, от своего рождения и до окончания исторического факультета местного пединститута (потом женился и ушел в примаки), Андрей Матвеевич... в смысле, тогда без отчества еще.

И сейчас, ворочаясь на ставшем неуютном диванчике, собираясь подкрутить обратно по времени ручку верньера личной машины времени, Андрей — уже заслуженно и давно Матвеевич — вспоминал регулярные поездки на трамвае или троллейбусе (смотря с какой стороны к издательству подходишь) в родные места: сдавать в работу очередной номер своей «Срединной России», а через пару-тройку недель забирать хиловатый тираж отпечатанного журнала на машине своего приятеля, отставного полковника, печатающего в журнале довольно интересные мемуары о своей пограничной службе. Сам-двое загружали пачки в багажник: отставник с выверенными по-армейски «взял — поднес — уложил», а Андрей Матвеевич несколько расслабленно, все посматривая искоса на свой дом, виднеющийся через настежь отворенные в рабочий будний день ворота. Теперь в заметно перестроенном родном доме проживали совсем чужие люди: еще в конце восьмидесятых семейство старшей сестры, по сложной родственной разнарядке ставшая владелицей дома с участком почти в центре города, учитывая взросление трех детей, продало-обменяло его на две квартиры любителю индивидуальной жизни без досаждающих подъездных соседей...

И всякий раз, выйдя из ворот дома-квадрата, сдав заказ на очередной номер журнала, либо загружая багажник машины отставного пограничника пачками с отпечатанной «Срединной Россией», матерый литератор, по своей части прошедший огонь, воду и медные (точнее — свинцовые, каковой металл историческим считается типографским) трубы, оптимистично не верящий в черта и пессимистически допускающий существование бога, грустил той светлой грустью, что свойственна только лишь воспоминаниям о безмятежном детстве, плавно переходящем в отрочество и уже неясно чувствующем, что надвигается, не за горами и годами самая волнующая пора жизни, именуемая таинственной и загадочной юностью с ее всепоглощающим содержанием — неведомой еще любовью.

Порой и вовсе, отвернувшись от полковника, смахивал что-то с ресниц, полагая это сентиментальной слезинкой, хотя бы на них попала пылинка-соринка при порыве ветерка со стороны всегда несколько захламленного общего, то есть ничейного, заасфальтированного внутреннего двора квадратного дома, очень похожего на мосфильмовский павильон, в котором (сейчас, конечно) снимают псевдоисторический сериал с действием в захудалом губернском гостином дворе.

Однако прервал ностальгические картины Андрей Матвеевич, пора и за верньер браться, унимать уже непонятно откуда взявшуюся безысходную тоскливость.

♦ Пятиклассник Андрюха Бурцев учился в первую смену, поэтому, вернувшись из школы и пообедав, дома в прекрасный, необычно жаркий для месяца мая разгар дня не задержался. Тем паче и дело неотложное имелось: по пионерской обязаловке школьная вожатая Нина Тимофеевна, отвечавшая за постоянно действующую выставку ученического творчества, озадачила его: «Надо, Андрюша, обновить макет

Ленина в Разливе. Ты парень рукастый, опять же не в квартире проживаешь, а в своем доме, то есть инструмент и мастеровое место имеются. Делать тебе центральную часть макета — шалаш. Сходи в нашу музейную комнату, посмотри на прежний макет: как выглядит и из чего сделан шалаш. Срок тебе неделя. Считай ответственным пионерским поручением!»

Вот сегодня Андрюха и принялся за докуку. Исходные материалы, пук соломы и березовые прутики, заранее подготовил: в хозяйственном сарайчике на участке дома мало ли что можно сыскать? Все это перенес на крыльцо дома, где имелись две боковые лавки, из дома принес моток суровых ниток, большую «цыганскую» иглу с широким ушком, очень хорошо берущий клей, получше обычного бээф-два, которым их семейство для всяких хозяйственных нужд обеспечивал Андрюхин дядька, работавший цеховым мастером на заводе — «почтовом ящике». Разложив — с дошкольного детства отец к аккуратности приучил! — все на лавке обок себя, пионер Андрюха принялся за работу.

Второй парковый переулок раньше выходил на длинную и шумную улицу Красногвардейскую. Но несколько лет назад ее начали застраивать многоэтажными домами вместо столетних деревянных развалюх. Так и переулок уперся в шестиподъездный новопостроенный дом, который и отгородил его от шума Красногвардейской. И не очень большое автохозяйство особо не шумело: все ремонтно-дорожные машины при деле, заняты по всему городу. Только к вечеру часть их возвращается в свои гаражи. Словом, тихий островок с поселковой частной застройкой почти что в центре города, но закрытый от шума, толкотни, суеты большого областного города. Даже работа экскаватора и бульдозера, с пару недель начавших сносить совсем прохудившийся, давно пустовавший двухэтажный дом рядом с автохозяйством, привыкших к тишине жителей Второго паркового переулка особо не раздражала: дело временное и недолгое. Опять же заброшенный этот дом с провалившейся крышей и съезжающим с кирпичного первого этажа деревянного верха очень беспокоил родителей: опасались за своих ребят, облюбовавших развалину под свои развлечения: от игр в прятки и «наших и немцев» до пристенной стуколки и картежного подкидного. А вдруг деревянное перекрытие бывшего дома купца Мослякова с каменной лавкой и деревянным жилым этажом рухнет? То есть взрослое населения переулка даже обрадовалось снесению мосляковского дома. Уже знали, что на его месте поставят типовой, тож двухэтажный, дом быта: и полезно для окрестных жителей и опять же стройка недолгая по времени.

Мастеря ленинский шалаш в Разливе (только учась на истфаке пединститута узнает он, и то шепотком от запенсионного профессора, что Владимир Ильич не один в шалаше жил и на пеньке сочинял свои «Апрельские тезисы», но в компании с Зиновьевым), Андрюха временами искоса посматривал на экскаватор, уже роющий на месте снесенного купеческого дома небольшой котлованчик под новостройку. Усмехался порой. Когда с пару лет тому назад последняя семья жильцов съехала — по предписанию жилкомиссии райисполкома — на новую квартиру, а дело это случилось весной, то все лето и сухую часть осени окрестная ребятня, включая и его, пренебрегая родительскими запретами и даже воспитательно-наглядными затрещинами, все обшаривала ободранные комнаты, чердак с тогда еще только провисшей крышей, закоулки обширного подвала, в котором при купце хранились товары для лавки, а при последующих жильцах всякий малонужный хлам. Даже пробовали простукивать кирпичные стены, а подозрительно звонкие места, похожие на пустоты, иной раз и ломиком-фомкой ковыряли. Хитроватый хозяин соседнего домишка под предлогом «все одно участок пустует, посажу-ка я пару соток картохи» даже грядки целую весну копал, беря землю на полный штык... Серьезный окрестный народ хохотал: ладно глупая ребятня наслушалась от своих выживших из ума бабок с дореволюционным происхождением про клад мосляковский, что-де не просто купчишкой третьей гиль-

дии был, но миллионщиком, а ты-то, Егорыч, глубже, глубже бери, ха-ха-ха, на три штыка копай, до первого звяка о горшок с червонцами!

Немного озадачивало кладоискателей разного возраста, что потомки купца Сидора Пафнутьича Мослякова, по естественной старости отдавшего богу душу уже в профессии нэпмана средней руки, проживавшие в уплотненном жильцами отчем доме до его аварийного расселения и трудившиеся — наследственность! — по торговой части (один даже Институт советской торговли, что в Москве на Волоколамском шоссе, закончил и дослужился до должности заврайторга), откровенно посмеивались над россказнями о кладе, поясняя в частных разговорах интересующимся: «Что от царевых времен дед наш накопил, то в восемнадцатом комиссары изъяли под опись, а нэпмановские заначки как пришли, так и ушли. В двадцатые-тридцатые годы сыновья-дочери Сидора Пафнутьича все что можно снесли в торгсин* за жрачку посытнее...

За два года розысков на мосляковском пепелище добыча Андрюхи составила серебряный рублевик с бородатым профилем императора Александра Третьего, медные пятак и копейка уже времен Николая Второго, как пояснил ему по проставленным на монетах годах чеканки отец. Все это было чепухой: медными царскими пятаками все ребята играли в стуколку-орлянку, а серебряные рубли и полтинники тогда водились у всех, кто проживал в районах с частной застройкой. Самая же ценная находка — увесистый латунный, посеребренный знак Нижегородского пехотного полка. Увы, его у Андрюхи скоро стибрили в школе. Остальным ребятам тоже не повезло с кладоискательством.

♦ Сказать, что Андрюха *наслаждался*, мастеря ленинский шалаш, значит не соблюсти историческую правду. Если сейчас, в начале третьего десятилетия нового века и тысячелетия, слово это в телерекламе но частоте употребления, пожалуй, только пресловутой американской *проблеме* и уступает. Включи телеящик — и потоком польется: наслаждайся путешествиями! наслаждайся свободой выбора (между сосиской в тесте, то есть хотдогом, и гамбургером с беконом)! наслаждайся новой моделью (машины китайской с российской отверточной сборкой)! наслаждайся... и так далее. Во времена Андрюхиного же детства слово это обычно использовалось в грубом юморе: дескать, возьми обратно свою (обычно то, что на обмен предлагалось), засунь себе в причинное место и наслаждайся!

...Просто он испытывал удовольствие, какое правильный пацан и должен чувствовать от слаженно идущей работы. Увлекшись, Андрюха даже не обратил внимания: отчего это в разгар рабочего дня замерли экскаватор и бульдозер на мосляковском пепелище, и полная до одури тишина накрыла Второй парковый переулок. И только завершив работу часам к пяти пополудни, поставив собранный шалаш для просушки клея в сарайчик, сообразил: как замолчали днем экскаватор с бульдозером, так и пошабашили. Прислушавшись же в тишине своего оазиса покоя в центре города, уловил, что со стороны бывшего дома купца Мослякова все увереннее набирало громкость хоровое нестройное пение явно подгулявших работяг. «Чего это на стройке,— поинтересовался у младшего пацана Генки, что без дела слонялся по переулку,— почему работу прекратили и песни поют?» На что Генка вполне толково для его семилетнего возраста пояснил, что мужики на стройке днем вырубили свои машины, послали самого молодого в гастроном на Красногвардейской за водкой и закуской. Теперь же, уже вдругорядь спосылав, напились пьяными и песни сейчас кричат про «когда б имел златые горы и реки, полные вина». Чтобы не забивать свою голову ненужным для нее содержанием, Андрюха наскоро съел ломоть хлеба с сыром, запив стаканом чая, и отправился в недальний отсюда городской Дом пионеров,

* Торгсины (торговля с иностранцами) — всесоюзная сеть магазинов в губернских и в крупных уездных городах в 20-х — 30-х годах, продававшие товары, преимущественно продовольственные, за золото по его весу: царские монеты, украшения, золотой лом...— Прим. авт.

что помещался в здании бывшей при царе городской думы, на занятия в кружке авиамоделистов.

Домой возвращался хотя и поздно, но еще засветло: ведь уже середина мая месяца! Совсем уж недалеко до самого длинного в году дня. Обратный путь избрал покороче, по задворкам, а перед самым своим Вторым парковым переулком еще немного срезал дорогу — в желудке гóлодно урчало — мимо начатого строителями котлована на месте мосляковского дома с замершими бульдозером и небольшим по размеру экскаватором, что используются для дорожных работ. Хмыкнул: у ковша его валялись на глиняной земле три пустые водочные бутылки, а на смятой газете остатками необычно обильной закуски подкреплялся здоровенный рыжий кот, знакомый Андрюхе — из дома напротив в их переулке. «Васька, Васька!» — окликнул он кота и спрыгнул в неглубокий, меньше метра еще вырытый котлован, поинтересоваться: что это так аппетитно жрет матерый котяра, тем более домашний, не обижаемый хозяевами по части еды. И еще знал по опыту жизни: работяги под водку закуску съедают подчистую, она горькая, но для аппетита бойкая, как приговаривала его бабушка.

Действительно, без того упитанный рыжий Васька, хотя и без водки, но с чувством и урчанием доедал кусок толсто порезанного тамбовского окорока, что вкусноты неимоверной и стоит три-шестьдесят кило. Да и не всегда его укупишь в магазинах! Около уткнувшегося в землю ковша валялись кирпичные обломки, видно экскаватор разбивал остатки подвальной кладки мосляковского дома. Кирпич древний, бурокоричневый даже в разломе. И еще среди обломков виднелись черепки столь же древней глиняной посуды; впрочем, наружные стенки черепков позеленевшие, с въевшейся глиной, но внутренне светло-коричневые, почти и не траченные временем. Знать, кувшин или горшок стоял закрытым: вот и зоркий пацанский глаз узрел лежавшую чуть поодаль горловину глиняной посудины с затычкой: плотной умотанной тряпкой, окостеневшей в смоляной пропитке. Еще раз хмыкнув, Андрюха поднял горловину с затычкой, повернул ее нутром к себе, пригляделся и узрел два небольших желтоватых кружочка, явно прикипевшие к затычке при ее заливке смоляным варом. Пошерстил взглядом вокруг, обнаружил кусок ржавой арматуры и сковырнул кружочки: он сразу сообразил, что это две золотые десятки — червонцы с портретом царя Николая Второго, Кровавого по народному приговору. Особо он не удивился, а зайдя в свою калитку, завернул в сарайчик, намочил тряпицу, посыпал ее содой и отчистил монеты до зеркального золотого блеска. Дома же положил их в папиросную коробку «Герцеговина Флор», где держал свою маленькую коллекцию монет, включая прежние находки в мосляковском доме: александровский рублевик и медные пятак с копейкой. «Золото молчание любит»,— как говорила бабуся, потому не стал хвастаться ни дома, тем более в школе и на улице...

♦ Последующие несколько недель тихий их оазис покоя в центре города сотрясала волна пересудов и кривотолков, нарастающих на действительно бывшем событии. Именно маленькой бригаде строителей суждено было овеществить давние слухи о кладе купца Мослякова. Спустя полтора месяца после обретения клада все разъяснилось в зале заседаний районного нарсуда, а жителям Второго паркового переулка и его окрестностей это донесла тамошняя жительница, пожилая учительница Елена Дмитриевна, учившая Андрюхин класс истории древнего мира, со слов своей дочери, избранной на три года народным заседателем в тот самый райнарсуд. Получалось так, что в день мастерения пятиклассником Андрюхой Бурцевым шалаша Ленина в Разливе, ковш экскаватора, разбивая угол кирпичной кладки подвала дома купца Мослякова, вышиб из пустоты этой кладки глиняную посудину, от удара разлетевшуюся множеством осколков, а в глаза экскаваторщику ударил солнечный луч, отразившийся от солидной горки высыпавшихся из разбитой посудины золотых монет. От сотоварищей утаить было невозможно, экскаваторщик позвал бульдозериста и третьего разнорабочего на правах правщика-землекопа. Четвертый член маленькой

бригады, тоже работяга с лопатой и ломом, в этот день отсутствовал: взял отгул по причине юбилейных именин уважаемой им тещи, поскольку проживал в примаках.

Окинули взглядом окрестность рабочей площадки: соглядатаев не нашлось. В кабине экскаватора поделили золотые пятерки, полуимпериалы (семь с половиной рублей) и червонцы по-братски на троих. Пожалев отсутствующего Серегу, выделили и на его долю: от каждого компаньона по монете... тем самым простодушные ребята подписали себе приговор: обиженный несправедливостью тещин любимец на другой же день написал анонимку куда следует. Еще через день всех четверых с обыском забрали с размещением в КПЗ. На суде всем им дали по-божески, включая Серегу (анонимка ему не помогла): ведь взял же принадлежащие по закону государству золотые монеты?), по два года *химии*, с работой по специальности.

Напуганный суровостью закона, Андрюха покаялся перед родителями. Те взяли с него страшную клятву полного молчания, а червонцы настолько надежно припрятали, что спустя с десяток лет, когда пришло время чинить зубы (вода в городе скверная, зубы к сорока годам начинают крошиться) — со своим золотом к дантисту вне очереди, а в оплату работ остатки благородного металла,— то еле отыскали. Андрей, уже завершавший учебу в пединституте, с доброй улыбкой посматривал на отца с матерью, щеголяющих золотыми вставными зубами, фиксами по-блатному. Не всеми, конечно, из дарованных природой.

...Настроение Андрея Матвеевича, вернувшегося в суровое нынешнее частнособственническое бытие, заметно улучшилось.

## КАЖИМОСТЬ В ЛИЛЕЙНО-КАРАМЕЛЬНОМ ТУМАНЕ

*Мало того: тотчас же обратится он из человека в органный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? сосчитаем вероятность,— может это случиться или нет?*

Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»

*Там где все горбатые, стройность становится уродством.*

Оноре де Бальзак «Человеческая комедия»

♦ Спустя четверть часа после звонка Бурцеву, Игорь Васильевич завершил написание своим горячо любимым паркером очень емкую и удачно сформулированную мысль. Но немного поморщился. Конечно, не давешние «органные штифтики» Достоевского и стройные уродцы Бальзака тому причиной были: и сам почти классик в создаваемой им гнетущей теории о несветлом будущем человечества, он спокойно воспринимал порой тягостные откровения титанов мировой литературы. Нет, как совестливый человек прекраснодушного советского воспитания, он сейчас ставил себе в укор того «Федота на Якова», которым переадресовал свое мрачное состояние души на Андрея Матвеевича Бурцева, почти что друга и человека хорошего во всех отношениях. «Ладно, проехали, исправлюсь,— по-школярски оправдывался Игорь Васильевич,— вот женщины каждодневно в непрерывной болтовне свое плохое настроение перекладывают на своих товарок, особенно близких подружек. И ничего! прекрасно себя ощущают. У них, впрочем, совершенно иное представление о совести. На то они и женский пол».

Слабо утешившись неудачным сравнением, дескать, *quod licet bovi, non licet Jovi*, по-профессорски щегольнул он латинизмом, мол, что приличествует быку, то не

приличествует Юпитеру. Да еще с сегодняшнего утра в голове засело новое слово *кажимость*. В смысле не то, что для него новое, но и вообще для русского языка. Утром, по пути на службу («профессора и артисты государственных театров не работают, а служат, еще с царских времен так принято»,— навязчиво пояснял он младшим коллегам) Игорь Васильевич зашел на почту, где имел абонентский ящик, забрал накопившуюся за пару недель корреспонденцию, в том числе бандероль с новой книгой своего питерского коллеги по научным упражнениям в части будущего человечества. Определяющим словом в ее названии и была новоизобретенная коллегой *кажимость*, то есть принятое сейчас повсемирно и по любому поводу правило выдавать черное за белое и наоборот. Профессор Скородумов восхитился удачно придуманным словом. Как нельзя замечательно оно ассоциировалось с продумываемой Игорем Васильевичем в последнее время словесной формулой *жизнь как сон*. Кажимость эта окончательно заглушила муки его совести «с Федота на Якова». А тут еще позвонил Николай Андреянович: так получилось, что две пары практических занятий для разных групп удалось совместить в одну, то есть уже через час он готов стать перед лицом столь уважаемой и многозначительной персоны... Игорь Васильевич, пропуская мимо ушей словесную дурашливость приятеля, на автомате приоткрыл дверцу «хозяйственной» секции шкафа-стенки, убедился, что коньячная бутылка еще на две трети зовуще-привлекательно наполнена, и дал краткий отбой звонку: «Жду, приходи».

...И все-таки кажимость? А разве не кажимость в лилейно-карамельном тумане, под цвет свежей побелки наружных стен (другого колера в ведении экономного поневоле проректора по АЧХ не нашлось), в самом появлении в их корпусе сразу трех новых диковинных факультетов: биологического, медицинского и физкультурного — и это в недавнем еще сугубо техническом институте с выраженным оборонным профилем образования будущих инженеров? И так по всей бывшей 1/6 части земной суши... теперь, правда, где-то между 1/7 и 1/8, в прежних областных и уездных технических, педагогических и сельскохозяйственных вузах, в одночасье ставших «университетами классического типа».

Вот и наш медфак, в тесном соседстве с биологами и физкультурниками разместившийся в бывшем общежитии некогда славного горно-металлургического факультета... Заполняют его из соотечественников неудачники, не сумевшие взойти в осиянные историей и научным знанием аудитории мединститутов и факультетов царской еще и, особенно, сталинской* закладки. А по другую сторону серединки-наполовинки ближневосточные и среднеазиатские студенты, у которых не хватило содержания кошелька и головы для учебы в Европах-Америках, на худой конец в Турции, Южной Корее и Китае... Здесь Игорь Васильевич расхохотался годичной давности происшествию, отмотав верньером машины времени год назад да прибавив еще месяц с небольшим: до окончания прошлого учебного года.

♦ Сказать, что заниматься с иностранцами, не удостоенными учиться в Европах-Америках гиппократову мастерству, мука мученическая — значит хорошо о них подумать. Сам Игорь Васильевич, как заслуженный профессор и вольный стрелок в науке, чести этой избежал, но самое верное представление имел со слов своих коллег-преподавателей. «Преподов универа» — на сегодняшнем жаргоне студиозусов. И если бывшие *наши* среднеазиаты хотя бы по-русски в своих кишлаках и аулах, по старой еще советской, пока неизжитой традиции, обучились сносно говорить и понимать, вообще старались хотя бы на тройки зубрить, чтобы отчитаться за потрачен-

* В Российской империи, как раньше и сейчас во всем мире, врачеванию обучали на медицинских факультетах университетов. В СССР в тридцатых годах, когда потребовалось большое число врачей, образовательная структура изменилась: была создана сеть специализированных мединститутов, что и обеспечили мировое качество советской медицины. Нынешние медфакультеты, действительно, образец кажимости...— Прим. авт.

ные на них государственные деньги, то ближневосточники, тож на казенном коште, непривычного человека, в смысле преподавателя, в самом прямом смысле запросто могли свинтить с ума-разума.

...По рассказам, почти что жалобным исповедям (известно, что преподавателя бутербродами с икрой не корми, но дай ему благодарного слушателя!) умудренных жизненным опытом матерых доцентов с медфака, Игорь Васильевич почти что воочию представлял себе образ такого студента. С постоянной заискивающей восточной улыбкой, с непременными частыми поклонами головой, льстящие угрюмо насупленному доценту или безучастной ко всему происходящему молодой ассистентке искренним восхищением их глубочайшим познаниям в науках и талантам лектора-преподавателя... А не дай бог, словесно оппозиционный нынешним демократиями и либеральностям, равно как и общечеловеческим ценностям, то есть долларам и евро, на крайний случай йенам и юаням, пожилой доцент Воробьев упомянет в присутствии Ахмеда или Хуссейна, что он был коммунистом и даже секретарем факультетской (в пединституте) партячейки, как на первом же семинарском зачете Ахмед или Хуссейн, терпеливо выждав, пока вся группа выклянчит свои баллы, подсядят к «товарищу преподавателю», опасливо оглядится и заговорщицким шепотком сообщит, что его папа Абдель — коммунист с двадцатилетним стажем, дядя Мохаммед и вовсе член горкома той же славной партии, а кузен Сафар и родной брат Камаль не последние люди в руководстве местного комсомола...

Ухмыльнется доцент Воробьев, еще с советского времени учебы в областном университете марксизма-ленинизма помнящий, что на исторической родине Ахмеда отродясь компартий не водилось, а в Хуссейновом государстве за принадлежность к таковой партии предусмотрена смертная казнь с предварительным отрубанием рук — наверное, чтобы перед казнью не перелистывали страницы «Капитала» в арабском переводе, но ухмыльнется до́бро, дескать, как же вы мне надоели, черти кучерявые! И поставит Ахмеду или Хуссейну проходные цифры по перенятой обезьяннически у американцев 100-балльной системе, на прощание попросив передать пламенный интернациональный компривет Абделю, Мохаммеду и Сафару с Камалем. Держитесь, мол, дорогие соратники, боритесь за второе пришествие социализма на нашу планету! У слабого же преподского пола Ахмеды с Хуссейнами проходные баллы на зачетах и экзаменах прямо-таки выклянчивали, вытирая имитационные слезы и сопли отчаяния на глазах и под носом. Главное и восхитительное: не природная тупость и слабое знание русского языка (исключая великолепно аранжированный мат!) препятствуют нормальной учебе Ахмедов и Хуссейнов, вовсе нет! Просто, как разъяснял профессор Скородумов тому же матерому доценту Воробьеву, надо хоть немного знать образ мышления восточных людей: их своеобразный спортивный подход; дескать, зачем загружать голову зубрежкой, если можно получить искомую оценку артистизмом — прирожденным качеством восточного человека: от слез и соплей до фантазий на коммунистические темы. Кстати, как-то Игорь Васильевич посоветовал доценту Воробьеву представиться своим студентам демократом и либералом западнического типа. На что тот обиделся не в шутку: «Ну-у, Игорь Васильевич, ты еще посоветуй каким-нибудь толерастом отрекомендоваться!»

Опять же Ахмеды и Хуссейны прекрасно знают, что их послали в захудалую русскую провинцию на медные гроши учиться, не питая надежды возвернуть их на родину стоящими врачами. На то есть отправленные уже за серьезные деньги в Европы с Америками. А им же, сирым и убогим, сельских здравпунктов вполне хватит, а всего лучше — в медицинские чиновники определиться.

Не так-то глупы Ахмеды с Хуссейнами! В практической жизни намного ловчее и приспособленнее того же доцента Воробьева...

♦ Али-Абдул и Махмет, земляки из города Киркука, что где-то километров на триста пятьдесят севернее Багдада, учились на медицинском факультете провинци-

ального русского города. Попали они сюда, а не в другой из числа известных российских медицинских вузов, тем более не в европейский университет, по причине безденежья своих отцов: у Али-Абдула мелкий муниципальный чиновник, а отец Махмета содержит на киркукском базаре галантерейную лавочку. Но все же у малоудачных папаш нашлись родственники поважнее, тем более, что отец Али-Абдула и сам близок к городской власти, и устроили — мусульманин единоверцу всегда брат! — учебу вчерашних школьников за казенный счет в далекой России, в университете с небольшой оплатой. Но попали они в этот университет в различное время, с учетом разницы в возрасте: Али-Абдул старше Махмета на пять лет. В Киркуке они и слышать друг о друге не слышали, но когда в русский университет прибыл на учебу Махмет, то по праву землячества пятикурсник Али-Абдул стал опекать младшего товарища: поселил в своей общежитской комнате, а по вечерам дождливой русской осени и снежной зимы, когда на улицах темнело в четыре часа пополудни, наставлял Махмета всем тонкостям здешней жизни и особенно учебы, давая самые полные описания характеров, привычек, слабостей и послаблений, пристрастий, степени лопоухости всех преподавателей и работников деканата. В лицах и жестах показывал как верно определить текущее настроение их, чтобы не попасть под горячую руку, а в другой раз воспользоваться их расслабленностью. Особо обращал внимание на предосудительные черты характера: доцент Воробьев не дурак втихую выпить; свежеиспеченный кандидат Егорушкин по женским делам не прочь приударить; профессорша Семенихина предельно принципиальна, не вздумай на их, неверных, восьмимартовский женский день даже с единым цветочком к ней сунуться — она и это взяткой считает, на зачете первом же порвет! Сейчас, мол, Махмет, у неверных со взятками борются, особо показательно с мелкими, преподскими. Так что, увы, на жалость налегай... правда, слышал намеки насчет одной секретарши деканатской, но ты себе в лоб вбей накрепко: зачем деньги, тем более государственные, как у нас с тобой, тратить! Пойми, как бы они не измывались над нами, но в итоге до диплома доведут: ведь на наши, то есть казенные, деньги они и зарплаты свои нищенские получают! Над ними их деканат, а еще выше ректорат — по головке не погладят, если под отчисление начнут нас подводить. Главное для нас — вытерпеть шесть лет, когда с нами как с недоумками обращаются, а потом, после диплома, исхитриться ординатуру пройти, а затем все для нас как сон дурной сгинет. Терпи, нукер, ханом станешь!

...Прошло три года. Когда за окнами в густой полуночной тьме даже священный лунный полумесяц густо застилало разыгравшейся снежной метелью, а все крепнущий январский мороз прямо на глазах ударами измороси покрывал наружные оконные стекла, в общежитии для иностранцев, где не было пьющих и шумящих непотребно гяурских студентов, устанавливалась от охватившего чужой этот мир мороза тишина, Али-Абдул с Махметом (третий жилец комнаты с выпускного курса недавно женился на русской и перебрался в ее квартиру) в последний на сегодняшний день раз заваривали чай, попивали его с рахат-лукумом, предавались успокоительным на сон грядущий мечтам о будущем, когда сначала Али-Абдул, а через пять лет и Махмет, окончив университет, вернутся в родной Киркук. Отец по телефону все сообщает Али-Абдулу, оканчивающему в этом году ординатуру, что почти договорился в своем муниципалитете, в медицинском его департаменте, где свел полезные знакомства, о местечке для него по части санитарной инспекции. Уточнял: место крохотное по должности, малоденежное, но перспективное. В этой инспекции народ пожилой собрался, скученный в своем кругу, а новый директор департамента, с европейским образованием, приобщившийся к тамошнему либерализму и новациям, все грозится эту шайку-лейку разогнать, набрать энергичную молодежь и так далее. Вот Али-Абдул и побежит стайером по ступеням карьерной лестницы! Года быстро идут, а там и Махмет с дипломом прибудет в Киркук, так Али-Абдул своему однокашнику по университету и сам начальную ступеньку этой лестницы подставит...

Священным Кораном зависть к ближнему для правоверного является пороком. Поэтому, когда у Али-Абдула и Махмета заходил в зимних вечерних беседах разговор о третьем киркукце на медфакультете, которого Махмет и вовсе не застал здесь, а Али-Абдул приехал сюда, когда Омар уже на третий курс перешел, то вовсе не зависть водила их языками, но уважительное восхищение. Хотя чему восхищаться... у отца Омара, поначалу скромного банковского клерка, дела как-то быстро пошли в гору, сейчас и вовсе стал в Киркуке управляющим провинциальным тамошним филиалом солидного столичного банка. Словом, Омар самые трудные в медицинском образовании первые три курса здесь выстрадал, а затем для получения солидного диплома перебрался в Москву в сеченовский медуниверситет, где оплата для иностранцев не под силу таким как Али-Абдул и Махмет. Став обладателем такого диплома, ординатуру Омар проходил уже в Сеуле. Поскольку — обстановка требует! — дурака валять Омар бросил уже в Сеченовке, то сейчас уже второй год работает нейрохирургом в Стамбуле, в госпитале под американской медицинской опекой. Не завидовали ему Али-Абдул с Махметом, но одобряли с исламским фанатизмом: у каждого свой путь... как и свои деньги.

♦ Лето в год окончания Али-Абдулом ординатуры, соответственно, и затянувшегося его пребывание в России, выдалось умеренно жарким по здешним погодным меркам. Вроде и прижились здесь, а все одно, как говорят русские, в гостях хорошо, а дома лучше. Тем более, что по уверениям отца должность ему в санитарной инспекции медицинского департамента в Киркуке стопроцентно — и именно под него — обеспечена. Как гласит арабская народная мудрость, прощаясь с местом проживания навсегда и перебираясь в другие (в данном случае возвращаясь в родные), забери с собой все то лучшее, что узнал и приобрел, а оставь за порогом прощания все то невольное или вольное предосудительное, что повисло на тебе в прежнем проживании. Отряхни ноги у порога — и русская присказка вторит здесь: не вноси налипшую грязь в свое жилище.

Али-Абдул, по его размышлению, согласно этой арабской народной мудрости (дальний родственник его отца учительствовал в медресе), должен был оставить в России свой праведный и неправедный порой гнев, раздражительность и все обиды нелегкой медицинской учебы в чужой стране, а вернуться в родной Киркук очищенным и вдохновленным для умеренной, но устойчивой в своем движении карьеры. И пусть ничто даже в самых неспокойных сновидениях не напоминает ему о многолетних унижениях, заискиваниях, выклянчивании этих злосчастных баллов, придуманных американскими шакалами и перенятыми у них русскими... в общем-то людьми пристойными и незлобивыми, но вот университетские преподаватели? Конечно, они выполняют свою работу, оправдывая обидно малое, почти что смехотворное жалованье. Но, как говорят те же гнусные американосы, это их, русских, проблемы. А про себя они всегда говорят *ноу проблем*. Главное, что крайним здесь оказывался всегда он, мирный и незлобивый Али-Абдул из Киркука. Ну не даются ему с первого налету эти сложные медицинские и биологические науки, в особенности физиология, что вел у них доцент Воробьев; патологическая опять же физиология, излагаемая принципиальной профессоршей Семенихиной; фармакология, с молодой наглостью читаемая свежеиспеченным кандидатом наук Егорушкиным. Но самый подлинный ужас, как сатанинский джин Альбаксирак, выпущенный из кувшина после тысячелетнего его заключения ангелами света и добра, наводил на студентов навроде слабого тройбаниста Али-Абдула преподаватель биохимии доцент Юлдашев. Вроде как и фамилия, судя по звучанию, от правоверных предков происходит, но ни на какую лесть, упрашивания, даже скупые мужские слезы не идет Юрий Никифорович. А сам предмет? — О, аллах, да разве может нормальный человек эту многоэтажную в формулах химию с приставкой *био* понять и запомнить до экзамена? А главное, зачем она, например, ему, будущему врачу санитарной управы, нужна? О горе мне, горе, простому парню из Киркука, хотя бы и с определенной хитрецой и несколько себе на уме...

Все шесть лет учебы и последующие два года ординатуры, в которую чудом и попал-то: как выяснилось, опять отец его в медицинском департаменте Киркука подсуетился, через посольство в Москве попросили выпускника с ординатурой подготовить... Что-то в этом роде, мол, нужен нам специалист с полной медицинской подготовкой образовательной. Спасибо, конечно, и на этом, но в многолетних своих размышлениях пришел Али-Абдул к твердому мнению: потому так требовательны и придирчивы медицинские преподы к нему и его слабоуспешным собратьям, что обидно им, многоумным, себе цену знающим, за смехотворно мизерные оклады, в пересчете на доллары двести пятьдесят — триста в месяц для доцентов и чуть побольше для профессоров, втолковывать восточным иностранцам со слабым знанием русского языка (кроме великолепно ангажированного мата!) научные истины. Почеловечески ему это понятно, но почему крайним, стрелочником, как говорят русские, назначено быть Али-Абдулу? Есть у них образовательное министерство — вот пусть в него и стучатся с требованиями повышения зарплаты!

...Один день остался у Али-Абдула, послезавтра утренней электричкой в Москву, а потом самолетом через Турцию, из-за пандемии и неоконченной войны рядышком, домой. Но как скинуть с себя груз обид от унижений. А как русские это делают? — За долгие годы учебы Али-Абдул невольно стал все свои действия и поступки равнять на русские нравы и обычаи... И припомнился ему заслуженный профессор Скородумов. Хотя он не за их факультетом числится, а по биофаку состоит, но на старших курсах пару раз в учебный год читал и у медиков — по просьбе деканата — лекции на малопонятные темы: что-то про воздействие электромагнитных полей на органы человека, дескать, должны вы, будущие эскулапы, много чего знать — глядишь и пригодится... Зато студентам нравились уместные к делу медицинские анекдоты, что рассказывал профессор: для лучшего запоминания материала, как он пояснял. Еще и народными пословицами лекции свои пересыпал. Тоже, мол, для пользы дела. Например, ведет речь о телепатическом внушении, так и присказку народную вставит: икота, икота, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого — и р-раз! своя икота прошла, а на собеседника перешла. Вот вам, юноши знаний алчущие, и пример телепатии!

Дальше все просто в голове Али-Абдула сложилось: завтра с утра отслеживать окрест их учебного корпуса особо памятных преподов, Воробьева и Семенихину, Егорушкина и особенно джина Юлдашева, улучать моменты без свидетелей и всячески их отборным матом поливать. Вот он всю тяжесть многолетних унижений и перекинет с себя на обидчиков, освободит голову и сердце от тяжести непосильной. Пусть теперь они испытают, что пришлось так долго терпеть ему. Словом, перебросить как с того Федота на Якова. А для пущей убедительности и надежности все эти сцены заснять и выложить в интернет, чтобы все в России и в мире увидели, как Али-Абдул отомстил обидчикам! Его-то голыми руками не возьмешь, как те же русские говорят. Верного Махмета уговаривать не пришлось: «Я послезавтра домой уезжаю, а тебя в кадрах, понятно дело, не будет. Будешь со стороны, из-за угла какого-нибудь снимать на смарт, чтобы преподы, с которыми воспитательные беседы проведу, тебя не приметили. А через день после моего убытия все в инте выложишь. За мной не пропадет!».

На сомнение Махмета — а не будут ли рассерженные преподы бить их? — Али-Абдул успокоил, как хорошо изучивший университетские порядки: во-первых, он, Али-Абдул, высок ростом и крепок, а Воробьев стар, Егорушкин хлипковат, а Юлдашев в быту трусоват; во-вторых, все преподы прекрасно знают: за рукоприкладство, даже в сторону обидчика, они тотчас вылетят из университета с волчьим билетом...

♦ Али-Абдул верно понимал, что профессор Скородумов к медфакультету не приписан. Но кабинет ему выделили на территории одной из медицинских кафедр. Опять же общительный характер Игоря Васильевича, галантное поведение с женским

персоналом, неистощимые анекдоты и «по полпромилле» под праздники с мужским персоналом, главное — полное его отвращение к доносительству по мелочам, что есть стиль вузовской жизни, все это сделало профессора Скородумова «присяжным поверенным» для всех, кто хотел высказаться и излить (заодно и налить...) обиженную кем-то душу — обычно начальством. Поэтому Игорь Васильевич вовсе не удивился, когда через день после завершения переходных курсовых и государственных экзаменов, вручения дипломов и ординаторских свидетельств на медфакультете, когда коридоры корпуса опустели, только преподаватели сновали между кафедрами всех трех факультетов к деканатам, приводя в бюрократический порядок ведомости, отчетности и прочие бумаги, в сладостном нетерпении ожидая скорого своего двухмесячного отпуска... словом, утром такого расслабленного по дисциплине дня в окончании июня месяца в приоткрывшуюся дверь скородумовского кабинета заглянула сначала перекошенная гневом голова, а затем и вовсе в комнату невежливо влетел доцент Воробьев. Пока он, справляясь с непривычным для его десятилетиями выдержанного в университетских буднях и бурях характера волнением, что-то маловразумительно мычал и — без мата — чертыхался, Игорь Васильевич, пораженный увиденным, открыл заветный шкапчик, налил из известной бутылки две стопки, одну из которых протянул почти не пьющему пожилому доценту. Тот машинально выпил, присел на указанный хозяином стул и с полминуты отходил от своей взбудораженности. Розовые пятна гнева на щеках и лбу сникли, пальцы рук перестали выплясывать на коленях. Еще через минуту он смог внятно говорить.

Заметив, что Игорь Васильевич прислушивается через не до конца затворенную доцентом входную дверь к неестественно громким и возбужденным голосам из коридора, причем явно солировали Семенихина, Егорушкин и особенно Юлдашев, Михаил Ермолаевич, кивнув головой на дверь, начал со слов: «Не я один. Там в коридоре наши совещаются, кто в такую же, как и я, ситуацию попал. Думаем что делать. Может, Игорь Васильевич, что нам подскажешь?»

...Вспомнив, что он непьющий, доцент Воробьев отказался от второй стопки и рассказал о произошедшем с ним, Семенихиной, Егорушкиным и особенно Юлдашевым вчерашним днем. И отчего сегодня с утра, встретившись на медфакультете, все они, как выяснилось, стали жертвами чудовищного хулиганства. Оттого и столь взволнованным до неприличия он и «ворвался в кабинет уважаемого профессора».

Получалось, что вчера, ближе к двенадцати, Михаил Ермолаевич в своей преподавательской подбил все бумажные бабки по экзаменационным ведомостям, заполнил бланочный годовой отчет, а затем вышел из здания и направился в соседний главный корпус — сдать в учебный отдел эти ведомости. Каким-то сверхъестественным, волчьим чутьем, что не редкость у матерых преподавателей, почувствовал: кто-то за ним следит. Подумал, ерунда, усталость от суматошности учебного года.

Сдав ведомости, вышел из корпуса и взял курс на остановку, намереваясь сесть на пригородный автобус и уже через двадцать минут выйти из него у своего личного дома в подгороднем поселке. Путь до остановки, как обычно, спрямил проулком меж хозяйственных дворов непонятной принадлежности. Место обычно безлюдное, тем более доцент Воробьев удивился, лоб-в-лоб столкнувшись с Али-Абдулом, нынешним выпускником- ординатором. Памятен ему этот Али по второму курсу! А уж как самому Али-Абдулу памятен этот визгливый препод, что едва до умственного расстройства и душевного исступления не довел робкого еще второкурсника, заставив-таки вызубрить главное пугало курса нормальной физиологии: роспись цикла Кребса, явно неверного из европейцев.

Не успел Михаил Ермолаевич буркнуть безразличное «здравствуйте», как набычившийся Али-Абдул заступил ему дорогу, обложил неимоверно витиеватым матом, а затем, словно по заранее написанному и вызубренному тексту, стал укорять преподавателя в унижении беззащитных студентов, без того чувствующих себя неуютно в

чужой стране, издевательства над их плохим знанием русского языка, недисциплинированности и злостном уклонении от учебных занятий. Во время монолога Али-Абдула поначалу смятенный доцент Воробьев все же приметил: в левой руке тот держал старинный кнопочный мобильник, что студенты используют в качестве диктофона для подготовки звуковых шпаргалок, а за ближним углом проулочного забора вроде как его прошлогодний второкурсник Махмет, маскируясь, снимает задушевную встречу наставника и его ученика на смартфон. Под финиш еще раз обложив Воробьева многосложным матом (без акцента!), Али-Абдул развернулся и исчез за тем же углом проулочного забора.

...Добравшись до своего пригородного уютного дома, Михаил Ермолаевич только к вечеру немного успокоился. Настолько диким, даже в мыслях неугадываемым, хамски-непристойным явился сегодняшний налет Али-Абдула, как иного объяснения, что переучившийся иностранец свихнулся, он не находил. Это его, как преподавателя медицинского факультета, даже успокоило: помешательство есть болезнь, а на больных не обижаются, а только жалеют и помогают в преодолении недуга. Поэтому повторно не заволновался, когда в одиннадцать часов, перед самым отходом ко сну, позвонила дочь из Вологды, где проживала со своей семьей и работала врачом по семейной профессии. Обычно она звонила по-женски поболтать с матерью на сон грядущий, но сейчас начала с сообщения: по соцсетям интернета показывают его озвученную беседу с арабским студентом. «Не студентом, а выпускным ординатором»,— механически поправил Михаил Еромолаевич и успокоил взволнованную дочь, что-де переучился парень, во временное исступление пришел, припомнил ему злосчастный цикл Кребса... Отдал телефон супруге, а сам спокойно, по выработанному жизненному режиму, заснул. Снилось приятное: с нового учебного года зарплату преподавателям удвоили, а для обучающих ближневосточных и среднеазиатских студентов выдают молоко за профвредность.

Но утром, войдя в свой корпус, нашел тем смятение чувств и эмоций: такие же монологи вчера, в течение дня, подбирая укромные места встреч, Али-Абдул с ассистирующим ему Махметом произнес в адрес профессорши Семенихиной, молодого кандидата наук Егорушкина и особенно Юлдашева. Хотя бы тот и был потомком правоверных. И все записи встреч гуляют по интернету.

Выслушав Воробьева, задумчиво выпив еще стопку, Игорь Васильевич дал дельный совет: всем обиженным написать коллективную жалобу и передать ее в первый отдел университета — с намеком на национальную рознь и терроризм. Копию в деканат факультета иностранных учащихся.

...Забегая вперед самого себя в машине времени, Игорь Васильевич убедился в правильности своего совета. Первый отдел в лице отставного полковника известно какой службы связался с посольством исторической родины Али-Абдула и Махмета. В тот же день по телефонам, а через неделю и официальными письмами на посольских бланках, секретарь посольства принес извинения лично каждому: Воробьеву и Семенихиной, Егорушкину и особенно Юлдашеву. Также сообщили: у прибывшего на родину Али-Абдула отобрали и сдали в архив диплом и ординаторское свидетельство, лишили пожизненно права на медицинскую практику, а главное — начислили огромный штраф в размере оплаты за весь срок обучения несчастного. Махмета же посольство рекомендовало отчислить из университета и отправить его за свой счет на историческую родину.

Весь прошедший год среди студентов медфакультета в ходу была присказка: Абдул сам себя надул! Махмета пожалели за молодостью и неразумностью, оставили. Теперь он лучший по успеваемости среди студентов-иностранцев. Исключая трудолюбивых и ответственных вьетнамцев.

♦ Когда прибыл запыхавшийся (а вдруг приятель без него коньяк допьет со случайным гостем? — шаловливая мыслишка) от ходьбы Николай Андреянович, то за-

стал профессора расслабленно улыбающегося. Тот же напомнил прошлогоднюю историю с Абдуллой и Махметом, хорошо знакомую и доценту-ракетчику. Освежившись с устатка трудового дня, закусывая стопку «Старого Кахети» бутербродом с буженины — ох, грешен Игорь Васильевич по части гурманства, естественно, в раскладе негустого жалования,— Николай Андреянович алаверды припомнил схожую историю: не в смысле преступления и наказания арабского студента, но по содержанию их учебных занятий в далеком советском прошлом. Под вторую (первая со свиданьицем, вторая — разгонная по ямщицкому счету) стопку и рассказ гостя состоялся.

Тридцатилетний инженер-конструктор знаменитого в оружейном мире НПО «Меткость», возглавляемого (и созданного) академиком Гусаковым, был командирован в близкую столицу в еще более знаменитую Бауманку. Дело плевое: тамошняя кафедра ракетостроения подрядилась у «Меткости» на разработку по тематике отдела, где работал Николай Андреянович; вот и понадобилось ему одним днем сгонять в Москву, уточнить по чертежам посадочные размеры под нужный блок. Уже в два часа пополудни освободился. Выйдя из проходной Бауманки, прислушался к пожеланиям желудка, пожалел, что не пообедал, просто забыл это сделать в дешевой и просто замечательной студенческой столовой, но... уже миновал проходные, временный пропуск сдан. Зная эти места, вспомнил: менее чем в полукилометре имеется городская, то есть не приписанная к организациям, столовая. Тоже вполне приличная. Приходилось раньше там бывать.

Обедая, обратил внимание: публика наполовину студенческая, рядом несколько корпусов общежитий, а вторая половина — разный люд из окрестных мест: магазинные продавцы, служащие небольших учреждений и прочие. Заинтересовался сценой за соседним столиком, где сидели пара ребят явно студенческого вида и постарше их смугловатый мужчина в какой-то «обезличенной» военной форме. Тотчас вспомнил: рядом военная академия, а случайный мужик, говоривший с акцентом, скорее всего курсант-иностранец, вроде как араб, из этой академии.

— ...Мустафа требует, чтобы курсовая была готова к следующей среде! — наставительно говорил курсант, адресуясь к студентам.

— Будет, будет ему к среде. Вот поднажмем с Серегой сегодня-завтра и в воскресенье, а в понедельник-вторник и пошабашим. Чего-нибудь принес от Мустафы? А, Селим?

— Да, как договорились.— Посланец милитаризованного Мустафы, явно в своей армии старше чином Селима, снял с плеча ремень спортивной сумки, поставил ее на колени и выложил пару блоков сигарет «Винстон», пакет с чем-то мягким, наверное, с джинсами, и еще что-то небольшое в цветастой фирменной упаковке. Студенты-поденщики, бдительно поводя головами вправо-влево, засовывали принесенное Селимом в свои наплечные холщовые сумки-нищенки.

— Так смотрите! Мустафа велел к среде,— еще раз наставительно сказал Селим, встав из-за стола и с армейской выправкой направившись к выходу из столовой.

Выпили по стопке, помолчали.

— Мд-а-а,— сказал Игорь Васильевич,— зато они пляшут хорошо.

— Кто? — не врубился Николай Андреянович.

— Помнишь, по телеящику у нас показывали, как при Саддаме Хусейне ихние вояки все плясали и плясали, размахивая «калашами», грозили американосам. А потом в считанные дни им и сдались. Даже Мустафы и Селимы с академическим образованием. Все, дорогой мой Николай Андреянович, есть кажимость в лилейно-карамельном тумане. Давно уже мир им окутан.

## МУХОСЛОНОПРЕВРАЩЕНИЕ: НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

*Как вдруг вчера, в половине пятого пополудни, в магазин иностранца-собственника является некто необычайной толщины и в нетрезвом виде, платит за вход и тотчас же, безо всякого предуведомления, лезет в пасть крокодила, который, разумеется, принужден был проглотить его, хотя бы из чувства самосохранения, чтоб не подавиться... В Европе давно уже преследуют судом обращающихся негуманно с домашними животными (выд. нами.— А. Я.). Но, несмотря на европейское освещение, на европейские тротуары, на европейскую постройку домов, нам еще долго не отстать от заветных наших предрассудков.*

Ф. М. Достоевский
«Крокодил, необыкновенное
событие или пассаж в Пассаже»

*Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...*

Ф. М. Достоевский
«Ряд статей о русской литературе»,
1861

♦ Всякий пространно, то есть разносторонне, образованный человек — обычно это застывший в сознательном возрасте в советские времена — знает, что Федор Михайлович Достоевский более своих гениальных романов и повестей гордился введением в русский язык нового слова: *стушеваться*. Профессор Скородумов их изобрел сразу несколько: умозамещение, цифрофрения (от цифра + шизофрения), олигархер, бизнесментер и еще одно на базе того же бизнеса, но с приставкой, что в сочетании с корневым словом делает новообразование неудобным для печати... что-то навроде «*объегорить*».

Непонятно к чему этим похвастался Игорь Васильевич в ту самую встречу с давним приятелем доцентом Николаем Андреяновичем, когда они вспомнили прошлогоднюю скандальную историю с иностранными студентами медфакультета Али-Абдулом и Махметом — под девизом кажимости в лилейно-карамельном тумане. И что эта кажимость к языку почтенного профессора приклеилась?

— А знаешь, Андреяныч, телевизионщики, хотя и не дураки вовсе навроде Абдулы с Махметом, но стараются друг друга перещеголять в этой пресловутой кажимости! На сегодняшний день вершиной ее полагаю рядовой сюжет в нынешних сериалах: здоровенный наш мужичище на кухне завтракает, то есть пьет вместо водки джапанскую сакэ из плоских чашечек и закусывает палочками чем-то тоже японским из блюдечек и магазинных коробочек. Поясняет к тому времени проснувшейся подружке — в домашнем кимоно, но с тамбовской наружностью,— что торопится на работу свою вахтерскую: «Надо-ть, Маня-сяо, денюжки нам копить пошустрее: вынь да положь, но если сем годом не слётаем в Японию, то от тоски по джапанской культуре, оббить ее медь, сака с сушей в глотку не полезут!

— Да-да, герр профессóр, про сушу ты в самую точку попал. Как хороший наводчик одним птурсом* танк, что за лесом стоит, подобьет. Или твой бизнесментер сходу партию гнилых бананов всучит...

* От ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд (военн.).— Прим. авт.

— Эт-та почему бизнесментер мой? Да с какой стати я, заслуженный, советской закалки еще, профессор, буду кумовство водить со всякой торгово-воровской шелупонью!

— Ну-ну, чего к слову придираешься... тем более самим же придуманному. Кстати, Васильич, а я тоже новое слово изобрел: *мухослонопревращение*. А, каково?

— Нд-а-а, по существу нынешнего бытия, конечно. Хотя и затянуто-мудровато. Чувствуется рука, в смысле голова, матерого ракетчика. Ну-ка подбрось примерчик?

— Пожалуйста; была школа, стала сейчас гимназия; пэтэу чудесным образом превратился в пушкинский лицей, а техникум в англо-американский колледж. Уже и говорить нечего о нашем универе «классического типа», что поболее полувека после своего основания в первую сталинскую пятилетку города именовали институтом. И полнейшая дискредитация армии, когда военные училища переименовали в институты, а академии в университеты! То есть овеществленная мания общественного величия.

— Добавь сюда, Андреяныч, нынешнюю практику эсмэишников именовать учащихся техни... тьфу! То есть колледжей по-американски, ни много ни мало студентами: из мухи в слоны!

Игорь Васильевич налил приятелю вторую стопку, а себе энскую, как говорят военные, считая с утра; с неодобрением отметил, что бутылка «Старого Кахети» стерильно пуста, чокнулся: «Бум здравы в безалкогольную эпоху!»

— Знаешь, Андреяныч, мы вот с тобой похохатываем, словечки новые изобретаем, а положение-то в мире невеселое. Скоро и поговорить дружески вовсе диким будет казаться. В нынешнюю эпоху глобального цифрового одиночества,— попрофессорски осанисто начал Игорь Васильевич,— остается лишь безответно разговаривать только с собакой или котом, но... лучше с котом. Даже если Жучка с предельным вниманием слушает тебя, преданно глядя *tête-á-tête* в глаза, поворачиваясь то правым, то левым ухом... это потому с ушами, что если человек воспринимает пространство только глазами, то у собак и, пардон, у женщин еще осталось звуковое пространственное восприятие. ...Но все равно она, то есть Жучка, думает только об одном: хорошо бы ей внеурочно, доппайком, дали пожрать. Женщина же в подобной ситуации тоже об одном думает: как бы половчее намекнуть, что пальцев у нее на руках десять, а колечек и перстней почти вполовину меньше... А вот кот Васька спокойно сидит этакой детской копилкой, прикрыв свои фотоаппаратные — это как у старинчатых фотиков щелевые затворы объективов — глаза, вроде как и слушает, но размышляет о своем. Если, конечно, вообще думает, хотя... Джулиан Хаксли, выдающийся авторитет в биологии поведения, говорил, что высшие млекопитающие тоже мыслят, но лишь человек знает, что он мыслит. Что-то в этом роде изрек. Главное, кот — наилучший в живом мире слушатель: не встревает в монолог собеседника. А с мухослонозамещением у тебя хорошо получилось: как у того твоего наводчика, что лупит птурсами по танкам за лесом! Дед мой по материнской линии уважал после пятой стопки очищенной одну каторжанскую песню запевать, или играть, как он по-старорусски говорил: «Там залесью, там залесью, там разбойнички шумят. Нет, нет, не пойду, лучше дома я помру». Нам еще пока рановато, потому давай-ка двинем по домам — к ужину!

♦ В тот день выдалось, правда двухдневное лишь, помешательство на всех теле- и радиоканалах: без конца дикторы, именитые телеведущие, штатные «ведущие политологи» репетировали* технические термины *генерация* и *локация*. Видимо некий шутник от СМИ запустил их (может с похмелья? Но сейчас с этим строго по всей вертикали..., горизонтали и диагонали тож) с самых раннеутренних известий. Ос-

* Во флоте репетировать — означает повторять, дублировать для исключения ошибок приема, команду.— Прим. авт.

тальные по принципу тусовки: Васька ввернул новое словечко, Петька повторил — подхватили диковинку, так и понеслось. К вечеру уже и нештатные гости на телерадиоволне, интервьюируемые бабки, мелкие торговцы и лавочники, «сотрудники» всевозможных силовых и безпогонных служб и ведомств, случайно уловленные уличные прохожие, с непривычки тщательно выговаривая, заталдычиали про генерацию и локацию. Понимали: так надо говорить, коль скоро даже включенный в сеть утюг по-китайски мяукает про *генерасию и локасию*... Правда, к концу следующего дня все прекратилось: то ли команду от кого надо дали, а скорее всего эти радиотехнические термины затмила некая старушка с милитаризованного канала многократно затем повторенной на телерадио фразой: «Учение Христа подрывало финансовые потоки в израильские синагоги». Хорошо Нетаньяху не смотрит российские телеканалы! — Без того забот хватает... Выборы!

...Вот чтобы не слушать про постоянно повторяемые генерацию и локацию, прибыв домой после дружеской беседы с профессором Скородумовым, Николай Андреянович ностальгический советский радиотрансляционный динамик на кухне во время ужина не включал, а затем и вовсе велел супруге громкость телеящика до пьяно-пьяно (тихо-тихо — по-итальянски) прикрутить и ушел в другую комнату: предварительно с устатку, пары стопок у Игоря Васильевича и ужина вздремнуть, фарисейски уложив на живот раскрытый для чтения (тоже мне книжник библейский!) томик русской классики.

Видно в окрестной природе, как то часто бывает в погодно неустойчивом маебаловне между цветением черемухи и сирени, что-то к вечеру меняться начало: давление или влажность, на что очень падки сонной дремой метеозависимые люди. Хотя и крепкой, плотной конституции был Николай Андреянович, но по возрасту на изменения атмосферные полагалось уже внимание обращать. А дрема эта полусонная ранним вечером такая сладко-расслабляющая, что только о приятном и думается неторопко. А что приятнее ностальгических воспоминаний юности и ранней молодости? Но одно дело *просто* вспоминать, порой досадливо касаясь малоприятного — со стороны взрослой разумности, копаться в закоулках, коридорчиках и погребах подсознательной памяти, а совсем иное — прокатиться *туда* на личной машине времени: это уже не воспоминание, но повторение нужного отрезка времени беззаботности. Словом, плотник супротив столяра (на животе Николая Андреяновича лежал томик Чехова).

Опять же не оставляла мелкая гордость — сам высокоученый двойной профессор Скородумов одобрил! — по причине введения им в великий и могучий нового слова: мухослонопревращение. Игорь Васильевич, знаток и в части литературы, даже добавил, что сам Франц Кафка таким смысловым сложносочиненным словцом бы не побрезговал. А сумасшедшего этого классика немецкоязычной литературы Николай Андреянович зауважал, как-то прочитав его рассказ про исправительную колонию с детальным, не хуже инженерного чертежа, описанием машины для медленного и мучительного исправления заблудших с летальным, как сейчас в вечной моде у телевизионщиков, исходом.

Одобренный очно профессором Скоордумовым и заочно, через него же, классиком литературы Кафкой, Николай Андреянович уже на грани яви и освежающего ранневечернего сна мысленно представил в объеме (в *3D*, как эсэмишники принудили весь народ говорить,— от английского *three dimensional*, то есть объемного по-русски) ручку верньера личной машины времени и, отщелкивая по годам, повернул ее в прошлое, то есть против часовой стрелки, на количество лет, отделяющих его нынешнее житие от времени бытования все в том же городе, но уже в другом царстве-государстве, молодого специалиста, инженера Николая, еще без обязательного для него отчества. В его тогдашние года именем с отчеством называли только в зарплатной ведомости, в паспорте и, не дай, конечно бог, во всяких судебных бумагах... По-

следними словами, которые прошелестел уже сонным языком Николай Андреянович, отправляющийся в путешествие, были: «...Не забыть бы, не спутать корневые слова: мухо-слоно-превращение... будь проклята генерация с локацией, родители дегенерации и...» Здесь он заснул.

♦ *Вот мчится тройка почтовая*
*Вдоль по дороге столбовой.*
*И колокольчик, дар Валдая,*
*Звенит уныло под дугой...*

— вроде как отдаленно, из замкнутого пространства вырвавшись в прореху, донеслось до Николая, молодого специалиста, только начавшего второй год своей инженерной работы в Специальном конструкторском бюро при одном из крупных оборонных заводов, коими богат старинный город. Шел же он гуляючи, ввиду замечательной январской погоды с легким морозцем, безветренной, с пушным редким снегопадом, в седьмом часу вечера. Вместо того, чтобы по выходу из заводских проходных перейти улицу, сесть в нужный номер трамвая, что неспешно проехав три городских района из пяти высадит его рядом с домом, Николай, все ради той же прекрасной погоды, решил первый из районов, в самом центре города и многолюдный даже в зимний вечерний час, отшагать в пешем порядке. Опять же путь выбрал наискосок, пролегающий по нешироким улицам мимо исторических зданий и сооружений. Ямщицкую же песню, несколько неверно в словах и фальшиво по нотной грамоте исполняемую умеренно пьяным голосом, он услышал, проходя правой стороной улицы, что пролегла вдоль стен древнего провинциального кремля, которые и составляли левую сторону.

Солирующее пение, как оказалось, выливалось из растворенного окошка — вместе с табачным дымом из проветриваемой комнаты — двухэтажного, старой постройки дома, что, как и соседние с ним, когда-то составлял хозяйство городского монастыря. Только одно это песенное окошко светилось на фоне темного фасада. Явно под учреждением здание, в которое вела входная дверь с утопленным вовнутрь высоким крыльцом. Сбоку от двери на фасаде присутствовала скромная табличка: в рамке под стеклом на синем фоне. Сколько раз Николай проходил мимо этого дома, но все как-то ленился прочесть содержание таблички. Но сейчас, заинтригованный неуставным пением, хотя и миновал ее, но вернулся на пяток метров и прочел: «Областная станция юных техников». В самом же верху таблички более мелкими буквами значилось длинное сложносочиненное (еще не отошедший от стремительной езды на машине времени Николай Андреянович мигом вспомнил свой новодел: мухослонопревращение...) название опекающего детско-творческую станцию учреждения областной власти. Прочитать ее Николай не сумел: как раз идущий снег совсем распушился и зачастил, затеняя без того неуверенный свет фонаря с ближнего уличного столба. «А-а, да бог с ним»,— подумал Николай и еще раз прошел мимо одиноко светящегося окна: задумчивая песня о нелегкой трудовой жизни работников царского наркомпочтеля* на полуслове стихла. Четко и звонко с многократными переливами чокнулись несколько стаканов. Уже поднаторевший в инженерных буднях и праздниках, Николай усмехнулся: «Педагоги, интеллигенты, пример должны подавать, а они вместо тонкой посуды из граненых, как цеховые работяги, стаканóв водяру глушат!»

Пройдя веселый дом и следующий за ним, тож двухэтажный, но со стенами из неоштукатуренного темно-красного, как в старые времена делали, кирпича, с молочным магазинчиком в углу первого этажа, Николай пересек Кленовый переулок с близко расположенным в его тупике хозяйством... но уже не бывшего монастыря, а

* Наркомпочтель — Народный комиссариат почт и телеграфа; в советской системе наркоматов — предшественник Министерства связи СССР.— Прим. авт.

ныне действующих областных «компетентных органов». То ли оздоровительная прогулка по историческому центру старинного города, а может и пахнувший на него из давешней форточки запашок из тех, что «хочется закусить», но желудок молодого специалиста заворчал. Ускорил шаг, миновал по исторической улице, бывшей Пятницкой, где в революционном семнадцатом году размещался в доме с молочным магазином клуб «Земля и Воля» губкома партии левых эсеров (интернационалистов), такой же этажности бывший дом купца Кошелева Пуда Ермилыча с керосиновой пожароопасной лавкой, а после роскошнейшей усадьбы с фасадным внутренним двором, отгороженным от тротуара фигурным литым забором между выступами правого и левого флигелей, в которой сейчас располагался корпус пединститута, перебежал в неположенном месте Советскую улицу и удачно сел в автобус, что намного скорее трамвая довез почти к домашнему порогу. О «Земле и Воле» и соседнем владении купца Пуда Ермиловича он знал от однокурсницы Ленки, проживавшей на втором этаже дома с молочным магазином.

Хотя и не уикэндный день, но многие из автобусных пассажиров находились под веселым, умеренным хмельком: как работяги, так и по виду из инженерной прослойки. «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью»,— где-то слышал. Может из какого фильма? Самое интересное, дед Ленки, ныне здравствующий пенсионер из бухгалтерских работников, в том славном семнадцатом и проживал в гимназическом возрасте в этом доме и являлся секретарем секции учащихся губкома эсеров-интернационалистов. Правда, после революции записался в ВКП(б). Много чего любопытного о нравах их исторической улицы рассказала Ленка во время неспешных прогулок-провожаний пополудни после занятий в институте и даже позже у нее дома — до возвращения с работы родителей... Но как-то и она ничего не говорила о соседнем доме с детско-юношеским учреждением: вроде дом этот есть, стоит с конца девятнадцатого века, но ничего занимательного в нем нет, мол, что-то околоцерковное там размещалось.

...На пятом курсе Ленка скоренько выскочила замуж за соседа из дома бывшего купца Кошелева — тож Кошелева и внука Пуда Ермилыча. Исторический генеалогический круг замкнулся: потомки купца и эсеровского комсомольца породнились.

♦На следующий день в курилке, плотно заполненной инженерной братией, не пожелавшей участвовать в одиннадцатичасовой физкультурной зарядке («Пущай бабы, которые помоложе, задами своими вертят, жир стряхивают, чтобы мужики ихние налево не поглядывали»,— как говорил Иван Иваныч, старший и опытнейший в реалиях жизни инженер заводского конструкторского бюро), Николай, выслушав свежие анекдоты о руководителях партии и правительства и из серии входившей в моду «чапаевских», в свою очередь со смехом поведал о веселой обители юных техников. Некурящий, но справлявший в это время малую нужду в ряду открытых писсуаров Вовка Синицын, однокашник Николая, с одного потока, но с другой специальности, не отвлекаясь от естественного занятия, внимательно выслушал рассказ Николая, с которым со студенческих лет необязательно приятельствовал. Но ни словом в части услышанного не обмолвился.

В обед в заводской столовой, из двух имевшихся, что ближе к корпусу конструкторского бюро, Вовка Синицын вроде как случайно — нашел свободное место — подсел со своим подносом за столик к Николаю, уже съевшему винегрет с мелко порезанной селедочкой иваси, что раз в пятнадцать лет дает в дальневосточных морях невиданный приплод, и подвигавшему к себе тарелку с борщом.

Вовка, в неполные двадцать пять лет своей округлостью, короткой прической «канадка» и совершенно немодными круглыми очками — молодая копия киношного бухгалтера, дождался, пока Николай утолит борщецом голод, затем спросил своим характерным высоким голосом с этакой булькающей смешинкой:

— А правда не узнал вчерашнего певца... что про почтовую тройку-то?

И только сейчас, мысленно восстановив мелодику голоса в слуховой части своей памяти, Николай удивился:

— Ты что ли солировал за форточкой?

— Ну да, хо-хо-хо; вчера в *сюте нашем* богоугодном день выдачи зарплаты отмечали. Я в хоре генеральском под контр-тенора пою. Голоса не имею, как сам мог отметить еще с институтских посиделок и поездок в колхоз, но по настоянию матери исправно ходил на занятия в детскую музыкальную школу. Поэтому умею на пианино побренчать, слова и мелодию многих песен знаю. За это генерал меня полагает запевалой...

— Постой, постой, о чем ты? Какой генерал в *сюте* этом, какой-такой генеральский хор и вообще как там оказался?

— Вечно ты, Коль, торопишься, хотя бы и потомок старообрядцев и военных моряков. Опять же слушаешь невнимательно: ведь пару раз говорил между делом, что подрабатываю на станции юных техников, сюте то есть, а ты ноль внимания!

— Что-то помнится, но ты правильно говоришь: между делом. Но сейчас у нас с тобой нет вроде никаких дел, так расскажи с чувством, с толком, с расстановкой, а?

— Да-а, еще из старообрядцев...

— Дались тебе старообрядцы! Кстати, правильно — староверы, а по-церковному *нашему*: ревнители древлеправославного исповедания.

— Вот-вот, так однополчанин бати моего, а после войны и сослуживец (Вовкин отец служил по интендантской части, сейчас отставной полковник и по снабжению в горкомхозе начальствует — это Николай хорошо знал), тоже из *ваших*. Так когда они у нас дома собираются на праздник водки с коньяком попить и боевые подвиги повспоминать, так Степан Наканорыч всегда отца оговаривает: выпьем, мол, закусим от пуза, тогда и фронтовые будни вспомним и песни наши споем, а Вовка твой нам на пианино подыграет. Во время же питья и еды не приучен балясы точить: дед мой за трапезой за единое слово ложкой меня по лбу! А ты все за борщом и мясом с овощами (фирменное блюдо от заводского шеф-повара) говорить порываешься. Кстати, у меня к тебе и встречное предложение имеется. Так что давай после отбойного звонка зайдем в «стекляшку», что на Красногвардейской, рядом совсем, там и поговорим обстоятельно.

Посещение после окончания трудового дня «стекляшки», то есть типового кафе-закусочной со сплошь стеклянными стенами с трех сторон зала со столиками, с лирическим названием «Ромашка», все расставило по своим местам — в части недоуменных вопросов Николая. И встречное предложение Вовки Синицына было принято: уже на следующей неделе по рекомендации Вовки, еще со второго курса института ведшего в сюте на половинной ставке кружок выпиливания лобзиком и деревянного макетирования (сам это название придумал), а в школьные годы активиста-кружковца сюта, Николай был принят полуставочником на руководство кружком ракетно-космического моделирования. Наименование это они сочинили сами, а директор станции, заглаза именуемый генералом (впрочем, тот не возражал и против очного поименования), одобрил.

♦ Николаю и в страшном сне не приснилось бы, что он станет детским педагогом, да еще по части технического творчества, если бы, коротая вечерок в стекляшке «Ромашка», Вовка Синицын своим рассказом о сюте не возбудил в нем чрезвычайного любопытства. Известно, что во всякой любви первостепенно присутствует эгоизм, зато любопытство почти всегда бескорыстно. Это к тому, что ставка руководителя кружка в этом богоугодном заведении составляла сиротские семьдесят пять рублей, а уж в половине ее даже молодой специалист особой корысти не видел. Опять же давно ставшее притчей по языцех, что женское любопытство по своему содержанию является игровым времяпрепровождением, а мужское есть простейшая, не требующая напряжения мысли, форма познания...

И чем дальше рассказывал Вовка под скромный ординарный портвешок, что подавали в стекляшке под вкуснейшие, с пылу-жару сосиски, запеченные в тесте, о чудесных порядках и нравах диковинного учреждения, что располагалось напротив средневекового кремля, в трехстах метрах от областной «конторы», через пару небольших домиков от светоча педагогической мысли — корпуса пединститута, а со стороны двора и вовсе вблизи от облоно и облисполкома (только что до обкома *нашей* партии следовало проехать по проспекту на автобусе или троллейбусе пару остановок), тем в больший восторг приходил Николай. Даже присовокупил к опустевшей портвейновой, *партейной*, как народ говорит, бутылке две сотки болгарского коньяка «плиски», дороговатого с нарпитовской наценкой для начинающих инженеро́в — за счет угощающей стороны, что хозяйственно скуповатый Вовка положительно одобрил. Получив принципиальное согласие приятеля занять вакантную должность («Генерал сам просил меня подыскать надежного парня,— пояснил Вовка,— чтобы эту полуставку при бухгалтерской ревизии от наробраза не ликвидировали»), Вовка перешел к конкретике.

— Учреждение *наше*, да-да, теперь не только мое, но и твое! есть сплошная фикция. И возглавляет ее фигура уникальная. Причем настолько фантастическая, что даже батя мой, всех чертей до их подноготной в городе знающий, только головой крутит и руки разводит, когда речь о генерале заходит. Я как-то одному полузнакомому корреспонденту — из молодых, начинающих — нашего областного «Юного ленинца» о нем рассказал, так тот, все собирающийся в Литературный институт поступать, аж подпрыгнул на ровном месте: я, мол, о нем если не роман, но повестуху листов на десять авторских напишу!

— Написал?

— Нет, к сожалению, попался на фарцовке иконами. Хорошо в родне прокурорские имелись, отделался парой лет «химии». Скоро выйдет. Может и напишет, хотя ему жизнь надо заново выстраивать, не до того пока.

— Так все же директор тво... в смысле, наш с тобой вскорости, взаправду что-ли генерал?

— Его самоличная версии такая: после пехотного военного училища служил в НКВД. Действительно, показывал мне раз в сильном подпитии удостоверение, подписанное самим Менжинским. По причине ветхости книжицы («Тридцать лет в нагрудном кармане кителя, с такой подписью! вместе с партбилетом носил» — с гордостью сказал тогда генерал) начальные должность и звание не рассмотрел: что-то о старшем уполномоченном. В войну, по его словам, что-то и где-то защищал, а в конце сороковых получил большую звезду на погоны с «зигзагами», как у них по форме полагалось, на Лубянке кабинет и три комнаты с подчиненными в званиях от капитанов до полковников имел. После смерти Вождя, расстрела Берии и хрущевской образцово-показательной чистки «лубяных рядов» едва под трибунал за прежние грехи не попал. Отделался списанием в штафирки без пенсии (сейчас обычную гражданскую оформил) и высылкой из столицы, чтобы никому глаза не мозолил: ни уцелевшему на Лубянке начальству, ни обиженным им (или ими?) гражданам с громкими именами. Словом, за сто первый километр на выбор. Выбрал наш город, откуда родом и малолетством был. Поскольку народный девиз насчет сумы и тюрьмы и голубым погонам не чужд, то для прокорма и протежировали ему сиротскую должность директора сюта, которую генерал и справляет уже без малого два десятка лет. Трогать его, старого лесу кочергу, никто не хочет: во-первых, место крайне непрестижное и малоденежное, словом, пенсионное; во-вторых, с приходом во власть Леонида Ильича всякие обсуждения в прессе и на радио-телевидении культа личности как-то быстренько занулились, а с ними и детей непослушных на ночь глядя перестали родители энкавэдешниками в голубых погонах пугать. А ведь бывших чекистов не бывает? — Так размышляли чуткие насчет «носу по ветру» городские и областное ру-

ководители наробраза, оставляя под сукном даже прямые доносы на сютовского генерала, «занимающегося злостным очковтирательством, полностью развалившего детское техническое творчество, превратившего вверенное ему внешкольное образовательное учреждение в свою вотчину, набравшего на должности руководителей кружков родственников и педагогов с сомнительными репутациями, с которыми все рабочее время пьянствует, имеет секретаршей похожую на цыганку женщину...» и так далее...

— Так в чем твоя, а теперь, значит, и моя работа состоит? — прервал разговорившегося после «плиски» приятеля Николай.

— Работы, как таковой, хо-хо-хо, и не будет: одно квалифицированное очковтирательство, но — с полной серьезностью мины лица. Впрочем, как оформим тебя, я и введу в курс дела. Да, вот еще что, единственный вид творчества, правда, не детского, за которым генерал строго следит — это хор сотрудников, что по табельным дням, то есть вечером, после получения зарплаты, по субботним уикэндам и предпраздничным дням поет песни за столом в директорском кабинете... ну-у, это ты вчера со стороны улицы слышал. Все роли в хоре строго расписаны. Я, как уже говорил, под контр-тенора козлетоном пою и запевалой подсказываю остальным слова народных песен. Ты, как помню по поездкам в колхоз, хотя и нетвердо эти слова знаешь, но после пятой-шестой стопок замечательно басом с нарочитой густотой тянешь. А у нас в хоре как раз на баса никто не тянет. Баритон и тот сомнительный. Значит две вакансии в сюте сразу закроешь: руководителя кружка по ракетному моделированию и врио Шаляпина в генеральском хоре. Допиваем и — по домам. В понедельник зайду на станцию и с генералом насчет тебя поговорю. За тебя и нас с тобой!

♦В среду следующей недели после работы Вовка Синицын повел приятеля на смотрины. Еще накануне он порекомендовал Николаю запастись проставкой: «Генерал пьет только водку. Может согласиться на коньяк, но это будет выглядеть вызывающим: не по нашим зарплатам. На закуску уважает сало с мясной прослойкой. Можно и копченую грудинку. Колбасу — навроде полтавской или краковской. Хлеб — свежий рижский. Утром захвати все это с собой, сдай в заводскую камеру хранения».

Вечер вторника Николай посвятил сбору проставки. Полкило сала нужной кондиции взял из домашних запасов, круг же краковской купил в попутном продуктовом кооперативном — дорого, но в обычные гастрономы если колбасу и завозят, то только вареную и с двухчасовыми очередями. Все же решив соригинальничать перед генералом, вместо «столичной» или «экстры» купить новинку. В прошлом году, к осени, молдавский винпром, памятуя, что молдаване есть народ романской группы, почти родственники французам, освоил производство сорокаградусных «кальвадоса» и его национального варианта «бельцанки». В стахановском темпе организовав выбраживание яблок и выгонку из полученной бражки яблочной же водки, молдвинпром к началу текущего года завалил новинкой прилавки всей страны. Бутылку такого кальвадоса с французским прононсом он и взял. На случай добавки и четвертинку обычной водки прикупил.

...По дороге Вовка кратко, по толково объяснил специфику заведения:

— В действительности работают только два кружка для девчонок: мягкой игрушки и модного сейчас вязания макраме. Ими и отчитываются на всяких городских выставках и слетах юных талантов. Ведут эти кружки две женщины среднего возраста, когда-то учительствовавшие в начальных классах, а теперь пристроились в спокойном месте. Понятно дело, работают за свою скромную зарплату, где-то еще подрабатывают; приходят, занимаются с девочками знакомых родительниц по часам и уходят. Как тени, с остальным веселым коллективом не общаются. А коллектив этот состоит из пары школьных учителей труда — им законом можно совмещать на полную ставку, двух непонятных прохиндеев по виду и поведению, один числится зав-

хозом, другой аж организатором кружковой работы. Еще имеется дальний родственник генерала — за ним числится кружок токарно-фрезерного дела. Кличка — Племянник. Время от времени в дни выдачи зарплаты появляются пьяные Юрок и пожилой Виктор Степанович — у них какие-то таинственные отношения с генералом. Я не вникал, да и тебе не советую. ...И мы с тобой теперь на пару!

— Но все же этот *коллектив* что-то должен делать? Хотя бы для отчетности, комиссий каких-либо?

— Вот отчетностью и занимаются. И ты займешься. Главный документ — журнал со списком кружковцев; у нас они условно мальчиками именуются. Так сказать, мертвые души. Хотя где-то и существуют. Мне их ФИО знакомый учитель из школы дает. С тобой поделюсь для журнала. И, конечно, раз в месяц в этом журнале будешь отмечать посещаемость и темы занятий. Рабочими днями определим тебе понедельник, среду и субботу — как положено полуставочнику.

Да, чуть не забыл главное: в день получки, перед застольем, все, кроме женщин, конечно, поочередно заходят к генералу и отдают пошлину: кто пять, а кто и десять рублей. С тебя, как новобранца, червонец. И когда будешь отдавать, то точно десять рублей из кармана вынимай, а не все что получил: генерал тотчас еще сверх пятерку выхватит! А всякие комиссии, проверки и прочее — в голову не бери. Это дело генерала, дипломатическое. Не зря же наше богоугодное заведение в годовых отчетах по внешкольному воспитанию ниже третьей строки не занимает! На сабантуях один генерал ораторствует: слушай с пониманием, не встревай, даже когда начнет рассказывать, как он во время войны входит в ресторан (?), ему там генералы козыряют, а на улице полубатальон личной охраны все окрестные улицы перекрывает. Или про охочих баб, которые ему и сейчас по сторублевке за свидание накоротке отчиняют... Ну вот и пришли.

С осанистым хозяином заведения, смахивающим на парторга крупного завода, Николай разговаривал почтительно, с пониманием. Закуску тот одобрил, но поначалу возмутился видом напитка бледно-красного цвета: «Да не пью я всякие вина эти! Однажды ими отравился... когда девять бутылок* выпил...». И только цифра *40 % об*. на этикетке его успокоила.

* * *

В тот поздний уже вечер немногие прохожие по улице, супротивной кремлевским стенам, с удивлением слышали из форточки дома с единственным светящимся окном песню про одинокий дуб-бедняжку, что стоит среди долины ровныя, мощно выводимую густым молодым басом.

* Почему-то сакральное число «девять», когда речь заходит о происшествиях в пьяном виде. У нас в Литинституте в разговорах о трагической гибели очень известного в то время драматурга, утонувшего в сибирской реке, тоже фигурировали девять бутылок портвейна, выпитого им перед купанием...— Прим. авт.

# ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

**Яков Шафран**
(г. Тула)

## ИСПЫТАНИЙ ПОРА

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

* * *

Слезинкой дождинка бежит по стеклу,
Задержится, снова стекает.
Внизу во дворе ветер клонит ветлу.
Безмолвно природа рыдает
В знакомом до боли углу.
Гляжу на дождинку и память моя
Все будит, что было меж нами:
Слова и дела. Ничего не тая —
Стою, как в признании в храме.
Стою, ничего не тая.
Уйти? Но куда? Непогода — в душе.
Вовне ей в ответ и ненастье.
Теперь все б отдал, и с тобой в шалаше
Нашел бы искомое счастье.
Нашел бы в простом шалаше.
Стою у окна, и удары судьбы
На сердце ложатся уроком.
Что было с тобой — ничего не забыть,
Какие б ни канули сроки.
Поверь, ничего не забыть!

* * *

Над нашей Россией суровые вновь времена.
Неужто не кончилась жизни наука?
И жаждет душа того прошлого — дивного сна,
Что раньше казался простою докукой.

Бывало, нам злое вредило — ну, где-то, порой.
Сгубить же силенок ему не хватало.
А ныне злодей и богач — телесказок герой,
Отрава кругом так и брызжет из жала.
И кто из живущих избегнул быть втоптанным в грязь
За то, что он зельем не смел отравиться?
И кто устоял, сам-один с наважденьем борясь,
Рискуя средь серых стать белою птицей?
И, знать, оттого очень редки улыбки и смех,
Печальны глаза и морщины на лицах,
И старости злой преждевременно выпавший снег,
И тяга к несущим добро нам провидцам.
Дороги России... Здесь жизни нелегок так путь.
Заката лучи предвещают ненастье.
Зима впереди... Но я снова твержу наизусть:
«Страна дорогая, увидишь ты счастье!»

* * *

Вот и лето прошло.
Осень прячет тепло
За ветра, за дожди, за туманы.
Было все — и жара,
И рассветов пора
Золотых, соловьиных, румяных,
Свежесть ягод в горстú,
Проливные дожди,
И безбрежность небесной лазури,
В тихой роще дрозды,
Луговые цветы...
И все время магнитные бури!
Лето, стой, погоди,
Что нас ждет впереди?
Видно что-то готовит нам осень.
Что нам сделать сейчас,
Пока свет не угас,
Пока видим еще неба просинь?

* * *

Вероломство врага никогда
Не имело предела.
Для России не нóва беда
Получать вражьи стрелы.
Но под Курском безжалостный бой
Стал ударом по сердцу.
Ведь десятки уж лет как войной
К нам не шли иноземцы.
И хоть это не вермахт идет,
Да и речь их родная,
Не берем то сегодня мы в счет,
Их дела отмечая.
А они и коварны, и злы,

По-фашистски жестоки,
То плоды геноцидной войны,
То нацизма дороги.
Там по жителям мирным стрельба,
Везде зверства, насилье.
Наших жен, малых деток мольба
Не слышна бандерилье*.
Там расстрелы и пытки парней,
Повсеместно глумленье.
Что же лучше для «русских свиней»,
Как не их истребленье?
Но с Россией извечно Господь,
С русским воином предки.
Мы за землю — российскую плоть
Бить врага будем крепко!

* * *

Снова песня звучит, она есть в Интернете,
Та, советская песня, что чарует меня.
И кто скажет сейчас: «Все двулико на свете!»,
Понапрасну былое что есть мочи кляня?
Все же знаю, что есть и такие в народе,
Кто и крикнет, и плюнет, добавит и «мать».
Но та песня звучит, и назло всей невзгоде
Чистым светом свечи на душе благодать.
Этим летом опять так пленительны зори.
Соловьев уж по рощам сменили скворцы.
И советским бы песням звучать на просторе
И нестись им, как в прошлом, во все бы концы.
И пускай говорят, что кому там угодно,
Только радостны будут те людям простым.
Наши песни звучат! Что с того, что не модно?
Хорошо и природно, созвучно живым.
Вот и сердце поет в унисон этим песням,
И незримо друзья мои вторят словам.
И я верю, что с ними Россия воскреснет,
Потому никому их порочить не дам!

* * *

День августа зелен, но вот желтизна,
Сквозь трепет ветвей — увяданье.
Еще ведь недавно блистала весна! —
И с осенью скоро свиданье.
А вечер так дивен, и звезды влекут,
Мне сердце спокойствием полня.
Но бег ежедневный часов и минут
Тревогой о долге напомнит.
О, память... Вчера я с ватагой ребят
Все бегал по саду, играя...

* Бандерилья — образное название бандеровской орды.

Вот юность промчалась... Уж виден закат...
То времени суть роковая.
Однако добиться так хочется мне,
Хоть давит тоска ностальгии,
Как можно верней и как можно ясней
Увидеть величье России!

* * *

Слышу шалые песни — за ними тоска неизбывная,
Слышу громкие речи — смолчит им душа.
И у встречных в глазах замечаю печаль непрерывно я,
В них улыбку тяжелые мысли глушáт.
И не зря ведь, наверно, магнитные бури на солнце
Что ни день, что ни ночь нас тревожа гнетут.
Видно, там недовольны и ждут, что планета очнется,
Отведет от себя роковую беду.
Но не выйдет она, свою душу — Россию — отринув,
Сколь одежд ни надень, сколько слов ни скажи,
Из запутанных, гибельных, ложных путей-лабиринтов
Геноцида, насилья, незнанья и лжи.
Потому пусть Россия вернется к себе по всей сути,
Пусть планета поверит и сольется с душой.
И очистятся лица людей от потемок и мути,
И тогда назовут Землю светлой мечтой.

* * *

В том миру, где любить тяжело,
Где все кличет к добыче, к наживе,
Где награды дает только зло,
Где призывы к гуманности лживы,
В том миру лишь и нужно любить,
Утверждать, что добро еще живо,
Не казаться, а истинно быть,
Несмотря на ошибки и срывы,
Не боясь вдруг посмешищем стать,
И для всех быть родными, друзьями,
Им с теплом отдавать благодать,
Получая огнями, корнями.
Но небесный не явится луч,
Не очистит от слякоти души,
Где сомненье косматое туч,
Где духовные царствуют стужи,
Где нет милости, вечный где плач,
Где прощения нет и в помине,
Где и мысли проносятся вскачь,
И где тонет душа, как в трясине.
Потому мое сердце болит
В беспощадном жестоком терзанье.
Ведь в Любви только Божье призванье,
Ведь в Любви постоянный магнит.

* * *

Не уходит никак из судьбы темнота.
Лишь просвéтишь одно, как другое на страже.
Но стучится в окно октября красота
И хорошее снова в душе будоражит.
А октябрь идет, разжигая пожар
Многоцветья листвы по лесам и по рощам.
Темнота ж и на это досадливо ропщет,
Рваных туч и ветров нагнетая кошмар.
Выхожу в непогоду, по первости морщась.
Но родная развеет невзгоды все роща.
И, не глядя на сырость, промозглость и дождь,
Золотого убранства поспешный падеж,
Нестесненно и вольно иду и дышу,
Охраниться стараясь от мыслей ненужных,
Бесконечной шеренги занятий досужих,
И только о свете на сердце прошу.
Но две мысли при том не дают мне покоя,
Заставляя забыть даже о красоте:
Униженье, чем Родину мир весь покроет,
И безмерная гибель российских людей.

* * *

Испытания вечны, как вечен и мир —
Может статься, объявят злодеем,
Несмотря на поступки, слова и идеи,
Станет рядом с тобой конвоир.
Может статься, и люди поверят всему
И плеваться начнут вслед осанне.
Но печаль лишь на миг прилепúтся к гортани —
Ты ведь брату простишь своему.
Может статься, до Бога мольба не дойдет,
И повиснет в пространстве молитва.
И, возможно, родные твои в этой битве
Приумножат тебе невзгод.
Будет тяжко, но веры своей не утрать,
Не сломайся во мгле и у стенки,
Ни за что не позволь, чтоб дрожали коленки.—
Далеко не всесильна та рать.
Будет суд, но иной, что в надземных слоях,
Там весы неподкупны, не лживы.
Там и сам приговор себе дашь справедливый —
На земле же терпи, но в боях.
Испытания вечны, сколь длится и век,
Но не вечна в нем нéсправедливость.
Не забыть мне страну, где царила правдивость,
Где советский царил человек!

* * *

Возрастали стихи мои в рощах, в лесах,
Средь деревьев и трав, среди утренних птах,
Под осеннюю песню дождей,
Под снежинок ласкающий тихий полет,
Под морозы и вьюги лихих непогод,
Средь потока весенних вестей.
Возрастали в местах, где родился и рос,
И в Москве, где трудиться и жить довелось,
И на Тульской родной стороне.
Возрастали на книгах о жизни страны
И на самом хорошем седой старины,
И в заботах о нынешнем дне.
Возрастали на песнях Великой войны
И на знанье о зверствах невиданной тьмы,
На познанье коварных их планов.
Возрастали они среди боли потерь,
Среди крови людей, когда западный зверь
Раздирал нас Каширкой, Бесланом.
Возрастают и ныне средь тягот и бед,
Средь желания нужных и важных побед,
Средь всего, о чем сердце болит.
И теперь регулярное войско стихов
Крепко бить очумелых извечных врагов
Свой поход наступательный длит!

* * *

Небесны, как чудо, цветы
В садах, во дворах, полевые.
Они красоты постовые
И знаки святой чистоты.
В них Ангелы тихо поют.
Легко колыханье листвы
Берез белобоких, кудрявых
И лип медвяных, величавых,
И росной травы-муравы.
В них Ангелы тихо поют.
Плывут в вышине облака,
Парят легкокрыло пушистые,
Белы, серебры, золотистые.
Художника вúдна рука.
И Ангелы тихо поют.
Пленительно пение птиц,
Недальнее и отдаленное,
Спокойное и оживленное,
Талантливых наших певиц.
И Ангелы с ними поют.
Скажите, Безгрешные, мне,
Когда же Земля освятится,
От зла и от тьмы исцелится,
Поставит преграду войне?

Но Ангелы тихо поют.
Прислушался к песне я той
И понял, о чем Они пели —
«Добиться лишь можно на деле
Всего человечьей рукой!» —
Так Ангелы вечно поют.

* * *

Душа зарыдает от жизненных тягот,
Потянется в вечер печальной дворнягой
В осенний березовый лес.
А там тишина, и в листве тихий ветер,
И месяц высокий средь веток в просвете,
И звезд золотых полонез.
Пропела спросонок вдруг поздняя птица.
Душа ищет в сладостной неге забыться,
Найти безмятежный покой.
Но вдруг одна звездочка в небе блеснула,
И сердце мгновение то встрепенуло.
И тяготы все стороной.
Серебряной нитью в меня ее сила
Тотчас же вошла, и душа пробудилась
В Высоком Небесном Огне.
Гляжу на нее, и стремленье бороться
С неправдою, ложью, со злом и уродством
Вновé возродилось во мне.

**Ольга Белова-Далина**
(г. Москва — Литомержице, Чехия)

# НА ПАМЯТИ ПОМЕТКИ И ПОМАРКИ

*Родилась в Мурманске. Жила в Москве, откуда в 2000 году переехала в Чехию. Выпускница Карлова университета в Праге. Автор семи поэтических книг. Среди публикаций также статьи по педагогике и психологии искусства, подборки стихов, рассказы, сказки, поэтические переводы с чешского языка в литературно-художественных и научных изданиях России и других стран. С 2019 — главный редактор альманаха «Влтава», в 2022 году преостановившего свою деятельность. Победитель и призер литературных конкурсов.*

## ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ МАРТА

Обманчив март. Но слышится весна.
О ней бы петь — ее черед недолог.
Какого ж черта (вместе с ним рожна)
в моей строке прижился зимний холод!
И виселицы желтых фонарей,
и тягостный озноб короткой встречи,
и отповедь закрывшихся дверей,
и время, что не учит и не лечит, —
размытые картинки февраля,
на памяти пометки и помарки...
И не спешит платить по векселям
зима-воровка прощелыге-марту.

## СИРЕНЬ

Сирень: ни боли голове,
ни умиленья глазу.
На куст мой возведен навет —
он потому наказан.
До срока, до поры лишен
регалий и отличий.
Он усреднен, он обобщен,
унижен — обезличен.
Но уличит весна писак
напраслин. И палитрой
лиловой озарится сад
в час утренней молитвы.

## МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

*Я думаю об утре вашей славы...*

М. Цветаева «Байрону»

Я думаю, что был тот миг
благословенно тих —
когда впервые вас настиг
по-детски мудрый стих.

И за строкой влеклась строка,
и зрели, как вино,
стихи. И не было пока
предчувствия Вшенор*.

Я думаю, ничтожен труд
имен: Петршин**? Синай?
Подъем на холм любви был крут,
как холм ни называй;

что адовы — за кругом круг —
не различить крестов,
не счесть на пальцах бледных рук
случившихся голгоф.

Я думаю, Анри Бергсон***
был ваш и друг, и брат,
и потому вам снился сон
про путь Мари Стюарт;

и что, вполне возможно, был
у вас незваный гость,
который намертво прибил
проклятый смертный гвоздь...

## ФРЕСКИ

отцветала рябина
ветер мял занавески
ты стоял у окна
я ли — веской причиной
ты ли — доводом веским?
на обоих вина?
или оба невинны —
дважды два равновесья
и разлука одна
свет стекал по гардинам

---

* Вшеноры — деревня, недалеко от Праги, где жила М. Ц.

** Петршин — холм в Праге, в поэмах Горы и Конца он стал символом любви и творчества («Не Парнас, не Синай...» М. Ц.)

*** Анри Бергсон — французский философ-интуит, творчеством которого интересовалась М. Ц.

были тени не ре́зки
создавала луна
без угля и сангины
на стене у окна
и на памяти фрески

**ШАХМАТНЫЙ ВЕРЛИБР**

*Всякий слышит лишь то, что понимает.*
*А понимает в основном то, что пережил сам.*

Иоганн Вольфганг Гете

Он нашел ее спустя годы,
чтобы попросить прощения
и сказать, что любит.

И она подумала, что т о г д а,
в их ветхозаветной жизни,
он предал с е б я.

Он говорил о безжалостном
июльском солнце Средеземноморья,
мягких никосийских зимах,
прогулках вдоль берега моря,
щадящей диете и бездомных кошках.

И она поняла, что он одинок.

Он рассказывал об успешной карьере,
сеансах психотерапии
и о том, как преуспел в искусстве
манипулировать чужими податливыми душами.

И она догадалась, что он несчастлив.

Он неуклюже пытался вовлечь ее
в утомительную партию в шахматы
краплеными фигурами на поле без разметки.

И она выстроила линию обороны...

* * *

О, как знаком мне распорядок дня —
разумный, деловитый, сплошь повинный!
Людской поток гудит, как рой пчелиный,
внутри него проворной пчелкой — я.
Но суета однажды отболит.
Я окажусь тогда всенепременно
в том месте, где на краешке вселенной
есть неприметный краешек земли.
Там над лавандой скорый свой полет

моя сестра-пчела вершит недаром:
лиловым медом — сладким гонораром —
расплатится со мною пчеловод.

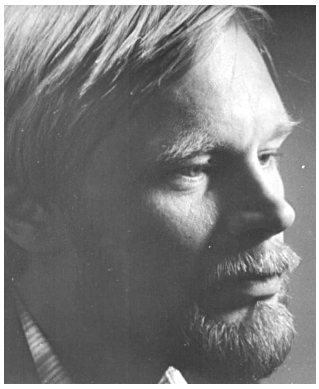
* * *

Пренебрегая зноем августа,
Декабрьских холодов хочу.
О, Боже, дай мне женской слабости —
Припасть к плечу!

Сегодня оттого ль не пишется,
Что видится так ясно мне,
Как чужеродой чернокнижницей
Мечусь в огне?

Под дымной тяжкостью молчания
Когда сломаюсь, где прогнусь?
В чаду, в бреду, во лжекамланиях,
Почти что Гус.

Почти что дева Орлеанская...
Молчу-молчу — твоя взяла!
К плечу — и стихла битва адская
Добра и зла.



**Петр Калинихин**
(г. Петрозаводск)

*Родился в 1955 году в г. Пудож Карело-Финской ССР. По образованию архитектор.*

**НАЧИНАЮ СВОЙ ПУТЬ ПО РОСЕ**

Жаркий день не подарит прохладу —
Солнце выплыло выше дерев.
Я и это приму как награду —
Мне костра надоел обогрев!
Рюкзачок упакован. Сигарка,
На мундштучной сгорев полосе,
В угольях дотлевает неярко...
Начинаю свой путь по росе.

**ПАУТИНКА**

Дымок сигаретный чуть режет глаза,
А дым от костра все ядреней и круче.
Земля отсырела. Промчалась гроза.
За кроны деревьев цепляются тучи;
С ними туманы плывут заодно,
Оставив росу на траве порыжелой.
Висит паутина — шедевр-полотно —
Ажурным рисунком ткачихи умелой.
Вся в бисере,— вставлена в узкий проем
Кустов ивняка, что на фоне сосенки.
И капельки с веток — вчерашним дождем
Срываются мерно. Уходят потемки...

**ГЛАВНЕЙ ВСЕГО**

Кто о чем, а я опять о лете...
Пусть ругают: тема, мол, узка!
Для меня важней всего на свете —
Лес, костер, журчанье ручейка.
Не жалея, рифмы разбросаю —
По грибным тропинкам и дорогам.
«В чем же счастье,— тихо вопрошаю, —
Край родной, давно забытый Богом?».
Долго я плутал в ушедшем лете —
Нет того лесного уголка,
Где от эха не просил ответа —
На вопрос: «О чем моя тоска?»

И всегда мне слышалось в ответе
Тихом, словно шелест мотылька:
«Для тебя главней всего на свете —
Лес, костер, журчанье ручейка...

## У ЛЕСНОГО КОСТРИЩА

Всегда хотелось в дивный лес,—
Туда,— под птичьи трели;
В лес, полный сказочных чудес,
Где леших бродят тени.
Терпел я из последних сил,
Мест избегал угрюмых;
В плохих лесах не разводил
Костров ночных, подлунных.
Сняв чеботы с усталых ног,
Ложился к костровищу,
И верил — есть на свете Бог,
Дарящий огнь и пищу.
И как ребенок засыпал
Под треск сухих полешек;
И огненный мне снился пал,
Под пляс веселый леших...

## ПЕРВЫЙ СНЕГ

Свернув с первопутка, тянутся в лог
Неровной цепочкой следы от сапог.

Сквозь чащу деревьев и мороси бред
Иду я, уставший, за мною — мой след.

Пора отдохнуть, но внутренний бес
Упорно толкает — в загадочный лес.

И проще вернуться по следу назад,
Но я ведь упрямый — люблю наугад!

...А снег нынче выпал давно за Покров:
Плутает в овражке стежка следов.

## ОКТЯБРЬ

Октябрь. Зима пока слегка —
В свои права вступает, не спеша.
Тумана дым видать издалека, —
Колышется в низине, чуть дыша.
Но час-другой, и солнце из-за туч —
Над деревами выглянет лениво:
На желтый лист, бросая первый луч,
Слепить начнет небесное огниво
Так нежно на прощанье, так тепло.
И кажется порою луч игривым:
В моей душе растает груз остуд.
Проснусь счастливым...

## НАДЕЖДА

В бочажине, с бережка покатого,
Я пригоршней зачерпнул воды
Золота вчерашнего, закатного,
И утра — серебряной слюды.
Досыхают у костра бахилы:
Через час, еще по темноте,
Отмерять пойду лесные мили,
Удивляясь здешней красоте.
Солнце, не вчерашнее, другое
Будет мне по-новому светить.
Нет душе болотного застоя!
Есть надежда. Продолжаю жить.

* * *

В меня мучительно, капризно,
Мотив вползает — не молчит,
И слов пока еще не слышно,
Но он в душе давно звучит.
Шагов своих не замедляя,
Иду росой по склону дня.
Вдали виднеется родная
Избушка старая моя.
И рифмы на ходу срываю —
Запихиваю в свой блокнот.
Вот костерочек разжигаю,
Стряхнув с лица и жар, и пот.
Чаек из кружки попиваю,
Жую слова из прошлых снов,
И снова карандаш хватаю, —
Теперь я раб упрямых слов.
Пишу взахлеб, не замечая,
Как умер за спиной закат,
А дым, глаза мне разъедая,
Над полем стелет серый плат.

## МАЛАЯ РОДИНА

Встречали настороженно
Избушки в три окна:
Я гость, и я встревоженный —
Признал ли кто меня?
Шагал я не торопко
Бесснежной колеей
Апрельскою походкой
По слякоти родной.
И чувствовал дыхание.
В окошке видел тень...
Как страшно умирание
Русских деревень!

**Олег Пантюхин**
(г. Щекино)

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

### В ПРОСТРАНСТВЕ ОСЕНИ

В пространстве осени вдвоем затеряемся,
В пространстве любви, как за гранью реальности.
И пусть летят эти листья опавшие,
Мы молодые, мы не уставшие.

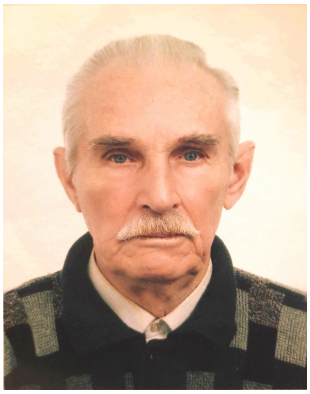
Мы вновь нашедшие, не потерявшие,
Мы сердцем верные и не предавшие,
Мы снова легкие и парящие,
Мы с тобой верящие и настоящие...

* * *

В воздухе солнечный свет разлит,
Осень лета тепло хранит.
Осень хранит твоих рук тепло,
Неповторимо, незримо оно.

В воздухе — то, что нельзя уловить,
Можно лишь краем души ощутить,
То, без чего невозможно жить,
То, что сердцам помогает любить...

**Михаил Турбин**
(г. Орел)



## ПОДБОРКА СТИХОВ О ВЕСНЕ

*Михаил Леонидович Турбин родился в Ливнах Орловской области. Окончил исторический факультет Орловского пединститута. Член Союза писателей России с 1996 года. Автор 7 сборников стихотворений и 2-х сборников рассказов. Произведения неоднократно публиковались в центральных и региональных литературных журналах. Лауреат литературных премий.*

* * *

Снег еще кружится по привычке,
Но уже сугробы не светлы...
У весны пушистые реснички
Изумрудно-голубой весны.

Ее голос — жаворонок звонкий,
Ее чувства — радость без конца.
У весны проворные глазенки
Серебристо-черного скворца.

Снег еще проносится печальный,
Сам не зная, в чем его вина...
Скоро будет в платьице венчальном
Красоваться вишенкой весна.

* * *

Пробило солнце в небе бреши —
Струится свет из облаков.
Лежат в лохмотьях почерневших
Тела растерзанных стогов.

И, как живой, в ленивой дреме
Сползает снег с овражных круч.
Крупицей золота в соломе
Танцует отраженный луч.

Прощальный взгляд зимы печален,
Ползет от леса холодок.
Бежит по полю в дым проталин
Овсянка, вскинув хохолок.

* * *

Нет под хвоей снеговых подушек,
Из оврагов изгнана зима.
На березах вьется от макушек
Легким изумрудом бахрама.

Небеса над рощей зазвенели —
Не смолкает жаворонка трель.
Закружились в первой карусели
Спозаранку бабочка и шмель.

С мощной силой стрелы зоревые
Будоражат дальние поля,
Словно жизнь является впервые,
Свой отчет проводит от нуля.

## НА РЫБАЛКЕ

Поздний час. Раскричались грачи.
Спор о чем-то ведут до азарта,
Словно в стае пропали ключи —
Небо заперто будет до завтра.

Грач грачу в этой стае родня.
Дружно птицы орут о пропаже.
Говорят дыма нет без огня —
Тополя почернели от сажи.

Не дают мне послушать грачи
У реки соловьиные трели.
Разглядел: под обрывом ключи
Бьют по-прежнему — все уцелели.

* * *

Вот она, даль необъятно-зеленая!
Вот она, русская ширь!
В синем тумане река задымленная,
Вздыбленный лес-богатырь.

Тянется облако, ветром гонимое
И задевает о тын.
Музыка запаха необъяснимого
Полон цветущий жасмин.

В душу врывается благоуханное...
Память — мое решето.
Что-то далекое, что-то туманное
Напоминает, но что?

* * *

В глади речной — отражение месяца.
В ивах глухих — соловьи на слуху.
Звезды сияют, от радости бесятся.
Кажется, им хорошо наверху.

Кажется, мы в суете откровенной
Ищем напрасно живую струю.
Понял я поздно, что центр во Вселенной —
Точка земли, на которой стою.

И не смешно, что не спал я ночами,
Ждал вдохновения — радость огня.
Нынче почувствовал: звезды лучами
С вечного неба идут на меня.

**Максим Торбин**
(г. Москва)

*Наш постоянный автор.*

* * *

Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне,
и легкая улыбка мелькнет в твоем окне,
и сердца стук напомнит о былом,
которое как призрак мелькает за окном.
Но жизнь летит, и в беге этом быстром,
мелькают наши жизни, как наши мысли.
Зажги огонь, поставь ты эту свечку,
на подоконник жизни, чтоб он дарил тепло,
и чтобы был он путеводную звездой,
которая завет к себе домой...

* * *

Мне представляется:
там в зеленых дебрях,
весною так же упрямо
пробиваются сквозь землю ростки,
чтобы скорее выбросить ветки,
листья,
скорее цвести.

* * *

Свешивается с невидимой ветки луна
голубая, пахучая.
Мы молчим, среди нас тишина,
Пульс... наслаждение.
Сладкие, острые, белые зубы,
улыбка сложна,
и потом опять — пчелы губы,
боль цветения.
Мы растворяемся с тобою в ночи,
как огарки свечи,
в лунном наваждении.

**Екатерина Грушихина**
(г. Красногорск, Московская область)

*Родилась в Москве. Стихи пишу с раннего детства. В юности прошла творческий конкурс в Литературный институт им. А. М. Горького. Окончила экономический факультет МГОУ им. Черномырдина. Публиковалась в газетах, альманахах и журналах. Лауреат поэтических конкурсов.*

## УМЧУ НА ЭЛЕКТРИЧКЕ С ПАВЕЛЕЦКОГО

Умчу на электричке с Павелецкого*,
В свою деревню, в ласковую глушь,
Туда, где спят воспоминанья детские
В тени сливóво-яблоневых кущ.

Туда, где цвет благоуханный липовый
Бабуля бережно заваривает в чай.
Калитка покосившаяся скрипнула,—
И я бегу родителей встречать.

Бегу, бегу махровыми лужайками,—
Порхают семицветики у ног.
Так изобильно счастье, что не жалко мне
Вплетать его в ромашковый венок.

Умчу на электричке с Павелецкого
В смородино — крыжовниковый рай,—
Туда, где жизнь божественно — простецкая,
Как дедов накренившийся сарай.

А электричка полотнúщем стелется,—
Горчит судьбины верескóвый мед.—
И бабушка вздохнула: «Перемелется...»,—
И буркнул дед: «До свадьбы заживет».

* Павелецкий вокзал — ж/д вокзал в Москве.

**Александр Шерстюк**
(г. Зеленоград — Москва)

## ВЕРСЫ — 2023, 2024

* * *

как хорошо хоть что-то есть бесплатное!
встав утром я для зарядки на текущий день
включаю комп и отправляю эмейлом
послания
какие-такие послания?
поясняю: СЕБЕ
у моих посланий
замечательное содержание — пустота
то есть ни текста ни картинок
немота
да да адресуется пустота
я посылаю
шерстюку александру александровичу
куски пустоты
там ничего нет
зато внизу подпись
«с уважением ШАА»
подпись не надо набирать
она заложена в шаблон
а поскольку даже к плацебо
вырабатывается привыкание
то я дабы не снижался эффект
каждый новый день увеличиваю дозу
моих личных лекарственных средств —
число отправлений

* * *

я еще спал вдруг звонок
называют мою физиономию
то есть мое фио
говорят звонок из полиции фамилия Соколов
— догадываетесь по какому поводу?
— а что тут догадываться я убил царя
— ...я хотел вам сообщить... вы знаете
(называет знакомого из родни)

— знаю... он погиб в Куликовской битве
я готов получить пособие за утрату кормильца...
немая сцена
наверно это была
минута молчания
через час
в трубке другой голос
— в вашем доме сегодня проводится
обработка от тараканов
вы будете дома?
— у меня все дома
а тараканы у меня водятся
только на чердаке
и мне не мешают
напрасны ваши старания
до свидания!

* * *

на мою шею тучей
налетели комары
мары — смерть
ко + мары = с + мертники
толкутся
шприцы вонзают
ширяются
я их размазываю
и учтиво спрашиваю:
— во что братцы
обходится оккупация?
— вашей кровью —
отвечают
— затраты окупаются!

* * *

когда-то я знал одного товарища
ну товарищ положим громко сказано
но не господин же
и не сударь
так вот он будучи колхозным сторожем
звали его Митей
продавал цыганам лошадей
не говорил им возьмите
они сами его нашли
уводили
лучших жеребцов из конюшни
потом Митя говорил начальству
что украли из стада
хорошо было и цыганам и Мите
каждому по его выгоде
а другой сторож
шедевров хранитель

продавал черный квадрат Малевича
и не раз
говорил джентльменам грабителям
только раму не берите
полотно в сверток сворачивайте
а когда грабители сворачивались
он новое вино
вливал в старые мехи
реконструировал Малевича так
чтоб мало никому не казалось
чтоб никто не заметил подделки
это ли не высокий пример
служения искусству

* * *

фотографии и борозды-строки
я храню в яндекс-облаке
но штаны пока еще
храню в шкапе
значит облако пока еще
облачено не в мои штаны
Владимир Владимирович
опередил
Александра Влександровича
но почему бы нам не быть
как Оке и Каме
не плыть
разными облаками

* * *

под Эльбрусом геологи
обнаружили
гигантский океан
по объему больше Тихого
но выполнен из нефти
и градус адский кипящий
высокотемпературный
однако у рабочих
темперамент не меньше
у них пионерская зорька
в попе играет
как в доменной печи
бурят дальше
буры из победитовой стали
плавиться стали
вахтовики что на гвозди годны
и то стали чертыхаться
наконец
добурились-таки до дна
и тут из недр
раздались голоса

вы думаете ад
нет нет что вы
то были лабухи-душки
и им ладненько впопад
пели
барановские бабушки

* * *

загляделся я на Пеле
тридцатилетнего
фото в газете в профиль
боже мой как же похож
на него *наше все* Пушкин
и оба такие талантливые
вот и получается
если говорить по-большому
Пушкин наш литературный Пеле
а Пеле — их футбольный Пушкин

* * *

пригласили меня прийти
ответил пожалуй не смогу
процентов на 99,9
а сам подумал
да нет на все 317,2 процента
вот и получается
это вам не школьный учебник
в жизни 99,9 равно 317,2
если знать точно
что отказ

**Александр Авдеев**
(с. Пестрецово Ярославской области)

*Александр Иванович Авдеев родился в Ярославле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Костромскую духовную семинарию. 11-й год служит священником в селе Пестрецово Ярославского района. Издал две книги стихов. Дипломант Некрасовского конкурса поэзии, дипломант конкурса поэзии «Золотой Витязь». Публиковался в ряде литературных журналов.*

* * *

Мерцает,— как созвездие вселенной,—
Под солнцем ранним иней на траве...
Как в печке разгорается полено,
Заслонку открываешь — льется свет
На стены восстановленной котельной.
Откроешь дверь на улицу — метель.
Метель сверкает небом безпредельным.
И на планете каждой — колыбель.

* * *

**1**

Буду жить, не стану ждать.
Жизнь свое возьмет.
Посчитай за благодать
Птиц на юг полет.
Не влюбляйся в красоту
Жен чужих... невест.
В их крылатую фату
С перелетных мест.
Нынче верных и друзей,
И подруг — «не вем».
Посмотреть на журавлей —
Отдых от проблем.
Пропадет как страсти кнут
Легкая любовь.
Дни раздольные идут,
Знай, не суесловь.

**2**

Вижу свое на земле и на небе потАйном:
Ангелов — звездами... Бог Вездесущий Творит.
Сам полюбил я склоняться над чашкою чайной,
И вспоминать, как вино мою плоть веселит.
Все вспоминаю невольно и доброе, злое.
Как разобраться теперь — какова эта жизнь?
Небо, скажу я, туманное и голубое.
Ну, а земля, тут поля и дома, этажи.
Сколько в домах человеческих нервов и судеб,
В нечеловеческой боли, любви да борьбе.
...Ты, осуждая меня, по себе меня судишь.
Я, осуждая тебя, сам сужу по себе....

* * *

Дождь шуршит — окно откроешь,
Точно тать крадется в дом.
И выдумываешь, нОешь,
Да и мысли не о чем.
Все на улице промокло,
Что и мокнуть не могло:
Дом сырой, спасают окна —
Капли бьются о стекло.
Осень — старая богачка,
В лужи влюбится душа.
Красота неоднозначна,
Часто смотришь с этажа.
В желтый луг открою двери,
Не резвятся соловьи...
К думам зреет недоверье,
Коль в них чувства не твои.

* * *

Проясняется небо.
Стали лужи светлее,—
С облаками на север летят.
Потеплело нелепо.
Сыро в светлой аллее.
И в пруду стая мелких утят.
Эти птицы на зИму —
Не скажу — улетают:
Здесь они проживут и умрут.
Дни аллеи застынут
И нежданно оттают.
Все теперь не по времени тут.
Я иду и надеюсь,—
Возраст чуть позабуду
И побуду еще молодым.
Там, где птицы, погреюсь —
Под безвременным чудом:

Трудно быть молодым не святым.
Помню, в этой аллее,
Как мне жадно гулялось,
С любопытством смотрел на людей.
Становилось теплее,
Но печаль и усталость
Не касалась играющих дней.
Эти дни не летают
На югА отогреться,
Им вольготно и радостно тут.
Не замерзнут, не тают
Дни ушедшего детства.
И они никогда не умрут.

**Юлия Зимина-Кондакова**
(г. Тула)

## У КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
**В день молебна о воинах СВО**

К чудотворной иконе Казанской
Люди шли, каждый с просьбой, бедой
И надеждой... Мне стало казаться:
Нескончаемой шли чередой...

Со священником рядом стояли
В центре храма родные бойцов
И молитвы за ним повторяли
За мужей, сыновей и отцов...

Пресвятую хранить их просили
В жарких битвах, тревожной дали,
Дать в любых испытаниях силы,
Чтоб живыми вернуться смогли...

И молились за тех, кто был ранен,
Кто во вражеском чахнет плену,
Кто с кровавых полей слишком рано
С журавлями взлетел в вышину...

И я видела: там, в центре храма
Были женщины в чёрных платках —
Поседевшие жёны и мамы
С неизбывной печалью в глазах...

Я в слезах пред иконой склонилась:
«Защити! Многих ждёт смертный бой!»
Люди в церкви нежданно сроднились:
У нас всех сейчас общая боль...

Мы со светлой надеждой просили
О Победе, чтоб враг был разбит...
В эти скорбные дни вся Россия
У Казанской с мольбою стоит...

**Надежда Кубенская**
(г. Архангельск)

*Надежда Кубенская — член Союза писателей Крыма, Академии российской литературы; член правления Международного союза писателей имени святых Кирилла и Мефодия. Является лауреатом российских и международных конкурсов.*

**НОЯБРЬ**

Ничего не меняется. Стынь на дворе.
Вновь ноябрь наступил. Хмурит брови.
Замерзает земля. Тополя в серебре.
И в тумане, как в белом покрове.

Отзвенела уже золотая пора
Листопада и ветра хмельного.
На подходе зима, бури снежной игра,
Ледостава и холода злого.

Возникает какой-то замедленный бег
В суете повседневной рутины
В наш насыщенный, странный и каверзный век.
А душа просит пух тополиный...

**ДЕКАБРЬСКОЕ СОЛНЦЕ**

Декабрьское солнце не радует светом.
Год уходящий стремится к нулю.
Вернется ли снова — вопрос без ответа —
Наше светило к былому огню?

Размытые тени, лишь отблеск заката
В серо-сиреневой дымке небес.
Зловещая тьма наступает на пяты.
Поберегись, расстревоженный лес!

В порыве метели качаются ели,
Снег завалил все дороги окрест.
Незримое что-то сберечь не сумели...
Боже, спасет ли твой праведный крест?

**ПРИЗРАЧНОСТЬ БЫТИЯ**

Пустынно как... лишь призрачные окна
Во тьме глубокой сном обнажены
И кажется, что колокольным звоном
Прольется СВЕТ на странников земных.

Плутает люд. И где же в мире правда?
Где истина в полузабытье зим?
И лет, прошедших в счастье безвозвратном?
Не скажет путник, странствием гоним.

О, Господи! Не дай свалиться в яму,
В кювет упасть на тройке рысаков.
Что делать, чтоб спастись? Молиться рьяно,
Чтоб не пропасть под натиском врагов?

Лишь долгой песней смутного заката
Ответит встречному густой туман...
Неверие уйдет, а Вера будет свята.
И мы пройдем сквозь тягостный обман.

## ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег — это белая стая,
Бесконечно струящийся свет.
Он в ладонях моих нежно стает,
Только мокрый останется след.

И меня поцелуешь ты снова,
Вновь прижмешь мои руки к губам
И прошепчешь заветное слово:
«Я тебя никому не отдам».

Это самая лучшая встреча.
Расставание долгое ждет...
Пусть не кончится радостный вечер:
Ты уходишь в далекий поход.

Ждет тебя беспокойное море,
Где поет шалый ветер в ночи.
Ты споешь про меня, ветру вторя,
А потом с ним вдвоем помолчишь.

Верю я и надеюсь, весною
Белых яблонь накроет туман.
Вновь услышу заветное слово:
«Я тебя никому не отдам».

## ЕВА — ДОЧЬ ПОЛКА

*В Луганской области маленькая Ева три раза в неделю встречает российских саперов у ворот своего дома. Она больше недели провела в подвале, пока наши солдаты не освободили ее. Михаил, боец спецназа, стал ее названным братом.*

Как пичуга малая королек
выскочит внезапно из-под куста
и прильнет, болезная, слышь, дружок,

обоймет ручонками, как Христа...
как Христа-спасителя — не унять!
будто от чумазого, да в пыли,
изойдет вдруг Божия благодать.
А глаза вдруг солнцем мне обожгли...

Домик серый, маленький, чуть живой,
и стоит девчоночка у ворот,
а соседи плачутся за спиной:
«Ждет она, родименький, не уйдет».
«Все мои любимые,— говорит,—
а вот этот, Миша, мне словно брат».
Вот теперь, душа за нее болит:
наша Ева милая — дочь полка.

За нее теперь Бога я молю... ты уж, Господи, ее сбереги:
как родную я сироту люблю, ты вернуться к ней помоги.

**ПЕРЕДЫШКА**

Содрогнулась планета от боли:
Слишком много потерь на войне.
По какой-то злокозненной воле
«Хаймерс» бьет по славянской земле.

В Волновахе простреляна трасса
По Донецку палили не раз...
И напуганы дети Донбасса
От свистящих осколков сейчас!

Чуть затихнет, и рваную землю
Снова солнце целует взахлеб,
Воздух полнится терпкой сиренью
Вместе с порохом, дымом вразлет...

Воробьишка худющий, голодный
Скачет, милый, по голой земле.
И так хочется хлеба немного
Раскрошить на поникшей траве...

Вспоминается дом, мирный город,
Звездопад в благодатной ночи.
И страна под приглядом у Бога,
Там на Пасху пекут куличи...

Вот закончится все, и поеду
Я к любимой невесте своей.
Пир закатим за нашу Победу
И поднимем бокал за друзей!

**ВСЕ БУДЕТ**

Все будет:
И пух тополей
непременно представит зеленое лето.

И, быть может, поэтому сердце сильней
затоскует по снегу, летящему с ветром...

Все будет:
И радостный крик
с удивительной силой прольется по свету.
Только в этот торжественно-сладостный миг
осознаем мы цену за нашу победу.

Все будет:
И солнце во тьме
Неуклонно продолжит движенье по кругу...
А мальчишка девчонке как будто во сне
вдруг предложит и сердце хмельное, и руку.

Все будет:
И вечной весна
У влюбленных сердец будет трепетно длиться,
Несмотря на ненастный планетный бедлам.
И в потомках любовь на земле повторится.

**РЕМИНИСЦЕНЦИЯ А. Скрябин «Поэма экстаза»**

Волшебный мир
открылся вдруг душе
И полнится, разбуженный весною,
Огнем любви
и таинством надежд,
И первозданной травяной росою.
Вдруг раздается
трубный звук грозы,
И вихрь идет бушующей волною.
Необъяснимые созвучья тьмы
Вдруг тонут жертвенно в пучине, воя.

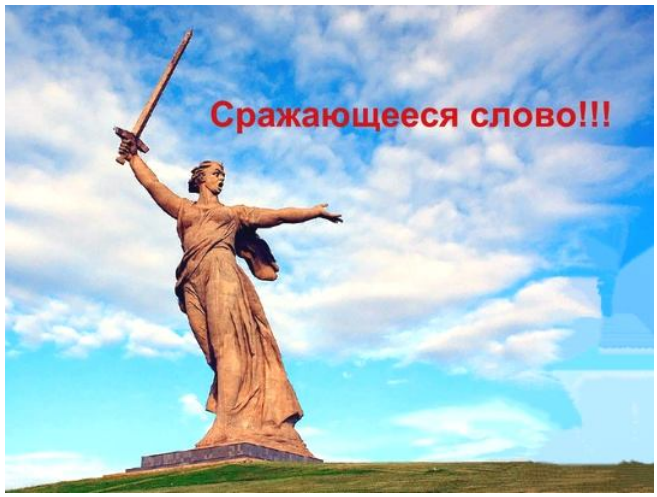
Борьба стихий, и света нет. И дна

В пространстве
диком, бесконечно-сером...
Найдется ли такой во тьме Атлант,
Что в бойне
справится с рогами «серны»?

Вдруг ослепительный открылся миг
И музыка потоком льется плавным:
Божественную волю ты постиг,
Открыты двери сладостной «Нирваны».

## СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО*

**Подборка стихов поэтов России**




**Инна Кучерова**
(г. Донецк)

### Я ЗАКРОЮ ЖАЛЯЩЕЕ НЕБО...

Я закрою жалящее небо
Над тобою самым мощным РЭБом,
Я свяжу подшлемники с носками
Маленькими женскими руками,
Соберу посылки и аптечки,
Отолью из парафина свечки,
Я сплету и привезу масксети
Самому любимому на свете.
Помолюсь, поплачу я украдкой
Перед негасимою лампадкой,
Чтоб ты был здоров и был спокоен,
Мой непобедимый русский воин!
Знай, что не одна я здесь такая,
Сотни женщин шьют и выпекают,
Что-то для тебя, для вас, ребята.
Мы — единой армии солдаты.
Даже если вера вдруг остыла,
Я тебя всегда прикрою с тыла,
И своей молитвою, и РЭБом
Затворю
твоё
большое
небо...

* Стихи авторов со страницы Владимира Алёшина (г. Тула) СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО https://vk.com/alyoshin46

### ВО ВРЕМЯ ЗАТЯНУВШЕЙСЯ РАЗЛУКИ...

Во время затянувшейся разлуки,
Когда от дома ты опять вдали,
Я мысленно твои целую руки,
Пускай они и в пепле, и в пыли.

Я помню, как крестился ими в Храме
Молитвой нарушая тишину,
А после вытирал слезинки маме,
Тебя благословлявшей на войну.

Я помню их натруженность и нежность,
Их силу, их надёжность и тепло,
Я знаю, быть солдатом — неизбежность,
Но ты ко мне вернёшься всем назло.

Во время затянувшейся разлуки,
Мой воин, мой защитник, мой солдат,
Я мысленно твои целую руки,
Сжимающие крепко автомат.

## Наталия Миленченко

*Поэт, эссеист, культурный и общественный деятель.*

### СВЕТ РОССИИ

Рать несметная народа, всколыхнулся океан...
Русь, могучий воевода, сбросит западный дурман.
Ты и пахарь, ты и воин — от сохи и от меча.
Чем сильнее натиск злобный — ярче Русская свеча!

Ты горишь во тьме кромешной, лихолетьям вопреки,
Ты – надежда безутешным в мире горестной тоски.
Пусть метелит непогода, Ты и в холод горяча!
Свет любви всечеловечной — сердца русского печать.

Заострились духа стрелы, не ослабла тетива,
На полях былинной веры — живоносная трава.
Вечна Русь, как Жизни древо. Мы навек — твоя листва.
Ты как Феникс – не сгораешь и, распятая, ЖИВА!
. . . . . .

Ратай, ратник (древнерус.) — воин из народа, пахарь.
Рать — народная дружина.
Ратовать — помогать, спасать.

### МАМА

Это время зовётся войной...
Жгучей болью расплавилось солнце...

Где же, мама, твоё веретёнце?
Ты мне песню, как в детстве, напой...

И отступит кромешная ночь,
Мы с тобой соберём землянику...
Ты не верь журавлиному крику,
Я разлуку смогу превозмочь.

Истончилась отчаянно нить...
Только жди, я вернусь! Не молчи...
Ты ведь знаешь живые ключи —
Напои... Помоги... Сохрани...

Мама, нас никогда не убить!
Прорастаем зелёной травою,
Облаками плывём над землёю,
Ты не плачь... мы не можем не ЖИТЬ...

### ПОДВИГ

Никуда не ушло...
Просто сердцем легло
На светающий в зареве день...
Сколько вас полегло!
На века обожгло...
Переплавилось в синюю звень.
Журавли... журавли...
Росчерк-всполох вдали,
Всё пронзительней кажется след...
Звёзды в память земли
Проросли... зацвели,
Чтобы мы сберегли этот свет...

**Оксана Тюбеева**
(г. Стерлитамак)

### КОГДА НАСТУПИТ ТИШИНА...

Привет... Ты спишь, а я с задания...
На пару часиков прилёг.
Сейчас не то, что было ранее,
По нам прицельно бьёт «укроп».

Спасибо, что не забываешь
И в церковь ходишь по утрам.
Сорокоуст оберегает,
Вернусь, пойдём с тобою в храм.

Я за друзей свечу поставлю,
Геройски павших, молодых,
Никто из них не скажет: Мама,
Вернулся я к тебе живым.

Ты спи, родная, утро скоро,
И снова бой, зима, война.
Я напишу, хотя бы слово,
Когда наступит тишина...

**МАМА**

Время сейчас такое
Пришло, искупать грехи.
Вольному ветер в поле,
Каяться не спешит.

Сколько ещё погибнет
За Веру и за Христа.
Нацистской поганой гнили
Нет края и нет конца.

Кровью покрыта равнина,
Израненная земля.
В этих краях погибло
Всё от людского зла.

После кровавой бойни
Выйду, дай Бог, живым.
Я до войны был молод,
Здесь стал совсем седым.

Я припаду уставший,
К рыдающей болью земле.
Очень устал я, мама,
На этой клятой войне.

Ты мои письма, родная,
У сердца всегда храни.
Я обещаю, Мама,
Вернуться к тебе живым!

**НА ВОЙНЕ ЛУЧШИЙ ДРУГ — ТИШИНА**

На войне лучший друг — тишина,
Пусть недолго, хотя бы с часок.
Нам с тобою, брат, не до сна,
Нам с тобою рвать только вперёд.

А война оставляет следы,
И дрожит от ранений земля.
Ты ж совсем молодой штурмовик —
Паренёк с позывным «Заря».

Эй, браток, ты чего, держись,
Вот граната тебе и мне.
Ты зубами вцепившись в жизнь,
О родных думай и о семье.

Думай, как тебя мама ждёт,
Как ребенок ждёт и жена.
Ещё часик, еще часок
Не стихай, прошу, тишина.

А война оставляет следы
И дрожит от ранений земля.
Сколько нас, таких молодых,
Смотрит смерти прямо в глаза.

**Наталья Рогова**

**РУСЬ МОЯ**

Русь моя!..— все войны, да тревоги.
Вены рек в тугой клубок сплелись.
Вороны над язвами дороги
Черной кровью густо запеклись.

Загноилась лунная глазница.
По бумаге нервных строчек вязь.
Пусть сегодня ночью мне приснится
Мой влюбленный и пресветлый князь.

Пусть привидится его мне подвиг славный
И прощальный взмах родной руки...
Буду плакать безутешной Ярославной
Над кольчугою блистающей Оки.

Был мне сон далекий и чудесный...
Были ветры в косы вплетены.
Долго ль Ярославной безызвестной
Мне стоять у каменной стены?..

* * *

Затуманилось небо ясное,
Словно вороны кружат вороги.
Провожаю я друга милого,
Друга милого — ясна сокола.

Друг пресветлый мой, красно солнышко,
Поле русское расстилается.
Пыль дороженьки серой лентою
В кудри заплелась, окаянная.

Полететь бы мне, да над полюшком,
Над туманами, над Непрядвою.
Укрывать бы мне, да кольчугою
Грудь родимую, плечи милого.

На лету ловить стрелы быстрые
И поднять щитом серебро луны.

Расплести самой русу косыньку —
Ливнем ласковым умывать его.

Чтоб в бою глядел ясным взором он,
Чтоб не забывал свою любушку,
Свою жёнушку, да любимую,
Чтобы рядом быть в час забвения.

## ДУМЫ

Склонилась ночь над колыбелью
Непониманья и тоски.
Рябины спелое очелье
Сдавило думами виски.

Остыло поле бестолково,
И вызрел солнца окоём.
Умолкло праведное слово,
Трава поникла под дождём.

О, сколько воинов осталось
В безвестном полчище теней.
Сжимает горло боль и жалось
К Руси застенчивой моей.

Луча седого веретёнце
Укрылось тучей от меня.
Искала я дорогу к солнцу,
Пугаясь праздного огня.

Берёз застиранные ситцы
Укутали печаль мою.
Росинкой у травы в ресницах
Печаль сегодня затаю.

Не доверяя вновь кукушке,
Веду беспечных вёсен счёт.
Осин вихрастые макушки
К земле бродяга — ветер гнёт.

Склонилась ночь над колыбелью
Непониманья и тоски.
Рябины спелое очелье
Сдавило думами виски.

# ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

## «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»: 30 ЛЕТ — НЕ ПРЕДЕЛ!

**Интервью, взятое редакцией «Приокских зорь у Олега Зайцева (Минск, Белоруссия)**

*18 ноября этого года Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» отметил круглую и весьма значимую дату — 30-летие своего создания. Редакция журнала «Приокские зори», регулярно поддерживавшая это республиканское творческое объединение, не могла остаться в стороне от такого события, обратившись к отцу-основателю и автору создания союза, почетному председателю, заместителю председателя РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь», директору учреждения «Литературный свет», главному редактору журнала «Западная Двина» Зайцеву Олегу Николаевичу:*

**«ПЗ».** Олег Николаевич, расскажите вкратце, где вы родились, где учились, кто вы по основной специальности.

**О. З.** Я уроженец города Новополоцка Витебской области, родился в ноябре 1968 года. Белорус. После службы в армии поступил и через пять лет закончил Белорусский государственный университет по специальности «Журналистика». Учась на факультете, на пятом курсе, через деканат продавил организацию литературных курсов для студентов факультета, университета и иных желающих, которые тоже окончил и имею соответствующее удостоверение выпускника. После этого пару лет трудился в ведомственной газете и потом ушел «на собственные хлеба», став директором и главным редактором и последовательно трудясь в трех учреждениях, которые были дочерними организациями нашего творческого союза (об этом ниже). Стаж руководителя, главного редактора и издателя — более 28 лет. За плечами выпуск шести отраслевых журналов, литературно-публицистического журнала «Западная Двина», двух отраслевых и двух тематических газет, учредителем и издателем которых я выступал в разные годы.

**«ПЗ».** Как вы пришли в литературу? Что подтолкнуло или кто подтолкнул?

**О. З.** Как я и отметил выше, пытаясь заниматься литературой еще в старших классах средней школы, а затем в армии, я пробил организацию литературных курсов. Что здорово помогло, и не только мне, в профессиональном росте. Еще будучи студентом первого курса, я вышел на связь и позднее вступил в полоцкое литературное объединение «Полоцкая ветвь». Чего мне, жившему уже тогда в Минске, было недостаточно. И я организовал в столице ЛИТО «Мысль и слово», которое впоследствии было переименовано в аналогичное полоцкому. Вообще-то у меня мама писала стихи, но не стала заниматься этим на постоянной основе. Так, от случая к случаю, в основном, так называемые «датские» стихи, т.е. посвящения к юбилеям, дням рождениям, свадьбам и т.п. Так что вариться в литературной среде я начал достаточно давно. Хотя первые публикации относятся лишь к 1992 году. Но, правда, самое первое упоминание обо мне, как об авторе, относится к 1987 году, когда была опубликована соответствующая корреспонденция в газете «Комсомолец Туркменистана». Помню,

что там были процитированы два катрена из моего стихотворения, говорилось о творческих планах…

**«ПЗ».** Ваши эстетические предпочтения в литературе, в музыке, в изобразительном искусстве, в кино.

**О. З.** В литературе я предпочитаю классику. Стандартную прозу и стандартную, рифмованную поэзию. Никакого «новодела», никаких верлибров или модернизма. Это все не мое. То же относится и к музыке, живописи, кино. Не люблю ни сюрреализм с его «эстетикой безобразного», ни новомодные «выверты» композиторов, ни замысловатые сценарии кинорежиссеров. Хотя, признаюсь, и в живописи, и в музыке, и в кино я разбираюсь на уровне потребителя, т.е. дилетанта.

**«ПЗ».** Когда вы впервые пришли в литературное сообщество, это была «Полоцкая ветвь»?

**О. З.** Да, но только не республиканский союз, а местное литобъединение в городе Полоцке. Сейчас я даже затрудняюсь ответить, что было вначале — появление литературной группы «Мысль и слово» на базе одной из «ленинских» комнат в общежитии, где я тогда проживал, или полоцкое ЛИТО. Главное другое: когда я влился в круг полоцких поэтов, я окунулся в «полоцкую» школу, тяготевшую к метафорической поэзии классиков Серебряного века. А когда собрал вокруг себя литераторов в столице, то так получилось, что я стал в кругу «минской школы» тех лет, преклонявшейся перед ассоциативной лирикой Ахматовой, Бродского и тому подобных. Так что в моей лирике зачастую можно обнаружить «симбиоз» двух этих направлений в поэзии.

**«ПЗ».** Олег Николаевич, в этом году ваша организация Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» отмечает свое 30-летие. Расскажите, как зарождалось это движение, которое переросло в такой всебелорусский творческий союз.

**О. З.** После регистрации полоцкого ЛИТО в местном райисполкоме в 1992-м году и объединения с аналогичным названием в 1993-м году в одном из райисполкомов города Минска, мы столкнулись с тем, что в обе организации стали обращаться авторы из других городов и областей. К тому же то время приходится на пик «расцвета» националистического движения партии «Белорусский народный фронт», настроенной антирусски. Тогда начала набирать обороты тенденция перевода делопроизводства и обучения в учебных заведениях на белорусский язык, который общество не воспринимало и отвергало. А мы все писали и пишем исключительно на «великом и могучем». Единственный на тот момент Союз писателей Беларуси «окормлялся» тоже националистической верхушкой, с которой нам было не по пути. Русская секция в нем была распущена. Пишущих по-русски авторов туда фактически перестали принимать. И вот ситуация сама подталкивала нас к выводу, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». А поскольку мы были молоды, энергичны и не признавали авторитетов, то смогли наладить связь с лидерами регионов. Провести в октябре 1994 года координационное совещание (кстати, на базе редакции, в которой я тогда трудился), а в ноябре организовать первый (учредительный) съезд нового союза. Тогда на него прибыли 38 авторов из пяти областей республики и города Минска. Никого не было только с Могилевщины. Однако по итогу съезда и поработавшей над отбором литераторов по уровню творчества комиссии в состав учредителей было включено только 25 человек. Имя собственное «Полоцкая ветвь» в появившемся республиканском объединении было сохранено. Тогда для Минюста этого числа было достаточно, чтобы наделить нас статусом республиканского творческого союза. За два-три года мы нарастили численность до сотни человек и организационные структуры во всех шести областях. Тогда о нас активно и охотно писали казенные масс-медиа, вещали по радио и телевидению. В настоящий момент Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» состоит из 11 региональных отделений (деятельность двенадцатого временно приостановлена), объединяющих в своих рядах почти 80 авторов. Не все выдержали испытание временем: кто-то покинул ряды доб-

ровольно, решив, что это не его стезя, кто-то перебежал в казенный союз, кто-то был исключен за неуплату взносов. Более тридцати членов организации ушли из жизни. В разные годы списочная численность колебалась от 25 до 140 литераторов. За эти 30 лет членами союза и руководством издано свыше 450 авторских книг, коллективных сборников, альманахов поэзии, прозы, драматургии, литературной критики и литературоведения, переводов, а также две весомые антологии (а всего с момента обретения независимости нашей страной таких антологий русской и русскоязычной литературы было выпущено лишь четыре). В организации вручается международная литературная премия им. Симеона Полоцкого (вручается один раз в два года в номинациях «Лучшая книга поэзии», «Лучшая книга прозы»), проводится творческое биеннале «Литературная крона» (в тех же номинациях, но по малой прозе и подборкам стихотворений). Действует собственное книжное издательство — «Литературный свет».

**«ПЗ».** У вас в организации запрещено двойное членство, но это касается только белорусских союзов?

**О. З.** Да, действительно, в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» запрещено двойное членство, и касается этот запрет только республиканских писательских объединений, коих сейчас только два (до 2022 года было три плюс Белорусский союз литературно-художественных критиков). Порождено это решение было событиями 2010 года, когда члены нашего объединения по непонятным причинам подверглись гонениям, а сама организация — шельмованию со стороны руководителей госорганизаций и госпредприятий. Людям грозили не продлением контрактов за членство в союзе. И только наше обращение в Генеральную прокуратуру с конкретными фактами помогло тогда предотвратить разрушение организации, ее «обескровливание». Но это не значит, что наши недруги (не будем показывать на них пальцем, хотя догадаться несложно) успокоились. Они просто стали более осторожными и пошли другим путем. Сейчас они точечно пытаются работать с членами союза, воздействуя на них уговорами, угрозами, посулами, измышлениями, откровенной клеветой и т.п. непорядочными методами. Зачастую случается так, что, выманив писателя из наших рядов, в ряды иной писательской организации его не принимают, оставляя «у разбитого корыта». Вот она — цена предательства родного коллектива, отсутствия корпоративной этики... Членам союза не запрещено состоять ни в международных, ни в зарубежных, ни в региональных литературных организациях. Насколько мне известно, запрет двойного членства действует и в ином союзе.

**«ПЗ».** В каких отношениях вы были с ныне прекратившим свое существование Союзом белорусских писателей.

**О. З.** Ни в каких. Мы не поддерживали связей на официальном уровне, и в их творческих акциях участия не принимали. Даже практически не посещали. Хотя где-то на местах, в отдельных оргструктурах, члены союза и местные руководители отделений с ними контачили. Но, преимущественно, шапочно. Это связано с тем, что у нас были разные языковые позиции: они стояли за «матчыну мову», мы предпочитали придерживаться того языка, на котором мыслили и писали — русского. На котором сегодня общается 90 % наших сограждан. К тому же они были против нынешних властей страны, против действующей идеологии, против сближения с Россией и Русским миром, а мы — наоборот, стоим на позициях Союзного государства. Более того, в 2016-м году наш союз стал членом Координационного Совета белорусских общественных объединений российских соотечественников, что для творческих союзов страны беспрецедентный случай.

**«ПЗ».** В каких вы отношениях с Союзом писателей Беларуси?

**О. З.** Мы контачим минимально. И опять же, не на официальном уровне. Правда, новый председатель делает какие-то попытки «сгладить» углы, но я скептически смотрю на эти поползновения, помятуя события 2010-го года. Попытка дружить Моське со Слоном, как правило, приводит к печальным результатам. Я имею ввиду

административные возможности обеих организаций. И позиция Кота Леопольда в этих случаях не срабатывает. Проходили. Дружба развивается, как ни странно, за счет слабого и на его же «поле». Вот, например, мы проводим Международный литературный фестиваль «Славянская лира» и в нем каждый год участвуют члены СПБ. Были годы, когда его представители входили в жюри фестиваля, а его члены становились победителями конкурсов, проходящих в рамках данного мероприятия. Но никогда такого не было в отношении членов Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» на литературных конкурсах, премиях и иных мероприятиях, которые организуются за счет бюджетных средств Союзом писателей Беларуси. Был прецедент, когда наш автор имел шансы победить в одной из областных литературных премий, организуемых местными властями, так тамошнее отделение СПБ вообще добилась снятия награждения по этой номинации в текущем году, лишь бы не отдать премию члену Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». В свое время руководитель того союза практически единственный (пара голосов в его поддержку не в счет) голосовал против избрания меня на пост председателя ревизионной комиссии Международного сообщества писательских союзов, на который я, к слову, переизбран в этом году.

**«ПЗ».** Учитывая, что наш журнал освещает проводимый «Полоцкой ветвью» литературный форум «Славянская лира», хотелось бы, чтоб вы рассказали о проведении этого фестиваля в Минске.

**О. З.** Международный литературный фестиваль (с 2018 года это фестиваль, хотя до этого он назывался форумом) «Славянская лира» возник в 2014 году в городе Полоцке. Этому предшествовала кропотливая работа и осмысление структуры подобного рода мероприятий мной, как застрельщиком этого форума, и моими коллегами из числа актива. Первые три года фестиваль проводился в городе Полоцке совместно с Полоцким райисполкомом. Но потом, когда у нас разошлись «пути-дорожки» с первым председателем союза, имевшим тесные отношения с зампредисполкома, курировавшем вопросы культуры, «Славянской лире» было указано на дверь. И мероприятие «переехало» в столицу, а базовой площадкой его стал Дом Москвы в Минске. И до сих пор он остается таковой, что радует.

За эти 11 лет, что проводился фестиваль, в открытом заочном литературном интернет-конкурсе, предшествующем самой «Славянской лире» (прием произведений проходит с 1 января по 15 апреля), в нем приняли участие 2110 писателей из 33 стран мира — Австралии, Азербайджана, Армении, Афганистана, Беларуси, Болгарии, Великобритании, Германии, Грузии, Дании, Египта, Израиля, Испании, Казахстана, Канады, Кипра, Китая, Кыргызстана, Латвии, Мексики, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, ОАЭ, Приднестровской Молдавской Республики, России, Северной Осетии-Алании, США, Украины, Финляндии, Франции, Черногории, Чехии, Эстонии.

А на самом фестивале за 11 лет побывали 802 литератора из 19 стран мира — Абхазии, Австралии, Армении, Афганистана, Беларуси, Великобритании, Израиля, Казахстана, Канады, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, России, Украины, Финляндии, Франции, США.

В рамках различных литературных акций фестиваля за 11 лет проведения было задействовано 12 закрытых и 4 открытых (с историко-культурными и архитектурными памятниками) площадок, аудитории восьми вузов, четырех трудовых коллективов, двух гимназий, воинской части; участники фестиваля посетили шесть экскурсионных маршрутов по местам боевой славы Великой Отечественной войны и историко-культурным достопримечательностям городов Минска (в т.ч. МК «Хатынь»), Полоцка, городского поселка Ушачи (в т.ч. МК «Прорыв»); в творческих встречах с членами жюри и почетными гостями фестиваля приняли участие свыше 4,8 тыс. учащихся, студентов, рабочих и служащих, солдат и офицеров.

За 11 лет освещения фестиваля о нем были размещены публикации в более чем 65 федеральных, республиканских, региональных, местных печатных и электронных

СМИ, обнародована информация свыше чем на 86 интернет-ресурсах и в сетевых масс-медиа Беларуси, России, Украины, Казахстана, некоторых других стран мира.

**«ПЗ».** С какими главными проблемами сталкивается ваш союз в наши дни?

**О. З.** Проблемы банальные: отсутствие финансирования, кадровый голод на активистов, недостаток медийного внимания к деятельности союза, пассивность большинства членов организации в отношении к его творческим проектам и недостаток корпоративной солидарности.

Но при всей недостаточности средств мы умудряемся раз в два года проводить собственную внутрисоюзную литературную премию имени Симеона Полоцкого (правда, не имеющую денежного наполнения), внутрисоюзный биеннале «Литературная крона», проводим ежегодный творческий слет «Литературные встречи в Корсаково», благодаря меценату этих мест, семинары, конференции, круглые столы, дважды в год — выездные творческие акции «Знакомьтесь, Полоцкая ветвь», выпускаем литературные антологии (две из четырех, вышли за время объявления независимости страны), альманахи, коллективные сборники прозы и многое другое.

**«ПЗ».** Также в этом году 20-летний юбилей отмечает литературно-публицистический журнал «Западная Двина». Расскажите об издательской работе союза и становлении вашего журнала.

**О. З.** Журнал стартовал в далеком 2004 году. Хотя первый номер был подписан в печать в декабре 2003-го, отпечатан и отгружен полиграфистами тираж уже в 2004 году. А тираж того, пилотного, номера, честно скажу, был немаленьким — 500 экземпляров. Справедливости ради замечу, что продержался такой тираж всего три номера, затем снизился до 400, а еще позже — до 300 экземпляров. Авторами стартового номера стали… 13 писателей. Но уже тогда его в качестве главного редактора возглавил ваш покорный слуга. А в редакционную коллегию входили небезызвестные и сегодня заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор, литературный критик и литературовед, прозаик, автор двух книг хокку Вадим Салеев, ныне возглавляющий секцию художественной прозы, а также председатель Речицкого отделения Леонид Пулькин. Еще в ней состоял ушедший из жизни тогдашний секретарь секции поэзии, одновременно он единственный среди ветвевцев состоял еще и в ПЕН-клубе, Эдуард Медведский.

Над иллюстрацией, которая и сегодня украшает обложку периодического издания, лишь меняя цвета заливки, трудился опять же недавно утративший членство поэт Александр Ключников. А редакция, формально, располагалась в городе Полоцке, по первому юридическому адресу учредителя «Западной Двины» — Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Фактически же СМИ комплектовалось и готовилось к печати в Минске, по адресу улица Народная, дом 43. Там, где в то время располагался его издатель — учреждение «Редакция газеты «Вестник культуры». Увы, с 2010-го по 2020 годы журнал вынужденно, из-за отсутствия финансовых средств, прервал свой выпуск, возобновив его, и только в электронном виде, во втором полугодии 2021 года. Интересно, что за время своего существования журнал трижды сменил издателя: после вышеуказанного учреждения «эстафетную палочку» приняло ныне «замороженное» редакционного-издательское учреждение «Литература и рынок», а последний перед одиннадцатилетним перерывом выпуск номера «в бумаге» осуществило уже наше культурно-просветительское учреждение «Литературный свет». Двадцать семь номеров литературно-публицистического журнала «Западная Двина» успели явить читателю сотни новых литературных имен и произведений, которые были размещены на станицах этого издания. За более чем десять лет, что фактически выходил журнал, в нем напечатали романы Виктора Рябинина «Бред сивой кобылы» (книги первая-пятая), Федора Конышева «Ход конем», Леонида Волкова «Уходя, не прощаюсь», Светланы Гаспаревич «Безымянное озеро», Игоря Томаша «Венера с косой», Виктории Александровой «Стеклянные сны», Алексея Гор-

бунова «Город. Девушка. Стаффаж», повести Анатолия Шевкуна «Волчья ягода», Леонида Пулькина «Разведчик без миссии», Генриетты Сергеенковой «Ведьма», Игоря Куцевалова «Родина не умещается в шляпе», Владислава Ковалева «Найдик», Игора Томаша «Любимый город может спать спокойно», Алексея Слесарева «Карьялама», Валерия Туловского «Я тебя никому не отдам», Сергея Ковалева «Солнце», Николая Василевского «Мальчик из будущего», Надежды Акушко «Анютино счастье», Ольги Шипиловой «Санитарная зона». Про малую прозу, стихи и прочие разделы, их авторов даже упоминать не буду, иначе это займет не одну страницу вашего издания.

**«ПЗ».** Как вы считаете, с чем это связано, что основные литературные журналы Беларуси названы в честь рек? Это совпадение или общекультурная тенденция?

**О. З.** Если проанализировать ситуацию с названиями литературных «толстяков» в России, Украине, Беларуси, то можно обнаружить, что и там, и у нас также достаточно литературно-публицистических журналов с одноименными названиями рек. Поэтому, полагаю, что это общекультурная тенденция, связанная с местами активного расселения местных племен, давших впоследствии начало коренным национальностям, этническим группам.

**«ПЗ».** Что для вас как редактора главное в работе с потенциальными авторами?

**О. З.** Главное — это художественный уровень произведения, потенциальный интерес к нему со стороны читателя. В прозе, само собой, это еще и интригующий, цепляющий сюжет. В критике — актуальность поднимаемой темы или литературного имени, произведений.

**«ПЗ».** Часто ли вас радуют совершенно незнакомые авторы, присылающие свои работы в журнал?

**О. З.** У нас практически не бывает незнакомых авторов: в основном, работает «сарафанное радио», и материалы поступают через проверенных лиц, художественному вкусу и литературному чутью которых редакция доверят. Практика показывает, что мы не ошибаемся в этом походе.

**«ПЗ».** Каким вы видите будущее «Западной Двины»?

**О. З.** Сейчас журнал выходит в электронном виде, что печалит. Но пока, увы, иных вариантов у нас нет. Лучше так, чем никак. Делать прогнозы относительно будущее журнала — дело неблагодарное. Например, он выходил поквартально, но во втором полугодии вышел, увы, лишь один номер. Таковы финансовые реалии, ведь техническому персоналу, трудившемуся над номером, все равно надо платить. А ресурсов не хватает. Как в таких условиях делать какие-то прогнозы?

**«ПЗ».** Что бы вы хотели пожелать читателям и авторам нашего журнала «Приокские зори»?

**О. З.** Именно редакция вашего журнала всегда благоволила к Белорусскому литературному союзу «Полоцкая ветвь». Вы дважды делали «белорусские» выпуски журнала, львиную долю объема посвящая творчеству ветвевцев. Именно «Приокские зори» удостоили наш творческий союз Всероссийской литературной премии им. Н.С. Лескова «Левша». Вы ввели в состав редколлегии меня. За все это вам низкий поклон и пожелание сохранения устойчивого интереса к журналу, преданности ему и внимания. Ведь потерять то, что имеешь, легко, а вот заново обрести трудно, порой невозможно. Надо ценить то, что имеешь! Авторам желаю понимания и лояльности к изданию. А редакции — стойкости и мужества. Вы делаете доброе, полезное дело. Как и мы, вы — подвижники на литературном фронте, фанатики своего дела. На нас и держится, теплится в нынешнее время современный литературный процесс. Удачи всему коллективу вашего журнала!

**Александр Палладин**
(г. Москва)

# ИЗ ТУЛЫ — НА СОПКИ МАНЬЧЖУРИИ

**Из книги «С прадедом на Русско-японской войне»**

*Наш постоянный автор.*

23 августа (здесь и далее — по старому стилю) 1905 года в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир, после двухнедельных переговоров было подписано соглашение, поставившее точку в длившейся полтора года Русско-японской войне. В ней, по разным подсчетам, погибло от 49 до 80 тысяч японских и от 31,5 до 52 тысяч русских военнослужащих.

В их числе был и мой прадед, зауряд-прапорщик* 12-го пехотного Великолуцкого полка** Афанасий Иларионович Решетников.

***Надпись оставила моя мама. Где и когда сделан снимок и кто еще на нем изображен, неизвестно. По униформе прадеда ясно только, что фотографировались в Маньчжурии***

22 января 1905 года, только-только отметив свое 42-летие***, он был тяжело ранен и через два дня скончался. Так что Николай II был введен в заблуждение, две недели спустя читая рапорт А. Н. Куропаткина (в телеграмме командующего Маньчжурской армией от 6 февраля 1905 года А. И. Решетников фигурировал в списке раненых, но все еще здравствовавших).

В издававшемся тогда петербургском еженедельнике «Летопись войны с

---

* В описываемый период — высшее воинское звание для унтер-офицеров Русской императорской армии.

** Такое название по имени города Великие Луки полк получил в начале XIX века. Его и буду придерживаться, для краткости опуская номер полка.

*** Родился 15 января 1863 года.

Японией» воспроизведена датированная 6 февраля 1905 года «Всеподданнейшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина»:

«Против одного из отрядов на перевале, верстах в 15 к юго-востоку от Цинхечена, на пути к селению Уйцзыюйцзы, японцы 6 февраля выставили 4 орудия, из которых начали обстреливать занятый нами перевал. Дальнейших донесений еще не поступало.

Об изложенном всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

**Список гг. офицерам, раненым и убитым в делах с японцами.**

В пехотных частях:

Скончался от ран поручик Георгий Тимофеевич *Семенов*.

Ранены: капитан Евграф Степанович *Секачев;* штабс-капитаны: Дмитрий Николаевич *Николаев*, Бронислав Иванович *Ястржембский*; поручик Василий Георгиевич *Краснодемский*; подпоручики: Виктор Николаевич *Банак*, Всеволод Александрович *Ральцевич, Беляков*; зауряд-прапорщики: Наум Алексеевич *Волошин*, Александр Афанасьевич *Звонарев*, Афанасий Иларионович *Решетников*, Гурий Никитич *Артамонов*.

Ранены и остались в строю: капитан Готфрид Адольфович *Гурский* и подпоручик Леонид Демьянович *Дуланаки-Скарлато*.

Контужен капитан Иоаким Алексеевич *Руссов»*.

Дату, место и обстоятельства гибели А. И. Решетникова никто в нашей семье не знал, пока лет шесть назад я не обнаружил в Рунете изданную в 1911 году «Краткую историю 12-го пехотного Великолуцкого полка». Там на стр. 256—257 сказано:

«22 января, с 3-х часов дня, неприятель обстреливал сильным артиллерийским огнем д. Игноу. Были потери. Тяжело ранен был Зауряд-Прапорщик Решетников: осколок снаряда проник ему через спину в легкие, и через два дня он умер».

Великолуцкий полк был сформирован 17 января 1711 года в Крыму и нес службу по защите российского государства до 1918 года, приняв участие во всех крупных военных кампаниях, от Северной войны со Швецией до Первой мировой включительно. По окончании Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.* полк вернулся к месту постоянной дислокации во Владимире. Шесть лет спустя моего прадеда призвали в армию и как уроженца деревни Польцо Муромского уезда Владимирской губернии зачислили в ряды великолукцев.

В самом начале 1885 года он, возможно, стал невольным участником подавления первой в России массовой рабочей стачки на текстильной фабрике Т. С. Морозова в Орехово-Зуеве. В ночь с 7 на 8 января по требованию губернатора Владимирской губернии 3-й (в нем служил Афанасий Иларионович) и 4-й батальоны великолукцев прибыли в рабочий поселок мятежников. Вспыхнули беспорядки, и целую неделю солдаты и присланные им на подмогу казаки загоняли стачечников обратно на фабрику.

Осенью 1892 года великолукцев из Владимира передислоцировали в Тулу, где разместили в Красных Петровских казармах на Миллионной улице. Потекли обычные армейские будни. Летом 1893 года, проходя службу в Великолуцком полку, будущий нарком промышленности и торговли Советской России Леонид Красин встретился в Ясной Поляне со Львом Толстым. Великий писатель и простой солдат прогуливались по парку, жарко споря о новомодном тогда увлечении — марксизме.

В конце января 1904 года японцы напали на наши военные корабли у побережья Порт-Артура и Чемульпо. В Великолуцком полку, читаем в его «Краткой истории», «атака произвела впечатление внезапности и возмутила своим предательством. Ос-

* В ней полк отличился при взятии горы Греата (Вратешна) и был награжден Георгиевскими знаменами с надписью: «За Греату 16 ноября 1877 г.».

корбленное чувство требовало немедленного возмездия; все были воодушевлены стремлением в неведомую Маньчжурию, навстречу дерзкому врагу».

Аналогичные настроения, по свидетельству авторов «Летописи войны с Японией», тогда охватили все русское общество: «Ответить вооруженною силою на вызов Японии, — раздалось с высоты трона. “Война, война!”,— этот громоносный клич загремел в воздухе и возмутил мирное течение нашей жизни. В общем сознании русского народа ярко вспыхнул огонь святой любви к родине, каждый познал в себе русского человека, каждый с болью почувствовал рану, нанесенную дерзким врагом отечеству. Широкое русское сердце в минуты тяжелых испытаний раскрылось и очистилось от накипи повседневной будничной обстановки. Города, села, деревни, земства и общества, дворяне, купцы, мещане, рабочий люд, крестьяне, инородцы, населяющие нашу землю, и каторжники на Сахалине — все напряглось в общем напряжении духа. <…> С большой похвалой отзываются о дружинах из каторжных. Очень многие из них беззаветные герои, вызвавшиеся добровольно на опасные разведки и поручения, из которых зачастую не возвращались».

В Петербурге и других крупных городах возникли стихийные патриотические манифестации. В столице даже революционно настроенная молодежь устроила шествие к Зимнему дворцу с пением «Боже, Царя храни!».

Между тем, как заметил в своей книге «Белые пятна Русско-японской войны» историк Илья Валерьевич Деревянко, «Россия вступила в войну с Японией абсолютно неподготовленной. Это обстоятельство самым тяжелым образом отразилось на работе всех органов Военного министерства, которые были вынуждены с лихорадочной поспешностью перестраивать свою работу и наверстывать упущения мирного времени. И дело здесь вовсе не в том, что война явилась неожиданностью».

Из книги И. Буйко «Великолукцы на службе империи»: «Японцы, считалось, имели небольшую и отсталую армию, и поэтому в полки *[Российской императорской армии — Авт.]* мобилизовали запасных, степенных семейных бородачей лет сорока, которые в лучшем случае управлялись берданкой, а о винтовке “Мосина” и скорострельной 3-дюймовой пушке, недавно поступивших на вооружение, не слышали. Например, правила стрельбы из новой пушки узнавали из корректурных листков, из лекций и показательных стрельб. Не лучше готовили и офицеров».

Так или иначе, в конце декабря 1903 года Главный штаб в докладной записке Николаю II обобщил всю имевшуюся на тот момент разведывательную информацию. Из нее следовало, что Япония полностью завершила подготовку к войне и ждет лишь удобного случая напасть. При этом русская военная разведка сумела практически безошибочно установить и точную дату начала войны. Тем не менее должных мер со стороны Николая II и его окружения не последовало.

Ни один из планов подготовки кампании против японцев не был осуществлен до конца, тогда как министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов Вячеслав Константинович Плеве подталкивал к развязыванию войны со Страной восходящего солнца. Робкие возражения Куропаткина он парировал так: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Из Петербурга находившийся на противоположном конце Российской империи Порт-Артур представал неприступной крепостью, а грядущая война — легкой прогулкой. Государь называл японцев «макаками», а его генералов — «желтолицыми» и «косорылыми». И хоть это говорилось в узком кругу, шапкозакидательское отношение к Стране восходящего солнца передалось всему российскому обществу, где возобладали ожидания скорой победы на море и суше в соответствии с поговоркой «Одним махом семерых убивахом».

Преподававший военную историю в Киевском военном училище полковник Генерального штаба Владимир Андреевич Черемисов после той войны заметил: «Един-

ственный принцип, заменявший нам теорию тактики и стратегии, <…> выражался немногими словами: навались миром, хотя бы и с дубинами, и всякий враг будет сокрушен».

«От начальства приказ был дан: запасны шапки брать, чтоб было чем японцев закидывать, ружей, мол, на всех не хватит»,— иронизировал по этому поводу писатель-сказочник Степан Писахов по прозвищу «Северный Мюнхгаузен». Зато известный писатель, поэт, журналист Владимир Гиляровский по прозвищу Дядя Гиляй был преисполнен искренности: «Эй, Микадо, будет худо, перебьем твою посуду, разнесем дотла. Тебе с нами драться трудно, что ни день, то гибнет судно — славные дела! Будь умнее поскорее, вылезай-ка из Кореи, береги свой флот! Поучись, как ходят раки, утекай-ка в Нагасаки задом наперед!».

24 апреля 1904 года в Великолуцком полку объявили мобилизацию, и (вновь цитирую «Краткую историю») «6-е мая ознаменовалось для полка редким счастием представиться на смотр своему Верховному Вождю Государю Императору Николаю II. Бригада* построилась к 2-м часам дня на плацу перед лагерем в полном походном снаряжении, 12-й полк левее 11-го Псковского. Вскоре прибыл Государь Император, встреченный восторженными криками “ура” огромной толпы народа».

Николай II «объехал полки, приветствуя их и напутствуя пожеланиями победы и скорого возвращения. Ответом было громкое, долго не смолкавшее “ура”. Затем полки прошли церемониальным маршем и удостоились Высочайшей похвалы. Прощаясь, Государь Император благословил полк иконой Спасителя, передав ее коленопреклоненному Командиру полка Полковнику де-Витт, как свое и Государыни Императрицы благословение для постоянного сопутствования в походе и боях».

6—8 июня шестью эшелонами полк, в котором числились 59 офицеров и классных чинов, 4232 нижних чина, 71 верховая и 325 обозных лошадей, отбыл на фронт. Каждый из четырех основных эшелонов, рассчитанных на 10—11 офицеров и 932 нижних чина, состоял из 1 классного вагона для офицеров, 24 вагонов-теплушек для нижних чинов, 1 вагона-кухни, 4 конских вагонов и 4 платформ. Двумя отдельными эшелонами на Дальний Восток отбыл командный состав и дивизионный обоз.

Поезда подавали на ст. Тула Сызрано-Вяземская за два часа до отбытия. 3-й батальон великолукцев, в котором служил мой прадед, отправился в дальний путь четвертым эшелоном 6 июня в 9:35 утра.

По словам моей мамы, перед посадкой Афанасий Иларионович попрощался с близкими так, словно предчувствовал, что уезжает на верную смерть. Дома он оставил жену и семерых детей мал мала меньше. Самому старшему — Николаю, будущему герою Первой мировой (с самого ее начала служил полковым адъютантом в 298-м пехотном Мстиславском полку и за первые три года войны был награжден пятью офицерскими орденами) было 13 лет, а самому младшему — Алексею (тоже станет военным, во время Великой Отечественной получит два ранения, в звании полковника в должности заместителя начальника Управления артиллерийского снабжения 2-го Белорусского фронта примет участие в освобождении Польши, форсировании Одера и взятии Кенигсберга, удостоится орденов Ленина и Отечественной войны I степени, а также двух орденов Красного Знамени) в момент расставания с отцом шел лишь второй год. До сих пор для меня загадка, как и почему на фронт отправили многодетного главу семьи.

Продолжу, однако, цитировать полковую летопись: «Эшелоны следовали, перегоняя друг друга несколько раз. Благодаря частой смене впечатлений, скоро изгладилось грустное настроение, навеянное смутным сознанием, что, быть может, все родное, близкое покинуто навсегда. Люди стали бодры, веселы. Из вагонов раздавались песни, громкий смех, гармоника».

Кто хоть раз пересек нашу страну с запада на восток или обратно, тот представ-

* 2-я бригада 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса.

ляет себе, сколь она необъятна. А каково было моему прадеду и его однополчанам, впервые в жизни выехавшим за пределы Московского военного округа, который на карте Российской империи выглядел малюсеньким, еле различимым пятнышком?!. По пути следования на Дальний Восток, по свидетельству летописца полка подполковника Бронислава Робертовича Нецеиовского, «приходилось не раз слышать, как солдаты говорили между собой: “Сколько земли у нашего ЦАРЯ!”».

Месяц спустя, 3, 4 и 5 июля, эшелоны с великолукцами поочередно прибыли в Маньчжурию. «Здесь уже чувствовалась близость театра военных действий,— читаем в “Краткой истории”.— Встречались санитарные поезда, раненые рассказывали о своем участии в бывших уже боях. Везли и пленных. Поезда эти окружались нижними чинами, жадно слушавшими участников боев».

Еще через неделю великолукцы прибыли на станцию Янтай. «Все эшелоны,— говорилось в полковой летописи,— высаживались и разгружались ночью и после раннего завтрака, в 5—6 утра, выступали походным порядком к Ляояну (23 версты). В 8 утра наступала тропическая жара, и переход становился невероятно трудным; с ясностью выразилась здесь перегрузка нашего солдата; тяжесть вещевого мешка с полной выкладкой и скатанной шинели под палящими лучами солнца оказалась чрезмерной*, и отсталые, преимущественно из запасных старших сроков службы, появлялись чуть ли не с первой версты. Путь стал усеиваться выбрасываемыми из мешков сперва собственными вещами нижних чинов, а затем и казенными».

Могу себе только представить, как тогда досталось моему прадеду, которому шел уже сорок второй год…

«Вещевое довольствие было и остается наиболее слабым пунктом системы снабжений наших войск, действующих в Маньчжурии,— год спустя напишут в “Летописи войны с Японией”. Войска пошли в поход, имея предметы снаряжения, обмундирования, обуви и белья, полностью непригодные к местным климатическим и топографическим условиям.— Единодушные сетования вызвало, прежде всего, чрезмерное обременение солдата ношей. Общий вес носимого людьми груза был слишком велик под жгучим маньчжурским солнцем, при маньчжурских сопках и дорогах, превращаемых ливнями в сплошные топи. Все предметы летней формы одежды оказались более или менее неподходящими; белый цвет “гимнастерки“ облегчал японцам обнаруживать наши войска**, шинель не защищала от дождя, суконные шаровары были жарки, головной убор*** не предохранял от тепловых и солнечных ударов, сапоги с длинными голенищами были тяжелы, непригодны для гористой местности и быстро изнашивались. В зимней форме — только что принятая папаха черного цвета уже издали обнаруживала наши войска противнику, она тяжела и не устраняет необходимости ни в башлыке, ни в наушниках, не имеет козырька, вследствие чего мешает людям стрелять. Ни мундир с шинелью, ни сапоги хотя бы с суконными портянками не предохраняли от холода; требовались полушубки (которые, однако, не защищали шею по неимению воротников), валенки, обшитые кожей, теплые носки».

По словам участника той войны графа А. А. Игнатьева****, «даже в отношении такой элементарной вещи, как обмундирование, русская армия оказалась столь плачевно подготовленной, что через 6 месяцев войны солдаты обратились в толпу оборванцев».

---

* Снаряжение русского солдата в той войне летом весило почти 33 килограмма, а зимой — более 40 кг.

** Уже в ходе боев с японцами Куропаткин издал звучащее как анекдот распоряжение «пореже стирать гимнастерки, чтобы были под цвет местности».

*** На летнюю кампанию войскам выдали суконные фуражки с чехлами. Они оказались настолько непригодными, что люди при первой возможности заменяли их коническими соломенными шляпами местного изготовления, и Куропаткин был вынужден терпеть это.

**** После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти, получил звание генерал-майора Красной Армии.

При этом, по свидетельству авторов «Летописи войны с Японией», в командовании русской армии искренне возмущались поведением неприятеля, воевавшего «не по правилам»: мол, японцы стреляют из орудий с закрытых позиций, а их офицеры, в отличие от наших, не подставляют под пули лоб и во время перестрелок не выискивают какое-нибудь возвышение, чтобы, стоя на нем за цепью залегших солдат, руководить боем, хоть это и приводило к значительно большим потерям командного состава.

Боевое крещение в той войне великолукцы приняли 18 августа 1904 года в сражении под Ляояном. В нем, кстати говоря, участвовал и служивший ефрейтором в 33-м Сибирском стрелковом полку будущий зять Афанасия Иларионовича — мой дед Петр Васильевич Корчагин (в 1908 году вступит в законный брак с моей бабушкой Лидией Афанасьевной Решетниковой).

В Великолуцком полку было ранено 15 человек. Семеро из них остались в строю, остальных отправили в полевой госпиталь.

В «Летописи войны с Японией» я обнаружил любопытную характеристику тех, с кем пришлось сражаться моему прадеду Решетникову с его однополчанами и моему деду Корчагину. Военкор, гвардейский полковник Юлий Лукьянович Елец, в 1899 году добровольцем отправившийся на Англо-бурскую войну воевать на стороне буров, а год спустя отличившийся в Китайском походе, в одном из репортажей с места событий в Маньчжурии заметил: «Никогда еще за все время своего существования русская армия не сталкивалась с таким достойным ее, удивительным по стойкости и храбрости противником».

В одной из публикаций в газете «Русский инвалид» упомянули японского офицера, которого в ходе боя окружили наши стрелки. Он «был приперт к отвесному берегу р. Эйхо и, не желая сдаваться, спрыгнул с высокой кручи в воду на камни». А генерал Владимир Сахаров в своем донесении в Главный штаб докладывал: «Раненый и взятый в плен японский офицер спустя некоторое время после подания ему медицинской помощи, вырвавшись из-под надзора, разбил себе голову о камни».

Очевидцем похожего случая, возможно, стал и мой прадед. В «Краткой истории» его полка говорится: 13 августа «был привезен раненый японский офицер, который в пути все время бился головой о лазаретную койку, а в Киндятуни перерезал себе горло перочинным ножом».

Утром 22 сентября в Великолуцком полку отслужили молебен и зачитали приказ Куропаткина. В нем подводились итоги первых семи месяцев войны, говорилось о том, что наши войска достигли численности, обеспечивающей успех, и содержался призыв к самоотверженному исполнению долга перед Государем и Родиной. «Приказ великолукцы выслушали молча, молились усердно и сосредоточенно».

Пять дней спустя произошел бой у деревни Эльтхайцзы. В передовом отряде великолукцев оказалось трое, как теперь принято говорить, двухсотых и 49 трехсотых.

29 сентября — новый бой, за деревню Ендониулу. Понеся огромные потери, Великолуцкий полк под огнем вражеской артиллерии, обстреливавшей даже наши санитарные поезда, отступил на север. К вечеру великолукцы с сильно поредевшими рядами, в подавленном настроении — опять поражение! — собрались у железнодорожной станции Шахэ. 5 офицеров полка были убиты, еще 10 ранены и контужены. Среди нижних чинов погибли 42 человека, 320 получили ранения и 48 пропали без вести. В том бою опять участвовал будущий зять Афанасия Иларионовича — Петр Васильевич Корчагин, хоть им так и не довелось познакомиться.

1 октября японцы овладели деревней Линшинпу. 3-му и 4-му батальонам великолукцев приказали выбить из нее неприятеля, но неожиданно им велели отходить к деревне Сыфонтай. Враг открыл по отступавшим беглый огонь, и некоторые роты наших потеряли до трети личного состава.

Позже в тот же день — опять приказ взять Линшинпу. В атаку великолукцев повел сам командир полка полковник Де-Витт. «Потери были огромны, — говорилось в

полковой “Краткой истории”.— Выбыло из строя большинство офицеров. Приходилось брать штурмом каждую фанзу. Роты перемешались и отхлынули назад, в северную часть деревни. Туда потянулись одиночные великолукцы и ползли раненые, коекто не с одной пулевой раной. Японцы с близких расстояний расстреливали как их, так и подбиравших их безоружных санитаров. Только с наступлением темноты губительный огонь ослаб».

В том бою были ранены 14 офицеров. Один из них вскоре скончался. Из нижних чинов 68 погибли, 473 были ранены, 86 пропали без вести.

В числе последних были рядовые Иван Ещенко и Ахтан Харзаматов. Из полковой «Краткой истории»: «Будучи ранеными при атаке, они не были подобраны и остались в окопе близ д. Линшинпу среди убитых и раненых; последних было 6 человек, Ещенко был ранен в обе ноги и не мог двигаться. Харзаматов, раненный сравнительно легко в шею, перевязал Ещенко и других раненых, ухаживал за ними и кормил их сохранившимися у них и на убитых сухарями. Для сбережения бывшей в окопе дождевой воды он вырыл яму.

Дня три в окоп никто не приходил. Затем явились японцы и стали осматривать убитых и снимать с них снаряжение, обувь и одежды.

Раненые притворились мертвыми, но четверо их них при раздевании застонали от боли, и японцы перекололи их; Ещенко же и Харзаматов, выдержавшие пытку и не проявившие признаков жизни, остались живы. Лучшую одежду и обувь японцы унесли, а негодную бросили. Харзаматов подобрал брошенную одежду для себя и Ещенко. Раненые продолжали жить среди мертвых.

Не унесенные японцами сухари с убитых скоро были съедены. Харзаматов собирал по ночам зерна гаоляна и в сыром виде питался ими и кормил товарища. Воды в окопе также не было, так как японцы при осмотре убитых зарыли яму с водой, и Харзаматову пришлось по ночам брать воду в ближайших лужах. Он скоро оправился и мог уйти ночью; но Ещенко был еще не в силах следовать за ним и, оставшись один, должен был бы погибнуть. Харзаматов решил не покидать товарища.

Положение было очень опасное. Японские дозоры ежедневно приходили осматривать окопы. Чтобы не обнаружить себя, Харзаматов и Ещенко днем лежали неподвижно среди убитых. Сначала раненым казалось, что наши войска ушли далеко, но, слыша вблизи выстрелы, они по звукам их определили направление расположения своих. Когда Ещенко оправился и получил возможность двигаться, Харзаматов начал осторожно переползать с ним по ночам к русским позициям на выстрелы. По ползущим несколько раз открывали огонь и японцы, и русские. Пришлось отлеживаться в бороздках и ямках. Наконец, когда расстояние уменьшилось настолько, что можно было голосом дать знать о себе, им удалось благополучно добраться до наших окопов у д. Линшинпу. Так кончились 43-дневные страдания этих двух мучеников. Оба были отправлены в госпиталь и по выздоровлении уволены на родину. По донесении о подвиге Харзаматова и Ещенко Командующему армией они оба были награждены знаками отличия военного ордена 4-й степени».

После упорных, кровопролитных боев обе армии, русская и японская, были так обессилены, что взяли передышку и принялись оборудовать окопы, траншеи, редуты и опорные пункты. «Работали с таким увлечением, — читаем в “Краткой истории” великолукцев, — будто другой цели у них не было. Невольно являлся вопрос, не роем ли мы могилу былой славе нашей армии».

Тем временем ряды великолукцев продолжали редеть. С 3 по 12 октября в полку еще 5 человек было убито, 19 ранены и четверо пропали без вести. Из-за больших потерь пришлось свести по две роты в одну, а всего сформировать девять рот. Но и при таком составе на роль ротных командиров строевых офицеров не хватило, так что некоторыми ротами стали командовать зауряд-прапорщики.

С середины октября полк начал рыть и оборудовать землянки на северной окраи-

не деревни Сыфонтай. Эти укрытия строились с прочными блиндажами, на целые взводы и даже полуроты.

17 октября японцы открыли бешеный огонь по расположению полка, повредив многие фанзы. Пострадала и фанза, где располагались командир и все офицеры полка. Подполковник Воскресенский получил ранение в ногу навылет. Были ранены также 5 ординарцев, а денщик командира полка убит. Ранения получили и более 30 нижних чинов, находившихся в других фанзах. Пришлось из фанз перебраться в землянки.

Шинелей на наличный состав нижних чинов не хватало (их сдали в Ляояне в дивизионный обоз, а тот при отступлении сожгли). Спасти удалось только примерно 300 шинелей, т. е., одну шинель на восьмерых. Взамен великолукцам выдали китайские ватные халаты (курмы), но они оказались очень непрочными и вскорости обветшали.

Обувь тоже приобрела плачевный вид: во время осенних боев войскам пришлось немало ходить по полям гаоляна, срезанные стебли которого резали сапоги, будто ножи. Зачастую на солдатских ногах оставались лишь голенище да привязанная к ступне подошва, а то и китайская туфля.

Из «Летописи войны с Японией»: «Говорят, что после многодневных осенних боев наши солдаты бросались разувать убитых японцев, чтобы тут же переобуться в их обувь. Ходят слухи, что поставщики, пользуясь для наживы бедствием родины, поставляют товар такой, который продерживается не более недели».

Моего прадеда и его однополчан «хоть отчасти выручил Харбинский полковой склад, доставивший полку немного обуви, а также фуфайки, портянки, варежки и некоторое количество мундирной одежды. Но недостаток одежды сильно давал себя чувствовать, особенно в дежурных частях, располагавшихся в окопах, где не представлялось возможным разводить костры для обогревания. Единственным доступным способом согреться был учащенный шаг на месте. Далеко от окопов слышен был топот по уплотненной земле».

На весь полк прислали полушубки и около полусотни пар валенок на каждую роту. «Кому валенки не достались, — читаем в полковой “Краткой истории”, — выдали ватные китайские чулки, которые не влезали в сапоги, да и уступали в прочности валенкам. Потому в походе их несли с собой, а расположившись на месте, натягивали поверх сапог. В некоторых ротах сшили нечто вроде калош из довольно прочного китайского войлока. Такие калоши (кенги) надевали на сапоги, и они вполне защищали от холода».

В середине ноября в полк стало прибывать пополнение — в основном, уроженцы Бессарабской, Каменец-Подольской и Киевской губерний. Из полковой «Краткой истории»: «Люди были одеты хорошо; снабжены новые шинелями, полушубками, папахами и валенками. Но обучение оставляло желать многого. В каждой роте оказалось по нескольку человек таких, которые совсем не были в строю на действительной службе, да и строевые все перезабыли — не умели ни ставить прицелов, ни заряжать винтовок».

Настроения у запасных тоже оставляли желать лучшего. Во время многодневной поездки по железной дороге в Маньчжурию они начитались прокламаций революционного содержания и по прибытии в полк не стесняясь говорили, что не считают себя обязанными воевать с японцами за чужую землю. Вот, дескать, если б это были турки, пришедшие отнимать их родную землю...

Каждый день в полку было по нескольку человек раненых, а иногда и убитых, редкий день обходился без потерь. Перестрелка ослабевала только в холодные декабрьские ночи, когда мороз достигал 24—25º.

«Местность от д. Ингау к реке Шахэ понижается и была поэтому под постоянным наблюдением японцев. Всякое скопление людей и даже незначительные группы вызывали артиллерийский огонь, причинявший почти ежедневные потери. Особенно

много жертв было у колодца, куда непрерывно ходили за водой и который прекрасно наблюдался японцами с башни станции Шахэ. Деревня Ингуа была излюбленным пунктом обстреливания для японской артиллерии, усердно посылавшей сюда снаряды по нескольку раз в день и часто по ночам».

5-го декабря прибыла партия запасных в 400 человек. Вместе с присланным в ноябре укомплектованием в 1118 человек это значительно пополнило полковые ряды, поредевшие в боях на реке Шахэ.

В сумерки 20 декабря в японских окопах стали раздаваться крики “банзай”, пение и звуки каких-то музыкальных инструментов. Выглядывая из окопов и крича, японцы пытались что-то сообщить нам. Потом выяснилось: они получили известие о падении Порт-Артура.

С 1-го по 21 декабря потери полка были: убитыми 6 чел., ранеными 47 чел., и без вести пропал 1».

В ночь на 22 декабря полк отвели в корпусной резерв, в деревню Сяокиншинпу. Великолукцы получили возможность подготовиться к празднованию Рождества. Еще одна цитата из полковой «Краткой истории»: «Предстоящий праздник объединил всех в стремлении придать биваку возможно уютный вид. Солдаты предавались бесконечным воспоминаниям о своих родных селах и семьях. Не забыли нас и в Туле: еще 15 декабря получены были высланные к празднику от Тульского дворянства и Императорского Тульского оружейного завода подарки для офицеров и нижних чинов. Подарки состояли из разных теплых вещей, белья, колбасы, сластей, табаку, папирос и т. п. Раздача подарков была произведена 24-го декабря».

На следующий день в полковой походной церкви совершили торжественное богослужение. Нижним чинам выдали по чарке водки и улучшенную пищу. С наступлением сумерек на биваке заиграл полковой оркестр.

27 декабря полк отпраздновал свой перенесенный с 6 декабря полковой праздник — очередную годовщину взятия вершины Греата. У станции Суятунь был произведен парад в присутствии командиров корпуса и дивизии. Нижним чинам снова выдали по чарке водки и улучшенный обед. На биваке опять играл полковой оркестр, были устроены игры, пляски, ходили ряженые.

Для офицеров полка устроили обед в шатре дивизионного госпиталя у станции Суятунь. Первую здравицу командир корпуса провозгласил за верховного вождя армии — государя императора. Здравица сопровождалась народным гимном и долго не смолкавшим «ура».

А вскоре полк вновь выступил на передовую позицию. Это совпало с проводами командира полка, произведенного в генерал-майоры. 10 января офицеры полка чествовали его прощальным обедом.

И вот «22-го января с 3-х часов дня неприятель обстреливал сильным артиллерийским огнем д. Ингоу. Тяжело ранен был зауряд-прапорщик Решетников: осколок снаряда проник ему через спину в легкие, и через два дня он умер».

Могу только догадываться, каково было получить такое известие моей прабабушке Софье Николаевне, оставшейся без кормильца с семью ребятишками мал мала меньше…

23 и 24 января японцы вели артиллерийский огонь по окопам первой линии. Осколками снаряда был тяжело ранен зауряд-прапорщик Шеремет. Через несколько часов он скончался.

Еще цитата из «Краткой истории» великолукцев: «Японцы часто посылали при помощи воздушного змея письма на наши позиции, извещая о разных вымышленных несчастьях, постигших будто бы Россию; упрекали нас в продолжительности войны и в несовместимости кровопролития с нашим вероучением; обращаясь к нам: “храбрый русский войска”,— убеждали прекратить войну и сдаться им по примеру Порт-Артура и, наконец, уверяли, что 25-го февраля мы пожмем друг другу руку…

29-го января в сумерки был введен в окопы первой линии полковой оркестр, сыгравший несколько пьес, народный гимн и зорю. Стрельба с обеих сторон прекратилась. Когда оркестр замолк, у нас во всех окопах раздались крики “ура”, затем песни, продолжавшиеся до 11 час. ночи. Японцы тоже что-то кричали.

Сменяясь 1-го февраля, мы покидали навсегда эту обильно политую кровью наших товарищей позицию.

В этот период обороны позиции у Линшинпу полк потерял 10 человек убитыми, 72 человека ранеными, выбывшими из строя, 7 человек без вести пропавшими. Кроме того, было 34 раненых, оставшихся в строю после перевязки на позиции».

Последним и самым кровопролитным сухопутным сражением Русско-японской войны стала битва при Мукдене, длившаяся с 19 февраля по 10 марта 1905 года. В ней русская армия потеряла 8705 человек убитыми, 7109 пропавшими без вести, 51438 ранеными и контуженными, 21100 попавшими в плен. По мнению участника той битвы, генерала Петра Николаевича Баженова, «разгромом мы обязаны вовсе не японцам, атаки которых всегда с огромными для них потерями были отбиваемы нашими доблестными войсками; разгром этот произошел только вследствие чрезвычайной нераспорядительности начальников всех степеней и крайней бестолочи всех распоряжений».

Тяжелые потери в Мукденском сражении понес и Великолуцкий полк. Погибли полковник Запольский, подполковник Павленко, штабс-капитан Гонтарев и подпоручик Биглер. Были ранены и контужены капитан Масленников, штабс-капитаны Андржиевский и Диммер, поручики Балдин, Грубер, Знаменский, Симоненко, Скворцов и Рар, подпоручик Войнюков, зауряд-прапорщик Шуманов. Кроме того, в плен попали соавтор «Краткой истории…» подполковник Нецеиовский, штабс-капитаны Архангельский и Константин Никифорович Ляшко, поручики Жамов, Феттинг и Хомутов, подпоручики Кузнецов, Рынвид-Мицкевич и Шидловский. Убыль же нижних чинов в полку составила 122 человека убитыми и ранеными и 1208 человек пропавшими без вести*. Часть из них, как впоследствии выяснилось, из-за ранений оказались в разных госпиталях, а то и в плену, но участь большинства без вести пропавших так и осталась неизвестна. «Вероятно, убиты или умерли от ран на поле сражения»,— говорится в полковой «Краткой истории».

Больше в боевых действиях великолукцы не участвовали, но оставались в Маньчжурии и после того как 23 августа 1905 года с японцами был заключен мирный договор. В Тулу полк вернулся лишь в марте следующего года.

Восемь с половиной лет спустя разразилась Первая мировая война, накануне которой в командование великолукцами вступил полковник Михаил Агафангелович Симонов — отец знаменитого советского поэта и писателя Константина Симонова, с которым был близко знаком мой родитель, Александр Иванович Палладин. (Он посвятил Константину Михайловичу немало страниц в своих мемуарах «Зарубки на сердце»).

После Октябрьской революции М. А. Симонов эмигрировал в Польшу, где и сгинул бесследно. По понятным причинам его сын это скрывал и в своих автобиографиях утверждал, что отец «пропал без вести в Первой империалистической войне».

Великолуцкий же полк, как явствует из последнего полкового журнала военных действий, «просуществовавший 207 лет, с 1711 года по 18 апреля 1918 года, прекратил свое существование».

…В 1911 году эксперт в области русской разведки, генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский напишет: «Мы не знали японцев, считали их армию слабой и плохо подготовленной, думали легко и быстро справиться с нею — и потерпели полную неудачу».

---

* Напомню: общая численность полка по штатному расписанию составляла 4280 солдат и офицеров.

«Мы не оценили материальных и особенно духовных сил Японии и отнеслись к борьбе с нею недостаточно серьезно», — признал после войны и генерал Куропаткин, который перед самым ее началом, заверив Николая II в быстрой и легкой победе, предложил после разгрома вражеской армии на материке высадить десант на японских островах и занять Токио.

В сердцах и умах наших предков Русско-японская война надолго оставила тяжелый, горький осадок. Об этом можно судить хотя бы по вальсу «На сопках Маньчжурии»:

*Тихо вокруг, сопки покрыты мглой,*
*Вот из-за туч блеснула луна,*
*Могилы хранят покой.*
*Белеют кресты — это герои спят.*
*Прошлого тени кружатся вновь,*
*О жертвах боев твердят.*

* * *

*Тихо вокруг, ветер туман унес,*
*На сопках Маньчжурии воины спят*
*И русских не слышат слез.*
*Плачет, плачет мать родная,*
*Плачет молодая жена,*
*Плачут все, как один человек,*
*Злой рок и судьбу кляня!..*

* * *

*Пусть Гаолян сны навевает вам,*
*Спите, герои русской земли,*
*Отчизны родной сыны.*

Пройдет сорок лет, прежде чем сбудутся заключительные строки этой песни:

*Вы пали за Русь, погибли вы за Отчизну,*
*Поверьте, мы за вас отомстим*
*И справим славную тризну.*

9 августа 1945 года, ровно через три месяца после Дня Победы над гитлеровской Германией (а фактически — над объединенной Европой, вставшей под знамена Третьего рейха), Советский Союз начал военные действия против Японии. К тому времени численность Квантунской армии японцев, поддерживаемой 25 боевыми кораблями, возросла до 1 миллиона человек; она располагала 1155 танками, 6260 орудиями, 1900 самолетами и даже бактериологическим оружием. Тем не менее в результате блестяще спланированной общевойсковой операции Красная Армия наголову разгромила Квантунскую армию, и уже через неделю после начала нашего наступления та капитулировала, потеряв 84 тысячи убитыми. Еще 594 тысячи сдались в плен. Наши же безвозвратные потери составили лишь 12 тысяч человек. (Убедительнейшее опровержение россказней о том, будто русские воевать не умеют и побед добиваются лишь благодаря тому, что закидывают врага трупами!).

Одновременно ряд десантных операций предпринял наш Тихоокеанский флот. В первой же из них отличился мой тесть, старший инструктор 1 отдела Политуправления ТОФ капитан Александр Яковлевич Гайдук (1914—1995). 11 августа 1945 года он принял участие в высадке десанта в порту Юки (ныне — Унги, принадлежит Корейской Народно-Демократической Республике) и был удостоен ордена Красной Звезды.

**Алла Новикова-Строганова**
(г. Орел)

# КАБАЛЬНЫЙ КРУГОВОРОТ

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

Представляя современным читателям малоизвестную статью Николая Семеновича Лескова (1831—1895) **«Торговая кабала»** (1861), выражаю уверенность, что это произведение не только не утратило своей злободневности, но — наоборот — звучит более чем современно.

В заглавии лесковской статьи — универсальное название сегодняшних социально-экономических отношений в России, официально и открыто поименованных «рыночными». Метастазы этого торжища гипертрофированно разрослись и поразили насквозь государство и право, политику и экономику, науку, культуру и искусство, образование и здравоохранение — все без исключения сферы жизни, в том числе духовно-нравственную. **Торгашество и продажность** стали «нормой», устойчивым атрибутом, основной приметой нашего «банковского» (по лесковскому слову) периода. **Пресловутый всепроникающий «рынок» гротескно персонифицировался, превратился в некий идол, адское чудовище**. Оно заглатывает и пожирает людей, перемалывает в своей ненасытной утробе все здоровое и живое, а затем извергает вон и снова питается отработанными продуктами своей жизнедеятельности в этом нескончаемом круговороте «торгового дерьма в природе».

Торговые центры, рынки, магазины, развлекательные заведения — с их непременным **«мочемордием»** (выразительный словообраз, употребленный Лесковым) — множатся безостановочно. Быть «хозяином»: магазина ли, а лучше — нескольких, развлекательно-питейного ли заведения или хотя бы захудалой лавчонки, но только чтобы наживаться и помыкать другими, — норма жизни, современная идея-фикс. Человек, наделенный Господом высшим даром свободной духовности, рассматривается в торгово-рыночных отношениях как **«кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка»**.

Между тем отношение к «торгашам» в русском народе исконно было негативным. Остатки такого народного отрицания духа торгашества редко, но пока еще можно отыскать в русской деревне, в самой глубинке, где доживают свой век немногие старики. В одной такой деревушке, запрятанной вдалеке от дорог среди лесных заповедников, в настоящем «медвежьем углу» Вера Прохоровна Козичева — простая русская крестьянка, вдова лесничего, в юности — связная партизанского отряда — категорически не захотела взять с меня денег за молоко. В ответ на мои резоны, что я уже покупала домашнее молоко у продавщицы деревенского магазина, бабушка Вера решительно ответила: «Я не торгашка! Ты меня с ней не равняй!».

Разбогатевшие **в «сфере плутней и обмана»** купцы-«пупцы» — «прибыльщики и компанейщики» (как именовал их Лесков) — на «ярмарке тщеславия» становятся

«самыми мелочными и ненасытными честолюбцами», **лезут во власть и в знать: «купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперед прет”»**.

Это «образец», к которому учат стремиться с младых лет и в нынешней школе, откуда сейчас изгоняется отечественная литература — столько ненависти у власть предержащих к честному одухотворенному слову великих русских писателей.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводилась изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силен и так велика ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. **Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто ее не стыдится.** Это приметы нашего времени, неоспоримые факты.

Да ведь только «чертовым куклам», как называл чиновников Лесков, это все равно… Евангельское пророчество гласит: «слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13: 14—15).

Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться *«чему-нибудь и как-нибудь»*. **В лучшем случае их ждет удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.**

Возвышая голос в защиту детей от торгашеской заразы, Лесков в своей статье отмечал «ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителями или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целию закликания покупателей». Сегодня мы сплошь и рядом также встречаем их — зачастую продрогших и озябших — **«торчащих перед лавками и магазинами с целию закликания покупателей»**, раздающих рекламные листовки и проспекты, шныряющих по подъездам, электричкам, организациям — в надежде продать какой-нибудь мелочной товар.

С тревогой и возмущением писал Лесков об антихристианских отношениях деспотического подавления со стороны одних и рабской закабаленности других. **Тяжелая экономическая и личная зависимость угнетенного человека, его подневольное положение оборачиваются рабством духовным, неизбежно ведут к невежеству, духовной и умственной неразвитости, развращенности, цинизму, деградации личности.** В результате «крепостного развращения», отмечал писатель в другой статье — **«Русские общественные заметки»** (1870), люди становятся жертвами «непроглядной умственной и нравственной темноты, где они бродят ощупью, с остатками добра, без всякой твердой заправы, без характера, без умения и даже без желания бороться с собой и с обстоятельствами».

Лесков выступил обличителем «темного царства», изображая вечный конфликт добра и зла, воплощенный в современном мире буржуазно-юридических установлений. В пьесе **«Расточитель»** (1867) показан 60-летний торговец Фирс Князев — «вор, убийца, развратитель», который пользуется своим положением «первого человека в городе» и продажностью российской судебной системы. Его антипод — добрый и деликатный Иван Молчанов — предстает в роли мученика, жертвы тираниче-

ского произвола властей. Молодой человек, обращаясь к «хозяевам жизни» — своим истязателям, обличает беззаконие: **«*Вы* расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные — потомство, Бог, история осудят»**. Хорошо было бы увидеть пьесу в современном репертуаре театров России. Неужели так силен страх постановщиков перед «властью тьмы»?

«Торговая кабала» была написана чуть ли не накануне отмены крепостного права — Манифеста 19 февраля 1861 года. В антихристианское законодательство РФ, построенное на древнеримских кабальных формулах, впору вводить эту якобы «хорошо забытую» новую отрасль права — **крепостное право** — наряду с гражданским, семейным, административным и прочим «правом». **«Сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времен»** в модернизированном виде давно и прочно внедрен в нашу жизнь. Сограждане и сами не заметили, как стали крепостными холопами, влачащими **«жизнь взаймы»**: не можешь заплатить долги — не смей двинуться с места. Многие уже очутились и многие еще окажутся в бессрочной долговой яме, были и будут запутаны в тенета сетевой торговли и маркетинга, ловушки кредитов, ипотек, ЖКХ, ЕГЭ, МФЦ, ИНН, СНИЛС, ЦИК, ОНФ, ТВ, СМИ, СФР, СБЕР, ЦБ, СК и прочего — число им легион и имя им тьма... **«Ипотека на полвека»** — один из таких популярных «банковских продуктов» кабального свойства — выдается с лукавым видом неимоверного благодеяния. Ограбляемый «должник», вынуждаемый ради крыши над головой покорно влезать в искусно расставленную долгосрочную западню, порой и сам не заметит, как эта «крыша» обернется для него гробовой крышкой.

В нынешней реальности, насквозь пропитанной воплощенным злом, прикрываемым лукавством, ложью, правит бал «князь тьмы», главный противник Истины — диавол, «ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44). В молитве Господней «Отче наш» вот уже более двух тысяч лет христиане просят Отца Небесного об избавлении от лукавого. Но «князь мира сего» оболваниванием и прочими лукавыми ухищрениями из своего сатанинского арсенала впутывает людей в бесовские сети, разъединяет, уничтожая духовные основы («диаболос» в переводе — разделитель). Когда эгоистические, материальные, потребительские, плотские интересы ставятся во главу угла во всех сферах жизни, на всех ее уровнях, душа слепнет и глохнет, атрофируется, «зарастает» телом. Лишь это и требуется метафизическому злому духу и его прислужникам в реальной физической оболочке — законникам «разноглагольного закона», как именовал их Лесков. **«Законно» и незаконно заложников и узников «торговой кабалы» преднамеренно стравливают в пресловутой борьбе за существование с ее звериным принципом «глотай других, пока тебя не проглотили».** Вот только люди в этом отношении хуже зверей. Те не едят своих сородичей, себе подобных, братьев по крови. «Мы с тобой одной крови»,— это усвоил в волчьей стае легендарный обитатель джунглей Маугли. В современных российских джунглях «пожирать плоть» и «пить кровь» друг друга (в образном смысле) — в порядке вещей. Однако этот словесный образ не столь далек от буквального воплощения. Зловещие картины натурального людоедства грядущих времен правления антихриста открываются в пророчествах святых.

Николай Семенович Лесков в своей «прощальной» повести «Заячий ремиз» глазами главного героя Ономрия Перегуда видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болванами», социальными ролями, масками: ***«Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспокоятся, як сатана?»*** Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: ***«я хожу по ковру, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врешь, и он ходит, пока врет, и мы ходим, пока врем, и они ходят, пока врут...*** **Пожалей всех, Господи, пожалей!»** «Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится»,— этим замечанием известного философа Григория Сковороды проясняется процесс, происходящий в герое:

пусть он уже не годится для прежней **«социабельной»** жизни, зато в духе его «поднимается лучшее». В доме для умалишенных на грани безумия и мудрости Перегуд, наконец, начинает путь приближения к истине. Теперь он избавился от цивилизации, от общественной жизни, в которой все скрыто мраком, перемешано (точнее — *помешано*). Герой постигает добро и зло в чистом виде.

В последнем произведении «мастера» метафорически исполняется мечта самого Лескова — писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение не печатный станок Гуттенберга, ибо он «не может бороться с запрещениями», а то, «которому ничто не может помешать светить на весь мир <…> Он все напечатает прямо по небу».

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле, как говорил Лесков, «кожаную ризу», писатель размышлял о *«высокой правде»* Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем».

Новейший пик торговой кабалы, ее ужасающая кульминация апокалипсического свойства: «венец творения», созданный по образу и подобию Божию, должен стать маркированным товаром, уподобиться бездушному предмету с его непременным штрих-кодом или бессловесному заклейменному скоту — принять чип (в начале в виде электронной карты), клеймо, метку, штрих-код в виде сатанинского начертания числа 666 на лоб или руку: **«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их» (Откровение. 13: 16).** Иначе — властное устрашение буквально по Апокалипсису: **«никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откровение. 13: 16 — 17).** А без этого, уверяют нас сегодня, якобы остановится нормальная жизнь. Несогласные продать душу сатане окажутся «вне антихристианского, электронно-крепостного закона»; станут исторгнутыми из всеобщего торгового оборота гонимыми изгоями.

Господь же — напротив — торговцев изгонял из храма, уподоблял их разбойникам: **«И вошед в храм, начал выгонять продающих и покупающих, говоря им: написано: “дом Мой есть дом молитвы”; а вы сделали его вертепом разбойников»** (Лк. 19: 45 — 46).

**«Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ Мой, как едят хлеб, и не призывающие Бога?»** (Пс. 52: 5).

Лесков как в воду глядел, когда утверждал: **«Не знаем мы, когда прорвется этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро»**.

Святые апостолы неслучайно призывали: **«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет 5, 8); «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас»** (Иак. 4, 7).

***Н. С. Лесков. Торговая кабала****

*Мальчик был он безответный:*
*Все молчал, молчал;*
*Все учил его хозяин —*
*Да и доканал…*
*А. Комаров*****

Грустное и тяжелое чувство налегает на сердце по прочтении заметки, помещен-

* Статья с подписью «Н. Лесков» впервые была опубликована: Указатель экономический, политический и промышленный (Санкт-Петербург, 1857—1861; издатель и редактор — И. В. Вернадский).— 1861.— № 221.— 12—14 февраля.

** Эпиграф взят из стихотворения А. М. Комарова «Выученик», в котором описана смерть ученика портного от побоев хозяина.

ной в одном из московских периодических изданий*, об угнетенном положении московских гостинодворских мальчиков и приказчиков. Это живо **сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времен нашего Отечества****. Варварское обхождение хозяев-гостинодворцев с приказчиками и особенно **с мальчиками, отдаваемыми им в кабалу**, под видом приучения торговому делу, мы думаем, ни для кого не новость; но странно, что оно до сих пор как-то ускользало от внимания прессы и тех лиц, которые нашли нужным учреждение контроля над содержанием учеников фабрикантами и ремесленниками. Мы, по несчастию, никогда не смели сомневаться в полной необходимости распространения такого контроля и на мальчиков, отданных купечеству для приучения торговому делу, но до сих пор мы не решались высказать об этом нашего мнения только потому, что боялись погрешить, считая известные нам факты жестокого обращения торговцев с мальчиками, отданными им *на выучку*, общим мерилом отношений хозяев к вверяемым им детям. Теперь «Московский курьер» в 27 и 28 №№ этого года сообщает о быте московских гостинодворских мальчиков такие вещи, что, как мы сказали, сердце сжимается от ужаса и страха за эти несчастные создания, выводимые в *люди* путем холода, голода, бесприютности и затрещин.

Коротко знакомые со взглядом русского купечества на людей, служащих его торговым делам, мы, к несчастию, лишены всякой возможности заподозрить заметку «Московского курьера» хотя в малейшем пристрастии преувеличения фактов. Напротив, мы вправе думать, что, в частности, существуют факты более грустные и возмутительные, чем те, которые взяты на выдержку автором заметки; но так или иначе, довольно того, что не нам одним известно **ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителями или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целию закликания покупателей**.

**В этой школе ребенок не учится ничему полезному.** Торговые соображения по выбытии им пяти лет у хозяина так же чужды его понятий, как **неведомы ему понятия о чести, о долге, о нравственности. Развитие для него невозможно. Он кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка приказчика и «молодца». Им всякий орудует в свой черед, всякий требует от него услуг и слепого повиновения на свой лад.** Мальчик ни у кого не может, то есть не смеет, спросить объяснения ни одному жизненному явлению, на котором останавливается его детское внимание; он не имеет никогда в руках ни одной книги, доступной его детскому пониманию и способной хоть мало-мальски осветить его разум объяснением самых простых явлений в жизни природы и человека. **Коснение — это неизбежный удел**, и разве только одна гениальность может выбиться из этой среды, не одурев в кругу исполнения тех обязанностей, в которых пять или шесть лет остается торговый мальчик, пока наконец получит первый чин торговой иерархии, то есть сделается «молодцом». И во все время службы до этого первого чина чего не переносит несчастный ребенок! Бьет его хозяин, но это, впрочем, еще не велика беда, хозяин занят делом, так ему некогда бывает драться, разве иногда так «взвошит»*** с сердцов или под пьяную руку, а то «взвошивает» его приказчик, взвошивают подручные, один и другой, взвошивает и молодец, и все эти колотушки достаются как-то зверски, не в привилегированное место человеческого тела, а по голове да под «вздыхало». Спит мальчик кое-как, часто на полу, и то мало, потому что ложится позднее всех приказчиков и молодцов, а встает раньше их; вставши, он должен перечистить им платье, обувь, приготовить самовар, сбегать за булками, а иногда еще за чем-нибудь для приказчика так, чтобы хозяин не сведал об этой закупке, и все

* Н. С. Лесков имеет в виду послужившие поводом к написанию его статьи «Московские заметки» в газете «Московский курьер» от 3 — 4 февраля 1861 года.

** Здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной; курсивом выделено у Лескова.

*** «Взво́шивать»— таскать за волосы.

это живо, скоро, иначе «взвошат» так, что небо покажется с овчинку. В течение целого дня мальчик *не смеет садиться* (это обычай, освященный временем и вошедший в силу закона); для отдыха **от утомительного стояния, превосходящего трудность афонского бдения**, мальчик посылается с одного конца города на другой «долги править» или разносить проданный товар, с секретною обязанностию занести иногда стянутый приказчиком из хозяйской лавки гостинец «матреске»*. Но да не подумает читатель, что поверенничество мальчика в сердечных делах приказчика смягчает сколько-нибудь их взаимные отношения… Ничуть не бывало, это так уж устроено, что приказчик, употребляя его в качестве фактора** по «матресской» части, не допускает и мысли, что мальчик может его выдать,— и мальчик действительно никогда не выдаст. Он знает, что, отомсти он приказчику или молодцу за побои, которые они ему наносят «пурселапетан»***, им ничего не будет, кроме потревожения памяти их покойной родительницы напоминанием о некоторой интимности с нею, а мальчика взвошит хозяин, «зачем-де шельмец ходил», а потом уже пойдут взвошивать и тот, на кого сделан донос, и те, на кого таковые впредь учинены быть могут. А защита где? Нигде. Отец или опекун еще порадуются, что вот, мол, парня уму-разуму учат, да еще сами, пожалуй, набавят, не жалуйся, дескать, знай, что за одного битого двух небитых дают.

Такова-то вот жизнь, таково-то положение торгового мальчика у иного купца, доводящего его пятилетним взвошиванием *до людей*, то есть **до способности обезмыслиться, обезличиться и завернуться в узкую рамку аршинной жизни прасольства****** **или лабазничества*******. И тянется эта страдальческая жизнь мальчика, пока наступит радостный день вступления его в сан «молодца», и прежнее начальство уговорит его закинуть первых щенят, то есть пропить с компаниею первое жалованье, «**во оставление сухомордия и в мочимордство вечное»********.

**Со вступлением в сферу плутней и обмана**, составляющих специальность молодца и приказчика, начинается новая, светлая полоса жизни мальчика. Изучая надувательное искусство и прикладывая его на практике к хозяину, он наконец *выходит в люди*, заводит лавочку, делается хозяином, устроивает порядок в своей *молодцовской*, по образцу того закона, в котором сам вырос, и «взвошивает» тех, кого вверит ему родительское благоразумие для вывода в свою очередь в люди.

**Не знаем мы, когда прорвется этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро. Наверное можно сказать, что та генерация, которую теперь еще «взвошивают», ничего не даст хорошего, а она еще молода, ее век длинен, и кора ее умственного застоя так крепка, что ее не проймет никакая пропаганда. Дух религии и слова Христовы — чужды ее понятиям. Люди эти ходят в храмы, но выносят оттуда воспоминание не о слове мира и любви, а об октавистых голосах**, в подражание которым ревут дома долголетия и анафематства. **От них нечего ждать, а между тем в силу обычного течения дел они выйдут в люди, то есть откроют лавки и в свою очередь замордуют еще одно поколение.**

Этому нужно положить конец бы, особенно теперь, при эмансипации крестьян, следовало бы русскому обществу подумать об улучшении положения торгового малолетнего люда.

---

* «Матреска» — от искаженного французского слова «maitresse» — любовница.

** Фактор — здесь в значении: посредник; доверенное лицо, выполняющее поручение.

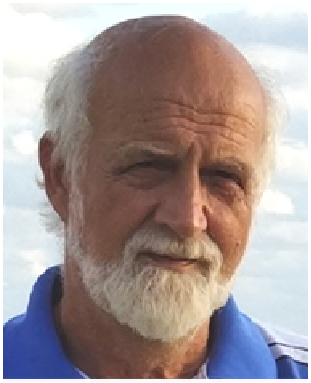
*** «пурселапетан» — в значении: «для того чтобы пошевеливался, поторапливался» — от искаженного французского выражения с глаголом «sepatiner» — пошевеливаться, поторапливаться.

**** Прасольство — вид торговой деятельности; от слова «прасол» — оптовый скупщик мяса и рыбы для мелкорозничной торговли.

***** Лабазничество — вид торговой деятельности; от слова «лабаз» — торговая лавка, мучной и крупяной склад; «лабазник» — торговец зерном, крупой, мукой.

****** «Сухомордие» («сухорылие») — трезвенность; «мочимордство» («мочемордие») — пьянство.

**Игорь Отчик**
(г. Лыткарино, Московская область)



*Наш постоянный автор.*

# «МАСТЕР И МАРГАРИТА» — РОМАН О МЕСТИ

**Полифоничное и многозначное произведение Михаила Булгакова**

Почему именно о мести? А, может быть, о том, что рукописи не горят? Или о всепобеждающей силе любви? Или о борьбе добра со злом? Или о той великой, так и не высказанной, истине, которую нес людям Сын Божий? Да, все это тоже. И все же месть.

Но сначала личные впечатления. В первый раз я прочитал роман в журнальной версии в середине семидесятых годов, в студенческом общежитии на Стромынке. Мне его дали на один день, и я проглотил его не отрываясь. Это было что-то особенное, ни с чем не сравнимое. Текст захватил с первых же страниц. Я словно смотрел цветной фильм, словно сам присутствовал там, на Патриарших, в Москве тридцатых годов. Какое мастерство, какая фантазия! Реализм и мистика, драма и комедия, прошлое и настоящее, любовь и жестокость, романтика и стеб, ужасы и эротика, философия и бытовые детали... И все это естественно и органично, в едином сюжете. Невероятно! А какие живые образы! И главные, и второстепенные. Как будто сам с ними разговариваешь. А язык, стиль! Само чтение было наслаждением. Я просто балдел, когда читал этот шедевр. Осмысление пришло намного позже.

Об этом произведении Михаила Булгакова написано очень много. Роман настолько разнопланов и глубок, что десяткам литературоведов хватает материала для статей, монографий и диссертаций. А уж тем более для частных мнений, на которые имеет право любой читатель. «Мастер и Маргарита» дает для этих толкований основания, поскольку содержит множество нетривиальных героев, их непростых отношений, неоднозначных ситуаций...

Многие критики и читатели считают главной темой «Мастера и Маргариты» любовь. Да, она в романе есть. Как в любом серьезном художественном произведении. Без этой темы обойтись невозможно, поскольку это неизбежная часть человеческой жизни. Но что особенного в отношениях Мастера и Маргариты? То, что это была любовь с первого взгляда? Да, такое бывает. То, что одинокий Мастер полюбил красивую женщину? Тоже банально. То, что скучающая бездельница, не любящая своего добропорядочного мужа, потянулась к симпатичному незнакомцу, а потом безумно влюбилась в талантливого, не от мира сего, писателя, обретя вместе с ним рай в шалаше (точнее говоря, в подвале)? И такое случается. Если бы писатель ограничился этим сюжетом, он остался бы в ряду многочисленных любовных романов. Конечно, Булгаков придумал для Маргариты немало приключений с нечистой силой, но считать эту безыскусную любовную историю главной темой романа несерьезно. Помоему, самое интересное в ней — финал. Автор с помощью Воланда устроил посмертную судьбу исстрадавшихся влюбленных, поселив Мастера и Маргариту в замечательном, увитом виноградом домике с венецианскими стеклами. Правда, непо-

нятно, где он находится. Не в раю и не на земле. Похоже, Булгаков описал свою мечту. Изобрел какой-то уютный мир для вечного упокоения приличных, но не святых людей. Эх, попасть бы туда после завершения жизненного пути!

Некоторые исследователи абсолютизируют религиозную составляющую романа. Есть мнение, что главная цель Булгакова: доказать читателям, жившим в условиях воинствующего безбожия, что Бог есть. По простейшему принципу: если есть столь ярко описанный противник Бога, значит, есть и Бог. Но любой человек, прочитавший роман, усомнится в этом. Булгаков действует сильнее. Из текста романа видно, что писатель считает существование Бога само собой разумеющимся и не требующим каких-либо доказательств. Ведь Всевышний нигде в тексте прямо не называется, и практически ни в чем не участвует. Кроме финального решения о судьбе Мастера и Маргариты, да и то косвенного — через посыльного Левия Матвея. И еще того знаменитого сообщения писателю: ваш роман прочитали и одобрили. Может ли быть более высокой оценка для смертного?! А вот образу реально существовавшего человека, Иисуса Христа, уделено намного больше внимания. То, что Булгаков представил его под именем Иешуа Га-Ноцри и показал через призму романа Мастера — это формальная защита от подозрений в пропаганде религиозного мракобесия в ту антирелигиозную эпоху. Кроме того, многие детали повествования не соответствуют свидетельствам апостолов о Христе. Почему Булгаков, будучи сыном историка Церкви, допустил многочисленные отклонения от Евангелия? И это тоже связано с воинствующим безбожием, установившимся в России с приходом к власти большевиков-атеистов. Похоже, писатель хотел избежать прямых обвинений в пропаганде христианства, представив последние часы земной жизни Иешуа некой фантазией на историческую тему, формальным героем которой является римский наместник Понтий Пилат.

Но первая же сцена беседы Пилата с Иешуа показывает настоящего героя исторической части романа. Она потрясает своей эмоциональностью, психологическим напряжением, и создает очень яркий, загадочный, невероятный по глубине и силе образ Спасителя. В мастерском описании Булгакова это действительно сверхчеловек. За короткими репликами Христа чувствуется огромный внутренний мир, неизмеримая мудрость и убежденность в своих идеях. А вот о чем не пишет Булгаков, так это о содержании самих этих идей, о том самом храме новой веры, ради которой Сын Божий идет на мученическую смерть. И даже столь драматично начатый спор с Пилатом об истине не получает своего разрешения. От этих недомолвок создается впечатление философской незавершенности романа. Впрочем, недосказанность является одной из притягательных особенностей «Мастера и Маргариты», заставляющей задумываться читателей разных поколений. Очевидно, что Булгаков и не ставил перед собой теологических задач из-за опасения попасть под каток сталинских репрессий. Достаточно того, что в диалоге с Пилатом звучит крамольная мысль о прекрасных временах, когда люди не будут страдать от произвола власти. И все же, в условиях преследования и очернения религии, Булгаков стремился донести своим современникам, особенно молодым, великий образ Иисуса Христа.

Объективно говоря, повествование Мастера о Пилате и последних часах земной жизни Христа является исторической вставкой, мало чем связанной с основным содержанием «Мастера и Маргариты». Что изменится, если убрать из текста эти страницы? Практически ничего. Останется разве что упоминание о некоем романе Мастера о Понтии Пилате. Как это повлияет на сюжет романа? Да никак. Впрочем... Но об этом несколько позже.

А пока о других героях романа. Даже если бегло прикинуть, вокруг кого вращается фабула основной, московской, линии «Мастера и Маргариты», в ней постоянно, явно или незримо, присутствует Воланд, сатана, князь тьмы.

Почему? Для чего? Зачем он нужен?

Фактически он является связующим звеном между историей Христа, Понтия Пи-

лата и современной Булгакову московской действительностью. В конце первой главы загадочный консультант лично начинает на Патриарших прудах рассказ о Понтии Пилате. И здесь снова испытываешь вспышку восхищения мастерством Михаила Булгакова. Чего стоит этот неожиданный переход в прошлое! «В белом плаще с кровавым подбоем…» Не с красным, а именно с кровавым. Будто предвещающим дальнейшие трагические события. А сцены в Иерусалиме! Читаешь и переносишься на две тысячи лет назад, туда, во дворец Пилата, в этот ненавидимый прокуратором город. Да, талант писателя — единственно возможная машина времени. И еще одна метка о том, что нечистая сила знала текст романа Мастера: Азазелло цитирует его Маргарите, уговаривая посетить бал сатаны. Но в этой теме Булгаков допускает логическую неувязку: в сцене после бала Воланд только от Маргариты узнает о существовании романа, удивляется его названию и просит посмотреть его. Впрочем, это мелочи.

Очевидно другое: если убрать Воланда из сюжета, роман рассыплется. Останется довольно обычная история непризнанного литератора и его любви к Маргарите. Именно мистическая составляющая является главной, как теперь говорят, фишкой романа.

А чем, собственно говоря, занят сатана в самом сюжете романа? Много чем. В частности, он принимает деятельное участие в судьбе Мастера и Маргариты, выступая при этом на стороне добра и справедливости (!). Если вдуматься, среди паноптикума многочисленных мерзавцев-персонажей романа чуть ли ни самый положительный герой — Воланд. Об этом же говорит эпиграф романа. А еще?

Сатана нужен для мести.

Именно для ее свершения и призвал Булгаков этого злого гения. На протяжении всего романа Воланд и его забавная разношерстная свита наказывают подлецов и негодяев всех мастей. Начиная с жуткой сцены на Патриарших, Воланд исполняет заветные мечты автора. Похоже, Булгаков, видя свое бессилие перед несправедливостью реального мира, отвел душу в вымышленном. Для этого и выдумал всю эту до жути потешную компанию во главе с князем тьмы. С особым удовольствием поиздевался над наводящими ужас органами НКВД, насладился их воображаемым бессилием. В момент ареста Бегемот разыграл одну из самых красивых сцен романа: «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус… Единственное, что может спасти смертельно раненного кота, это глоток бензина». И пошла перестрелка! Я считаю превосходными все эпизоды с участием этой развеселой банды, приводящей в исполнение мстительные мечты автора. Фагот, Азазелло, красотка-вампирша Гелла составляют Бегемоту достойную компанию. Их внешность, поступки, общение с окружающими и между собой — прекраснейшие образцы юмора, черного и уморительного одновременно. И не только юмора. В некоторых сценах холодок ужаса пробегает по коже читателя, как в гоголевских страшилках. Булгаков действительно дал волю фантазии. Размечтался. Как подросток, обиженный дворовыми хулиганами. И даже пошутил над зловещей фразой: «А это нас арестовывать идут». Мы и представить себе не можем того ужаса, который испытывали его современники от этих слов. Когда ночью возле дома останавливалась черная машина, и раздавались шаги на лестнице. А за ними звонок, который означал конец…

Кого только не наказывает Булгаков в романе! От вороватого буфетчика и взяточника-домоуправа до руководителей культуры, литературной аристократии, завистливых коллег по цеху и подлецов-критиков. А какую фантазию проявляет в способах мести различным нехорошим персонажам! Берлиозу, Римскому, Лиходееву, Варенухе, Прохору Петровичу, Семплеярову, Поплавскому, управдому Босому, буфетчику Сокову... Изобретательность и фантазия Булгакова в изображении мистического правосудия просто поражают. Чувствуется, что писатель наслаждался этими вымышленными экзекуциями, невозможными в реальной жизни. Заодно, и явно несправедливо, досталось простым москвичам и москвичкам, над которыми он потешился на сеансе черной магии и после него. Да и во многих других эпизодах в мстительном запале явно перегнул палку...

Зато как эффектно разделался с писательским гадюшником в доме Грибоедова, гори он ясным огнем! А как потом эта сладкая парочка, Бегемот и Коровьев, поиздевалась над недоступным простым людям, включая и самого писателя, валютным изобилием елисеевского гастронома! Просто шик и блеск! Жаль, что это историческое место в Москве ныне перепрофилировано. Но раньше я бывал в этом уникальном месте и мог полюбоваться аутентичной роскошью его интерьера. Во времена советского дефицита я стоял в его тесных очередях за «Краковской» колбасой и конфетами «Мишка на севере». А в постперестроечные годы в основном любовался ценниками, зато без всякой очереди смог купить шоколадку «Аленка».

Кстати, если присмотреться, можно заметить, что в этом романе нет практически ни одного положительного персонажа. А Мастер? А Маргарита? А что в них хорошего? Она — настоящая ведьма, и сама в этом признается. Ради любви идет на сделку с дьяволом и соглашается на роль королевы сатанинского бала. А Мастер — эгоист, самовлюбленный честолюбец. Тронулся умом от того, что не напечатали его роман. Слабая личность, не выдержавшая клеветы, несправедливых обвинений и оскорблений. А ведь в те времена это было уделом многих талантливых людей. Какая от него польза, кроме сомнительного романа? Но, с другой стороны, чего еще взять с писателя? К тому же, Мастер сделал явно доброе дело: помог бездарному поэту Бездомному духовно переродиться в сумасшедшем доме. Следует отдать должное и Маргарите, которая полностью посвятила себя любимому человеку. Разве можно требовать от женщины большего? А с какой страстью, чисто по-женски, с битьем посуды, отомстила ненавистному Латунскому! А истинно духовная кульминация Маргариты — ее жертвенность, когда она, забыв о личном счастье, просит избавить Фриду от вечной мести за убийство младенца. Впрочем, не стоит ударяться в крайности в оценке образов Мастера и Маргариты. Согласимся с мнением Булгакова, который представил их не святыми, но порядочным людьми.

Итак, месть. Во всем ее разнообразии и на протяжении всего действия романа. И даже в самом его конце снова всплывает тема мести: на этот раз Понтию Пилату, обреченному на тысячелетия одиночества и мучительного раскаяния в мрачной пустыне. Правда, в финале Пилата все-таки избавляют от этого наказания — ради так и оставшегося нам неизвестным завершения его спора с Иешуа об истине.

Но почему Булгаков выбрал именно сатану для свершения воображаемого правосудия? Да потому что никого иного, столь же всесильного, не мог найти. А почему не Всевышнего? Ведь в Ветхом завете масса свидетельств того, что Господь активно участвовал в судьбах людей и народов: наставлял, судил, наказывал. А однажды даже лично помогал еврейскому народу в сражении с врагами, швыряя в них камни. Но передать Богу роль и функции дьявола в сюжете «Мастера и Маргариты» было бы святотатством. И не только. Это убило бы сам роман. Ведь тогда пришлось бы отказаться от свиты Воланда, сеанса магии, сатанинского бала и прочей забавной чертовщины, в результате чего роман потерял бы значительную часть своей прелести. Тем более, что в наше просвещенное время Господь, в отличие от ветхозаветных времен, не вмешивается в людские дела. Но всех нас любит и всех прощает. Ибо сказано, что об одном кающемся больше радости на небе, чем о десятках праведников. Сам Христос, по словам евангелиста Матфея, высказал это в притче о заблудшей овце. Истинный грешник не тот, кто согрешил, а тот, кто не раскаялся. Искренне раскаешься, и тебя простят. Так что имеет смысл грешить, пока есть здоровье. Не стоит откладывать это дело на старость. Ни от греха не будет радости, ни от раскаяния. Ибо есть время грешить и время раскаиваться в грехах.

Так что же, на Бога надежды нет? И можно творить что угодно? Как вопил один из братьев Карамазовых. А потом семь бед — один ответ? А как же заповеди? Не убий, не укради, не возлюби… Да их и перечислить мало кто способен! А уж исполнять тем более. Так, может быть, выручит человеческая совесть? Увы, у многих из нас она ржавеет на задворках души. А кто-то вообще выбрасывает ее как лишнюю

тяжесть на дороге жизни. Значит, ни на Бога, ни на совесть человеческую надежды нет. Это известно давно. Чтобы держать нашу подлость и дикость в узде, нужны более надежные вещи: закон и государство. Эту жестокую, но справедливую, по замыслу, силу драпируют моралью и религией. Сами же эти практические инструменты обуздания зла были созданы задолго до времен Пилата. А он был их исполнителем.

И вот мы снова вернулись к исторической теме. А именно к образу Понтия Пилата, римского наместника, отправившего Христа на мучительную казнь. Но почему всесильный Пилат не пощадил Его? Ведь он понимал, что казнят невинного! Согласно свидетельствам, Пилат пытался это сделать. Он трижды обращался к собравшимся людям: какое же зло Он сделал? Но в ответ слышал только крик: распни Его! И тогда Пилат, желая угодить народу, возбужденному первосвященниками, предал Христа на распятие. Вот оно, мнение толпы! Оно подобно морю, несущему волны туда, куда подул ветер. И тогда «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». Понтий Пилат был вынужден согласиться с решением синедриона и воплем плебса. Но и ему самому не нужна была религиозная смута, которая могла привести к большой крови на подведомственной территории. А Христос для него был всего лишь одним из пророков и лжепророков, которых в истории еврейского народа было множество. И казнили их часто. А кто из них прав — какая Пилату разница? И стоит ли неприятностей по службе? Предполагаю, что реальный Пилат никогда не жалел о своем решении.

Но если внимательнее вглядеться в роль Пилата, станет более понятной связь исторической и московской линии романа. И здесь возникает еще одна важнейшая (и болезненная!) тема, беспокоившая Булгакова. Это тема трусости, которую в романе называют самым тяжким пороком. Достаточно вспомнить, как всесильный Пилат во всеуслышание возносил хвалу императору. При этом Булгаков неоднократно упоминает о его отчаянной храбрости в былых сражениях, когда тот был молодым воином. Почему же Пилат, рисковавший жизнью в молодости, так унижается перед тираном на склоне лет, когда жизнь уже почти прожита?

Потому что поумнел. Потому что старики лучше знают ценность жизни.

Но не только. Смерть в бою, против врага, плечом к плечу с соратниками — это общая судьба. Она естественна и почетна. А мирное время предназначено для жизни, а не для смерти. Эта тема была особенно актуальна в те годы, когда писался роман «Мастер и Маргарита». Плохое было время: и доносы, и неправедный суд, и страдания невиновных, и предательство насмерть перепуганных друзей. Фактически в образе Пилата представлена советская элита тех лет — старые партийцы, бесстрашные борцы с самодержавием, отважные герои революции и гражданской войны, испугавшиеся позора попасть в число «врагов народа» в новые времена. Ведь тем самым они превращались в изгоев общества с тяжелейшими, смертельными последствиями не только для себя, но и для своей семьи. Несчастные люди! В те годы им, чтобы выжить, приходилось публично восславлять вождя, отрекаться от друзей и близких, сдавать их палачам. И все равно та же судьба ожидала их самих. В лице Понтия Пилата Булгаков выносит приговор струсившей большевистской гвардии. А может быть, и не только ей…

И все же автор решает амнистировать Пилата: раскаявшийся прокуратор пытается облегчить душу и отомстить предателю Иуде. Так ведь не было этого! Согласно свидетельствам, после того как Христос был приговорен к распятию, Иуда раскаялся и бросил эти поганые тридцать сребреников в Храме. А сам пошел и удавился. Похоже, Булгаков выдумал легенду с убийством Иуды, чтобы еще раз показать торжество мести. Но стоило ли оно того? Вся эта линия с пилатовскими намеками, проницательным Афранием и прочими мелкими деталями надуманна, избыточна, и выпирает из сюжета, как флюс. Но это явно было нужно Булгакову. Зачем? Показать все-

силие власти и секретных служб, не считающихся с законом? Возможно. Но прежде всего — месть!

И все же, восхищаясь писательским мастерством Михаила Булгакова, назвать шедевром весь его роман было бы явным преувеличением. Шедевр — это произведение, которое невозможно улучшить. Это как вершина горы, когда любой шаг в сторону — это шаг вниз. Увы, «Мастер и Маргарита» хоть и великое, но несовершенное произведение. Почему? Да просто потому, что Булгаков не успел его доработать! Немалая, заключительная, часть романа — это практически черновик. Известно даже точное место последней авторской правки, которую Булгаков диктовал жене за месяц до смерти. Это было на фразе Маргариты: «Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?». Любой внимательный читатель заметит, что дальнейший текст романа действительно непричесан.

В частности, многое, что связано с балом сатаны, похоже на необработанную заготовку. Так и хочется поправить, а главное — сократить. А фраза про «белых медведей, игравших на гармониках и пляшущих камаринского на эстраде», вообще выглядит пародийной. И таких мест немало. Например, перед балом Коровьев зачем-то рассказывает Маргарите о каком-то мошеннике и его махинациях с квартирами. К чему это мелкотемье в столь драматический момент? А зачем она в ночь перед балом летала на какую-то далекую речку с лягушками? Послушать их концерт? Искупаться? Смыть невидимость? Что, у нее ванны не было? И что за урода с Енисея она там встретила? Зачем он нужен?

Да и, в конце концов, зачем нужен сам бал? Конечно, это один из самых эмоциональных эпизодов романа. А именно — негативно эмоциональных. Есть мнение, что Булгаков придумал этот бал как дьявольское испытание для Маргариты — для проверки силы ее любви. Допустим. Но зачем отводить этому черному шабашу столько места, зачем его так живописать? Зачем наслаждаться мракобесием, описывать всяких выродков и их преступления? Чтобы показать всю бездну человеческого порока? Зачем? Ведь всю бездну показать невозможно. Да и не нужно. Здесь писатель явно заигрывается с чертовщиной. Единственное объяснение: для многих из этих исторических злодеев Булгаков придумал наказания за их преступления. Такие, например, как вечные страдания Фриды с платком. И завершается бал торжеством мести — страшной ритуальной казнью барона Майгеля, наушника и шпиона.

К сожалению, финальные страницы «Мастера и Маргариты» оставляют неоднозначное впечатление. Восхищение мастерством и фантазией Михаила Булгакова смешивается с сожалением о незавершенности обработки текста. Особенно разочаровывает эпилог, который еще более смазывает общее впечатление. Лучше бы я его не читал. Он тоже выглядит набором заготовок. Зачем нужны протокольные сведения о расследовании происшедших событий? О том, что какой-то пьяница привел в милицию связанного галстуком кота, о дальнейших судьбах малозначимых героев? И это после пафосного финала, после ухода исторических героев в вечность! Впрочем, гадать за автора некорректно. Можно только представить то наслаждение, которое бы мы получили от законченной Булгаковым версии романа. Жаль, очень жаль.

Эти заметки имеют во многом полемический характер и представляют собой субъективное мнение автора, на которое у многих найдется масса возражений. Но именно это разнообразие взглядов и оценок еще раз подтверждает глубину, полифоничность и многозначность великого романа Михаила Булгакова, делающих его вечным.

И все же, резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что «Мастер и Маргарита» — роман о мести. Святая ненависть к всесильному злу и человеческим порокам вела рукой великого писателя.

**Евгений Трещев**
(г. Щекино Тульской области)

# «МОЙ КОСТЕР В ТУМАНЕ СВЕТИТ»

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

Яков Петрович Полонский (1819—1898) — поэт, прозаик, журналист, родился в городе Рязани в небогатой дворянской семье.

И. С. Тургенев писал о Полонском: «Талант его представляет особенную, ему лишь одному свойственную, смесь простодушной грации, свободной образности языка, на котором еще лежит отблеск пушкинского изящества...»

Его творчество занимает видное место в нашей литературе. В каком-то смысле он был центром пересечения множества литературных, общественных и личных отношений своего времени. У него немало произведений, поражающих совершенством художественной формы. Все написанное им носит на себе печать прекрасного и истинного таланта. Его поэзия бывает радостной и грустной, возвышенной и холодной, как лед, но всегда неповторимой. Он — один из выдающихся русских поэтов послепушкинской поры, созвучен своему времени. Слова под пером Якова Петровича приобретают новое звучание и смысл. Творческая смелость, добросердечие, спокойствие, благородство и мужество, уникальный талант и огромная работоспособность — отличительные черты этого одаренного человека.

«Всю жизнь серьезно я был только поэтом и больше ничем...» — писал он, окидывая взглядом прожитую жизнь.

Поэзия Я. П. Полонского многолика, удивительно оптимистична. Он писал А. Фету: «По моим стихам можно проследить всю жизнь мою». Многие стихотворения поэта представляют собой своего рода маленькую исповедь. Он писал о том, что пережил и прочувствовал сам: «*В одной знакомой улице — / Я помню старый дом, / С высокой, темной лестницей, / С завешенным окном… / И тихо слезы капали — / И поцелуй звучал — / И ветер занавескою / Тревожно колыхал*» («Затворница»). В них предельная простота формы, лиричность содержания, естественность интонаций, много звуков, запахов, света. И нет жалоб, раздражения, злости. Оригинальны и многообразны сравнения и метафоры.

Стих льется легко и непринужденно, будто разговорная речь. Автор выражает свои чувства правдиво и естественно. В них есть таинственность, трепетная лирика: «*Мой костер в тумане светит; / Искры гаснут на лету… / Ночью нас никто не встретит; / Мы простимся на мосту...*» («Песня цыганки»).

Поэзия, по мнению Полонского, везде — и в стремлении к славе, и в любви, и в сочувствии к ближнему, и в страстной и искренней вере: «*Пока в тебе кипят и замыслы и чувства / И можешь ты негодовать; / Пока язык идей и красота искусства / Тебя способны восторгать; / Пока в друзьях свой суд, в любви награда, / И не страшит тебя с врагами честный бой, / Поэзия еще с тобою, милый мой*». («Поэзия»).

Поэзия — это влюбленность в жизнь — светлая и восторженная, страстная и роковая. Поэзия и любовь — слова синонимы. Источник поэтической энергии один — любовь. Любви без жертвенности не бывает, но любовь светла, она радость, она счастье.

Тема любви раскрывается поэтом в стихотворениях: «Поцелуй», «Подойди ко мне, старушка…», «Последний вздох», «Любви не боялась ты…», «Напрасно», «Влюбленный месяц», «Встреча», «Песня цыганки», «Затворница», «Соловьиная любовь», «Узница», «Утрата» и др.

Любовная лирика Я. П. Полонского — образец нежности и проникновенности, во многом автобиографична. Любовь и переживания автор умеет передавать в стихотворной форме намеком, в том числе тонкие, едва уловимые движения души: «*Вижу снова наш старый, запущенный сад: / Отраженный в пруде, потухает закат, / Пахнет липовым цветом в прохладе аллей; / За прудом, где-то в роще, поет соловей…»* («Диссонанс»). Мы видим, что даже недосказанность его лирической поэзии приобретает особое очарование. А за внешней простотой скрывается естественная красота и неповторяемость. Стихи производят чистое и трогательное впечатление: «*Перед непризнанной любовью / Я весел был в прощальный час, / Но — Боже мой! С какою болью / В душе очнулся я без вас. / Какими тягостными снами / Томит, смущая мой покой, / Все недосказанное вами / И недослушанное мной».*

Задушевными и простыми словами он говорит о России, о Боге и вере, о дружбе, жизни и смерти: «*Россия, веру призови!... / В сей день торжественный и славный, / Нас бережет Отец Державный / Для новых подвигов любви…»* («День крещения Руси»). Идея Божественного света, которым наделена человеческая душа, составляет основу мировосприятия поэта. Он ищет гармонию в тихом сочетании фрагментов мироздания, раскрывает духовный мир человека, его переживания и страдания, готовность дарить счастье и любовь. В этих его произведениях нашли место: свобода выражения, глубина содержания и твердая ясность идеала.

Тонко чувствующий и необыкновенно восприимчивый, Полонский с удивительным подчас мастерством улавливал биение пульса жизни и в очеловечивании природных явлений.

Автор пристальным взглядом всматривается в судьбы и души людей и описывает места действия. При этом красота русской природы всегда служила ему неисчерпаемым источником вдохновения. Любимые образы: дали, простор, степи придают его стихам ширину и раздолье: «*Пахнет полем воздух чистый… / В безмятежной тишине / Песни птички голосистой / Раздаются в вышине… / Внемля ей, невольно стыдно / И досадно, что порой / Сердцу гордому завидна / Доля птички полевой!»* («Птичка»). Человек и природа в его творчестве неразрывны. Он не жалеет эпитетов, чтобы описать звуки, краски, запахи: «*В облака свиваясь / Ярко золотые… / Ни единой тучки / На лазурном небе!»* («Утро»).

Неуловимая прелесть ночного пейзажа, таинственные сумерки не смогли оставить поэта равнодушным: «*Посмотри — какая мгла / В глубине долин легла! / Под ее прозрачной дымкой / В сонном сумерке ракит / Тускло озеро блестит…»* («Посмотри — какая мгла»). «*Вечерний звон… не жди рассвета; / Но и в туманах декабря / Порой мне шлет улыбку лета / Похолодевшая заря…»* («Вечерний звон»).

Есть писатели и поэты, которые приносят красоту в жизнь. Таким был Яков Петрович Полонский. В стихотворении «Памяти Ф. И. Тютчева» им утверждается вечность красоты и весны. Он воспевал красоту, считая ее основной целью творчества.

Сочетание фантастического и будничного делают его поэзию тонкой и привлекательной: «*Глухая степь — дорога далека, / Вокруг меня волнует ветер поле, / Вдали туман — мне грустно поневоле, / И тайная берет меня тоска»* («Дорога»). Стиль этого стихотворения легок, переживания и грусть передаются достаточно светло и мягко.

Особой мелодичностью отличаются стихотворения, посвященные Кавказу, где он служил. Здесь он создал много прекрасных стихотворений, насыщенных фольклорны-

ми мотивами и восточным колоритом: «*Земли, полуднем раскаленной, / Не освежила ночи мгла. / Заснул Тефлис многобалконный; / Гора темна, луна тепла…»* («Старый сазандар»). «*Одинокое сердце оглянется / И сожмется знакомой тоской.— / Вспомнит домик твой — дворик, увешанный / Виноградными лозами — тень — / Где твоим лепетаньем утешенный, / Я вдавался в беспечную лень…»* («На пути из-за Кавказа»).

Поэзия и музыка в нашей жизни просто незаменимы! Как незаменима чистая родниковая вода и чистый воздух. И Полонский всем своим творчеством утверждал право на чувственное, музыкальное восприятие мира. Многие его стихи положены на музыку композиторами П. И. Чайковским, А. С. Даргомыжским, С. В. Рахманиновым, С. И. Танеевым, А. Г. Рубинштейном, М. И. Ивановым и стали популярными песнями и романсами. Основными мотивами романсов на его стихи были воспоминание о прошедшем счастье, расставание и прощание с любимой, возвращение любви.

В них живет трепетное, неуловимое, глубинное ощущение музыкальности («Из вечности музыка вдруг раздалась…», «И плывут, и растут эти чудные звуки…», «Запой, и все в пленительном покое…», «Молитва», «За окном в тени мелькает» и др.).

«Песня цыганки» и «Затворница» стали народными песнями. А на либретто Полонского композитором Чайковским написана опера «Черевички».

Современники поэта, которым доводилось с ним общаться, отмечали его душевную щедрость, благородство, добродушие, удивительную общительность, внутреннюю и внешнюю привлекательность. Д. Григорович писал: «Я еще в жизни не встречал человека с душой более чистой, детски наивной; сколько подлостей прошло мимо него, он не замечал их и положительно не верил, что есть зло на свете».

Материально он всегда жил трудно, вынужден был заниматься репетиторством, быть воспитателем.

Он прожил интересную, насыщенную трудами и идеями жизнь. В своих последних произведениях он заглядывает в самые коренные вопросы бытия: «*Нет конца стремленью — / Есть конец страданью»* («Утро»). В стихотворении «Лунный свет» он воспевает «безотрадную былую радость» и «былое счастье»: «*Жизни лучшие мгновенья — / Сердца жаркие мечты, / Роковые впечатленья / Зла, добра и красоты; / Все, что близко, что далеко, / Все, что грустно и смешно, / Все, что спит в душе глубоко, / В этот миг озарено…».*

Поэзия Полонского в каком-то смысле стоит особняком от творчества писателей и поэтов его времени. Он не стремился кого-то обличать и высмеивать, что тогда было характерно для многих его современников.

Уже под конец жизни он писал А. Чехову: «Наши большие литературные органы любят, чтобы мы, писатели, сами просили их принять нас под свое покровительство — и тогда только благоволят к нам, когда считают своими, а я всю свою жизнь был ничей, для того, чтобы принадлежать всем, кому я понадоблюсь, а не кому-нибудь».

Умер поэт 18 (30) октября 1898 года в Санкт-Петербурге и был похоронен в Ольговом монастыре под Рязанью. В 1958 году его прах перезахоронили на территории Рязанского кремля.

Литературное наследие Якова Петровича Полонского включает в себя несколько поэтических сборников («Гаммы», «Стихотворения 1845 года», «Сазандар», «Вечерний звон», «Снопы», «Озими»), поэмы («Мими», «Келиот», «Ночь в Летнем саду», «Кузнечик — музыкант», «Собаки»), романы («Признание Сергея Чалыгина», «Женитьбы Атуева», «Дешевый город»), пьесы, очерки, статьи, рассказы.

Проходят годы, а самобытный талант и незаурядная личность Я.П. Полонского продолжают вызывать у читателей глубокий интерес. В творчестве этого замечательного поэта мы находим все больше глубины и прозрения, испытывая на себе его красоту и очарование.

**Валерий Богушев**
(г. Воронеж)

# НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАБЫТОМ ПИСАТЕЛЕ

*Наш постоянный автор.*

**1**

Классики Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов, Горький и Бунин восхищались его прозой, дружили с ним, вели переписку. А мы не восхищаемся и не читаем. Число поисковых запросов Яндекса, связанных с Эртелем, не превышает 6 тысяч в месяц, в то время как, скажем, сведения, связанные с Достоевским, ищут более двух миллионов, с Чеховым — более пяти миллионов пользователей.

Об этом странном и необъяснимом читательском забвении писал в эмиграции еще в 1929 году Бунин. В его лаконичной статье отразилось столько теплых воспоминаний и комплиментов, что невольно поражаешься масштабом личности автора «Записок степняка» и романа «Гарденины». По мнению Л. Н. Толстого, написавшего предисловие к этому, нашумевшему в свое время роману, «для того, кто любит народ, чтение Эртеля большое удовольствие».

Александр Иванович Эртель (1855 — 1908) родился в с. Ксизово под Задонском. По сведениям археологов, в окрестностях села в V веке располагалась столица гуннов. Спустя век в этих краях ненадолго появились готы, скорее всего, вытесненные гуннами из Северного Причерноморья в эпоху великого переселения народов. Я упомянул о готах потому, что Эртель сам происходил из готов, то есть немцев, которые сами себя так именовали еще в конце 19 века (отсюда, кстати, появилось название готической архитектуры). Его дедушка, родом из Берлина, служил простым солдатом в наполеоновской армии и попал в плен в 1812 году. Русский офицер вывез его из-под Смоленска в свое имение в Ксизово.

Людвиг (так звали деда) перекрестился в православие, женился на крепостной девушке, стал работать в качестве управляющего в различных имениях Воронежской губернии. На память от берлинского деда остался старинный кофейник, который пару раз мелькнул в «Записках Степняка». Отец Иван Людвигович также женился на крепостной (незаконнорожденной дочери помещика Авдотье Петровне) и всю жизнь проработал управляющим. Сыну Александру была уготована роль управляющего в третьем поколении. И он остался верен предназначению, даже после триумфа на ниве сочинительства, обусловленного, наверное, доставшимся от предков причудливым сочетанием немецкой рачительности и русской романтической мечтательности.

**2**

В 1867 году, когда Александру исполнилось 12 лет, отец снял в аренду на накопленные сбережения хутор Грязнуша на одноименной речушке, ставший позже благодатным местом для жизни и литературного творчества.

Сразу выяснилось, что оставшихся от аренды денег не хватает для безбедной

жизни, и отцу пришлось снова искать место управляющего. Такое место нашлось в имении Филипповых в 50 верстах от Усмани в с. Александровка-Савельевка (с конезаводом), расположенном на берегу реки Плавица близ нынешнего райцентра Добринка. Отец взял будущего писателя с собой «приучать к хозяйству», а мать с его младшей сестрой остались хозяйничать на хуторе. Александр прожил с отцом до осени 1873 года.

Стоит отметить, что писатель нигде не учился ни до этого, ни в дальнейшем. Читать научила мать, писать научился сам. Кое-что постиг, живя в доме крестного — помещика Савельева. А в основном только самообразование, только знания, почерпнутые из книг. В самостоятельном обучении, пожалуй, перещеголял Горького, который все-таки успел закончить несколько классов начального приходского училища и пытался, хотя и безуспешно, не имея аттестата о среднем образовании, поступить в Казанский университет.

В восемнадцать лет Александр Эртель начинает самостоятельно зарабатывать на жизнь, устроившись (не без хлопот отца) конторщиком к богатому землевладельцу Овсянникову в Усманском уезде. Здесь в его судьбе произошло несколько важных событий. В Усмани он стал вхож в общество образованных людей с прогрессивными взглядами, собиравшихся у Василия Ивановича Федотова — купца, мецената, страстного книголюба и умеренного социалиста по политическим воззрениям. Ему принадлежала библиотека, которой заведовала дочь Мария. Среди завсегдатаев провинциального интеллигентского кружка — будущий прозаик Василий Васильевич Огарков, писатель Павел Владимирович Засодимский (уже публиковавшийся в столичных изданиях и известный под литературным псевдонимом Скиталец), кубанский землевладелец Семен Иванович Болтенков, позже, в начале 20 века, построивший на собственные средства лечебницу в Железноводске и в 1911 г. избранный городским головой Пятигорска.

Усмань притягивала неординарных людей, словно магнит. Таким же местом притяжения можно считать соседний Верхнехавский уезд Воронежской губернии, связанный с жизнью и творчеством А. И. Эртеля и З. А. Соколовой (сестры К. Станиславского), основавшей в конце 19 века в с. Никольское старейший крестьянский театр, в котором и поныне ставятся спектакли. В настоящее время продолжает славные театральные традиции режиссер Татьяна Гречаникова.

## 3

Наверняка не только мне пришла в голову поразительная мысль, что в литературных, научных и иных славных начинаниях немалую, чуть ли не мистическую роль играет географическое положение. Случайно ли в Воронеже появились на свет два выдающихся поэта — А. В. Кольцов и И. С. Никитин, а позже нобелевский лауреат И. А. Бунин и всемирно известный писатель А. П. Платонов?

Критик В. Г. Белинский, хотя и родился в крепости-звезде Свеаборг близ Хельсинки, где служил лекарем его отец, но с пяти лет до поступления в Московский университет жил в уездном городе Чембаре Пензенской губернии. Этот город всего на 40 километров отстоит от села Тарханы, где прошло под присмотром любящей бабушки детство М. Ю. Лермонтова. Случайность?

Известно, что Усмань — еще и родина Нобелевского лауреата по физике, создателя лазерных установок академика Николая Геннадиевича Басова. Масштаб творческих и выдающихся личностей впечатляет! Как знать, возможно, все эти местности являются местами силы, притягивающими избранных, словно магнит. Может быть, временами открывается некий ноосферный портал, и на этих избранников излучается неизвестная пока и незримая творческая энергия.

Но вернемся к жизненному пути и творчеству А. И. Эртеля.

## 4

На почве увлечения чтением, Александр Эртель сблизился с дочерью Федотова Марией, которая взялась направлять его книжные пристрастия. Между ними завязалась оживленная переписка. В 1875 году обвенчались. Родители отговаривали молодого человека, которому еще не исполнилось двадцати лет, но вскоре смирились с его решением. На скромное приданное 1000 рублей и такую же сумму, полученную от отца, Александр Иванович решил арендовать хутор, но самостоятельное управление сельским хозяйством закончилось разорением из-за двух подряд неурожайных лет. «Я, считавшийся дельным хозяином в чужом богатом имении, оказался никуда не годным в своем маленьком», — вспоминал Эртель в письме Матвею Николаевичу Чистякову, который принадлежал к избранному кругу «толстовцев».

Знакомство у Федотова с П. В. Засодимским сыграло определяющую роль в судьбе Александра Ивановича. В 1878 году Павел Владимирович открыл в столице на углу Невского проспекта и Литейной улицы библиотеку в семь тысяч томов и, поскольку решил отправиться к тетке в вологодскую губернию, предложил молодому человеку, жаловавшемуся в письмах на скуку и безысходность сельской жизни, место заведующего. Обеспечены были только квартира, прислуга и дрова на зиму, остальные средства для жизни предлагалось изыскивать самому.

Весной 1879 года Эртель на 150 рублей, которые дал отец, перебирается с женой в С.-Петербург, оставив двухлетнюю дочь у бабушки в Грязнуше. Деньги вскоре закончились, пришлось заложить кое-какие вещи. В отчаянном положении под влиянием новых друзей-литераторов Александр Иванович решил ступить на писательскую стезю.

Первый рассказ «Ночь под Рождество» знакомый писатель С. Н. Кривенко попробовал пристроить в «Отечественные записки» — отклонили. Позже его напечатали в «Вестнике Европы» и выпустили отдельной брошюрой в Киеве. Что лишний раз говорит, как важно молодому автору найти своего редактора. Затем Эртель переработал несколько своих историй и под общим заголовком «Записки Степняка» предложил поочередно в «Дело», «Неделю», «Русскую речь»,— везде возвратили. «Вестник Европы» считался недоступным, но с отчаяния и без всякой надежды двадцатичетырехлетний сочинитель зашел в контору журнала на Васильевском острове.

Спустя три недели его пригласили в редакцию и сообщили, что рассказы понравились. Через пару месяцев, в январе 1880 года, их напечатали, редактор предложил за них триста рублей, оказавшихся как нельзя кстати.

Чуть раньше, в декабре, при содействии писателя Н. Ф. Бажина в «Деле» вышли «Два помещика», и с этого момента начался триумфальный и тернистый путь «воронежского мещанина» в большую литературу.

## 5

«Мне не раз случалось и плакать с пером в руках, и переживать минуты глубокого умиления. Но когда этот процесс проходил, и работа откладывалась в сторону, тотчас же выступали и другие стимулы так называемого творчества: нужда в деньгах, жажда успеха. Хотя обыкновенно больше первое чем второе»,— откровенно отмечал Эртель в послании Чистякову.

В самом первом опубликованном рассказе поразителен спор о литературе двух помещиков — старой потомственно-дворянской формации — Михрюткина и новой, послереформенной — Никанора Карпеткина, начатый женой последнего.

«— Ах, Никанор, ты все с своей грубой, материальной точки зрения, томно возразила madame Карпеткина, грациозно смакуя мороженое,— но любовь, чувство… борьба… вот что нужно!

— Ах, отстань, матушка, с своей любовью! — грубо оборвал ее рассерженный господин Карпеткин,— не те времена нынче… Хорошо было о любви толковать бабушкам да дедушкам нашим, коли у них на носу ипотечных долгов не висело!.. Теперь не до любви… Рубль — вот идеал!.. Есть он у тебя — вот и перл жизни, нету — прохвост!.. Лови, бери, не зевай, а не то какой-нибудь кабатчик-оборванец (Никанор Михайлович произнес «оборванец» иронически) раньше тебя сцапает... И опять литература: учит она меня, как этот рубль заполучить, я ее уважаю, нет — плюю!..».

Михрюткин возразил:

«— Да насчет литературы... Возьмите хоть Дюма… Какая прелесть!.. Читаешь и не чувствуешь… страница за страницей… листик за листиком… Знаете, осенью затопишь эдак камин… закуришь эдак гаванну… возьмешь эдак мадеры хорошей и читаешь себе… «Три мушкетера» читаешь, или «Монтекристо» там… По-моему, нет выше наслаждения. (Господин Михрюткин сладко закрыл глаза и сентиментально перегнул головку). Не все же польза, в самом деле!.. Надо, батенька, и идеалы!.. Идеалы — это такая вещь… Великая вещь!..

— Отстаньте вы со своими идеалами! — прервал его Карпеткин».

Написано в конце 19 века, а как современно звучит! То же противоречие между рублем и идеалами. Ничто не ново под луной, даже ипотека!

## 6

По некоторым признакам, в одних рассказах «Записок степняка» описываются селения на берегу Плавицы (в тексте упоминаются населенные пункты Доброе и Лебедянь, хотя и отдаленные, но тяготеющие к этой местности). Другие связаны с уездным городом, в котором узнается Усмань. Третьи — с хутором Грязнуша и его окрестностями.

До чего же хорошо, живо, и, как сейчас говорят, атмосферно написаны «Записки»! Как ярко и любовно нарисованы узнаваемые картины родной природы на границе леса и степи. За полвека до Эртеля по пути из Липецка в Воронеж залюбовался этими местами В. А. Жуковский. Благодаря записи в дневнике, известно, что приближенный к царской семье поэт остановился в Малой Приваловке, чтобы сделать пейзажные наброски.

В середине 20 века этими же местами восторгался Константин Паустовский в рассказах «Воронежское лето» и «Аннушка». После войны он отдыхал в Доме творчества писателей, открытом в бывшей усадьбе Эртелей.

Александр Эртель с трепетным упоением и мастерством описывает изменчивые, словно в калейдоскопе, картины природы. Неважно, что многие названия населенных пунктов в «Записках Степняка» изменены. Писателю не пришлось выдумывать своих героев, они сами постоянно встречались ему в ближних и отдаленных селах, куда наведывался по делам, а то и заезжали сами на хутор Грязнуша. Яркие, незаурядные, они словно просились на страницы книги.

Взять хотя бы генеральского сына Ежикова, порвавшего со своим окружением и семьей, чтобы уехать в глухую деревню в двадцати двух верстах от Грязнуши учительствовать и последней копейкой из своего скудного жалования помогать односельчанам. Ежиков, возвращаясь с кучером из Воронежа, попал в метель и остался в Грязнуше на несколько дней. Пока стихия утихла, снега намело по самую крышу.

В другой раз возок с семьей помещика, возвращавшегося из воронежского банка, застрял в логу близ хутора в опасном весеннем зажоре (снежной мезге, насыщенной водой), что стало прологом новой захватывающей истории.

Чуть ли не в каждом рассказе звучит мысль, что после отмены крепостного права крестьяне попали в еще более тяжелое положение, чем при помещике. Пользуясь всеобщей безграмотностью, забитостью, их норовили объегорить чиновники, купцы

и кулаки, спаивали трактирщики. При проникновении в деревню капиталистических отношений однодворцы, работавшие только на себя, не знавшие барщины, оказались в худшем положении, чем бывшие крепостные, привыкшие рвать жилы на своем и барском поле. Мелкопоместные дворяне разорялись, крупные выживали.

В одном из рассказов целая деревня в пятьсот душ решила всем миром переселиться в Сибирь, спасаясь от ежегодных неурожаев, недоимок, голода и произвола.

Но пробивали дорогу и новые прогрессивные процессы. Несмотря на пассивное сопротивление влиятельных земских ретроградов вроде Гермогена Пожарского, в селах появлялись школы и больницы, построенные на пожертвования.

## 7

В марте 1880 года в Санкт-Петербурге у молодого писателя открылось кровотечение из легких, переполошившее всех знакомых писателей, включая И. С. Тургенева. Приглашали лучших врачей. Новые друзья-литераторы дежурили по очереди у постели больного более месяца. В мае 1880 года Эртель с женой уехал сначала в Усмань, а затем в Грязнушу. Знаменитый Боткин не был уверен в благополучном исходе болезни.

Однако, в Грязнуше знакомый врач на удивление быстро поставил больного на ноги, так что уже в июне он смог продолжить работу над «Записками Степняка». Возможно, помимо лекарств, немалую роль сыграл целебный верхнехавский воздух, настоянный на степных и лесных ароматах.

Зиму 1881 года Эртель провел в Усмани, где на благотворительном литературном вечере познакомился с семнадцатилетней купеческой дочкой Марией Огарковой, которая заканчивала воронежскую гимназию.

Летом часто виделся и переписывался с шестнадцатилетней сестрой жены Анютой. Они даже планировали пожениться после ее возвращения с акушерских курсов в Петербурге. Чувства Марии Ивановны во внимание не принимались, так как в книжках 60-х годов проповедовалась полная свобода любви. И это в патриархальной России за 100 лет до появления хиппи на Западе!

«Однако роман с Анютой как-то затих и, наконец, совсем пресекся, когда возобновилось знакомство мое с Марусей Огарковой, которая гораздо сильнее пленила мое воображение»,— вспоминал писатель.

1883 и 1884 годы Александр Иванович с Марией Ивановной и дочерью Олей снова проводит в С.-Петербурге. Библиотека, которой он заведовал, привлекала внимание революционно настроенной молодежи. Эртель не разделял идеалы народников, но однажды после захвата подпольной типографии в Киеве, где нашли в бумагах его адрес, оказался в Петропавловской крепости.

В заточении снова резко ухудшилось здоровье. Перед самым его арестом попала в больницу Оля. Дифтерит в ту пору лечить еще не умели. После освобождения и ссылки в Тверь писатель встречается с Бакуниным, читает Толстого и вступает с ним в переписку, посещает Москву.

Весной 1885 года Александр Иванович побывал в Симеизе и в письме к Толстому выразил сожаление, что не застал его там. Зато позже попадет к великому писателю в гости в Ясную Поляну.

## 8

В том же 1885 году после десяти лет брака разводится с женой и женится на Марии Огарковой. Через год в Твери родилась дочь Наталья. В 1889 г. появилась на свет вторая дочь — Елена, которая в 1906 г. поступила на философский факультет Лондонского университета, закончила его в 22 года, вышла замуж за пастора и осталась

жить в Англии. Позже в 1930 г. в Англии окажется и Наталья. По некоторым сведениям, предположительно не позднее 1914 года Елена с мужем приезжала в Россию, в имение Эртелевка, купленное Марией Васильевной после смерти писателя. Они забрали с собой в Англию одну из трех осиротевших сестер жены Матвея Чистякова, но это уже другая история.

**9**

Судя по датировке письма Чистякову, в июле 1888 года Александр Иванович с новой семьей вернулся на хутор Грязнуша.

Легко представляется, как, живя в избушке на хуторе с семьей и заботливой матушкой Авдотьей Петровной, не чуждой мечтательности и романтизма, Александр Иванович сочиняет свои произведения.

На фото. А.И. Эртель за работой над романом «Гарденины» на хуторе Грязнуша.
Из фондов Музея имени И.С. Никитина

**10**

Около 1890 г. Эртель покупает дом в Емпелевке (Трудовое), в десяти верстах от хутора, а Грязнушу арендует Матвей Чистяков.

Во время голода 1891 — 1893 годов по примеру Толстого открывает на свои средства столовые для голодающих крестьян.

Стараниями писателя в соседнем селе Макарье в 1892 году построена школа на пожертвования богатых меценатов.

В 1894 году Александр Иванович побывал в Лондоне и Париже. В 1896 году оставляет литературное поприще и становится управляющим огромного хозяйства в Тамбовской губернии. Спустя десять лет Иван Бунин застанет его в собственном со вкусом обставленном кабинете в Москве.

## 11

Хутора Грязнуши уже не существует. Современные краеведы полагают, что он находился за околицей села Грушино и со временем слился с ним. Но согласно карте Стрельбицкого 1871 года хутор был расположен между Сапруновкой и Грушино.

В апреле 2024 года я побывал в Грушино. Шел по улицам вдоль реки Грязнуша, перегороженной плотинами, в надежде отыскать по известным описаниям легендарное место. На южной окраине села спросил попавшегося навстречу мужчину, не знает ли он, где располагался хутор. И мне несказанно повезло!

— Как же, знаю! Мой отец из Грязнушки. Было в хуторе двенадцать дворов. И всего три фамилии крестьян с незапамятных времен. Сейчас там все распахали, ничего не осталось.

Он указал направление. Вдоль живописного пруда дошел до предполагаемого места. Все совпало со старинной картой. На пологом поросшем травой склоне оврага остались кое-где выродившиеся фруктовые деревья. Далеко внизу бежал, сверкая на солнце, ручей, вливающийся в залив пруда. Рядом простиралось поле с изумрудными зеленями — те самые арендованные в позапрошлом веке 160 десятин земли. От окружающего простора невольно охватило чувство восторга, который, наверное, испытывал в этих краях замечательный русский писатель Александр Эртель, которого еще предстоит открыть заново современным читателям.

**Игорь Карлов**
(г. Стамбул, Турция)

# «ПИР В ВАЛГАЛЛЕ» АЛЕКСЕЯ ЯШИНА. АСПЕКТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

*Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

В одной из предыдущих статей нам уже приходилось писать о своеобразии видоизменений формы романа в современной литературе и о том, как А. А. Яшин разрабатывает жанровую форму данного вида эпоса. Новая книга главного редактора «Приокских зорь», «Пир в Валгалле», представляет собой еще один шаг в выбранном автором направлении: многофигурность композиции, густое переплетение сюжетных линий, демонстративная дисперсия текста. Вместе с тем писатель явно проработал теоретическую составляющую своего творческого акта, уточнил для себя литературоведческие подходы к работе.

В «Прологе» к роману обнажаются литературоведческие пласты, позволяющие понять замысел писателя, выявить те законы, «по которым он сам себя судит», как говаривал Пушкин, определяя основы русской литературной критики.

«Пир в Валгалле» — книга многогранная. Можно охарактеризовать ее как роман, состоящий из множества эпизодов биографий персонажей; как роман, составленный из рассказов; роман, включивший в себя публицистические статьи, выражающие взгляды автора по вопросам политики, экономики, искусства. Не хотелось бы понапрасну «множить сущности» и изобретать термины «роман-анекдот», «роман-рассказ», «роман-памфлет», тем более что часть подобных терминов уже вошла в литературоведческий обиход, да и сам А. А. Яшин (не только литератор, но и ученый) прекрасно справляется с формулировкой терминов. В частности, одно из его произведений (о котором нам тоже приходилось писать ранее) определено автором в качестве «романа-новелино».

Итак, дело не в термине, а в авторском подходе. В новом произведении А. А. Яшин поселил своих героев (разнополых представителей различных поколений, людей с непохожими биографиями, но общей судьбой, предопределенной временем и местом действия) в одном доме. Вслед за писателем мы следим за жизнью обитателей старинного особняка в одном из областных центров Центральной России. Таким образом, в произведении отчетливо проявляются черты жанра семейной хроники, которая автором давно опробована в предыдущих книгах и, как представляется, любима.

Но в «Пире…» есть также и черты производственного романа, жанра, некогда излюбленного советскими писателями, на рубеже веков забытого и, как помнится, осмеянного, поскольку и саму индустрию в нашей стране сначала высмеяли, а затем постарались перевести в разряд анекдотичных воспоминаний. Сегодня горькую ус-

мешку и сожаление вызывает сама эта ошибочная позиция бывших руководителей государства и идеологов политического процесса. Сегодня очевидно стало, что без промышленности страна пропадает — в буквальном смысле превращается в ничто. Сегодня нам необходимы инженеры, квалифицированные рабочие, люди, умеющие работать руками (то есть многие из героев книги А. Яшина). Следовательно, и жанр производственного романа, безусловно, вскоре окажется востребован.

В России труд испокон веков воспринимался не только как необходимость, обеспечивающая выживание индивидуума и социума, но и как категория нравственная, божественная заповедь, как творчество, раскрывающее личность того самого «простого человека», «человека труда», который ведь на самом деле Личность.

Задача литературы состоит в том, чтобы раскрыть внутренний мир современника, а ведь именно в труде раскрывается он порой не менее ярко, чем в любви или в борьбе. Значит, производственный роман не только имеет право на существование, но и необходим нашему обществу. Современное массовое искусство чаще предлагает нам наблюдать за проявлением характера персонажа в противостоянии криминального характера, и добро еще, если это характер сотрудника правоохранительных органов. А то ведь зачастую преступник становится героем произведения (следовательно, становится героем и в сознании потребителя того самого массового искусства). Пусть ненадолго, пока не забудется очередной невнятный детектив, однако становится. И героизация асоциальной, аморальной личности происходит в реальности, а частотность такого процесса нарастает (привычка-то к невнятным детективам у потребителя массового искусства формируется весьма активно и требует такая привычка все больших и больших доз китча), что тлетворно сказывается на молодом поколении, и, следовательно, представляет серьезную опасность для будущего нашей страны.

А. Яшин показывает нам людей, проявляющих характер именно в созидательном труде. Таков, например, инженер Гражданников, человек со своим нелегким прошлым, человек несгибаемого характера, человек со здоровым консерватизмом во взглядах, но ни в коем случае не ретроград и не начетчик. Как же нам не хватает сегодня таких спецов (в самом уважительном значении слова) в произведениях литературы, а главное — во всех сферах реальной жизни! А будет не хватать еще больше, когда прототипы инженера Гражданникова уйдут на заслуженный отдых. Уж сколько смогут они личным примером воспитать профессионалов, хранящих честное и творческое отношение к своему делу,— Бог весть! Но хотя бы на страницах книг пусть останутся, как архетипический образ Левши, как легенда, которая должна бы оказаться притягательной для молодых.

Вообще говоря, А. А. Яшин знает, понимает и любит интеллигенцию (как инженерно-техническую, так и творческую). В диалогах представителей «прослойки» поднимается множество важных и глубоких тем. Например, тема формирования «айфонного» сознания подрастающего поколения россиян («Сущность такого интеллектуального шаблона,— рассуждает один из героев романа,— состоит в переходе от творческого, образного мышления, воображения к суховатой передаче виденного или услышанного ограниченным словарным запасом»).

Серьезная тема, актуальная. И таких, как сказано выше, немало затронуто автором в новом произведении. Именно широта тематики, именно смелое введение в текст романа как речи персонажей-интеллигентов, так и прямой речи автора обусловили значительный публицистический пафос «Пира в Валгалле».

Но, пожалуй, ведущей темой романа является «мысль семейная». Семья, семейный дом, домашний лад — вот то, чего остро не хватает человеку в современном мире, чтобы защитить свою личность от распада, спастись «от холода неуютного дуреющего мира извне», как пишет А. Яшин. И как раз семейственность, тепло родового гнезда, нормальные человеческие отношения, домашний уют мы сегодня теряем со стремительностью летящего в пропасть локомотива.

Уже в «Прологе» автор раскрывает собственное понимание обывательского на поверхностный взгляд термина «уют»: «Еще раз подчеркнем: уют не сусальный, а в борьбе добра со злом». Так и есть! Ведь только в доме (в Доме!), говорит Денис, один из героев романа, можно «уединиться от вселенской цифрофрении, чтобы хоть на время вернуть себе человеческий первородный облик». Отстоять позиции традиционной нормальности, не сдавать извращенцам бастион нашей частной, приватной жизни — вот задача текущего момента. В этом смысле герои А. Яшина находятся на семейном фронте. На фронте, где противостоят тем, кто собрался наших соотечественников «разобщить, чтобы они ощутили себя винтиками, без исторической памяти, без семейной, Иванами-родства не помнящими. А что с ними, винтиками, делают? — того им знать не дано».

И еще одно, на чем хотелось бы остановиться отдельно. Это то, что мне представляется интересным, перспективным приемом в обрисовке внутреннего мира героя современной реалистической прозы.

Вот один из молодых героев произведения, Егор, берется за дверную ручку, чтобы открыть калитку, и бросает мимолетный взгляд на давно знакомый след производившихся когда-то ремонтных столярных работ. Невольно вспоминается ему дорогой сердцу и поучительный случай из семейной жизни: «Долю секунды смотрел Егор на заделанный след отверстия…, но в эту-то долю всего в десятки миллисекунд вся история в лицах и словах всплыла из подсознания в активной его памяти».

Егору надо всего-навсего распахнуть дверь и сделать шаг во двор. И пока персонаж выполняет эти простые действия, автор знакомит нас с очередным поворотом сюжета, комментирует события и высказывания своих героев, касается даже «Теории большого взрыва» и значимости тех самых секунд, о которых не следует думать свысока, и назидательно подводит читателя к нужному ему, автору, выводу. Нарочито замедляется художественное время произведения, обретает особую плотность смысловая насыщенность хронотопа.

Так развивает А. А. Яшин лично мне близкую и представляющуюся продуктивной тенденцию в современной литературе — психологизм жеста, движения.

Ищет свои новые формы современная русская литература, продолжается творчество А. А. Яшина. Будем следить за тенденциями, будем анализировать различные аспекты, будем ждать новых книг.

**Юлия Зимина-Кондакова**
(г. Тула)

# ОСЛЕПИТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ ЛЮБИМЫМ И ЛЮБИТЬ
**(о книге Валерия Савостьянова «Похожая на образа»)**

Сегодня, во Всероссийский день семьи, любви и верности, хочу рассказать читателям о книге «Похожая на образа» известного в России и, конечно, в нашем городе и области поэта Валерия Савостьянова.

В книгу вошли сто стихотворений о любви... И каких! Таких мелодичных и поэтичных, что хоть песни пиши!

Стихотворения читаются легко, они написаны доступным языком. Начинаешь читать и не можешь оторваться! В каждом стихотворении — интересный сюжет, связанный с каким-то эпизодом из жизни поэта, фактически, сто маленьких повествований о любви в стихах.

В книге «Похожая на образа» Валерий Савостьянов отразил свои впечатления, начиная с детства и до настоящего времени, в которых гармонично переплетаются явь и мечта, реальные люди и Муза в различных óбразах. Часто в строчках присутствует недосказанность, которая будит воображение:

*…Все понять — не в нашей власти,*
*в нашей власти — не забыть*
*ослепительное счастье*
*быть любимым и любить…*
«Грачиный лес»

Да, главное для поэта в жизни — любить! И творить!

Я заметила, что названия некоторых стихотворений — это названия цветов: «Ландыш», «Незабудка», «Флоксы», «Тюльпаны», «Лилии», или названия деревьев: «Верба», «Черемуха», «Лозина», «Антоновка», «Алыча». Часто встречающиеся цветы или деревья связаны с чувствами поэта к какой-нибудь девочке, девушке, женщине. Вот, например, непосредственны и очень милы стихотворения, написанные по воспоминаниям детства и юности.

*…Ах, Наденька, вот оно, средство*
*От чар твоих — в этом лесу:*
*Тебе не поможет кокетство —*
*Я ландышем сердце спасу…*
«Ландыш»

Поэт черпает вдохновение порой в самых обыденных вещах: в посадках на школьном огороде («Саженцы»), на концерте в пионерлагере («Строка в небесах»), в приготовлении теста, из которого он хотел сделать не жаворонка или даже ласточку, как его мама и сестра, а пушкинскую и врубелевскую птицу Лебедь («Лебедь с де-

вичьим лицом»)... Все повседневные события окрашиваются романтическими грезами и юношеской влюбленностью, превращаясь в очаровательные строки:

*...Мама жаворонков лепит,*
*любы ласточки сестре.*
*Ну а я — ваяю Лебедь!*
*С жемчугами на пере!*
*Чтоб во лбу звезда горела,*
*Месяц косу золотил!*
*Говорит сестра: «Ва-ре-ла!*
*Ты все тесто захватил!..»*
*Ты прости меня, сестренка,—*
*Я иначе не могу:*
*Скоро-скоро жаворонка*
*Я услышу на лугу,*
*Скоро ласточки, ликуя,*
*Пронесутся над крыльцом.*
*Но вот встречу ли такую*
*Лебедь — с девичьим лицом?*
«Лебедь с девичьим лицом»

Сделать, вылепить Царевну-Лебедь, сказочную Мечту, чтобы потом всю жизнь искать ее и верить, что найдешь!..

Но иногда на поэта находят и тревожные минуты, связанные с драматическими любовными переживаниями. И тогда ему вдруг открывается порой неожиданная, обратная сторона любви, когда такое, казалось бы, прекрасное чувство — не столько счастье, сколько беда и трагедия. Это хорошо показано в стихотворении «Подзорная труба», где его, юного поэта-школьника, сильно ранит подлость парня, обидевшего влюбленную девушку:

*...А я просыпался и видел в трубу мою,*
*как под луной*
*станционной избушки той*
*окна блестели,*
*Как будто бы это глаза милой Любушки,*
*бедной обманутой Любы —*
*за миг до трагедии*
*полные ужаса, полные слез!..*
«Подзорная труба»

Обратите внимание на то, какое интересное сравнение находит Валерий Савостьянов: окон станционной избушки с глазами девушки, полными слез...

В стихотворениях поэта часто слышится ностальгия по ушедшим временам, по подругам детства. Вот как он с нескрываемой нежностью говорит об одной из них в стихотворении «Домик твой, четвертый от угла»:

*...Добрые доверчивые бревна,*
*Не отдайте стуже и грозе*
*Память дорогую, где подробно*
*Все о той далекой стрекозе:*
*Где ее любимая дорожка —*
*Бегать в зацветающем саду,*

*Где ее заветное окошко,*
*Чтобы любоваться на звезду…*
«Домик твой, четвертый от угла»

Автор книги на всю жизнь сохранил в душе трепетную память о школьных годах и своих одноклассницах:

*...Фамилии. Эти зарубки*
*горят за строкою строка,*
*и времени жадные руки*
*над ними не властны пока...*
«Девичьи фамилии»

Несомненно, Валерий Савостьянов — поэт-романтик. Для него любая встреча — это прежде всего постижение красоты: природной, женской, поэтической:

*...И опять с тобою рука об руку*
*в царство фей, берез и медуниц*
*мы пойдем, беспечные, по облаку*
*песенных есенинских страниц…*
«Подарок»

Умение видеть женскую привлекательность и одухотворять ее прекрасными строчками поэт пронес через всю жизнь. Он черпает вдохновение везде, даже в случайно встреченных симпатичных девушках, которые талантливы, заняты каким-то серьезным и важным для них делом. Поэт с особой душевной теплотой пишет о спортсменках, потому что сам в недавнем прошлом — любитель бега и спортсмен-марафонец, о туристках, потому что и сам турист: пешеходник, байдарочник и конник. А также о юной танцовщице, о флейтистке, виолончелистке и просто об умных, общительных, доброжелательных, скрашивающих трудную дорогу жизни попутчицах. А еще о тех, кого видит в своих снах... О ком мечтает... И возникают стихотворения, которые волнуют, радуют, живут в сердцах людей:

*Чья-то ласковая дочка.*
*Чья-то верная подруга.*
*Чья-то страсть.*
*Но в этом зале, где сверкали зеркала,*
*в этом городе и мире, где не встретили друг друга,*
*ты была моей мечтою, ты надеждою была…*
«Зеркала»

Очень интересны и необычны сравнения женских глаз, волос с листьями, деревьями, когда красота женщины и природы сливаются в прекрасную мозаику строк:

*Как забыть, скажите, Вас,*
*если каждою весною —*
*миллионом Ваших глаз*
*листья блещут надо мною?!*
*Если у любой из рощ*
*Ваш черемуховый локон!*
*И, как я с цветами, дождь —*
*с радугой у Ваших окон!..*
«Зеленоглазая блондинка»

Много стихотворений у поэта навеяно путешествиями, туристическими поездками, походами. И даже названия у этих стихов такие же, походные: «День рождения на Селигере», «В усадьбе Грина в Старом Крыму», «Осень в Щелкино». И в каждом месте, как будто бы с Божией помощью, находится прекрасная девушка, которая вдохновляет поэта. Вот, например, одну из них, встреченную на Селигере, у древнего монастыря Нилова Пустынь, он сравнивает с колоколенкой:

*...Все — родное, и все — в диковинку,*
*и я знаю: навек уже,*
*будто звонкую колоколенку,*
*унесу я тебя в душе!..*
«Колоколенка»

Во всех стихотворениях поэта чувствуется благородство, рыцарское отношение к женщине, готовность защищать Прекрасную Даму, которой он посвящает чудесные строки:

*Жил я сч**а**стливо вполне —*
*знать о том не мог,*
*что вдруг мало станет мне*
*сердца, рук и ног.*
*Но вонзилось до тоски,*
*что теперь и впредь*
*у меня лишь две руки —*
*твои руки греть...*
«Жил я счастливо вполне»

Но встречаются в стихах поэта и драматические моменты. И не только с участием людей. Для поэта — все вокруг живое! Очень трогательно Валерий Савостьянов пишет о «синеглазом чучеле» в парке, которое сжигают накануне весны. Это для поэта не просто чучело, олицетворяющее уходящее время года, как для всех других, а девушка по имени Снежана. Столько души вложил в ее образ талантливый художник, от лица которого ведется повествование:

*Синеглазое чучело в парке,*
*Снежана —*
*мой образ прошедшей зимы,*
*Лучезарен твой лик,*
*стан по-девичьи гибок и строен…*
«Сжигание чучела»

Стихотворение получилось философское. Раскрашенное, любовно сделанное чучело — по сути, настоящее произведение искусства — должно сгореть, но, увы, вместе с ним сгорит и красота... А это страшно...

Размышляя о смысле жизни, Валерий Савостьянов пишет про поиск «счастья вечного»:

*...Вечен поиск наш*
*счастья вечного!*
*Видишь: путь к нему прочертил*
*верб, огней и звезд*
*Чуда Млечного*
*за собой зовущий пунктир...*
«Верба»

И вот, наконец, в последней четверти книги мы видим, что этот поиск «счастья вечного» увенчался успехом: поэт встретил свое счастье — ту единственную, которая стала его женой. И ей, его суженой и его избраннице, в книге посвящено много замечательных стихотворений. А сама книга «Похожая на образа» как раз и заканчивается этим циклом семейной лирики, за который Валерий Савостьянов был награжден в 2013 году в Москве литературной премией, которая так и называется «За сохранение семейных ценностей в поэзии».

Стихотворения, посвященные жене Людмиле, написаны поэтом с особенной нежностью:

*...Ах, как же я люблю*
*варить наш клейстер вместе*
*И резать вдоль рулон*
*на двадцать пять полос,*
*И в нынешней, в тебе —*
*увидеть, что в невесте*
*Когда-то разглядеть*
*мне, к счастью, удалось...*

«Заклейка окон»

Очень трогательно читать строчки, посвященные жене! Супруги настолько стали половинками друг друга, что Валерию непонятно, как же могло получиться, что когда-то в жизни Людмилы не было его... Это видно из интересного стихотворения «Дневник», фрагмент которого я привожу здесь в его новой редакции, взятой мною со страницы автора на сайте «Стихи.ру». Также в новой редакции я цитировала выше фрагменты стихотворений «Лебедь с девичьим лицом» и «Зеленоглазая блондинка» и печатала недавно на сайте «Тула литературная» замечательное стихотворение «Волшебная просьба». Как видим, работа над совершенствованием произведений продолжается, и, как знать, возможно, второе издание книги, о котором поэт пока лишь мечтает, — сказано по секрету, — станет еще лучше.

*...А когда прочел запоем*
*чью-то юность, чью-то грусть —*
*в смысл вник,*
*стихи запомнил,*
*что встречал там,*
*наизусть*
*повторяя —*
*зарябило вдруг в глазах,*
*и обомлел:*
*это — жизнь моей любимой,*
*где — ни слова обо мне!..*

«Дневник»

Есть в книге и стихотворения, посвященные родным поэту женщинам, давшим жизнь, воспитавшим поэта. Остались дорогие сердцу воспоминания о бабушке, маме, о том, как они согревали внука, сына теплом своей души, готовили любимые им блюда, которые сегодня уже так не сможет приготовить никто. И вот в стихотворении «Замело деревню» Валерий Савостьянов пишет о них, родных, к сожалению, уже ушедших, размышляет о быстротечности жизни и о том, что нужно ценить близких людей, пока они рядом... И как хорошо, что сегодня рядом есть любимая и любящая женщина, жена, которая окружает теплом и заботой:

*...И жене скажу: «Небесной манны —*
*вкус твоих оладий и блинов!»*
*Учит жизнь без бабушки,*
*без мамы —*
*и боюсь я траурных обнов…*
«Замело деревню»

Когда читаешь книгу Валерия Савостьянова «Похожая на образа», то кажется, что ты путешествуешь по неповторимой галерее поэтических образов его знакомых девочек, девушек и женщин. Они различного возраста, общественного положения, местожительства, но у них у всех есть общие черты: женственность в лучшем смысле этого слова, прекрасная русская душа, одухотворенная красота:

*Тебя разглядывают модницы,*
*А я гляжу во все глаза.*
*Ты — как с иконы Богородицы,*
*Похожая на образа!*
*И на тебя молиться хочется...*
«Похожая на образа»

И поэт чутким сердцем почувствовал это, поэтому и назвал свою книгу, отталкиваясь от названия этого важного в его творчестве стихотворения, «Похожая на образа».

Осталось лишь добавить, что книга ста стихотворений о любви «Похожая на образа» — кстати, сакральное для поэтов число стихотворений — вышла у нас в Туле, в издательстве «Аквариус» в 2022-м году. И в ней, кроме стихов, еще и замечательные иллюстрации тульского художника Вадима Волгина и очень доброе и добротное послесловие-эссе литературного критика и поэтессы Нины Гейдэ, коренной москвички, закончившей кафедру «Литературной критики» МГУ, но ныне живущей в Дании.

И в том же 2022-м году книга была успешно представлена Валерием Савостьяновым в нашем Тульском клубе православных писателей «Родник», членом которого поэт является со дня его основания, и все члены клуба получили эту его новую книгу в подарок.

А потом была поездка в Крым на литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон — 2023». И в рамках его была совершенно уникальная презентация книги в феодосийском музее Марины и Анастасии Цветаевых, где наш тульский поэт оказался единственным, кому доверили представить свою книгу в этом, — думаю, что не ошибусь, если скажу, — уже знаменитом ныне крымском литературном Музее. И книга, конечно, была подарена автором и этому Музею, а также Музеям Грина в Феодосии и в Старом Крыму, потому что в книге есть стихи, связанные с именем Грина.

А еще раньше поэт, приехавший в Крым в апреле 2022 года на вручение ему литературной премии имени Николая Гумилева, подарил эту свою книгу главной библиотеке Крыма в Симферополе имени Франко и главной библиотеке Феодосии имени Грина, а также Музею Волошина в Коктебеле.

Смело можно сказать: любимый поэтом Крым не был обделен вниманием поэта.

Наконец, состоялась главная презентация книги «Похожая на образа» — в нашей тульской Областной библиотеке в октябре 2023 года на вечере, посвященном 60-летию творческой деятельности поэта Валерия Савостьянова, где я была, подарила поэту букет цветов и сфотографировалась с ним на память.

В этом вечере по приглашению автора принимала участие и группа школьников из города Узловая Тульской области. Все они воспитанники литературно-художест-

венного клуба «Книжкин дом» под руководством опытного и заслуженного педагога Надежды Александровны Григорьевой. Их выступление — это незабываемый литературный спектакль, на котором талантливые дети не только выразительно и проникновенно читали стихи Валерия Савостьянова из книги «Похожая на образа», но и даже танцевали: такими мелодичными и музыкальными, видимо, показались им выбранные ими самими из книги стихотворения. Это было чудесно: подрастающее поколение познает жизнь и любовь по произведениям Валерия Савостьянова и делает это с удовольствием!

Я думаю, что книга «Похожая на образа» понравится еще очень многим читателям, как она сегодня нравится мне. А прочитать ее можно не только в ее бумажном виде, взяв в нашей Областной библиотеке, но и в электронном виде. Теперь она есть и на сайте Тульской областной библиотеки, и на сайте Тульского клуба православных писателей «Родник».

Я очень рада, что книгу «Похожая на образа» оценили и профессионалы: она вошла в Длинный список XV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Хотя это, по большому счету, пока лишь аванс знаменитого литературного форума, лауреатом которого Валерий Савостьянов становился уже дважды: в 2011-м и в 2019-м годах. А что будет дальше, посмотрим. Пожелаем удачи, долгой и счастливой жизни новой книге нашего земляка, тульского и всероссийского поэта Валерия Савостьянова!

После чтения книги «Похожая на образа» у меня родились такие строки:

*Сто о́бразов и сто стихотворений,*
*Где оживают женские черты:*
*Сто мастером написанных творений,*
*Где светит лучезарность красоты...*
*То гимн любви, над суетой звучащий!*
*Остаться равнодушными нельзя:*
*Там женщина в мечте и настоящем,*
*Похожая на образа́...*

# ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

## УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

***Редакция журнала***

## БИБЛИОГРАФИЯ

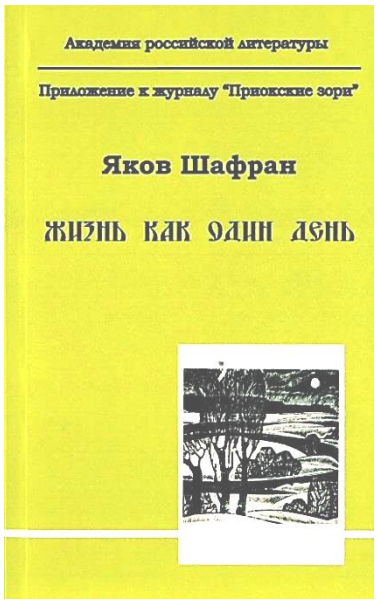
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

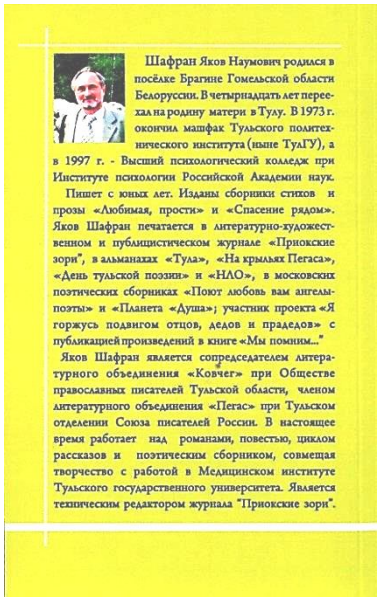
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

***Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.***

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:




*Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства.* К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

***На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:***

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2024.— № 4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2024.— № 4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
3. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2024.— № 3. (Опубликован материал Якова Шафрана и отзыв на книгу Алексея Яшина).
4. *АлександрЪ.* Литературно-исторический журнал.— 2024.— № 6. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
5. *Иртышъ-Омь:* Литературно-художественный журнал.— 2024.— № 1—2 (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
6. *Север*.— 2024.— № 5. (Опубликованы материалы Алесея Яшина).
7. *Дым Отечества. В поисках утраченного:* Альманах. Вып. 12.— Тула: ТППО, 2024. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
8. *Лирика физиков:* Коллективный сборник.— Омск: ИЦ КАН, 2024.— 508 с.
9. *Валерий Виноградов*. Погружение.— Тула: ТППО, 2024.— 168 с.
10. *Борис Роганков*. Былое и судьбы. Страницы летописи.— Тула: Папирус, 2024.— 207 с.
11. *Олег Пантюхин*. Притяжение: поэтический сборник.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2024.— 69 с.
12. *Субетто А. И.* «Пока земля еще живет...» — СПб: Астерион, 2024.— 200 с.

***В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:***

1. *Бесперстых А. П.* Словарь языка Алексея Яшина.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 245 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин.* Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Бесперстых А. П.* Словарь языка Алексея Яшина (вып. 2).— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 225 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

## ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

***С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».***

***Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:***

***— проза;***

***— поэзия.***

***Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художествен-***

***но-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место (и страна) проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.***

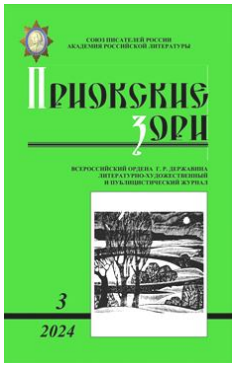
Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2025-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

***В добрый путь!***

## НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

### АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:




Вышел новый номер литературно-художественного и публицистического журнала **«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» № 3, 2024.**

Основан в 2005 году.

Журнал выходит 4 раза в год. Издается в городе-герое Туле.

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)

— журнал «Истоки» (Красноярский край)

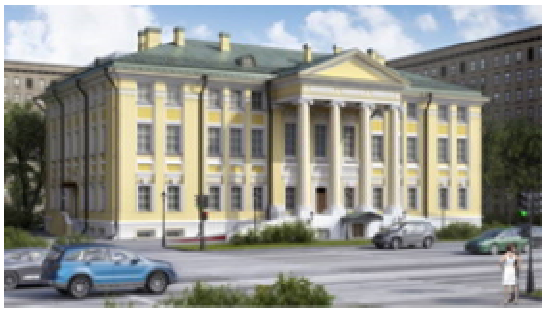
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)

— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)

— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

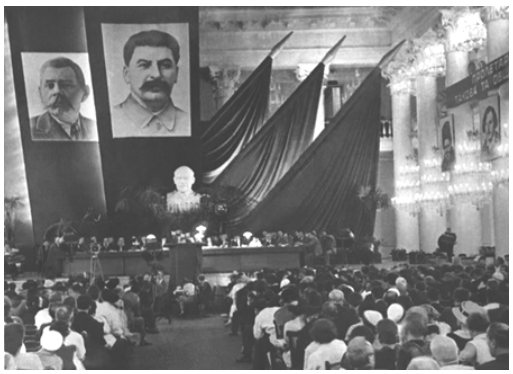
Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета.

## НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ



**Алексей Шорохов**

**17 августа 2024 года исполнилось 90 лет Союзу писателей СССР**



17 августа 1934 года в Москве в Колонном зале Дома союзов открылся Первый съезд Союза советских писателей СССР.

Союз писателей СССР стал самым большим в мире писательским сообществом в самой большой стране, и в 1984 году каждая четвертая книга в мире издавалась в Советском Союзе.

После расчленения Советской России (СССР), СП СССР тоже раздробили и приватизировали. Так же, как РФ стала правопреемницей СССР, Союз писателей РСФСР стал правопреемником Союза писателей СССР. Сергей Михалков, Юрий Бондарев, Валентин Распутин и все-все-все перешли в СПР. Иноагенты (Шендерович, Латынина, Веллер, Зильбертруд, Улицкая и т.д. (имя им легион) создали параллельные структуры. Они живут до сих пор. Под вывеской АСПИР. Тем временем враг глумится над нами уже на священной русской земле. И все эти обмылки бывшего СП СССР только спят и видят, когда единая РФ, также, как в свое время и единая Совет-

ская Россия, развалится на десятки таких же самодеятельных этно-конфессиональных княжеств. Под аплодисменты сбежавших в Израиль и на Запад членов этих самодеятельных писательских сообществ и их требовательных хозяев.

Не дождетесь!!!

* * *

**«ЗАКАЛЕННЫЙ КЛИНОК»**
**(Россия. Подвиг. Победа)**

Федор Иванович Тютчев неслучайно отметил: «Истинный защитник России — это История, ею в течение столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания». Это понимание особенно важно — так же, как и осознание того, что сейчас судьба всего мира напрямую связана с Россией, и эту закономерность стереть или отменить невозможно.

<...>

Не мешало бы кое-кому вспомнить Историю Русских Побед.

РОССИЯ НЕСОКРУШИМА — ЭТО НУЖНО ПОНЯТЬ.

Ф. И. ТЮТЧЕВ: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом все сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвется когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал... Это весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь в будущее».

М. Д. СКОБЕЛЕВ (русский военачальник, генерал, освободитель Болгарии): «Запад ошибается насчет России. Он думает, что мы так ослаблены войной, что все наше могущество уже иссякло. Это ошибка. Нацию, состоящую из ста миллионов людей, способных жертвовать собой за идею, не так легко стереть... И тогда уж несдобровать любому чужеземцу».

Н. В. ГОГОЛЬ — «Избранные места из переписки с друзьями» (приводит сказанное А.С. Пушкиным при встрече с ним в 1836 г.): «А что такое Соединенные Штаты?.. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. (...) Да разве найдутся на свете такие огни, такие муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

«Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: “Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом”».

Л. Н. ТОЛСТОЙ: «Русский по духу человек — это не тот, кто имеет определенный цвет кожи, этнические корни или цвет волос. Русский человек — это тот, кто не будет спать спокойно, если знает, что где-то есть несправедливость. Русский — это тот, кто будет искать правду-истину до конца, в каждой конкретной ситуации. Русский — это тот, кто ПО СОВЕСТИ оценит все происходящее».

Ф. Ф. УШАКОВ (русский адмирал): «НЕ ОТЧАИВАЙТЕСЬ! СИИ ГРОЗНЫЕ БУРИ ОБРАТЯТСЯ К СЛАВЕ РОССИИ».

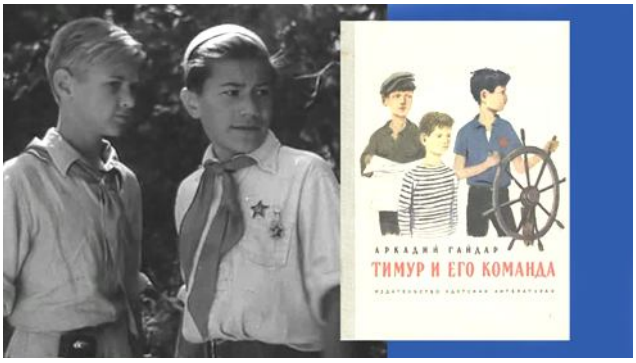
(Дано в сокращении)

***Наталия Миленченко***

* * *

## ЛИТЕРАТУРА И НЕМНОГО ИСТОРИИ

5 сентября 1940 года в «Пионерской правде» начали печатать повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда».




Неожиданно через несколько номеров публикацию прекратили. По всей видимости, кто-то из начальства не понял идеи тимуровского движения, приняв его за описание конспиративной организации. Вскоре, правда, недоразумение решилось и «Тимура и его команду» допечатали до конца.

Повесть «Тимур и его команда» вошла в литературу советского времени как одно из самых важных произведений, воспитывающих в детях добро и милосердие. Первоначальное название «Дункан и его команда» пришлось изменить, так как имя Вовки Дункана было похоже на название яхты «Дункан» писателя Жюля Верна. Книгоиздатели попросили писателя поменять название, тогда Гайдар дал главному герою имя своего сына.

Автор говорил, что сюжет повести ему подсказали сами дети. Причем, сначала появился написанный им киносценарий, и только потом произведение. Позже Гайдар написал продолжение повести — «Комендант снежной крепости» и «Клятва Тимура».

Гайдар хотел показать читателям, как ведут себя мальчишки в необычных или трудных жизненных обстоятельствах. В основу он взял не выдуманную историю, а свою собственную. Когда-то в детстве Аркадий, так же как и Тимур, создал отряд из друзей. Автор, будучи подростком, старался оказать помощь всем, кто в ней нуждался. Теперь, став взрослым, он мечтал о том, что тысячи девчонок и мальчишек последуют примеру Тимура.

Главный герой повести воплотил в себе лучшие черты советских пионеров. В нем сочетаются простота и героизм, милосердие и забота о людях.

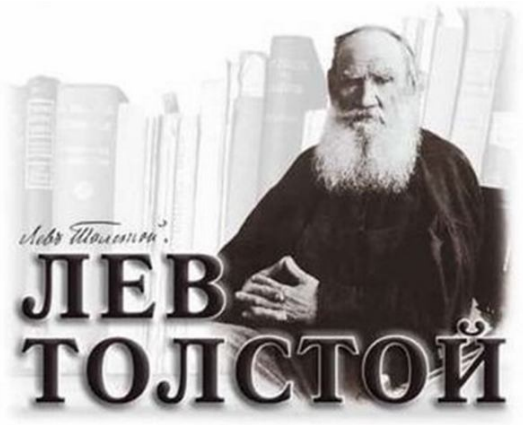
Действие повести происходит на подмосковных дачах. Сестры Оля и Женя, дочери красного командира, приезжают туда, и вскоре Женька обнаруживает в своем сарае секретный штаб. Оказавшись в таинственной организации, которой руководит Тимур, девочка полностью погружается в мир приключений и помощи другим людям.

Многие взрослые не знали, чем занимаются мальчишки и девчонки, незаслуженно обвиняли их в хулиганстве. А подростки безвозмездно помогали людям: складывали дрова, носили воду, помогали нянчиться с ребенком. Тимуровцы не ждали славы и признаний, они просто хотели помочь, считая это своим долгом.

После того, как книга вышла в печати, в стране зародилось движение молодых людей, которые стали подражать тимуровцам. Они также помогали тем, кому помощь была необходима. Ни одно произведение советских писателей не получало так быстро столько поклонников среди подростков.

* * *

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ НЕ ПОЛУЧИЛ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ПО ЛИТЕРАТУРЕ!..**




Да-да, именно этим памятен тот день. Хотя Российская академия наук выдвинула Льва Николаевича на получение премии, но... 8 октября 1906 года он направил письмо финскому писателю Арвиду Ярнефельту, в котором просил его через шведских коллег «...постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии», ибо, «если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться». Поручение было исполнено, и премию присудили не великому Толстому, а поэту Дж. Кардуччи, имя которого помнят преимущественно итальянские литературоведы. Лев Николаевич был доволен: «...во-первых, это избавило меня от большого затруднения — распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; во-вторых, это доставило мне честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и не знакомых мне, но все же мною глубоко уважаемых».

...Наверное, большинству современников сложно понять поступок гения, но на то он и гений, чтобы мыслить парадоксально, а главное — точно уж не категориями нашего прагматичного времени. К слову, многое объясняет в поступке Льва Толстого и его высказывание: «Человек есть дробь, в числителе которой его достоинства, а в знаменателе — его мнение о себе...»

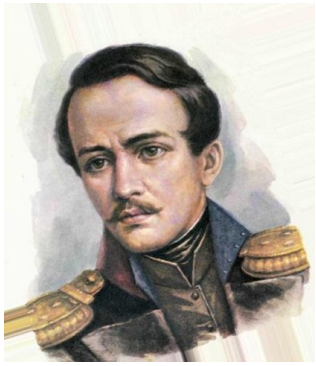
* * *

**Это Елена Чесакова, героическая одесситка**, которая на день рождения Путина водрузила российский флаг на постамент демонтированного памятника Екатерине. Она не дрогнула на допросе, открыто заявив о поддержке России. Ее убили в СИЗО Одессы.

Запомните это имя: Елена Чесакова. Она — герой. Вечная память.

* * *

**210 лет со дня рождения ЛЕРМОНТОВА**



Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ (1814—1841 гг.) — «мятежный русский парус», поэт-совесть, поэт-душа. Друзья любили его за глубину и ясность мыслей, чуткость и пламенность сердца, беспримерную храбрость. От недругов и завистников на него обрушивались ужасные гонения, унижения и насмешки.

От рождения до смертельной дуэли — чуть более 26-ти лет... Но каких лет! Навсегда вписанных в неисчезающую летопись Русского слова.

**НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ**

Поздравляем юбиляра, российского поэта, члена редколлегии нашего журнала **Валерия Савостьянова** с награждением высшей наградой СПР — Почетным знаком Союза писателей России. Поздравляем, дорогой Валерий Николаевич, и желаем дальнейших творческих достижений!

***Редакция «Приокских зорь»***

Костромская областная писательская организация
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
при поддержке Департамента культуры
Костромской области
IV Международный литературный конкурс
имени А.Н. Плещеева
ДИПЛОМ
II степени
награждается
Николай Макаров
г.Тула
в номинации «ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»
Председатель Костромской
Областной писательской организации
Н.Е. Мусинова
2024 г.

Поздравляем тульского писателя, члена редколлегии нашего журнала **Николая Макарова** с награждением дипломом IV Международного литературного конкурса им. А. Н. Плещеева в номинации «Произведения для детей»! Желаем Николаю Алексеевичу новых успехов!

***Редакция «Приокских зорь»***

ЛЮБОВЬЮ И ЕДИНЕНИЕМ СПАСЕМСЯ
XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ
ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ
МОСКВА 2024
ДИПЛОМ
НАГРАЖДАЕТСЯ
Анатолий Труба,
Николай Макаров
(МОСКВА РОССИЯ)
за книгу
Лауреаты литературных премий
Российской империи и СССР»
Президент МСЛФ «Золотой Витязь»
Народный артист России
Н.П.БУРЛЯЕВ

Поздравляем секретаря Союза писателей России, главного редактора журнала «Александръ» (Москва) **Анатолия Трубу** и писателя, члена редколлегии журнала «Приокские зори» (Тула) **Николая Макарова** с награждением дипломом Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Москва, 2024 г.) за книгу «Лауреаты литературных премий Российской империи и СССР». Желаем авторам дальнейшего совместного творчества!

***Редакция «Приокских зорь»***

Поздравляем **Евгения Трещева**, писателя, краеведа, редактора литературно-краеведческого альманаха «Дым Отечества» (Щекино) с присвоением ему Союзом писателей России звания лауреата Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова. Желаем лауреату новых достижений в творчестве, краеведческой и просветительской деятельности!

Награду вручает главный редактор «Приокских зорь» А. А. Яшин

***Редакция журнала «Приокские зори»***

Поздравляем **Олега Пантюхина**, поэта, директора Издательства Тульского госуниверситета, члена редколлегии журнала с награждением Союзом писателей России медалью В. М. Шукшина. Желаем награжденному и далее активной творческой деятельности!

Награду вручает главный редактор «Приокских зорь» А. А. Яшин

***Редакция журнала «Приокские зори»***

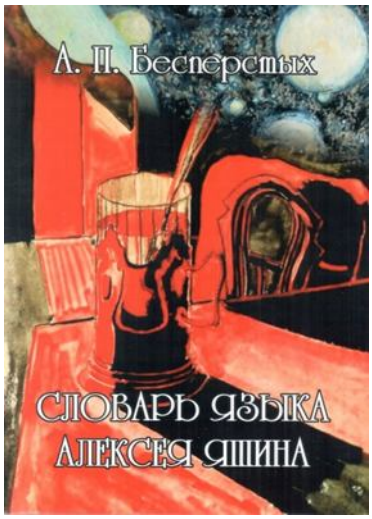
## НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

### В ЧЕМ ОНИ — ОБРАЗНЫЕ МИРЫ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА?

В конце июня в санкт-петербургском издательстве «Центр современной литературы и книги на Васильевском» вышел «Словарь языка лексики Алексея Яшина». На 246 страницах книги собрано свыше трех тысяч словарных статей и словоупотреблений, в которых указывается частота употребления каждого слова.

Во вступительной статье к словарю почетный председатель, заместитель председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» написал о Алексее Афанасьевиче буквально следующее: «Будучи технарем, ученым-биофизиком, профессо-

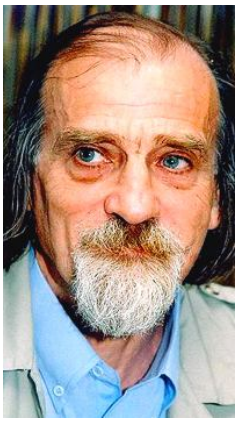
ром Медицинского института Тульского госуниверситета, основателем тульской научной школы «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», автором многочисленных научных трудов по ноосфере, биосистемам, он отлично вписался в творческую среду. Более того, стал автором свыше двух десятков произведений, относимых к так называемой «большой прозе». Безусловно, этого невозможно было бы достичь, не имей писатель за плечами кроме технического еще и гуманитарное образование. Кроме окончания Тульского политеха, учебы на мехмате Ленинградского госуниверситета, Яшин осваивал премудрости писательского мастерства в стенах Литературного института имени А. М. Горького (вот уж где поразительное совпадение с цитатой мастера вначале).




Один только беглый взгляд на творчество Алексея Яшина показывает, что он человек, виртуозно владеющий художественным образом, не стесняющийся экспериментировать с ним, применять окказионализмы, щедро насыщать свои тексты разного рода эпитетами, образными выражениями... Вдобавок ко всему, что, безусловно, располагает к незашоренному мышлению, Алексей Афанасьевич также долгие годы трудится главным редактором литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Изучая эпитеты, собранные в словаре, созданном трудами новополоцкого филолога-лексикографа Анатолия Павловича Бесперстых, читатель не может не оценить пытливого ума, широты мышления и глубины восприятия окружающей действительности Алексеем Яшиным. Не случайно писатель стал обладателем множества литературных премий, одна из которых — международная литературная премия имени Симеона Полоцкого, учрежденная Белорусским литературным союзом «Полоцкая ветвь», членом которого А. Яшин является уже долгие годы.

Надо отметить, что составителем словаря также является член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». И он тоже — лауреат международной литературной премии имени Симеона Полоцкого. Вот уж поистине — неисповедимы пути Господни! Пожелаем читателю интересов в данном словаре, а его создателю и «главному герою» — новых творческих произведений, успехов на литературном поприще!

* * *

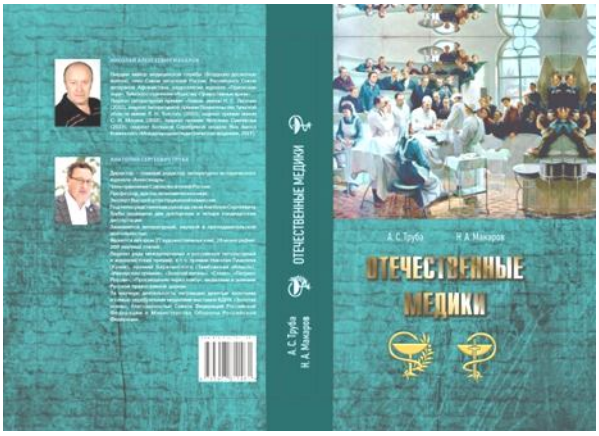


**Шорт-лист международной премии имени Фазиля Искандера**

Документально-художественная повесть Ефима Гаммера в очерках и рассказах временных лет — 1945–2045 — о победе над нацистской Германией, о вкладе в эту победу представителей разных национальностей и о восприятии этой победы в прошлом, настоящем и будущем «ОТВАЖНОЕ ЭХО ДАВНЕЙ ПОБЕДЫ», опубликованная в журнале «Наша улица», № 282 (5), май 2023 г. в Москве, вошла в шорт-лист международной премии имени Фазиля Искандера.

* * *

**В свет вышла новая книга: «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕДИКИ»**
**(Авторы: А. Труба, Н. Макаров)**




Слово «медик» происходит от латинского слова «medicus», что означает «лекарь» или «целитель». Именно по этой причине, а не фамильярно называется новая книга «Отечественные медики».

Авторы: Анатолий Труба (член Правления Союза писателей России) и Николай Макаров (член Союза писателей России).

Книга состоит из двух разделов:

Первый раздел — биографии выдающихся медицинских работников: депутатов Государственной Думы (1906—1917), членов ЦК КП(б) / ВКП(б) / КПСС, Народных врачей СССР, похороненных на Красной площади в Москве, имена медиков на карте мира; приложения: книги о медиках в серии «ЖЗЛ» Павленкова и в серии «ЖЗЛ» (1936—2021);

Второй раздел — биографии военных медицинских работников: руководителей военной медициной ВС СССР, руководителей ВМА имени С. М. Кирова, Героев Социалистического Труда — участников Великой Отечественной войны, кавалеров полководческих орденов, генерал-полковников медицинской службы.

Издание содержит данные о жизни, а также сведения об истории награждения медицинских работников.

Издание иллюстрировано фотографиями из архивов награжденных. Книга А.С. Трубы и Н.А. Макарова предназначена для широкого круга читателей.

***Александр Сергеев***

## НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

**КРАСНАЯ ЗВЕЗДА**
**107 лет жизни, 12 войн: невероятная биография Василия Кочеткова**

100 лет службы: невероятная история суперсолдата, реального супергероя царской России — Василия Кочеткова. Пережил 3 императоров, 12 войн и... собственную смерть. Простой солдат стал легендой и отказался от офицерских погон, в 92 года он все еще рвался в бой!

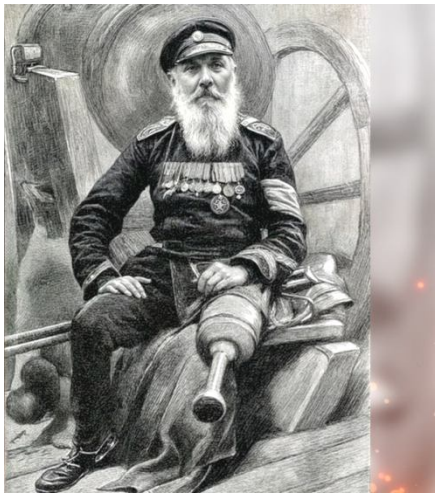
Есть люди, чьи судьбы настолько удивительны, что кажутся вымыслом. Именно такой была жизнь Василия Николаевича Кочеткова (1785—1892) — легендарного «солдата трех императоров», посвятившего военной службе ровно век своей долгой 107-летней жизни. Мундир Кочеткова был настоящим произведением искусства и своеобразной летописью русской военной истории. На его погонах переплетались вензеля трех

российских императоров, которым он верно служил. Парадный мундир украшали восемь рядов золотых и серебряных нашивок за выслугу и боевые отличия, а на груди героя сверкали 23 креста и медали — молчаливые свидетели его ратных подвигов.

Появившийся на свет в 1785 году в Симбирской губернии в семье кантониста, Василий с рождения был записан в военное ведомство. Его путь воина начался 7 марта 1811 года с должности военного музыканта. Судьба словно готовила его к великим испытаниям — через год грянула Отечественная война 1812 года, где молодой Кочетков получил первое боевое крещение. Военная карьера Кочеткова напоминала захватывающий роман. После победы над Наполеоном он, уже в составе лейб-гвардии Павловского полка, сражался с турками в войне 1828—1829 годов. Его талант и опыт были настолько ценны, что его перевели в элитный лейб-гвардии конно-пионерный дивизион. К 1836 году, когда еще был жив Пушкин, Василий Николаевич уже отслужил положенные 25 лет. Но для настоящего воина это было только начало.

Молодой Василий Николаевич Кочетков в 1843 год открыл новую героическую страницу в жизни 58-летнего солдата. Кавказ встретил его неприветливо, но именно здесь его опыт оказался бесценным. В прославленном Нижегородском драгунском полку он обучал молодых солдат сложному искусству наведения понтонных мостов через бурные горные реки. Война не щадила даже бывалых воинов — три тяжелых ранения (две ноги и шея навылет) едва не оборвали жизнь героя. Попав в плен, он проявил невероятную силу духа — несмотря на раны, сумел совершить дерзкий побег.

В 64 года случилось невероятное — простой солдат, сдав экзамен, получил офицерский чин! Но Кочетков, верный своим принципам, отказался от офицерских эполет — солдатские погоны были ему дороже. Через два года, в возрасте 66 лет, после 40 лет безупречной службы, он вышел в отставку. Казалось бы, пора на покой...



Но грянула Крымская война 1853 года. Старый воин не мог остаться в стороне. В рядах Казанского егерского полка он оказался в самом пекле — на знаменитом Корниловском бастионе во время обороны Севастополя. Даже тяжелое ранение от разорвавшейся бомбы не сломило его боевой дух. Удивительно, но в свои 78 лет Кочетков вновь просится на службу! По личному разрешению императора он становится фейерверкером первого класса в Туркестанской конно-артиллерийской бригаде. Двенадцать лет в песках Средней Азии, и вот в 1874 году — новое назначение: конвой императорского поезда.

Но судьба готовила новые испытания. В 1876 году, когда Сербия и Черногория восстали против турецкого ига, 92-летний (!) Кочетков вновь рвется в бой. Среди пяти тысяч русских добровольцев он был самым опытным и, пожалуй, самым бесстрашным бойцом, личным примером вдохновляя молодых воинов.

Кульминацией его военной карьеры стала русско-турецкая война 1877—1878 годов. В 93 года он сражался на легендарной Шипке в составе 19-й конно-артиллерийской бригады. Здесь судьба нанесла жестокий удар — взрывом бомбы Кочетков лишился левой ноги. Но даже это не сломило железного старика! Он выжил и продолжил служить в лейб-гвардии конно-артиллерийской бригаде.

31 мая 1892 года в Выборге завершился земной путь этого удивительного человека. За 11 дней до смерти художник П. Ф. Борель успел запечатлеть образ легендарного воина. На гравюре мы видим спокойное, полное достоинства лицо человека, прожив-

шего невероятную жизнь. В мундире с восемью золотыми и серебряными нашивками за отличия, с самокруткой между пальцев, он словно олицетворял собой все рода войск российской армии — пехоту, кавалерию, артиллерию и инженерные войска.

Василий Николаевич Кочетков стал живой легендой русской армии, примером беззаветного служения Отечеству и символом несгибаемого русского духа. Его история — это не просто биография военного, это летопись целой эпохи, запечатленная в судьбе одного человека.

* * *

**АКЦИЯ — СРАЖАЮЩЕЕСЯ СЛОВО**
**(Владимир Алешин, г. Тула)**

**На странице сражающееся слово участника СВО поэта Дмитрия Филиппова (позывной «Вожак»)**

**Русская география**

В блиндаже очень пыльно, много мышей, накурено.
Генератор кряхтит последними оборотами.
Мы контролим дорогу в Селидово из Цукурино.
Поднимаем птицу, наводим арту — работаем.

А грунтовки в полях ржавеют сожженной техникой,
А поля засеяны минами и снарядами.
Мы вчера у врага отбили Желанное Первое,—
Это значит, еще на шаг подошли к Курахово.

Вот из Карловки с ревом, сшибая ветки акации,
Беременная парнями из Тулы и Грозного,
Несется «буханка». Везет бойцов на ротацию.
Надеется только на РЭБ и на волю Господа.

Где-то в Москве отдыхают, играют в мафию,
Девчонки в клубе вертят красивыми шеями...
А мы изучаем русскую географию
В посадках и лесополках, изрытых траншеями.

И нам бы хотелось к родному порогу — коленями;
Любимых женщин нежно назвать по имени.
Но мы наступаем в западном направлении,
Потому что нас ждут:
В Одессе,
Херсоне,
Киеве.

## ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

*Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:*

*1) поля файла обычные;*

*2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;*

*3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);*

*4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.*

*5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;*

*6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;*

*7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.*

*Требования к фотографии:*

*1. Фотография должна быть портретной.*

*2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.*

*3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.*

## ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

*Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:*

*1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);*

*2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);*

*3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);*

*4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;*

*5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.*

*Требования к фотографии:*

*1. Фотография должна быть портретной.*

*2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.*

*3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.*

***По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru***

***С уважением,***
***редакция журнала «Приокские зори»***

# ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

***Всероссийский***
***литературно-художественный***
***и публицистический журнал***

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

**16+**

***В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.***

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2024
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

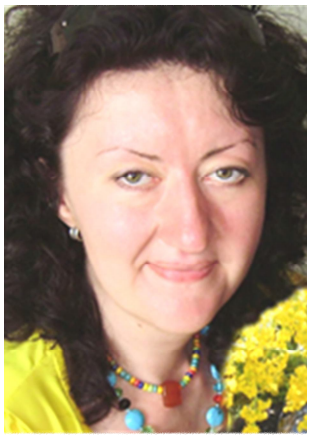
Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ПОЗДРАВЛЯЕМ СОТРУДНИКОВ И АКТИВНЫХ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», УДОСТОЕННЫХ НАГРАД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В 2024 ГОДУ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЮ РУКОВОДСТВА ЖУРНАЛА**

***По представлению руководства журнала «Приокские зори» и ходатайству Всероссийского литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник» Евгений Иванович Трещев удостоен Союзом писателей России звания лауреата Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова за активную творческую, историко-краеведческую и просветительскую деятельность, редактирование литературно-краеведческого альманаха «Дым Отечества. В поисках утраченного» и сотрудничество с журналом «Приокские зори». Евгений Иванович является лауреатом Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, учрежденной «Приокскими зорями». Живет в городе Щекине.***

***По представлению руководства журнала «Приокские зори» и ходатайству Всероссийского литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник» Олег Викторович Пантюхин награжден Золотой медалью В. М. Шукшина Союза писателей России за активную творческую деятельность лирического поэта и непосредственное участие в издании журнала «Приокские зори». Является членом редколлегии журнала. Работает в Тульском госуниверситете, доктор технических наук, в должности профессора, директор Издательства ТулГУ. Живет в городе Щекине.***

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2024 ГОД**



***Олеся Янгол (Чмыр Олеся Владимировна) в номинации художественной прозы. Удостоена звания лауреата за публикацию в №№ 1—4, 2024 «ПЗ» романа «Архитектура рая», за активное сотрудничество с журналом и участие во всероссийском литературном процессе. Лауреат — коренная тулячка. Училась в художественной школе им. В. Д. Поленова. Как художник работает в жанре станковой живописи. Член редакции «Приокских зорь», принимает активное участие в художественном оформлении журнала и книг из серии «Библиотека журнала "Приокские зори"». Публикуется в отечественных и зарубежных литературных журналах, в коллективных сборниках. С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Виталием Ковалевым. Их совместные книги вышли в издательстве ZA-ZA Publishing (Дюссельдорф, Германия).***

***Александр Николаевич Ковалев в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 3, 2024 «ПЗ» подборки стихотворений. Его стихи гражданской лирики написаны сердцем, несут искреннюю любовь к Отечеству, своему краю — малой родине. Родился в 1953 году на Кубани, в станице Мингрельской. С 1957 года живет в Геленджике. Служил в Советской Армии в пограничных войсках. Далее работал в органах МВД. Педагогической деятельности отдал почти полвека (тренер и дополнительное воспитание). Песенно-поэтическим творчеством начал заниматься в зрелом возрасте. В Санкт-Петербурге в издательстве «День» вышли две его поэтические книги.***

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии**